53166
kl x

№ 1656
1985

Походъ Корнилова.

Съ рисунками, планами боевъ и картою похода.

А. Суворинъ—
Алексѣй Порошинъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ“
СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ „НОВ. ВРЕМЕНИ“
РОСТОВЪ НА ДОНУ, Б.-САДОВАЯ, 106.

Эта книга о великой любви къ родинѣ и о русской доблести, о великихъ ея усиліяхъ и великихъ ея страданіяхъ, разочарованіяхъ и новыхъ усиліяхъ и новыхъ жертвахъ, которыми, наконецъ, куплено было нынѣшнее возвращеніе Россіи и всѣхъ насъ къ нормальной жизни.

О драконѣ и звѣрѣ.

Откровеніе Іоанна Богослова. Глава VIII.

1. И сталъ я на пескѣ морскомъ и увидѣлъ выходящаго изъ моря звѣря съ семью головами и десятью рогами.

2. ...И далъ ему драконъ силу свою и престолъ свой, и великую власть.

3. И видѣлъ я, что одна изъ головъ его какъ бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцѣлѣла. И дивилась вся земля...

4. И поклонились звѣрю, говоря, кто подобенъ звѣрю сему? и кто можетъ сразиться съ нимъ?

5. И даны были ему уста, говорящія гордо и богохульно, и дана ему власть дѣйствовать сорокъ два мѣсяца...

7. И дано было ему вести войну со святыми и побѣдить ихъ...

9. Кто имѣетъ ухо, да слышитъ!

10. Кто ведетъ въ плѣнъ, тотъ самъ пойдетъ въ плѣнъ, кто мечемъ убиваетъ, тому самому надлежитъ быть убитому мечемъ... Здѣсь терпѣніе и вѣра святыхъ.

18. ...Кто имѣетъ умъ, тотъ сочти число звѣря, ибо то число человѣческое. Число его--шестьсотъ шестьдесятъ шесть.

ОДНО ИЗЪ ТОЛКОВАНІЙ. Драконъ - міровой духъ насильственной перемѣны. Его орудіе—звѣрь, Вильгельмъ II. Нежданное исцѣленіе смертельной раны звѣря—внезапное разложеніе русскаго фронта, истинно „удивившее всю землю" Вильгельмъ II родился 15 (27) января 1859 г. и во дни 14—18 іюля 1914 г., когда рѣшалась Великая война, ему исполнилось ровно 55 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ, что мѣсяцевъ составитъ—666. Отъ этихъ дней начала войны до 18 января 1918 г., когда Москвѣ стало извѣстно воззваніе патріарха Тихона, объявившее большевизмъ и нѣмцевъ врагами православной вѣры и покончившее колебанія вѣрующей Россіи и власть надъ нею „навожденія" бѣсовъ большевизма—прошло 42 мѣсяца.

Да воскреснетъ Русь и—расточатся враги ея!

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всю описываемую мною часть похода Добровольческой арміи на Кубань я былъ его участникомъ.

Разсказываемые мною въ этой книгѣ факты я или самъ видѣлъ или, вводя ихъ въ свой разсказъ, провѣрилъ ихъ многократно у очевидцевъ. Но, конечно, и въ нихъ возможны неточности, ошибки и главное—неполноты. Прошу всѣхъ участниковъ похода помочь мнѣ въ исправленіи этихъ недостатковъ изложенія, ибо личныхъ цѣлей въ изданіи этой книги я не имѣю, но желалъ бы ею лишь послужить тому, чтобы великія жертвы и усилія доблестной арміи и ея великаго духомъ и сердцемъ вождя могли принести полноту наученія русскому народу въ дѣлѣ сложенія Новой Россіи.

-33.166

Я прошу всѣхъ присылать мнѣ поправки, возраженія, дополненія, новыя подробности событій, характеристики и факты дѣятельности ея участниковъ, пропущенные въ моемъ разсказѣ, данныя о талантливыхъ и доблестныхъ ея людяхъ, такихъ видныхъ, какъ ген. С. Л. Марковъ, и совсѣмъ оставшихся для массы въ тѣни. Прошу присылать мнѣ факты доблести отдѣльныхъ бойцовъ арміи и ея частей, планы боевъ, снимки и рисунки по мѣстамъ событій и по людямъ похода, стихи, мѣткія и характерныя выраженія—словомъ все достойное войти въ полную характеристику этой исключительной арміи и неповторимаго похода.

Все это будетъ мною внесено въ слѣдующее изданіе книги.

Присылать прошу по адресу:—Ростовъ на Дону, Книжный Магазинъ „Нового Времени“ Алексѣю Алексѣевичу Суворину.

Все присланное будетъ бережно сохранено и возвращено по первому требованію. Имя авторовъ останется тайной для всѣхъ, если они того пожелаютъ.

EGLISE ORTHODOXE RUSSE

Долженъ и во второмъ изданіи извиниться за внѣшность книги и цѣну ея—хотя объемъ ея и увеличился на двѣ трети противъ перваго. Но что подѣлаешь!.. Обстоятельства все прежнія по части товаровъ и цѣнъ на нихъ, и даже хуже: типографіи набавили еще 25% на работы, а бумага, худшая, чѣмъ прежде, стоитъ на 30% дороже, чѣмъ прежняя, лучшая! Цинкъ для клише надо искать днемъ съ фонаремъ, какъ иголку. За наборъ листа, стоившій до войны обыкновенно около 18—20 р., теперь платится уже около 300 р. За сажу прямо изъ трубы, именуемую нынѣ „типографской краской“ взимается—и то, когда успѣете найти!—1000 (тысяча!!) и болѣе рублей за пудъ вмѣсто прежнихъ 15-20 руб.!

Что могутъ сдѣлать авторы и издатели?

Алексѣй Суворинъ.

Декабрь 1918 г.

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Русской Православной Церкви
«Воскресенія Христова» въ Марсели.
№ 1985
ОБРАЩАЙТЕСЬ БЕРЕЖНО СЪ КНИГОЙ

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ

Это—книга о русской доблести, объ ея, усиліяхъ и страданіяхъ ради спасенія Россіи и самаго имени народнаго...

Къ первому изданію этой книги я написалъ короткое предисловіе, но я зналъ, что ко второму мнѣ придется написать большое, ибо у насъ, въ нашей Россіи,— я долженъ буду защищать свое право правдиво говорить о походѣ Корнилова и свободно дѣлать изъ него выводы, важные и нужные для русскихъ людей и русскаго народа, какъ я понимаю ихъ благо.

Какъ примутъ книгу — впередъ было ясно:

— Какъ онъ смѣлъ?!—воскликнутъ люди, привыкшіе къ человѣкоугодничеству, а такихъ—сознательныхъ и безсознательныхъ—превеликое множество у насъ!

— Да онъ оскорбляетъ Добровольческую армію!—ловко поддакнутъ тѣ, кто почувствуетъ что царству ихъ приходитъ конецъ:—„халатъ“ пора снимать, иначе... вотъ уже раздаются непріятныя слова: „Безъ конца однако не можетъ-же это продолжаться!“

— Это книга вредная!—крикнутъ смѣло за ними простяки, попавшіе на ихъ удочку, и вообразившіе, что передъ ними вѣрный случай понозировать передъ всѣми своей внезапной любовью къ Добровольческой арміи и смѣлымъ летомъ мысли...

— Эта книга мерзкая!—скажутъ на своемъ миломъ языкѣ иныя дамочки въ гостинныхъ, прочитавъ о безпризорныхъ страданіяхъ раненыхъ и по разлатанности душевной испугавшись, что послѣ „разглашенія“ этого общество и вовсе отвернется отъ Добровольческой арміи, а значитъ и отъ страданій ея раненыхъ! Душевнаго мужества и дѣйствительной силы русскаго общества эти нѣжныя людскія существа, живущія комнатной затхлой жизнью, вовсе и не чувствуютъ!!

— Книга нападаетъ на людей, которые всетаки отказались отъ всего и пошли съ Корниловымъ!—скажутъ иные, забывая совсѣмъ, что вѣдь и эти самые люди своими ошибками и неспособностью жесточайше нападали и нападаютъ на людей, бойцевъ арміи, тоже пошедшихъ съ Корниловымъ, да не въ тылу арміи, а въ боевой линіи ея, и губятъ среди нихъ лишнія жертвы.

— Книга подрываетъ авторитетъ начальниковъ!—заикнутся Скалозубы. Довольно, довольно! Не на мелочь нападаетъ книга, а на начальниковъ цѣлыхъ частей, а крупныя ошибки людей такого положенія—огромны по послѣдствіямъ... Неужто и о нихъ молчать?!

— Книга несвоевременная!—заключатъ наиболѣе испытанные въ бояхъ съ печатью, знающіе, что лучшее средство противъ колкой правды—не бороться съ нею, а убѣдить кого надо, что она пусть и вѣрна, и честна, но... несвоевременна!! Человѣкъ сдѣлалъ ошибку, умнымъ людямъ надо ее исправить!.. Ну, конечно!!

Само собою—я не ошибся! Мало еще Россія пострадала при старомъ режимѣ за прижимъ правды, за прижимъ печати, за глупую ненависть къ „писакамъ, бумаго-

маракамъ, печадіямъ чернильнаго ада"! Великая война, нынѣ оканчивающаяся, началась для печати тѣмъ, что вел. кн. Николай Николаевичъ закрылъ армію для нея просто и прямо: корреспондентовъ не допустили въ армію вел. кн. Николая Николаевича! На это онъ имѣлъ легкую силу, но онъ оказался горестно безсиленъ запретить въ арміи и около себя... злоупотребленія, и о томъ, что у десятимилліонной арміи нѣтъ снарядовъ и оружія, Россія узнала вдругъ—какъ о сюрпризѣ!

Но все-таки узнала!.. И поплатилась самой кровавой революціей—направленіемъ всѣми ожидавшагося и благодѣтельнаго переворота на самое кровавое русло... Истощенная въ чрезмѣрно тяжкихъ и долгихъ усиліяхъ поправить ошибку, Россія отомстила, съ судоргами послѣднихъ усилій выкинувъ изъ себя на свѣтъ Божій и злобу послѣднюю:—„На получи—большевизмъ!"..

Поблагодаримъ великаго князя! А я зналъ, видѣлъ своими глазами, какъ серьезно тогда собиралась печать исполнить свою задачу и послужить добросовѣстной правдой своему народу въ это трудное время, но передъ нею хлопнули дверью и показали кулакъ: „Вы намъ не нужны!"

— Но... арміи, странѣ, народу-то газеты и печать, помощь ея, нужны, ваше высочество! Вы—не одни въ арміи и Россіи!!

Не прошло года—великій князь готовилъ бѣгство свое и своего штаба—въ Калугу. Алексѣевъ настоялъ остановиться въ Могилевѣ и, отдавъ въ работѣ за короткіе полгода десять лѣтъ своей жизни, сдѣлалъ это возможнымъ... Работалъ онъ, а не великій князь!

Теперь явилась первая книга о походѣ Корнилова.

— Ея намъ не надо!—это тоже слышится кругомъ...

И на это легкомысліе,—единственно на него!—неумные люди смѣло разсчитываютъ свои дѣйствія, усиливаясь по прежнимъ рецептамъ упрятать опасную имъ книгу въ темь, въ подполье, подъ замокъ! Старая Россія еще тянется за нами своими неопрятными лохмотьями!

—

16 августа вышло въ Ростовѣ первое изданіе этой книги. На другой же день по книжнымъ магазинамъ города стали ходить люди, внушительно объясняя управляющимъ, что книга уже запрещена и что за продажу ея можно попасть подъ арестъ и даже разстрѣлъ — буквально „разстрѣлъ"! Говорили они это „довѣрительно", „конфиденціально" и, какъ нѣкое доказательство своей особой миссіи, показывали письмо, на конвертѣ котораго было написано: „Алексѣю Алексѣевичу Суворину отъ ген. М. В. Алексѣева". Эти люди были въ кн. маг. „Нов. Времени" и Сытина, въ типографіи Теръ-Абраміана и др. Письмо, которое при этомъ показывалось, было дѣйствительно ко мнѣ. Письмоносецъ долженъ былъ его передать мнѣ, но я былъ въ Екатеринодарѣ и онъ въ ожиданіи воспользовался имъ въ Ростовѣ, чтобы припугнуть людей—противъ меня же! Письмо это было потомъ имъ мнѣ доставлено: ни о какомъ запрещеніи книги въ немъ не было ни слова!

Черезъ день цензура задержала мою книгу... Тѣ, кто добивались этого, торжествовали... По канцеляріямъ было пущено, что ген. Алексѣевъ отказалъ мнѣ въ пріемѣ. Въ газетахъ явилась телеграмма изъ Екатеринодара, что мнѣ запрещенъ въѣздъ въ районъ расположенія Добровольческой арміи.

Я написалъ письмо ген. Алексѣеву и поѣхалъ къ ген. П. Н. Краснову, Донскому атаману.

Ген. Красновъ на моей запискѣ объ арестѣ книги написалъ: „Прочтя книгу, не нахожу основаній къ изъятію ея изъ обращенія въ Донской области" и тутъ-же со своимъ адъютантомъ послалъ въ штабъ. Книга была немедленно освобождена.

Ген. Алексѣевъ прислалъ мнѣ письмо на своемъ оффиціальномъ бланкѣ, за оффиціальнымъ номеромъ. Вотъ его начало:

Генералъ
АЛЕКСѢЕВЪ.

Добровольческ. армія.

27 августа 1918 г.
№ 268.
г. Екатеринодаръ.

Глубокоуважаемый
Алексѣй
Алексѣевичъ!

„Двадцать пятаго августа мое время было все расписано до вечера, чѣмъ вѣроятно объясняется, что безъ доклада мнѣ вами не было назначено въ этотъ день пріема. Буду ожидать васъ въ одинъ изъ ближайшихъ дней для переговоровъ, если въ этомъ встрѣчается надобность.

„Несходство нашихъ взглядовъ и убѣжденій никогда не позволитъ мнѣ измѣнить характеръ моихъ отношеній къ вамъ и степень моего уваженія и довѣрія, основанныхъ на жизненныхъ фактахъ. Со взглядами и убѣжденіями можно бороться только словомъ и доказательствами...

„Тѣмъ менѣе склоненъ я прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, которыя изложены въ вашей справкѣ *); о судьбѣ своего письма къ вамъ ничего не зналъ и не допускалъ мысли, что оно попадетъ въ чужія руки. Всю эту исторію я постараюсь выяснить и въ мѣрѣ возможности исправить".

На Дону—Донской атаманъ, въ Добровольческой арміи—верховный ея руководитель высказались рѣшительно за право и „нужность" печати!

Мыльный пузырь лопнулъ и—открылъ физіономію, за нимъ скрывавшіяся.

Простаки! Въ новой Россіи лѣзть на печать прежней „лапой" будочника!

Вѣдь должны же они были ожидать, что если бы запрещеніе книги продлилось, то общество тѣми или иными органами своими, конечно, сказало бы запретившимъ инстанціямъ:

— Почему вы отнимаете у насъ книгу, которую мы хотимъ читать?! По вашему она „не нужна", а по нашему она „нужна"! Что вы за опекуны наши такіе?! Когда мы васъ для этого выбирали?! Мы отдали въ Добровольческую армію своихъ сыновей, свои жертвы; о ней выходитъ книга и вы вырываете ее изъ нашихъ рукъ, не давая узнать, что же дѣлается въ этой арміи?

Но въ арміи этой—наши дѣти, наши близкіе! Если кто нибудь изъ вліятельныхъ въ арміи лицъ недоволенъ книгою, задѣтъ ею, то намъ-то какое дѣло до этого, и почему онъ не обращается къ суду противъ автора, если обида такъ сильна и неосновательна?! Но прежде всего не отнимайте, не вырывайте изъ нашихъ рукъ книгъ, которыя назначаются для насъ! На нихъ у насъ—наше право, право гражданъ новой Россіи, —нашей, а не только вашей Россіи!

И книгу пришлось бы выпустить—при всѣхъ обстоятельствахъ! Такъ зачѣмъ же и арестовывать ее?!

Но пусть даже общество осталось бы неподнятымъ—хотя я знаю: этого не было бы!—но и тогда, какъ можно вообще въ теперешней Россіи „прихлопнуть" книгу?! Это заблужденіе дряхлой — простите за комплиментъ! — совершенно песочной фантазіи! Увѣряю васъ въ томъ, господа Фамусовы нашихъ дней, вы, которые не перевелись у насъ еще донынѣ!!

Теперь кругомъ насъ новая Россія, совершенно обновленная духомъ, а и въ старой, при „сильномъ" Столыпинѣ, запрещалась „Русь",—я выпускалъ „Молву"; запрещали „Молву",—я выпускалъ „Двадцатый Вѣкъ"; закрывали „Вѣкъ" на вѣкъ — являлось „Око", затѣмъ опять... „Русь"!..

И гдѣ теперь Столыпинъ съ его „силой"?!

Въ новѣйшія времена, когда Керенскій сидѣлъ еще на престолѣ Зимняго Дворца прошлой осенью, я говорилъ ему открыто:

„Если въ итогѣ полугодичная всевластія и безвластія прис. пов. Керенскаго будетъ для Россіи бѣгство ея арміи съ

*) Чтобы облегчить ген. Алексѣеву провѣрку подробностей, я при своемъ письмѣ на отдѣльномъ листѣ фактически изложилъ усилія „прикрыть книгу", дѣлавшіяся нѣкоторыми.

фронта и открытіе ея границъ заготовленнымъ войскамъ врага—то это будетъ величайшее государственное преступленіе, которое только можетъ совершить въ военное время гражданинъ противъ своей родины и единогласной оцѣнкой его со стороны всякого суда будетъ конечно—смертная казнь этому опрометчивому присяжному повѣренному—онъ сдѣлалъ нелыханное дѣло: открылъ врагу ворота въ Россію!

„Сухомлинова послали на каторгу за меньшее. Мясоѣдова повѣсили за меньшее! Онъ предалъ флангъ одного изъ фронтовъ, а не всѣ фронты и весь тылъ разомъ". („Новая Русь" 13 окт. 1917 г.)

„Совѣтамъ" я говорилъ такъ же прямо, что они „людская дешевка, лѣзущая къ власти, которая перестала быть связанной съ отвѣтственностью" и убѣждалъ хорошихъ евреевъ ради своего же народа одернуть дурныхъ евреевъ, которые натискались въ совѣты и толкаютъ Россію къ гибели!

Конечно это было „дерзко", но это была правда и правда честная по отношенію къ народу!

Конечно и Керенскій и совѣты, грозный „Гоц-либер-данъ", „истребляли" газеты, въ которыхъ говорилась такая прямая правда, но прихлопывалась „Маленькая Газета"--я выпускалъ „Народную Газету"; закрывалась „Народная Газета"—выходила „Русь"; на первомъ же номерѣ гибла „Русь", вотъ вмѣсто нея „Новая Русь"!... И эта послѣдняя газета устаивается и видитъ, какъ Керенскаго и Гоц-либер-дана вышвыриваетъ Ванька Каинъ-Ленинъ. Кистенемъ своимъ Ванька Каинъ бьетъ и „Новую Русь",--я ѣду къ Корнилову и изъ его арміи вижу теперь, какъ она вышвыриваетъ Ваньку Каина въ хорошее мѣсто—въ тартарары!.. И довольно прочно!

А Деникинъ уже и прямо заявилъ, что Керенскій будетъ повѣшенъ за измѣну Родины, если окажется въ районѣ расположенія Добровольческой арміи!! А обѣщаніе Деникина теперь что нибудь значитъ!

Видите, какъ точно моя правда побѣдила

Только прямую правду и стоитъ писать на газетной бумагѣ, увѣряю васъ—правду, нужную для народа. Съ нею пораженіе не грозитъ!

Конечно, если бы мнѣ запретили выпустить мою книгу о Корниловѣ въ Ростовѣ, я бы напечаталъ ее въ Кіевѣ. Нельзя въ Кіевѣ,—послалъ бы въ Оренбургъ. Нельзя въ Оренбургѣ,—послалъ бы ее въ Уфу и дальше въ Омскъ, въ Иркутскъ и, кромѣ того, у меня есть уже предложенія издать ее на англійскомъ и французскомъ языкахъ и черезъ Парижъ и Лондонъ, въ переводахъ на всѣхъ языкахъ ее сами читатели разнесли бы по всему міру. Кому, въ самомъ дѣлѣ, не интересно—о Корниловѣ и его легендарномъ походѣ, объ его „трехъ тысячахъ", спасшихъ имя и честь двухсотъ-милліоннаго народа героизмомъ неповторимой доблести!!

И отовсюду,

отовсюду,

отовсюду

— изъ Кіева, Омска, Лондона, книга пришла бы въ Ростовъ, въ Ростовъ, въ Ростовъ и въ Добровольческую армію, имѣя въ своей „запрещенности" лишь добавочный интересъ къ себѣ и авторитетъ.

И затѣмъ бы еще, конечно, я привязекъ бы къ суду тѣхъ господъ, которые ходили по книжнымъ магазинамъ и пугали людей „разстрѣломъ" за продажу моей книги, и добился бы отъ нихъ точнаго показанія, какъ именно попало къ нимъ въ руки письмо ко мнѣ ген. Алексѣева (съ вложеннымъ въ него письмомъ „третьяго лица" къ генералу о моей книгѣ, тогда еще не вышедшей),—и кто такъ перевралъ имъ содержаніе этого письма ген. Алексѣева?!

Вѣдь все это было бы! И люди все это сами на себя накликали! Какъ мало думаютъ они, эти люди!

Указываемые мною въ книгѣ „вредители" дѣла Корнилова и Добровольческой арміи стараются убѣдить кого могутъ, что

мое повѣствованіе о нихъ бросаетъ тѣнь на самую армію.

Нисколько! Она безупречна, эта община героически борющихся за свою великую Родину бойцовъ! Но въ условіяхъ ея жизни и дѣйствій есть такіе острые, хватающіе ея живое тѣло зацѣпы и проволочныя загражденія, къ которымъ я дѣйствительно прямо, открыто и отвѣтственно протягиваю руку, чтобы ихъ устранить. И считаю это дѣломъ совѣсти и личной чести не только для себя, но и для каждаго русскаго человѣка!

Не такъ ли?

Конечно „вредители“ эти могли бы быть устранены и ранѣе. Но командный составъ арміи развѣ не смотря на эти путы и проволоки въ ея тылу не даетъ все-же побѣдъ и побѣдъ?! У него свои могутъ быть причины и затрудненія, но въ страшно трудныхъ условіяхъ, въ которыхъ Добровольческая армія съумѣла настоять на побѣдѣ, онъ оказался на мѣстѣ и ведетъ дѣло доблестно дальше, держа ея знамя высоко!

Пусть каждый исполняетъ свой долгъ.

Я исполняю свой—журналиста!

Моя книга—книга о великой доблести Добровольческой арміи, объ ея дѣлѣ и превратностяхъ, сквозь которыя она побѣдно прорвалась и внесла опять въ широкій міръ знамя великой единой и недѣлимой Россіи!

Конечно, я желалъ бы, чтобы все не только въ самой Добровольческой арміи, но и въ ея тылахъ было такъ же превосходно, какъ блескъ ея доблести и ея побѣдъ.

Но... когда это не такъ!! И не потому, чтобы это было невозможнымъ.

Я очень понимаю человѣческую „невозможность“ и умѣю съ нею считаться. Во время похода при всей неустроенности положенія раненыхъ я ни разу не былъ ни у Корнилова, ни у Алексѣева, хотя могъ видѣть ихъ всегда, когда хотѣлъ—чтобы разсказать имъ о порядкахъ лазарета. И это при томъ, что многое важнѣйшее по моему убѣжденію можно было исправить еще тогда же во время похода но „невозможность“ была для самого Корнилова и Алексѣева—„невозможность“ дать арміи заботъ больше, чѣмъ они уже давали. И—я молчалъ, обходясь чѣмъ могъ безъ нихъ!

Но теперь положеніе совсѣмъ иное: у арміи есть прочный „тылъ“ и свободная возможность всякаго снабженія. И все-таки!.. Я знаю точно при этомъ, что и во время похода и послѣ него ген. Алексѣевъ щедро давалъ средства для улучшенія лазаретовъ, но средства тратились съ пользой для раненыхъ весьма малой.

Обращу тутъ опять вниманіе читателей, что всѣ безпорядки тыла не мѣшаютъ Добровольческой арміи побѣждать! Россія любитъ ее и гордится ею и дастъ, конечно, ей средства и время исправить ихъ.

Но нужно, чтобы о нихъ знали, нужно чтобы за нихъ взялись, наконецъ, съ рѣшимостью покончить со зломъ и зло исчезнетъ, переставъ подрывать драгоцѣнныя силы бойцовъ арміи!

Конечно старыя опытныя организаціи—и „Красный Крестъ“ и Земскій Союзъ, наконецъ, союзники наши — могутъ дать арміи и дадутъ безукоризненные лазареты и многое необходимѣйшее по снабженію. Острая нужда арміи въ лазаретахъ—сейчасъ будемъ говорить преимущественно о нихъ,—будетъэтимъ удовлетворена очень просто, но... нужно всетаки, чтобы и лазареты самой арміи не оставались на уровнѣ тѣхъ юдолей безпомощности, нерадѣнія и растерянности, которыя представляютъ собою многія палаты, наполненныя ранеными добровольцами, находящіяся на общественной и нравственной отвѣтственности Ник. Мих. Родзянко, начальника армейскаго лазарета Добровольческой арміи.

Я отдаю должное намѣреніямъ П. М. Родзянко, человѣка искренно сердечнаго, интеллигентнаго и готоваго работать, но слабость его и неумѣнье настоять на добросовѣстномъ исполненіи своихъ первыхъ обязанностей тѣми многими ловкими, нерадивыми и малоспособными людьми,

оторые гнёздами налипли по всему армейскому лазарету—превосходятъ границы общественно допустимаго и даже—скажу ему прямо и отвѣтственно—совѣсти!

При всѣхъ и всяческихъ препятствіяхъ и затрудненіяхъ Н. М. Родзянко сдѣлать могъ и можетъ многое для улучшенія положенія раненыхъ и—не сдѣлалъ, не дѣлаетъ и не способенъ сдѣлать.

О немъ человѣкъ огромнаго авторитета въ арміи сказалъ!

— Баричъ!

И всегдашняя черта „барича“—неумѣніе установить точный контроль надъ своими подчиненными и потому—всегдашній хаосъ по всему дѣлу и общая безотвѣтственность.

Мои характеристки дѣятелей тыла и лазаретовъ иные считаютъ рѣзкими.

Я видѣлъ этихъ дѣятелей во время похода, видѣлъ ихъ послѣ него и послѣ выхода перваго изданія этой книги, видѣлъ какъ они приняли обвиненія, опровергнуть которыя не могли, и какъ они отвѣчали на нихъ, и долженъ сказать, еще разъ взвѣсивъ свои слова: характеристики эти только правдивы и въ тонѣ... мягки!.. Да-мягки! Вѣдь и въ первомъ изданіи я многое, самое тяжелое, не договаривалъ—это такъ понятно, надѣюсь!

Я долженъ дать факты,—пусть ими будетъ хотя слѣдующее:

Страстная суббота. Село Лежанка. Холодный студеный день съ пронизывающимъ ледянымъ вихремъ въ степи. Съ утра сильный обстрѣлъ большевиковъ. Я проходилъ мимо лазаретнаго обоза, готовившагося выѣхать въ Егорлыкскую станицу—24 версты по открытой степи. Кто-то громко окликаетъ меня. Оборачиваюсь:—на подводу кладутъ раненаго съ наскоро перевязанной ногой—въ одномъ бѣльѣ: кальсоны и ночная рубашка безъ завязокъ, распахнутая съ шеи широко до пояса... Это въ такую стужу!..

— Меня такъ и повезутъ?!—говоритъ раненый.—Не даютъ даже одѣяла! Вотъ простыня только! Меня сейчасъ гранатой ранило... Вотъ сейчасъ... Шинель, все снятое платье куда то исчезли, пока я былъ безъ памяти... Добиться не могу... И такъ ѣхать?!... Развѣ можно такъ ѣхать?—пробуетъ убѣждать меня раненый бѣднякъ.

— Да нѣтъ!—говорю,—сестра вамъ принесетъ! Она-же пошла!

— Она говоритъ: нѣтъ у нихъ ничего!..

— Я отыщу ее!

Отыскиваю сестру, посылаю принести теплыхъ вещей.

— Да нѣтъ у насъ ничего!—говоритъ она.

— Должно найтись! Найдите! Добейтесь!

Она уходитъ и—пропадаетъ. Проходитъ время. Нѣтъ ея и, я знаю—и не будетъ, конечно!

По подводамъ набираемъ раненому одѣяло, подушку, теплую рухлядь... Ѣдемъ... Восемь часовъ влачились по степи сквозь неистовый зимній вихрь!? то было бы съ раненымъ?!

Надо прибавить, что до этого мы цѣлыхъ три дня простояли въ богатѣйшемъ селѣ съ 2000 хатъ, гдѣ все можно было и купить, и реквизировать!

Что это—нерадивость, затменіе ракума, чувства долга и сердца или еще что нибудь—начальника лазарета?!

Я считаю это затмѣніемъ совѣсти, Николай Михайловичъ! Пусть я услышу отъ кого нибудь, что я не правъ!

Это было—въ апрѣлѣ, затѣмъ—уже въ іюлѣ—я разсказываю начальнику лазарета Н. М. Родзянко, что 4 іюля въ Новочеркасскъ пришелъ обозъ со 150 ранеными, причемъ везли ихъ 180 верстъ отъ Торговой до станицы Манычской двое сутокъ безъ остановокъ для ночлега, прикрытыхъ только простынями. Кормились они добротою жителей. Горячее приготовить имъ въ этапахъ по дорогѣ не могли, ибо нагнали они внезапно, безъ всякаго предупрежденія, увозили же ихъ, какъ только лошади съѣдали свой кормъ. Перевязокъ не дѣлали, кромѣ наиболѣе тяжелыхъ. Во время пути состояніе многихъ раненыхъ

превратилось въ вполнѣ хорошаго въ почти безнадежное именно благодаря условіямъ перевозки. Дождь поднялся отъ дождей и на переправѣ полъ парома сталъ на аршинъ выше пристани. Сходней не было. Повозки спускались на пристань прямо съ этого уступа, причемъ каждую жестоко встряхивало трижды: сначала спрыгивали лошади, дергая разомъ всю повозку, потомъ прыгали первыя колеса, затѣмъ вторая пара. Что было съ ранеными, среди которыхъ было много со сложными переломами рукъ и ногъ, ранепіями живота, позвоночника!... Начальникъ обоза – очередной прапорщикъ—допустилъ это! Передъ Новочеркасскомъ дождь вымочилъ раненыхъ совершенно. Ихъ подвезли къ Дворянскому Собранію, гдѣ они двадцать минутъ подъ дождемъ ждали распредѣленія по лазаретамъ, пока наконецъ не потребовали, чтобы ихъ везли куда нибудь, но—подъ кровлю. Ихъ отвезли въ лазаретъ Дух. Училища и поручикъ Корниловскаго полка Р., который мнѣ все это разсказывалъ, а два товарища его подтвердили, вошелъ въ лазаретъ—въ одной рубахѣ и брюкахъ, босой, весь мокрый...

— Какъ могли пустить раненыхъ въ перегонъ въ 200 верстъ только подъ простынями?

— Нѣтъ одѣялъ!—отвѣчалъ мнѣ Н. М. Родзянко.

— Почему же ихъ не реквизировали до сихъ поръ?

— Лазаретъ не имѣлъ права реквизировать. Въ Кубанской области это право дано только реквизиціоннымъ комиссіямъ.

— Почему же отъ нихъ, отъ этихъ комиссій не потребовали одѣялъ? Сколько станицъ на Кубани! Могли давно и легко собрать не одну тысячу одѣялъ!

Начальникъ лазарета пожалъ плечами. Видимо это представлялось ему почему-то безцѣльнымъ. Но я-то зналъ, что все это было совершенно исполнимо, ибо говорилъ лично съ десятками станичныхъ атамановъ на Кубани объ этомъ.

— Штабъ конечно поддержалъ бы васъ! Нельзя же раненыхъ студить подъ одной простыней! Штабъ прямо и кровно самъ заинтересованъ въ этомъ!

Раненыхъ посылаютъ въ такіе переѣзды даже тяжелыхъ. Поруч. Явкинъ на перегонѣ 8 іюля умеръ, проѣхавъ едва двадцать верстъ. Его, значитъ, положили ѣхать 200 верстъ почти умирающимъ? А нѣкоторые умирали уже на пятой верстѣ! Какъ врачи допускали отправку такихъ раненыхъ?

— Раненые сами требовали.

— Но этому нельзя было уступать.

— Но раненые боялись, что большевики могутъ насѣсть и ихъ не успѣютъ вывезти.

— Я не могу понять такой причины— у арміи есть безопасныя мѣста и ближе Новочеркасска—но во всякомъ случаѣ, лазаретъ обязанъ не уступать въ такихъ случаяхъ. Смерть раненаго, вѣдь, на него падаетъ! На этапѣ въ Торговой комендантъ намъ разсказалъ, что объ одномъ раненомъ въ грудь. Онъ самъ спросилъ врача, какъ съ такою раною отправляютъ въ завѣдомо тяжелый переѣздъ?—„Да онъ отлично себя чувствуетъ—говоритъ самъ онъ!“—отвѣчалъ врачъ. Этого самого раненаго мы видѣли на хут. Веселомъ послѣ переѣзда: онъ былъ снятъ съ обоза едва дышащимъ. За полторы недѣли въ хут. Веселомъ умерло семь раненыхъ, снятыхъ съ обозовъ.

— У насъ здѣсь нѣтъ мѣста, а раненыхъ все прибываетъ.

— Ник. Мих—чъ! Я же половину крупныхъ станицъ Кубани обошелъ съ арміей самолично и отвѣчаю вамъ, что въ каждой можно помѣстить вполнѣ удобно и отлично прокормить пятьсотъ раненыхъ. Теперь у насъ есть прочный тыловой районъ, куда никогда уже никакіе большевики не придутъ. Но нужно взяться за это крѣпко, заготовить заранѣе и все будетъ!!...

Я подавалъ прошеніе объ отставкѣ.

. . . . . .

— Почему не посылается верховой передъ обозомъ, чтобы этапъ зналъ во время объ его приходѣ и могъ къ сроку приготовить раненымъ горячую пищу? Теперь они прямо голодаютъ.

— Вы сами знаете—у насъ нѣтъ лошадей и права реквизиціи!

— Но реквизиціонныя комиссіи не могутъ отказать вамъ въ десяткѣ лошадей, а если бы отказали, то вашей жалобы было бы достаточно конечно, чтобы Деникинъ поддержалъ васъ и лошади были бы...

Разувѣренно-усталое движеніе головой и плечами начальника лазаретовъ, означавшее:

— Такихъ хлопотъ каждый день горы... Передѣлаешь ли ихъ всѣ?.. Все равно половина останется не сдѣланной, а исполненіе по другой половинѣ везде опоздаетъ къ мѣсту—нужно знать порядки у насъ въ лазаретахъ!

Но порядки, отъ васъ же зависятъ, г. начальникъ лазарета!

По совѣсти я не могу поставить этого въ вину Добровольческой арміи. Неужели столько-то исполнительности не долженъ дать всякій самый рядовой служащій, а вотъ все же раненые холодали и голодали, хотя и накормить и прикрыть ихъ была полная возможность, если бы только начальникъ лазарета во время обратился въ реквизиціонную комиссію за одѣялами и десяткомъ лошадей!

Что виною здѣсь?! Условія похода?! Стихійныя „невозможности"?!

Да нисколько! Виновны люди и именно э т и люди и ихъ нерадивость, ихъ барская слабость и распоряженныя ими кругомъ себя злоупотребленія. Ничто иное!

Конецъ моего разговора съ Н. М. Родзянко былъ такой:

— На походѣ я былъ квартирьеромъ лазарета и вашимъ подчиненнымъ, и могъ идти по начальству только черезъ васъ. Я подалъ вамъ одинъ рапортъ. Вы по нему ничего не сдѣлали.

— Нѣтъ я далъ ходъ его содержанію...

— Но виновные остались вполнѣ безнаказанны! Я хочу и далѣе быть съ вами въ наилучшихъ личныхъ отношеніяхъ, но простите—эту запись разсказа о злополучіяхъ этапа, съ которымъ ѣхалъ поручикъ Р., я передаю вамъ, а копію ея черезъ часъ лично передамъ ген. Алексѣеву, а тамъ вы уже вмѣстѣ рѣшайте—съ какихъ виновныхъ снимать головы?..

Отношенія наши остались наилучшія, если впрочемъ ихъ не испортило уже первое изданіе книги. Черезъ двѣ недѣли послѣ нашего разговора помощникъ ген. Алексѣева Ю. М. Лебедевъ поѣхалъ съ Н. М. Родзянко въ объѣздъ по лазаретамъ съ спеціальной цѣлью показать ему, что онъ не знаетъ того, что творится у него въ лазаретахъ, и привести его къ рѣшенію—отказаться отъ непосильныхъ ему тяжестей. Одновременно ген. Алексѣевъ всю эвакуацію раненыхъ отдавалъ въ руки общественныхъ организацій.

Отъ 26 іюля с. г. я получилъ отъ него телеграмму изъ Тихорѣцкой:

„Ваше прибытіе на ст. Тихорѣцкую и уполномоченныхъ Бѣлаго Креста для постановки дѣла эвакуаціи больныхъ и раненыхъ представляется весьма необходимымъ и спѣшнымъ. Генералъ Алексѣевъ."

Крупная группа членовъ „Бѣлаго Креста" энергично взялась за дѣло. Былъ образованъ и началъ работу особый Фронтовый Комитетъ, но часть правленія Общества съ предсѣдательницей г-жей Митрофановой во главѣ съумѣла такъ вмѣшаться въ дѣло, что ген. Алексѣевъ въ письмѣ своемъ ко мнѣ отъ 27 августа такъ нашелъ нужнымъ передать ту „фразу съ которою я встрѣтилъ г жу Е. Митрофанову:"—не впутывайте меня въ домашнія кляузы и дѣлишки вашего Общества; я не могу въ нихъ разобраться и найти, гдѣ истина, гдѣ неправда; не могу понять сложившихся отношеній между народившимися партіями, а потому предпочитаю отказаться отъ ближайшихъ услугъ Общества и сохранить только тѣ его

учрежденія, которыя функціонируютъ въ настоящее время".

Г-жа Митрофанова и ея пріемы дѣйствій обошлись раненымъ арміи не дешево, Реформа въ лазаретахъ арміи остановилась, но ген. Алексѣевъ слишкомъ хорошо зналъ силу и жизненность общественной инициативы, чтобы разочароваться въ нихъ при первомъ затрудненіи, и кончалъ свое письмо ко мнѣ выраженіемъ надежды, что въ Екатеринодарѣ образуется мѣстная организація, которая „возьметъ на себя, задачи, оказавшіяся не по силамъ Ростовскому Отдѣленію „Бѣлаго Креста".*)

Объ открытіи сѣти такихъ организацій по всему юго-востоку Россіи „я мечтаю,— заключаетъ ген. Алексѣевъ свое письмо,— независимо отъ того, что ожидаю въ скоромъ времени помощи, какъ отъ Краснаго Креста, такъ и отъ Всероссійскаго Земскаго Союза. Вы знаете что нужды Добровольческой арміи ненасытимы".

Вышло однако иное!

Ген. Алексѣевъ умеръ, Н. М. Родзянко до сихъ поръ не сознаетъ тяжкаго своего преступленія, не видитъ, не называетъ себѣ настоящимъ именемъ то, что онъ дѣлалъ и дѣлаетъ для арміи своей безхарактерностью, не-настойчивостью, неумѣньемъ принудить своихъ подчиненныхъ къ ихъ долгу далѣе той компаты, гдѣ онъ самъ находится!! Онъ—повидимому такой мягкосердечный, такой отзывчивый къ каждой боли, которая тутъ передъ нимъ, на самыхъ глазахъ его!!

Вѣдь онъ-же подлинно расточаетъ кровь русскаго народа! Можно ли терпѣть это — не говорю ужъ о другихъ—но себѣ-то самому?!

Говорю все это—вполнѣ о т в ѣ т с т в е н н о!

Дальше.

Въ Дядьковской 5-го апрѣля по хатамъ остаются 20 раненыхъ Офиц. полка. Прочихъ раненыхъ, оставленныхъ въ этой станицѣ, опрашивали, желаютъ ли они остаться, этихъ не спрашивали. Врачъ не рѣшился на этотъ разговоръ, пробѣжавъ быстро по хатамъ, пряча глаза. Впрочемъ всѣ они такъ были изломаны и изранены, что дальнѣйшаго похода все равно, дѣйствительно, не выдержали бы.

Въ іюлѣ когда армія наша второй разъ пошла къ Екатеринодару, они были ею освобождены изъ плѣна. Имъ слѣдовало теперь жалованье за 6 мѣсяцевъ,—кому, какъ офицеру-рядовому—250 руб. въ мѣсяцъ, кому, какъ ротнымъ командирамъ—440 р. Какая-то тыловая комиссія почему то рѣшила выдать всѣмъ одинаково по 150 р. и всего за 4 мѣсяца вмѣсто шести! Тѣ, кто имѣлъ право получить 2500 – 3000 р. получили только 600 р. Это—при необходимости съ богатаго Ростова, чтобы цифрой ихъ побѣдоносно заслониться отъ ожидаемыхъ обвиненій на общемъ собраніи, которое посему и откладывается! Но даже и денегъ Ростовъ далъ бы „Бѣлому Кресту" безъ г-жи Митрофановой болѣе чѣмъ „Бѣлому Кресту" съ г-жей Митрофановой! Дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ нынѣшняго правленія между тѣмъ вызвали вниманіе къ себѣ настолько широкое —и въ исторіи русской общественности тоже совершенно исключительное!—что у одного изъ членовъ правленія былъ произведенъ оффиціальными властями обыскъ!

Должно радоваться, что видные общественные дѣятели Ростова образовали теперь о-во „Общественной помощи" жертвамъ войны. Безъ сомнѣнія оно вмѣстѣ съ Зем. Союзомъ и Кр. Крестомъ возьметъ въ свои руки и дѣло помощи раненымъ отъ лица г. Ростова. „Акробатизму благотворительности" не мѣсто въ этомъ истинно святомъ общерусскомъ дѣлѣ!

*) Въ защиту русской общественности я долженъ сказать, что дѣйствія правленія „Бѣлаго Креста" вообще представляютъ собою рѣдкое и рѣдкостное исключеніе въ ея исторіи, полной великихъ заслугъ передъ родиной. Достаточно сказать, что правленіе это было избрано въ составѣ 9 человѣкъ когда въ Обществѣ не было и 15 членовъ, т. е. люди выбирали самихъ себя. Теперь, когда въ Обществѣ нѣсколько сотъ членовъ, рядъ очевидныхъ ошибокъ правленія заставилъ 15 членовъ сдѣлать заявленіе о перевыборѣ правленія. Заявленіе было подано 16 октября, но и до сихъ поръ т. е. черезъ два мѣсяца—общее собраніе Общества для этихъ перевыборовъ не созывается, хотя правленіе по уставу обязано это сдѣлать но только уставъ не связалъ его срокомъ! И вотъ, отложивъ т. е. задержавъ дальнѣйшее расширеніе активной помощи раненымъ, г-жа Митрофанова обратилась къ ленчайшей задачѣ—усиленному сбору средствъ.

димости расходоваться изъ своихъ средствъ на свое долечиваніе въ добавокъ къ тому, что даетъ госпиталь!

Мало ли какую ошибку можетъ сдѣлать комиссія!? Дѣло не въ ея постановленіи, которое конечно будетъ перерѣшено. Дѣло въ томъ—понимается ли самое положеніе и человѣческія права раненыхъ тѣми, передъ кѣмъ проходятъ ихъ дѣла и кто имѣетъ обязанность поддержать всякое справедливое ихъ право?

Раненые обратились къ ген. Эльснеру, представителю Добровольческой арміи въ Новочеркасскѣ, но тотъ нашелъ полный разумъ въ постановленіи комиссіи:

— Вѣдь вы же по собственному желанію остались въ Дядьковской!

Было какъ разъ наоборотъ: до того не по собственному желанію, что нѣсколько человѣкъ даже застрѣлилось по хатамъ. Но если бы раненый даже и самъ выбралъ тяжкій жребій остаться въ Дядьковской на милость большевиковъ, можетъ ли быть въ этомъ мотивъ къ тому, чтобы штрафовать его за раны?!

А вотъ представитель арміи считаетъ это допустимымъ!

Офицеры просили ген. Эльснера написать въ Екатеринодаръ, но и черезъ недѣлю—какъ они изъ справокъ получили убѣжденіе—ничего никуда по ихъ дѣлу написано не было. Или можетъ быть они ошиблись?

Получить даже и назначенное жалованье изъ управленія ген. Эльснера офицерамъ не удалось, несмотря на долгія стоянія въ очередяхъ, и нѣкоторые изъ нихъ, которымъ деньги были очень необходимы, должны были поѣхать въ Екатеринодаръ нарочно, чтобы получить жалованье. И поѣхали раненые на костыляхъ, и тамъ получили, и немедленно, вернулись, ибо лечиться надо было въ Ростовѣ!

Что—порядки тутъ причиной, какія-нибудь распоряженія главнаго командованія, или виновны сами люди—этотъ именно человѣкъ и имъ поддерживаемые кругомъ себя порядки?!

Вмѣстѣ съ генераломъ Эльснеромъ изъ отдѣла снабженія въ Новочеркасскъ перешелъ и полк. Мотерно, занявъ опять мѣсто одного изъ главныхъ помощниковъ ген. Эльснера.

Въ іюнѣ 27 офицеровъ-артиллеристовъ собрались въ Новочеркасскъ изъ разныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ изъ Пензы и изъ Крыма, пріѣхали поступить въ Добровольч. армію. Полк. Мотерно такъ направилъ ихъ, что проведя сутки безвыѣздно въ городѣ, они оказались въ Манычской станицѣ безъ всякихъ средствъ для дальнѣйшаго движенія и комендантъ этапа долженъ былъ поддержать ихъ авансами на свой рискъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ:

— Когда мы ѣхали изъ Керчи, нѣмцы дали намъ по билету 2-го класса, предписаніе всѣмъ станц. начальникамъ пропускать безъ задержекъ и—по бутылкѣ вина! Это сдѣлали нѣмцы, а какъ встрѣтилъ насъ русскій полковникъ?

М. М. Каменева, мать подпоручика Офиц. полка раненаго подъ Екатеринодаромъ и умершаго лѣтомъ отъ ранъ, разсказала мнѣ, какъ она черезъ управленіе ген. Эльснера и полк. Мотерно хлопотала о пособіи въ 1000 руб. за смерть сына. Она не получила этого пособія, но дѣло тутъ опять не въ самомъ фактѣ—на все въ управленіяхъ есть и должны быть свои правила. Ея положеніе къ общимъ правиламъ не совсѣмъ подошло, но если не на тысячу рублей, то все-таки на какое нибудь пособіе она право имѣетъ безспорное. Однако чтобы не оторвать ее, маленькаго робкаго, но страдающаго человѣка, отъ этого ея права, нужно было къ ней просто, какъ къ человѣку-же, отнестись внимательно, объяснить ей размѣръ ея правъ и выяснить себѣ самому ея человѣческое положеніе. Однако... вотъ какъ шли ея хлопоты. я точно записалъ съ ея словъ:

Подпоручикъ Владиміръ Михайловичъ Каменевъ Офицерскаго полка былъ раненъ въ животъ подъ Екатеринодаромъ, около мѣсяца лежалъ въ Новочеркасскѣ и 2 іюня умеръ въ Ростовской городской

клиникѣ. Чтобы улучшить питаніе и леченіе сына въ Новочеркасскѣ—мать его г-жа Каменева возила ему хорошую пищу, молоко, вино, тратя послѣднее—она живетъ работой, имѣя около себя четырехъ дочерей. Даже починить резиновое кольцо лазаретъ отказался—пришлось сдѣлать это на свой счетъ.

Когда умеръ подпоручикъ Каменевъ, не было денегъ на похороны, и пока ихъ собирали, тѣло пролежало три дня на ледникѣ. Помогли знакомые.

За умершаго мать должна была получить жалованье за три мѣсяца и 1000 руб. пособія.

Въ Офицерскомъ полку, который тогда стоялъ въ Новочеркасскѣ, командиръ его сказалъ г-жѣ Каменевой, чтобы она обратилась къ ген. Эльснеру, который жалованье можетъ быть и не выдастъ, но пособіе въ 1000 руб. долженъ выдать немедленно по бумагѣ, которую онъ, командиръ, тутъ же и далъ г-жѣ Каменевой,

Съ нею г-жа Каменева пошла къ ген. Эльснеру. Адъютантъ генерала послалъ ее въ Офицерскій полкъ обратно:

— Долженъ уплатить полкъ. Эти дѣла мы на себя не принимаемъ.

Г-жа Каменева—въ Офицерскій полкъ. Тамъ соглашались уплатить, но ген. Эльснеръ долженъ былъ поставить на бумагѣ свою резолюцію,—почему же онъ не поставилъ ея?

Г-жа Каменева опять къ ген. Эльснеру за резолюціей. Адъютантъ ген. Эльснера послалъ ее къ полковнику Мотерно. Тотъ отвѣтилъ ей:

— Не наше дѣло. Обратитесь въ полкъ.

Полкъ тѣмъ временемъ ушелъ на позиціи. Пришлось опять идти къ ген. Эльснеру. Тотъ отвѣтилъ:

— Ну, полкъ ушелъ. теперь я ничего не могу сдѣлать. Оставьте у меня аттестатъ, я съ нимъ напишу въ полкъ и онъ заплатитъ.

Но г-жу Каменеву предупредили, чтобы аттестатъ она не оставляла въ канцеляріи ген. Эльснера—потеряютъ. какъ у всѣхъ теряли. Г-жа Каменева отвѣчала генералу:

— Я сама тогда пошлю.

— А—сами вы!? Тѣмъ лучше!

Г-жа Каменева ушла. Живетъ она въ Ростовѣ и для всѣхъ этихъ побывокъ въ канцеляріяхъ ей приходилось пріѣзжать въ Новочеркасскъ нарочно, тратясь не это очень серьезно для себя. Знакомые офицеры въ лазаретѣ посовѣтовали ей обратиться къ ген. Алексѣеву прямо.

Г-жа Каменева такъ и сдѣлала. Ее очень доброжелательно принялъ полковникъ Лѣсовой и черезъ нѣсколько дней сообщилъ ей, что дѣло ея переслано къ ген. Эльснеру. У ген. Эльснера адъютантъ былъ пораженъ:

— Какъ это вы съ такимъ дѣломъ прошли къ ген. Алексѣеву? Ну хорошо, посидите.

Сидитъ г-жа Каменева часъ-два. Кончается присутствіе. Г-жа Каменева напоминаетъ о себѣ.

— Вы видите сколько ждетъ меня офицеровъ! Я сегодня не успѣю. Придите завтра.

— Но вѣдь мнѣ только отвѣтъ генерала нуженъ. Вѣдь это пять минутъ, а то мнѣ опять въ Ростовъ туда и назадъ ѣхать.

— Какъ хотите—сегодня не могу.

— Но завтра воскресенье у васъ не будетъ присутствія!

— Придите ко мнѣ одному. Я буду.

Вечеромъ на вокзалѣ къ г-жѣ Каменевой подошла жена одного офицера, знавшая объ этой исторіи, спросила, какъ ея дѣло, и посовѣтовала обратиться къ генеральшѣ Алексѣевой.

Утромъ г-жа Каменева была у А. Н. Алексѣевой.

Та приняла ее очень ласково, выслушала и спросила:

— Если я сейчасъ сама съ вами пойду къ ген. Эльснеру—большая у него очередь офицеровъ?

— Очень большая.

— Ну, погодите немного!

Она пошла во внутреннія комнаты и черезъ четверть часа возвращается съ запечатаннымъ пакетомъ.

— Вотъ передайте полк. Мотерно и не ждите очереди, а подайте, чтобы приняли и заплатили вамъ внѣ очереди.

Полковникъ Мотерно вернулъ было г-жѣ Каменевой пакетъ:

— Станьте въ очередь!

— Но я съ личнымъ письмомъ. Посмотрите внѣ очереди!

Распечаталъ:

— Гдѣ вы взяли? Что это—вы или вашъ сынъ служили съ нами, что такія бумаги вамъ приносите? Скажите—вы служили съ нами?

— Не я служила, вы знаете это и не должно вамъ такъ говорить со мною!

— Зачѣмъ обратились вы къ генералу Алексѣеву помимо насъ? Вы все лазите, гдѣ не надо! Лучше бы работать шли, а не лазили!

— Я вамъ, кажется, въ матери гожусь, я пятерыхъ дѣтей выходила своей работой, а вы меня работать учите!

— Хорошо. Жалованье выдамъ за два мѣсяца, а остальное—посмотримъ. Садитесь.

Долго ждала г-жа Каменева. Наконецъ, всѣ бывшіе въ очереди ушли. Осталась она одна. Полковникъ Мотерно говоритъ:

— Ну такъ и быть. Жалованье я выдамъ за всѣ три мѣсяца, а остальное—подождите. Оставьте мнѣ аттестатъ вашего сына. Выдавать-ли пособіе—я переговорю съ генераломъ Эльснеромъ.

Г-жа Каменева не хотѣла оставлять аттестата: всѣ имѣвшіе съ полковникомъ Мотерно и генераломъ Эльснеромъ дѣла говорили ей, что у нихъ постоянно затериваются документы и бумаги. Но когда она уходила, къ ней подошелъ одинъ изъ служащихъ и посовѣтовалъ оставить аттестатъ.

— Вѣдь начальнику нашему крупныя бумаги оставляютъ, а вы не хотите. Можете задержать свое дѣло.

Г-жа Каменева передала аттестатъ полковнику Мотерно.

Когда вечеромъ она говорила въ лазаретѣ съ ранеными офицерами, которыхъ она посѣщала, товарищами ея сына, одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Отвѣчаю вамъ, что Мотерно не отдастъ вамъ аттестата. Вы придете, онъ вамъ скажетъ: „я потерялъ.“ Увидите! Отвѣчаю вамъ, что скажетъ—„потерялъ“!

Г-жа Каменева, обезпокоенная, пріѣхала на другой день опять въ Новочеркасскъ и вечеромъ приходитъ къ полковнику Мотерно,—не принимаетъ.

Приходитъ на утро—не принимаетъ.

Приходитъ вечеромъ—ждетъ часъ. Полковникъ Мотерно приходитъ вмѣсто 5 ч. къ 6 час.

— Вамъ во всемъ отказали!—сообщаетъ онъ г-жѣ Каменевой.

— Дайте аттестатъ.

— Онъ у генерала Эльснера.

— Дайте тогда записку къ нему. Я пойду къ генералу и получу.

— Аттестатъ у меня дома. Сидите. Когда занятія кончатся въ 9 час., пойдемте ко мнѣ, я вамъ отдамъ.

Ждетъ г жа Каменева—съ 5 час. уже! Половина девятаго наконецъ всѣ просители разошлись. Г-жа Каменева просятъ отпустить ее—темно уже и поздно.

— Я потерялъ вашъ аттестатъ.

— Что же вы раньше мнѣ не сказали а заставили прождать столько! Я домой бы уѣхала съ поѣздомъ.

— Я напишу вамъ другой. Выдайте,—говоритъ полковникъ Мотерно адъютанту —удостовѣреніе, что аттестатъ ея сына утерянъ.

Написали свидѣтельство и выдали г-жѣ Каменевой.

Что дѣлать? Пошла г-жа Каменева спять къ А. Н. Алексѣевой.

Опять была ласково принята. Генеральша просила ее опять придти, но г-жу Каменеву что-то задержало, и когда она черезъ нѣсколько дней пришла, А. Н. Алексѣева уже уѣхала изъ Новочеркасска.

И такъ до сихъ поръ г-жа Каменева ничего не получила! А права у нея несомнѣнно были: товарищъ ея сына по полку прап. Кульженко былъ во всѣхъ тѣхъ же условіяхъ по службѣ, какъ и онъ—пропалъ безъ вѣсти, матери его пособіе выдали. А тутъ и лечили, и смерть доказана отъ раны и—отказъ!

— Если бы еще здоровье было,—говоритъ г-жа Каменева,—я работатьмогла бы какъ прежде—брала бы стирку, варила обѣды для столовыхъ. Я на 200 чел. готовила, всей семьей работали. Вставали въ 4 часа. сынъ дровъ принесетъ, дочь мясо вычиститъ, пока въ школу пойдутъ—всѣ работали. Вотъ и выходила пятерыхъ. А теперь ревматизмы. Какъ тепло—я еще человѣкъ, а холодно—куда я гожусь со своими то руками?!

И сынъ мой такой хорошій былъ, добрый, заботливый. Въ походъ по своей охотѣ пошелъ. „Надо идти, а убьютъ—судьба!“. Какъ умиралъ, въ сознаніи полномъ былъ: „Я умираю... мамочка“,—сказалъ онъ мнѣ. „Ну,—говорю,—это такъ временно, теперь нехорошо тебѣ, а сейчасъ легче будетъ“. „Нѣтъ, мамочка, я умираю“,—говоритъ онъ мнѣ опять, совсѣмъ такъ спокойно. „Только ты не плачь, мамочка... Не пожилъ—такая мнѣ судьба была!“—„А не жалѣешь ты, что пошелъ въ походъ?“—спрашиваю я.—„Нѣтъ, не жалѣю, надо было идти .. надо!“. Спрашивалъ у сестры, почему не носитъ она золотой браслетъ, который онъ ей купилъ передъ уходомъ изъ Ростова. Та отвѣчала, что забыла надѣть, а какое—давно заложила, чтобы носить брату куръ жареныхъ, булки, сахаръ... Все мы закладывали тогда... А онъ радовался: осталось золото—намъ поддержка! Только и живемъ, что продажей что осталось...

Кто во всемъ этомъ виноватъ?

Армія, порядки ея или самые эти вонъ люди?

Порядки ея оказались вполнѣ хорошими. Имѣя раненыхъ въ Новочеркасскѣ и Ростовѣ, она держитъ для этихъ городовъ и своего особаго представителя съ цѣлымъ управленіемъ при немъ.

И все-таки мать убитаго офицера Добровольческой арміи въ законномъ своемъ правѣ удовлетворенія не получила. А хлопотала она—цѣлый мѣсяцъ! Живыми глазами на ея права взглянули только дальніе для этой канцеляріи люди—генералъ Алексѣевъ, генеральша Алексѣева...

Сколько изъ за этого по арміи идетъ напрасной боли и страданія, обиды за самую армію!.. Почему изъ за одного нерадиваго полковника слушать нареканія самой арміи?! Вѣдь все это на глазахъ двухъ крупныхъ городовъ творится—ежедневно тоже самое, нерадивое, бумажно безчувственное въ такомъ кровномъ душевномъ дѣлѣ, какъ человѣческія права раненыхъ!

Говоря объ людяхъ въ той части управленія Добровольческой арміи, къ которой я долго и близко присматривался, я позволю себѣ поднять еще одинъ вопросъ.

Въ августѣ былъ на основаніи данныхъ опыта сдѣланъ общественными дѣятелями подсчетъ, во что обойдется содержаніе одного раненаго въ день въ лазаретѣ на 150 больныхъ въ станицѣ неподалеку отъ Екатеринодара. Вотъ эти данныя:

Пища: 1/2 ф. мяса, 2 ф. хлѣба, овощи, сало	2 руб.
Чай, сахаръ, масло, крупа .	1 руб.
Персоналъ, отопленіе, освѣщеніе	1 руб.
Лекарство и леченіе	1 руб.
Всего . .	5 руб.

Кубанскому краевому правительству, какъ сообщилъ мнѣ г. Воробьевъ, управляющій вѣдомствомъ народнаго здравія, содержаніе одной койки въ день обходи-

53.166-

лось въ это время—въ 10 руб. Едва-ли цифры, которыя можетъ поставить рядомъ съ этими цифрами управленіе санитарной части Добровольческой арміи, защитятъ людей, ведущихъ хозяйство ея лазаретовъ!!

Я конечно не могу писать цѣлую книгу о людяхъ, наносящихъ вредъ Добровольческой арміи и въ ней самой и кругомъ ея. Довольно того, что сказано на этихъ страницахъ, чтобы признать, что не одни „общія причины и условія" создаютъ въ арміи плохое и крайне вредное для ея очень большихъ интересовъ. Крупную, чрезвычайно крупную роль играютъ въ этомъ и самые люди, въ ней занимающіе рабочія мѣста.

Однако кромѣ людей, конечно, важна и самая организація дѣла, какъ я и указывалъ уже.

Лазареты въ Добровольческой арміи подчинены ея интендантству. Между тѣмъ плохая работа интендантства и непониманіе госпитальнаго дѣла главнымъ интендантомъ были всегда основной причиной лазаретныхъ бѣдствій и неурядицъ. Санитары въ арміи во время похода, напримѣръ, были „замѣнены" нѣмецкими военнопленными и... подводчиками. Никакими силами измѣнить этого было нельзя, хотя для всякаго врача изъ этого одного уже ясно, что лазареты оставлены были безъ санитаровъ и что въ такихъ лазаретахъ возможно было только подлечиваніе, а не леченіе. Я знаю, мнѣ скажутъ: „Корниловъ не позволялъ брать ни одного здороваго человѣка изъ строя". Но зачѣмъ ген. Эльснеръ былъ такъ слабъ, что не настоялъ на исключеніи изъ этого для лазарета—въ интересахъ того же строя? Какъ видите, все возвращается къ одному и тому-же,—къ вопросу о „людяхъ"!

Санитарная часть въ Добровольческой арміи должна быть отдѣлена отъ интендантства и поставлена совершенно самостоятельно подъ руководство врачей, какъ стоитъ она въ арміяхъ, обладающихъ наиболѣе обдуманной организаціей—германской и японской, гдѣ она выдѣлена въ самостоятельный корпусъ.

Общественныя силы и организаціи должны имѣть особенно крупное мѣсто въ общей работѣ по уходу за ранеными, однако не въ той „ариѳметической" формѣ, о которой мечтаютъ нынѣшніе руководители санитарной части Добровольческой арміи:

— Да, мы очень рады имѣть помощь „Краснаго Креста", „Земскаго Союза" и всѣхъ прочихъ общественныхъ организацій! Сколько тысячъ раненыхъ желаютъ они взять на себя? Сейчасъ дадимъ любое количество. А мы... а мы сами останемся такими же, какъ были, и на всякую попытку заглянуть къ намъ будемъ смотрѣть какъ на недостойное покушеніе и кричать, что Добровольческой арміи нанесено оскорбленіе!

Но—позвольте! Почему въ самомъ дѣлѣ „Красный Крестъ" и „Земскій Союзъ" могутъ давать гигіенически ведомые лазареты, а санитарная часть военная—лишь... свои нынѣшніе?!

„Старый режимъ" не давалъ общественнымъ силамъ навыкнуть въ общественной работѣ, всячески затрудняя къ ней доступъ. Но теперь созданіе Новой Россіи цѣликомъ передано общественнымъ силамъ и имъ надо передать широко и все, что въ тылу Добровольческой Арміи онѣ могутъ дѣлать, поставивъ надъ ними строгій контроль и прямыя требованія.

И послѣ немногихъ первыхъ, быть можетъ неувѣренныхъ шаговъ ибо какъ видно по „Бѣлому кресту" и самому обществу надо осмотрѣться среди своихъ людей, все „непостижимо" измѣнится къ лучшему!

Вѣдь иного исхода—кстати сказать!—и нѣтъ!

Общественное преступленіе Ник. Мих. Родзянко длиться болѣе не можетъ.

Что обществу и народу всему русскому до личныхъ его качествъ и интересовъ, если изъ-за нихъ по русской арміи разливается столько ненужнаго страданія?! Вѣдь вы понимаете, конечно, что я печатаю всѣ эти

случаи отъ минувшихъ и уже далекихъ іюля и августа только потому, что знаю такіе же случаи, относящіеся къ ноябрю и декабрю. Въ іюлѣ и августѣ и я промолчалъ о нихъ, но теперь армія доблестно уже опрокинула жестокаго врага, уже прочно вернула часть Россіи къ жизни нормальной и—свободною печатью, которую она для насъ отстояла отъ большевицкаго надругательства, мы обязаны воспользоваться прежде всего для нея же—для защиты ея раненыхъ отъ страданія, по крайней мѣрѣ хотя ненужнаго,—страданія отъ бѣдствій, создаваемыхъ людскою слабостью, нерадѣніемъ, неспособностью, бездушіемъ и злоупотребленіями тамъ, гдѣ во имя самоотверженнаго и страдающаго человѣка особенно не должно было бы быть всего этого!

Страданія раненыхъ на этой войнѣ могутъ быть уменьшены въ значительной степени. Неужели въ огромномъ Предкавказьи, на Дону и Кубани, отдающихъ своихъ дѣтей и ближнихъ въ Добровольческую армію, не найдется средствъ и людей живой энергіи чтобы дать внимательный и полный уходъ какимъ нибудь 15—20 тысячамъ раненыхъ?! И до сихъ поръ всего этого нельзя будто бы было собрать?! Недавно въ одномъ некрупномъ домѣ Ростова пустили по квартирамъ подписной листъ—кто сколько пожелаетъ *ежемѣсячно* жертвовать на нужды Добровольческой арміи т. е. главнымъ образомъ ея раненыхъ?! Сумма оказалась—600 руб.! Это—ежемѣсячно! Сколько же средствъ дастъ одинъ Ростовъ, конечно если не „Бѣлый Крестъ", удушаемый г-жей Митрофановой, будетъ собирать ихъ?! Доно-Кубанскій Комитетъ Зем. Союза за одинъ мѣсяцъ собралъ въ Ростовѣ милліонъ руб. на раненыхъ, а онъ только началъ свою работу! Нужно однако, чтобы она была возможна—эта работа! Между тѣмъ я самъ видѣлъ и знаю, какъ настойчиво люди изъ того же Ростова, съ Дона и Кубани „пробивались" къ раненымъ, чтобы помочь имъ прямымъ уходомъ и непосредственной помощью и сколько затрудненій возникало передъ ними на пути, самыхъ нелѣпыхъ даже!!!

Изъ ноябрскаго, что нибудь — вполнѣ невинное...

Очень видный общественный дѣятель привезъ въ Екатеринодаръ драгоцѣнность — гигроскопическую вату для лазарета.

— Нужна вамъ вата?—спрашиваетъ онъ Н. М. Родзянко.

— Какъ воздухъ нужна! Давайте, давайте!

— Я привезъ шесть пудовъ. Пришлите за ними.

Ждетъ день-два общественный дѣятель. ждетъ пять дней никто не беретъ его ваты. Встрѣчаетъ старшаго врача лазарета, д-ра Треймана:

— Нужна вамъ вата?

— Какъ воздухъ нужна. А есть у васъ? Давайте, давайте!

— Ну не видно, чтобы она была вамъ нужна! Пять дней никто за нею не приходитъ!

Не знаю—черезъ сколько еще дней послѣ того вата попала наконецъ на перевязки раненымъ, но въ эти дни если ея не было въ лазаретахъ Екатеринадара, то очевидно не по „общимъ условіямъ": — она была рядомъ съ Н. М. Родзянко по... для раненыхъ ея всетаки не было!

Извѣстно ли Н. М. Родзянко посѣщеніе лазаретнаго „пункта" на Екатер. вокзалѣ этимъ общественнымъ дѣятелемъ вмѣстѣ съ тоже весьма виднымъ генераломъ Добровольческой арміи въ этомъ же ноябрѣ—и ихъ бесѣда? Я не въ намеки и прятки играю, но не хочу разсказывать, что могу разсказать:—тяжело! Но какъ не тяжело это Н. М. Родзянкѣ!? А повидимому вовсе не тяжело! А вѣдь „пунктъ" на виду у всѣхъ: есть-ли 200 шаговъ до него отъ главной канцеляріи Н. М. Родзянко?!

Я не могу лучше почтить память Лавра Георгіевича Корнилова, главнокомандующаго, ежедневно бывавшаго въ одномъ изъ лазаретовъ—какъ начавъ выпускать „Листокъ о раненыхъ", „Листокъ", который—найдетъ своихъ читателей!

Я скажу впередъ, что въ „Листкѣ“ этомъ не будетъ ничего, что подорвало бы духъ арміи и затруднило бы военноначальникамъ успѣхъ ихъ на боевомъ полѣ. Я не оглашу—говорю прямо—страданія, даже крайняго, но *неизбѣжнаго* въ жестокихъ условіяхъ войны, оглашеніе котораго лишь безпомощной болью сожметъ человѣческое сердце, но всякое страданіе не нужное... вотъ чего море въ лазаретахъ, ведомыхъ слабою рукой Н. М. Родзянко въ условіяхъ войны, особенно трудныхъ,—и этого не должно быть и можетъ не быть!

Теперь во главѣ арміи нѣтъ великаго князя, чтобы самовластно отрицать эту истину, а ген. Деникинъ—не великій князь Антонъ Ивановичъ, а просто Антонъ Ивановичъ Деникинъ, генералъ, плоть отъ плоти, кость отъ кости ведомой имъ арміи, которому больна каждая боль ея. Я знаю это, я видѣлъ его въ походѣ, я вѣрю въ это.

Многіе творцы злого въ Добровольческой арміи конечно лишь улыбнутся снисходительно:

— А мы выхлопочемъ цензуру надъ этимъ „Листкомъ“ и—не выйдетъ ни одного его номера!

Не испугали! Какъ будто я боюсь ея, этой вашей цензуры! Развѣ мнѣ надо, чтобы правда назначенная къ печати, непремѣнно была оглашена?! Достаточно, чтобы она была правда, и такою была признана, а свое она сдѣлаетъ. Вѣдь и цензура обязана будетъ считаться съ правдою въ такомъ жестоко близкомъ для каждаго русскаго человѣкѣ дѣлѣ и, когда правда ею будетъ подтверждена—кѣмъ явится она? Да—оффиціальнымъ свидѣтелемъ правды, указываемой мною!! Какой же врагъ она мнѣ?! Напротивъ—близкій другъ, который сдѣлаетъ обязательнымъ разслѣдованіе многаго, чему разслѣдованія теперь добиться было очень трудно.

Ежедневно по понедѣльникамъ отъ 11 до 1 часу дня въ д. № 17 по Соборному пер., въ Ростовѣ н-Д., я буду принимать по всѣмъ дѣламъ положенія раненыхъ въ этой тяжелой войнѣ, съ которыми ко мнѣ захотятъ обратиться.

Всѣ письма и сообщенія прошу посылать по адресу: Ростовъ н-Д., Б.-Садовая 106, кн. маг. „Новаго Времени“ А. А. Суворину.

Общество наше должно учиться беречь свое и всего прежде—свою кровь.

Соединимъ же усилія и возможности!

Ген. Лавръ Георгіевичъ
КОРНИЛОВЪ.

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ СЛАГАЕТСЯ.

„Походъ Корнилова“ совершился на равнинахъ Предкавказья, на которыхъ смежной группой расположены земли Донского, Кубанскаго, Терскаго и Астраханскаго казачества и черкесскихъ горскихъ народовъ. Главное мѣсто въ краѣ принадлежитъ Донскому казачеству, земли котораго богаты каменнымъ углемъ и желѣзомъ, а крупнѣйшій городъ области, Ростовъ, представляетъ собою центръ торговли и промышленности всего Предкавказья и мѣстный „маленькій Парижъ“ живущій бойкой, веселой жизнью. Въ 50 верстахъ отъ него лежитъ небольшой Новочеркасскъ, оффиціальная столица Дона, гдѣ живетъ атаманъ, пользующійся большими полномочіями и выбираемый безъ ограниченія срокомъ, и гдѣ собирается на свои сессіи Войсковой Кругъ—палата выборныхъ народныхъ представителей; второй, высшей надъ нимъ палаты на Дону и въ другихъ казачествахъ нѣтъ.

Земли свои 500—200—100 лѣтъ назадъ казаки отбили отъ турокъ, черкесъ и калмыковъ и жили на нихъ, имѣя широкое самоуправленіе отъ русскихъ монарховъ, среди своихъ нравовъ и обычаевъ вольнолюбиваго народа. Каждый казакъ долженъ былъ по призыву правительства идти на войну со своею лошадью и вооруженіемъ, но за то получалъ большой надѣлъ земли,*) очень плодородной въ этихъ мѣстахъ: Кубань производитъ хлѣба по 50 пуд. пшеницы лишнихъ на каждаго своего жителя противъ того, что ему надо на свое собственное содержаніе.

Въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ въ казачьи области вселилось много пришлаго люда изъ другихъ частей Россіи, такъ что казаковъ стало на Дону даже меньше чѣмъ пришлыхъ „иногородныхъ“, какъ здѣсь ихъ зовутъ. Вообще по области иногородніе составляютъ 50—60% населенія, въ городахъ и станицахъ достигая и болѣе высокаго процента. До революціи управляли областью и законодательствовали въ ней казаки, но осенью 1917 года иногородніе добились „паритета“ т. е. равенства съ ними въ управленіи, разсчитывая получить и равенство въ пользованіи войсковою землею. На этихъ „иногородныхъ“ и оперся Петроградскій большевизмъ, раздувая розни мѣстныхъ интересовъ и разжигая въ иногородныхъ жадность къ казачьимъ землямъ.

Казаки по началу уступили этимъ претязаніямъ иногородныхъ по миролюбію и сосѣдскому доброжелательству, но въ нихъ однако была жива память о кровавыхъ бояхъ, въ которыхъ ихъ предки отбили ихъ плодоносныя равнины отъ турокъ и черкесъ. Не могли забыть они и своихъ особыхъ тяготъ по военной службѣ, которыхъ не несутъ иногородніе. Иногороднимъ однако очень помогала волна фронтовиковъ, возвращавшаяся послѣ демобилизаціи русско-германскаго фронта въ станицы, гдѣ „молодые“ на сходахъ кричали на „стариковъ“, что тѣ по своей темнотѣ не понимаютъ революціи а эта революція

*) Площадь землевладѣнія на одинъ дворъ на Дону—34,2 дес.; въ Европ. Россіи—4,4 дес.; въ Германіи—4,1 дес. Площадь земли на одного мужчину рабочаго возраста на Дону у казаковъ 17,5 дес. Изъ всѣхъ 15.000.000 дес. земли области, частновладѣльческихъ всего 1.300.000 дес.

и большевики дадутъ-де трудовому народу богатство и первую силу въ государствѣ, отдавъ въ раздѣлъ рядовымъ казакамъ и крупныя помѣстья казаковъ офицеровъ и прочихъ „буржуевъ".

Калединъ, атаманъ Дона, шелъ за теченіемъ, не рѣшаясь выступить вожакомъ въ защиту спеціальныхъ интересовъ казачества; въ станицахъ „старики" отступали передъ молодыми, но протестъ противъ большевицкихъ новшествъ все же нарасталъ, не высказываясь пока открыто...

——

Въ эти дни, 2-го ноября 1917 года, на Донъ пріѣхалъ ген. М. В. Алексѣевъ (какъ всѣтогда въ штатскомъ) и опубликовалъ свое воззваніе къ офицерамъ русской арміи, приглашая ихъ поступать въ собираемую имъ добровольческую армію. 19 ноября изъ Быхова вырвался ген. Корниловъ. Конвоировавшій его отрядъ текинцевъ былъ окруженъ войсками большевиковъ. Корниловъ отдѣлился отъ него и, переодѣтый больнымъ старикомъ-солдатомъ, въ одиночку отправился на Донъ, вмѣшавшись въ массы демобилизованныхъ солдатъ, текшія тогда по желѣзнымъ дорогамъ съ фронта во внутрь Россіи. На время тогда онъ исчезъ изъ глазъ Россіи... Каждую минуту онъ могъ быть разоблаченъ, узнанъ и разорванъ яро настроенной противъ него большевиками солдатчиной. Никто не зналъ, гдѣ онъ, и не могъ быть увѣренъ живъ ли онъ въ ту минуту!...

Я жилъ въ это время въ Новочеркасскѣ, только что пріѣхавъ туда изъ Петрограда.

6-го декабря вечеромъ я узналъ:

— Сегодня сюда пріѣхалъ Корниловъ... Здоровъ!..

За два дня передъ тѣмъ „генералъ для порученій" при Корниловѣ полк. В. В. Голицынъ былъ у Каледина и спросилъ: можетъ ли Корниловъ разсчитывать на гостепріимство Войскового Правительства.

— Добро пожаловать—отвѣчалъ Калединъ... на два дня, проѣздомъ!

Такъ Калединъ умѣлъ не распознавать собственные козыри, посылавшіеся ему милостью Провидѣнія!

По мнѣнію Каледина Корнилову всего лучше было ѣхать немедленно далѣе въ Кубанскую или Терскую области.

Остановился Корниловъ скрыто на окраинѣ города, ходилъ въ статскомъ: дома—скромный сѣрый пиджакъ, на улицѣ—сѣрая шубка съ барашковой шапкой, но съ первыхъ же дней онъ погруженъ былъ всею мыслью въ идею—создать новую армію Россіи и опершись на нее—твердую власть въ странѣ. Приходившіе къ нему въ эти дни всегда видѣли одно: отъ карты Предкавказья, раскрытой по столу, къ вамъ поднималось темнокожее лицо киргиза—Корниловъ былъ сынъ казака и киргизки—съ нервнымъ ртомъ и небольшими, но ясными и холодно-спокойными глазами.

Разговоръ Корнилова оставлялъ обычное впечатлѣніе горячности, даже пылкости мысли и намѣреннаго льда въ ея выраженіи.

Простившись съ вами, Корниловъ тутъ-же опускалъ глаза опять въ карту и если бы у двери вы оберлись взглянуть на него, онъ уже весь погруженъ былъ въ эту карту:—гдѣ создать армію, куда вести ее—было вопросомъ, который его поглощалъ всецѣло.

На картѣ сбоку всегда лежалъ браунингъ.

Для точнаго ума Корнилова карта была лучшимъ полемъ для мысли его и воображенія.

Онъ отвѣчалъ адъютанту своему корн. Хаджіеву, спросившему, почему онъ такъ постоянно смотритъ въ карты:

— А потому, что въ нихъ я все вижу въ дѣйствіи—живымъ. Вы докладываете мнѣ о конницѣ противника, явившейся у такого то села, и на картѣ я сейчасъ же

вижу около этого села отрядъ въ 50—60 чел., сколько вы докладываете—живыми... Вотъ они ѣдутъ, скачутъ, стоятъ... А тамъ ихъ ждетъ наша артиллерія... И я вижу ее на картѣ... И при этомъ я вижу намѣренія противника...

Съ карты на него въ эти дни глядѣла Добровольческая армія и ея будущее, и отъ нея онъ не могъ оторвать своихъ взоровъ и мысли.

Съ пріѣздомъ генерала Корнилова трудъ по организаціи Добровольческой арміи былъ раздѣленъ. Къ генералу Алексѣеву отошли и въ его рукахъ остались далѣе денежныя дѣла арміи и политическія сношенія. Корнилову было передано все остальное вмѣстѣ со властью главнокомандующаго, т. е. всѣ военныя операціи и общее хозяйство арміи съ назначеніемъ всѣхъ чиновъ по нему. Калединъ былъ главою Донского правительства.—Этотъ тріумвиратъ и повелъ дѣло Добровольческой арміи.

Слабымъ членомъ его былъ Калединъ, и слабость его состояла въ томъ, что онъ никакъ не могъ найти въ себѣ рѣшимости взглянуть опасности прямо въ глаза, не пріуменьшая ея угрозы, и прямо и твердо сказать себѣ жестокую истину положенія:

— Мечта добиться сколько нибудь сносныхъ отношеній съ правительствомъ большевиковъ есть только мечта и мечта—пагубная! Должно немедленно готовить надежную силу противъ большевизма, готовить, пользуясь всякимъ часомъ времени, всѣми средствами, бывшими подъ руками.

И сила эта была одна—офицеры регулярной русской арміи!

Демобилизація русско-нѣмецкаго фронта выбросила ихъ массы въ крупные русскіе города, гдѣ они томились безъ дѣла и въ огромной части безъ средствъ къ жизни, вынужденные служить артельщиками, грузчиками, даже оффиціантами въ ресторанахъ. Лѣтомъ 1918 года подсчетъ показалъ, что въ тогдашней Украинѣ и вокругъ нея было офицеровъ: въ Кіевѣ 40.000, Екатеринославѣ 8.000, Полтавѣ 5.000, Симферополѣ 10.000, Херсонѣ 15.000, Харьковѣ 12.000, Елисаветградѣ 2.600, Минскѣ 10.000, Житомирѣ 5.000. Только въ этихъ городахъ ихъ было 107.000 чел., а во всей Россіи до 400.000 чел.. Въ нихъ была лучшая часть арміи, доблестная, глубоко перестрадавшая развалъ арміи и рвавшаяся въ борьбу съ большевизмомъ за возрожденіе великой и единой Россіи. Ихъ и слѣдовало вести на Донъ немедленно, сколько только было можно, напрягая все: борьба предстояла скорая и на смерть.

Если казаки возвращавшіеся съ фронта, были не надежны, ясно—ихъ не слѣдовало и посылать на защиту края отъ большевиковъ въ тылъ партизанамъ—Чернецовъ и погибъ отъ предательства своихъ же! Казаковъ слѣдовало отпустить на отдыхъ по домамъ и взамѣнъ ихъ доставить въ теченіе декабря-же въ Ростовъ 10—12,000 офицеровъ,—тогда это было вполнѣ возможно—и слабость казаковъ-фронтовиковъ потеряла бы всякое значеніе для края и Каледина! Дивизія офицеровъ, имѣя оружіе, бывшее тогда у Донского правительства, отбила бы нападеніе на край всякихъ скопленій большевиковъ, у нихъ же нашла бы нужное ей добавочное вооруженіе, а содержаніе ей обезпечили бы освобождаемые ею города.

Казаковъ-же фронтовиковъ черезъ мѣсяцъ, когда переломъ въ положеніи края былъ бы уже сдѣланъ не ими—слѣдовало призвать въ войска, выступающія изъ края далѣе въ Россію, но дать имъ жалованье 300 р. въ мѣсяцъ, какъ за особый походъ, дѣлаемый для всей Россіи, которая и должна была бы оплатить это жалованье и, конечно, легко оплатила бы его.

Объ всемъ этомъ мнѣ пришлось тогда же подробно говорить съ М. П. Богаевскимъ. Онъ видимо сочувствовалъ этимъ взгля-

дамъ, но практическая политика правительства по отношенію къ Добровольческой арміи и большевизму пошла совсѣмъ иной дорогой.

На Каледина сильно дѣйствовало напѣтываніе мѣстныхъ слабовольцевъ:

— Не будь „корниловщины“ на Дону, большевики оставили бы его совершенно въ покоѣ. Пусть добровольцы идутъ въ Россію, тамъ и дѣлаютъ, что хотятъ! А здѣсь изъ за нихъ весь Донъ страдаетъ и будетъ опустошенъ!

Временно сблизило Каледина съ Добровольческой арміей возстаніе большевиковъ въ Ростовѣ въ концѣ ноября 1917 г.

Большевики Ростова разогнали казачьи власти, заняли Нахичевань и двинулись на Новочеркасскъ. Калединъ и все войсковое правительство ростерялось: казаки отказались повиноваться и не шли противъ большевиковъ. Новочеркаскъ былъ беззащитенъ.

Спасъ тогда Донъ Алексѣевъ.

— Дайте мнѣ оружіе,—сказалъ онъ Каледину. У меня не много людей, но у насъ много вѣры въ Россію. Мы не можемъ погибнуть

Калединъ, до того не соглашавшійся выдать добровольцамъ винтовки, приказалъ открыть артиллерійскіе склады. Черезъ нѣсколько часовъ на Барачной улицѣ уже выстроился первый отрядъ алексѣевскихъ добровольцевъ--около 400 чел. Правофланговымъ стоялъ полковникъ, съ винтовкой какъ простой рядовой, рядомъ съ нимъ кадетъ, почти мальчикъ, рядомъ юнкеръ, и т. д. Подъ командой полк. Хованскаго и кап. Парфенова они— одинъ противъ двадцати— аттаковали нелѣпо рѣдкими цѣпями, въ которыхъ боецъ отъ бойца шелъ другъ отъ друга въ 30-40 шагахъ—большевиковъ, залегшихъ въ садахъ и за прикрытіями предмѣстья, и тѣ—побѣжали...

Ростовъ и Новочеркасскъ были на этотъ разъ спасены. 2 Декабря Калединъ побѣдителемъ въѣхалъ въ радостно привѣтствовавшій его Ростовъ.

Перемѣна была, однако,непродолжительна.

Когда пріѣхалъ Корниловъ, Калединъ вмѣсто того, чтобы вывести его на Войсковой кругъ, снять съ него открыто обвиненіе въ измѣнѣ, прославить его передъ казачествомъ Дона и тѣмъ къ своимъ силамъ присоединить новую крупнѣйшую силу, все старался заслонить его Алексѣевымъ, видимо боясь самого имени Корнилова, Калединъ все оправдывался отъ обвиненія въ „контръ-революціи“, но... 25 декабря все же подписалъ приказъ о назначеніи Корнилова Верховнымъ главнокомандующимъ!

Однако, главнокомандующій этотъ, хоть и верховный, могъ носить только сѣрый пиджакъ, но не мундиръ и погоны генерала. Это было бы слишкомъ „вызывающе“!..

Въ колебаніяхъ Каледина терялось невозвратимое время, а большевистское кольцо кругомъ Дона все смыкалось и смыкалось, пока къ половинѣ января не сомкнулось совершенно и притокъ офицерства извнѣ—сдѣлался невозможнымъ.

Организаторы Добровольческой арміи, Алексѣевъ и Корниловъ, тяжело нуждались во всемъ что было необходимо для ея роста и силы—въ людяхъ, снаряженіи, деньгахъ...

Одинъ изъ свидѣтелей этихъ дней разсказываетъ,какъ были получены первыя пушки Добровольческой арміи.

Съ этой спеціальной цѣлью партія артиллеристовъ отправилась въ экспедицію за сто верстъ отъ Новочеркасска и буквально выкрала одну пушку у 39-й пѣхотной дивизіи, пришедшей съ фронта въ раіонъ станціи Торговой.

Другія пушки были добыты не менѣе оригинально: Калединъ разрѣшилъ взять матеріальную часть батареи, пришедшей съ фронта. Казаки-артиллеристы въ выдачѣ ея отказали. Пришлось ихъ спаивать

для того, чтобы они согласились отдать пушки. Наконецъ, все уже пришло къ благопріятному концу, какъ вдругъ штабъ походнаго атамана извѣстилъ, что въ батарею назначено 60 чел. пополненія. Казаки вновь отказались выдавать имущество батарей:

— Что скажутъ товарищи изъ пополненія?

Пришлось посылать телеграммы съ просьбой отмѣнить присылку пополненія и въ концѣ концовъ пушки были получены.

Организаторамъ арміи, Алексѣеву и Корнилову, все имъ нужное для Добровольческой арміи приходилось готовить тутъ же на ходу событій, причемъ въ выборѣ и средствъ и людей они зачастую были связаны иногда явными и грузными цѣпями, а иногда тончайшими проволоками, которыя, хотя и не были видны, но держали отъ того не менѣе крѣпко.

Между Алексѣевымъ и Корниловымъ отношенія были очень легкія—искреннее и глубокое взаимное уваженіе. Но у каждаго былъ свой кругъ людей, которымъ всѣмъ надо было найти мѣсто въ дѣлѣ, не вызывая однако и обидъ и укоровъ въ предпочтеніи „своихъ“—вездѣ поэтому сажались явно лишніе люди, едва-ли не всѣ „отдѣлы“ были необычайно многолюдны и, какъ всегда при этомъ бываетъ, давали ничтожное количество дѣйствительно полезной работы: каждый разсчитывалъ на сосѣда.

Есть американская поговорка:

„Если хочешь, чтобы тебѣ служили,—возьми себѣ слугу.

„Если хочешь, чтобы тебѣ служили плохо,—возьми себѣ двухъ.

„Если хочешь, чтобы тебѣ совсѣмъ не служили,—возьми трехъ.

„Если хочешь, чтобы тебѣ служили хорошо,—служи себѣ самъ!“

Кромѣ всѣхъ иныхъ причинъ и отношеній свою роль играло тутъ конечно и „Быховское сидѣнье“... Какъ оставить въ сторонѣ отъ дѣла человѣка, который „вмѣстѣ сидѣлъ“ въ Быховѣ?! Тутъ самъ Корниловъ былъ пожалуй свободнѣе, чѣмъ не отбывавшій Быховскаго заточенія Алексѣевъ...

Въ эти дни въ Новочеркасскѣ „на огонекъ“ имени Каледина и Добровольческой арміи собралась цѣлая уйма людей разной цѣнности—„спасать Россію“.

Всѣ гостинницы въ городѣ были набиты биткомъ.

Всѣ эти люди предлагали свою „каплю меда“ и главное—себя!

Среди нихъ были и люди, достойные вниманія, были и люди, навязывавшіеся обстоятельствами и разными вліяніями, иногда очень сильными. Скоро они разобрались на двѣ главныя группы: цѣнныхъ работниковъ и людей личной карьеры прежде всего.

Первые вошли въ организацію Добров. арміи, занявъ въ ней рабочія должности, вторые составили шумливый кругъ, вскорѣ тѣсно сблизившійся на общей идеѣ, съ которою онъ и сталъ приставать къ триумвирату Каледина, Алексѣева и Корнилова именно:—„Для спасенія Россіи необходимо немедленно-же образовать правительство, распредѣливъ портфели между пріѣзжими „спасателями“.

Особенно рѣшительно противъ этого плана высказывался Корниловъ. По его мнѣнію слѣдовало прежде всего создать дѣеспособную армію, ею поднять надъ всѣмъ населеніемъ сильную и ясную для всѣхъ власть и тогда въ Россіи, успокоенной ею и очищенной, станетъ возможно и сильное правительство. Если же слагать правительство теперь-же, т. е. фактически правительство безвластное, то это значило бы, конечно, лишь служить дальнѣйшему паденію въ странѣ авторитета всякой власти и дальнѣйшему разложенію Россіи.

Среди спасателей повертѣлся на мигъ и Керенскій. Этотъ трагическій шутъ рус-

ской смуты, предавъ юнкеровъ и ударницъ въ Зимнемъ Дворцѣ и весь русскій народъ на разстрѣлъ,—бѣжалъ изъ Гатчины въ одеждѣ матроса, смѣнилъ потомъ этотъ костюмъ на одежду сестры милосердія и въ этомъ видѣ пробрался въ Вольскъ, гдѣ его сложное генеалогическое древо имѣетъ одинъ изъ своихъ корней.

Калединъ встрѣтилъ его сурово:

— Охраны я къ вамъ не поставлю, а безъ нея не могу быть увѣренъ, что здѣсь вы останетесь живы. Поэтому—уѣзжайте!

И трагическій шутъ уѣхалъ,—не совсѣмъ впрочемъ. Въ концѣ января его видѣли въ Ростовѣ въ Палассъ-Отелѣ. На немъ были темные очки и косоворотка...

Для разрѣшенія финансово-экономическихъ вопросовъ, вызывавшихся ходомъ организаціи Добров. арміи, образовалось въ Новочеркасскѣ „Экономическое Совѣщаніе“.

Съ удивленіемъ и болью я узналъ, что въ совѣщаніи этомъ по финансовой части главную роль играетъ такое финансовое ничтожество, какъ М. М. Федоровъ, по политической—такая темная неизвѣстность, какъ С. С. Щетининъ, затѣмъ тамъ участвуетъ семидесятилѣтнее „честное дитя“ П. Б. Струве, тригонометръ дипломатіи кн. Трубецкой, террористъ Б. Савинковъ, мужественно и успѣшно боровшійся съ царями Романовыми, но съ царями Ленинными вдругъ потерявшій и былую энергію, и „звѣзду“, и т. п...

— У васъ М. М. Федоровъ объявляетъ себя представителемъ московско-финансоваго центра,—сказалъ я Корнилову.—Но въ Петроградѣ-то хорошо извѣстно, что если гдѣ является имя М. М. Федорова, то это вѣрный признакъ, что тамъ крупныхъ денегъ нѣтъ и не будетъ, пока его не смѣнятъ другимъ.

— Похоже на правду!—какъ то для себя произнесъ Корниловъ сурово.

Онъ видимо былъ безсиленъ что либо измѣнить во всемъ этомъ.

— Никакого Московскаго финансоваго центра нѣтъ,—продолжалъ я...—Во всякомъ случаѣ не онъ—за спиною Федорова. Тутъ есть просто банковско-дѣлецкая операція: нѣсколько петербургскихъ банковъ сложились по 20—30 тысячъ каждый и, набравъ со всѣхъ 300—400 тысячъ, послали съ ними Федорова разнюхать, что дѣлается въ Новочеркасскѣ и нельзя ли тутъ устроить крупное и выгодное дѣло—напр. захватить подъ свой контроль государственный банкъ новаго Правительства при самомъ его зарожденіи?! 300—400 тыс.—вотъ все, что можетъ быть въ рукахъ у Федорова! Для „задатка“ это конечно не двугривенный всетаки, и получившій его легко повѣритъ, что давшій его такъ просто „съ перваго-же слова“—располагаетъ дѣйствительно десятками милліоновъ! Но вѣдь вы-то, какъ и ген. Алексѣевъ, орудіемъ биржи не согласитесь стать! Вы пойдете своимъ путемъ и—увидите, что послѣ первой выдачи Добровольческая армія отъ „московскаго центра“ не получитъ ничего! Деньги ей станутъ нужны до зарѣзу и—денегъ не будетъ! И Федоровы и „московскій центръ“ исчезнутъ тогда вдругъ и безъ остатка. Были и—нѣтъ ихъ! Надо на твердыя основы поставить армію сначала-же, пока есть время!

Корниловъ слушалъ сумрачно и молчалъ!

Увы, я оказался пророкомъ... М. В. Алексѣеву не мало доставилъ огорченій „московскій центръ“— и представители его, дѣйствительно, исчезли именно „вдругъ и безъ остатка“ въ самое критическое время!

9 января „Экономическое Совѣщаніе“ вызвало къ себѣ Корнилова. Члены совѣщанія опять потребовали отъ него учрежденія новаго временнаго правительства съ распредѣленіемъ портфелей между ними и одинъ изъ нихъ, подчиненный по арміи Корнилову человѣкъ, выступилъ съ фор-

мальнымъ обвиненіемъ въ томъ, что приближенные Корнилова готовятъ объявленіе его диктаторомъ при переводѣ арміи изъ Новочеркасска въ Ростовъ, что предполагалось въ половинѣ января—лицо-де это устроило слѣжку за своимъ главнокомандующимъ и его близкими и вотъ-де что эта слѣжка дала...

Корниловъ съ негодованіемъ ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ, что если только они осмѣлятся продолжать свои попытки захватить государственную власть, то онъ арестуетъ ихъ всѣхъ и научитъ правильно сознавать свои обязанности передъ страной. Въ отвѣтъ же на обвиненіе въ диктатурѣ онъ, бросивъ нѣсколько энергичныхъ словъ, послалъ по общему адресу выступавшихъ: „Мерзавцы!“ и вышелъ, такъ хлопнувъ дверью, что она едва не слетѣла съ петель.

Черезъ нѣсколько мгновеній онъ вернулся и сказалъ генералу Романовскому: „Иванъ Павловичъ, что вы ждете? Уходите и вы вонъ изъ этой компаніи недостойныхъ дѣльцовъ!“

На другой день „свои люди“ отправились къ нему извиняться. Онъ ихъ не принялъ. Пришлось М. В. Алексѣеву и Каледину ѣхать къ Корнилову уговаривать его... Только послѣ этого Федоровъ и К-о были допущены къ Корнилову извиниться, причемъ Корниловъ принялъ ихъ, стоя.

Переводъ арміи въ Ростовъ состоялся не безъ борьбы внутри самого штаба Добровольческой арміи: Корнилову было заявлено, что по той причинѣ, что въ Ростовѣ нѣтъ помѣщеній, достаточныхъ для штаба, переводъ этотъ невозможенъ!

Корниловъ отдалъ распоряженіе: армію перевести, а изъ штаба перевести въ Ростовъ тѣхъ, для кого окажется тамъ мѣсто, остальныхъ расформировать!

Черезъ полъ часа штабъ увѣдомилъ, Корнилова, что мѣсто въ Ростовѣ счастливо найдено для всего состава штаба!

Это показываетъ, въ какихъ отношеніяхъ видѣлъ себя Корниловъ даже къ тѣмъ, кто уже по долгу службы долженъ былъ бы быть его ближайшимъ помощникомъ.

Невѣроятно,но фактъ! Слагать организмъ арміи приходилась изъ того матеріала, который давали Россія и—случайность.

Обѣщанія „московскаго центра“ оказались банковскимъ пуфомъ. Деньги становились крайне нужны, а ихъ не было, и изъ за этого лопались одинъ за другимъ крупнѣйшіе шансы арміи.

Черкесскіе князья предложили Корнилову собрать и вооружить 3,000, а далѣе и до 9,000 конныхъ горцевъ и просили на вооруженіе 750,000 руб.

Это вдвое усилило бы армію Корнилова и давало ей прочность и совершенно новыя перспективы.

Правда, князья запрашивали по восточному, желая изъ вооруженныхъ частей три четверти удержать въ родномъ Баталпашинскомъ краю для поддержанія въ немъ порядка. Но Корниловъ сумѣлъ бы ихъ всѣхъ поставить въ строй и ввести въ кругъ своей стратегической операціи. Такъ онъ и смотрѣлъ на это „запрашиваніе“ князей.

На просьбу его объ этихъ деньгахъ ему, однако, было отвѣчено:

— Пусть горцы возьмутъ Владикавказъ. Тамъ въ Госуд. банкѣ лежитъ 30 милліоновъ золотомъ. Пусть Корниловъ возьметъ себѣ 15 мил., а другіе 15 мил. отдастъ Донскому правительству.

— Но я не диктаторъ,—отвѣчалъ Корниловъ,—я только генералъ. Взявъ эти деньги, я преступилъ бы свои права и сталъ бы въ глазахъ народа грабителемъ его достоянія, Я никогда этого не сдѣлаю.

— Но тогда мы можемъ дать только 150,000 руб.

Корниловъ отказался. Немного спустя Федоровъ возвѣстилъ, что „московскій центръ“ предоставляетъ арміи нужные 750,000 руб. Они-де уже приготовлены въ

Екатеринодарѣ: пусть поѣдутъ и получатъ ихъ!

Поѣхали и—ничего не получили!

Никакихъ 750,000 р. въ Екатеринодарѣ для Добров. арміи не оказалось!

Въ такихъ обстоятельствахъ трудно, бѣдно и мучительно рождалась армія и, рождаясь, будучи еще не устроенной и не вооруженной, она уже должна была идти въ бой и уже несла кровавыя жертвы.

Первымъ боемъ арміи, организованной и получившей свое нынѣшнее названіе,*) было наступленіе на Гуковъ въ половинѣ января. Отпуская офицерскій батальонъ изъ Новочеркасска, Корниловъ напутствовалъ его словами, въ которыхъ выразился точно его взглядъ на большевизмъ: по его мнѣнію это былъ не соціализмъ, хотя бы самый крайній, а призывъ людей безъ совѣсти людьми тоже безъ совѣсти къ погрому всего трудящагося и государственнаго въ Россіи. Онъ сказалъ:

— Не берите мнѣ этихъ негодяевъ въ плѣнъ! Чѣмъ больше террора, тѣмъ больше будетъ съ ними побѣды!

Впослѣдствіе онъ къ этой суровой инструкціи прибавилъ:

— Съ ранеными мы войны не ведемъ!

Но собственно первымъ активнымъ выступленіемъ арміи должно считать экспедицію на Царицынъ, прерванную на полдорогѣ и оставшуюся не гласной. Планъ этой экспедиціи былъ выработанъ талантливымъ полковникомъ корниловскаго штаба, получившимъ въ арміи въ роли безсмѣннаго коменданта ея штаба извѣстность „желѣзной руки"--А. В. Корвинъ-Круковскимъ. Подъ именемъ японскаго полковника Ака онъ жилъ въ станицѣ Нижне-Чирской, руководя оттуда дѣйствіями экспедиціи.

Выступленіе подготовлялось на вторую недѣлю января. По плану для захвата Царицына назначалось всего 55 офицеровъ, и этого числа—такъ былъ разработанъ планъ! — дѣйствительно достаточно было чтобы захватить городъ!—Учитесь русскіе города, стонущіе подъ игомъ насильниковъ! Но чтобы городъ удержать прочно, требовалась сила, конечно, большая, и ее обѣщали казаки—тысячу человѣкъ! Все было готово. Властители города, Мининъ и Эрмансъ, сами того конечно не зная, жили въ желѣзномъ кольцѣ неотступной слѣжки. Гарнизонъ рядомъ ложныхъ тревогъ отученъ былъ являться на тревоги. На станціяхъ ж. дорогъ особые агенты должны были прервать сообщеніе по линіямъ по первому приказанію.

Дѣло оставалось только за казаками, а тѣ по провѣркѣ вопреки всѣмъ завѣреніямъ своихъ командировъ оказались—на сторонѣ совѣтскихъ властей! Пришлось отказаться отъ замысла.

ВЪ РОСТОВѢ.

17 января Добровольческая армія наконецъ перешла изъ Новочеркасска въ Ростовъ. Корниловъ поѣхалъ въ городъ не по жел. дорогѣ, а лошадьми. Предосторожность оказалась основательной: по дорогѣ въ Ростовъ оси у вагона, въ которомъ долженъ былъ находиться Корниловъ, загорѣлись и едва избѣгнуто было крушеніе, —въ буксахъ, оказалось, былъ насыпанъ песокъ!

Корниловъ рвался немедленно уйти съ арміей изъ Ростова въ Ставропольскую губернію. Черезъ особую делегацію сильно звало его и въ Астрахань мѣстное казачество, увѣряя, что тамъ приготовлены для него и люди и 50 милліоновъ денегъ.

*) При первыхъ шагахъ организаціи арміи очень серьезно обсуждалось ея наименованіе именно для того, чтобы подчеркнуть ея полную безпартійность. Предлагалось „Общество... Союзъ возрожденія арміи". Въ концѣ концовъ тогда остановились на—„Кадръ для возсозданія арміи".

Калединъ удерживалъ его, давая всѣ обѣщанія, но ни одного не исполняя достаточно и своевременно.

Въ день перехода арміи въ Ростовъ среди тузовъ города подпиской въ одинъ вечеръ было собрано на поддержку Добров. арміи—6,500,000 р.,—сумма которая могла бы поставить ее на ноги! Но половину изъ этихъ милліоновъ „изъ такта“ отдали Донскому правительству, которое и истратило ихъ зря на политику соглашательства съ большевиками. Добровольческая же армія получила всего 2 милліона, да и то сборъ ихъ затянулся на недѣли... Ими были заткнуты дыры и—деньги опять стали нужны. Какъ однако было говорить о нихъ съ людьми, которые могли сказать:

— Но мы уже дали только что 7 милліоновъ!...

А въ то же время торгово-промышленный Ростовъ въ массѣ своей ясно сознавалъ свое положеніе и искренно готовъ былъ помочь арміи. Но неудачны были посредники отъ него, которые видимо не сознавали достаточно ни угрозы, витавшей надъ городомъ, ни силы столь „маленькаго“ Корнилова, ни всего желанія ростовцевъ помочь арміи.

Въ Ростовѣ Добровольческой арміи стало труднѣе тѣмъ, что кромѣ боевъ на фронтѣ ей пришлось взять на себя и борьбу съ попытками большевиковъ къ выступленіямъ внутри города,—т. е. въ сущности полицейскую службу въ городѣ. Въ это время большевики прекратили притокъ добровольцевъ въ армію изъ прочихъ мѣстъ Россіи, прервавъ для Ростова всѣ сообщенія съ нею, и ежедневныя потери, вызывавшіяся боями на фронтахъ, оставались безъ пополненія.

Корниловъ съ раздраженіемъ жаловался:

— Сколько молодежи слоняется толпами по Садовой! Если бы хотя пятая часть ея поступила въ армію,—большевики перестали бы существовать. Я и защищать снаружи городъ долженъ, и полицейскій порядокъ въ немъ поддерживать своей арміей!.. Это невозможно... Я уйду!..

Отдѣлъ записи въ Добровольческую армію доносилъ Корнилову, что въ городѣ живетъ 16.000 офицеровъ, поступило же въ армію едва 200—300. Предсѣдатель домового комитета одного изъ крупнѣйшихъ домовъ въ Ростовѣ, разсказывалъ мнѣ, что въ то время онъ обошелъ весь домъ этотъ, чтобы выяснить сколько въ немъ мужчинъ, способныхъ нести службу по охранѣ дома? Въ каждой почти квартирѣ онъ находилъ одного, двухъ и даже трехъ молодыхъ людей 20—27 лѣтняго возраста, обыкновенно въ столовой, въ обществѣ хозяйки и ея дочерей. Люди эти были очень похожи на офицеровъ-жильцовъ, но по словамъ хозяекъ они неизмѣнно оказывались или просто знакомыми, или пріѣзжими на одинъ-два дня: „Завтра они уѣзжаютъ!“...

Я слышалъ о записи въ Добровольческую армію многихъ присяжныхъ повѣренныхъ Ростова, о томъ, что одинъ изъ нихъ, поступивъ въ нее самъ сдѣлалъ даже завѣщаніе въ ея пользу, переведя на нее свое состояніе—что-то 2-3 милліона. Я спросилъ объ этомъ Корнилова, назвавъ и имя этого добровольца.

— Не знаю о такомъ. Можетъ быть и записался, но у меня въ арміи его нѣтъ. Записи есть—бойцовъ нѣтъ,—съ обычной ясной точностью опредѣленія отвѣчалъ мнѣ Корниловъ.

Травля „юнкарей“ мѣстными большевиками по Ростову привела къ столкновенію на вокзалѣ. Юнкера дали залпъ. Калединъ разрѣшилъ похоронить убитыхъ, какъ „жертвъ междоусобной войны“—съ торжественной процессіей и плакатами. Я видѣлъ эту процессію, несшую гробы нарочно съ открытыми крышками, читалъ крикливыя надписи на плакатахъ, и думалъ:

— Калединъ съ ума сошелъ!

Корниловъ послалъ Каледину письмо, въ которомъ предсказалъ ему, что такимъ образомъ дѣйствій онъ готовитъ себѣ участь Духонина.

Калединъ отвѣтилъ на это тѣмъ, что застрѣлился,—когда войсковое правительство подало въ отставку.

Недѣля, начавшаяся самоубійствомъ Каледина,—29 февраля была предпослѣднею въ пребываніи Добровольческой арміи въ Ростовѣ.

Уходъ Корнилова изъ Ростова съ каждымъ днемъ становился неизбѣжнѣе, но и въ эти послѣдніе дни я не хотѣлъ вѣрить этому.

Я зналъ, что городъ искренно не желаетъ возвращенія большевиковъ, что всякихъ средствъ помочь Добровольческой арміи стать на ноги, въ немъ—избытокъ, что онъ прямо „кишками“ хочетъ своего спасенія, но не умѣетъ найти дорогу къ Корнилову, а Корниловъ, не получая помощи отъ Ростова сколько нибудь крупной, заслоняемый отъ общественныхъ круговъ неудачными посредниками, приходилъ въ раздраженіе и глубокое разочарованіе.

— Вы говорили—сказалъ онъ мнѣ 23 января,—что домовые комитеты дадутъ мнѣ внутреннюю охрану города и избавятъ меня хотя отъ этого. Ничего этого не дѣлается!

— Но я знаю, что домовые комитеты прямо мечтаютъ объ этой с в о е й охранѣ города:—положеніе жителей не-большевиковъ становится съ каждымъ днемъ опаснѣе... И средства у нихъ есть. Я наведу справки и завтра-же скажу вамъ, въ чемъ дѣло.

На другой день я передалъ Корнилову записку:

СПРАВКА.

„Около 10 дней назадъ С. С. Щетининъ, „начальникъ политическаго отдѣла“ Добровольческой арміи,*) обратился къ союзу домовыхъ комитетовъ г. Ростова съ предложеніемъ отъ штаба Добровольческой арміи организовать наружную охрану на улицахъ гор. Ростова.

„Союзъ домовыхъ комитетовъ экстренно выбралъ въ комиссію съ г. Щетининымъ двухъ представителей отъ себя, г.г. Репиха и Шарфа, для выработки предложенной организаціи и спѣшнаго проведенія всего этого дѣла, и сообщилъ г. Щетинину, что отъ торгово-промышленнаго общества г. Ростова онъ для этой цѣли располагаетъ суммой въ 1.000.000 р. на ближайшіе мѣсяца.

„Получивъ всѣ данныя и справки, г. Щетининъ взялъ на себя выработать проэктъ организаціи, но съ тѣхъ поръ уже болѣе недѣли члены комиссіи тщетно добиваются видѣть его: ни лично, ни по телефону это имъ не удается и все дѣло лежитъ подъ сукномъ не по винѣ домовыхъ комитетовъ, но прямо вопреки ихъ желаніямъ, добросовѣстнымъ усиліямъ и наличію уже приготовленныхъ ими крупныхъ средствъ“.

24 Января 1918 г.

Алексѣй Суворинъ

Корниловъ сейчасъ же велѣлъ позвать ген. Лукомскаго, начальника штаба арміи и далъ ему прочесть справку:

— Если дѣло будетъ такъ вестись, то толкъ будетъ такой-же какъ въ дѣлѣ съ горцами! —сказалъ онъ.

Конечно, дѣло немедленно сдвинулось съ мертвой точки. Корниловъ обѣщалъ союзу домовыхъ комитетовъ офицеровъ и оружіе для устройства охраны. Выработана была вся организація ея, но—охраны въ городѣ все-же на дѣлѣ не являлось!

*) Мнѣ сообщаютъ, что тогда г. Щетининъ былъ только помощникомъ начальника политич. отдѣла, которымъ состоялъ полк. Лѣсовой.

Новая задержка произошла отъ того, что этой охраной задумалъ, воспользоваться г. Гольдинъ, предс. торг. пр. комитета Ростова, чтобы вѣрнѣе застраховать свое личное благополучіе на случай прихода большевиковъ.

Дѣло стояло въ этотъ моментъ только за выдачей уже обѣщанныхъ денегъ.

Торг. пр. комитетъ собрался въ воскресенье 4 февраля и постановилъ выдать союзу домовыхъ комитетовъ 200.000 р., какъ первый свой взносъ на охрану города. Но Гольдинъ тутъ же внесъ предложеніе—изъ этихъ денегъ 80.000 руб. передать городской думѣ съ тѣмъ, чтобы она приняла участіе въ охранѣ вмѣстѣ съ совѣтомъ рабоч. депутатовъ, у котораго-де есть и прекрасный матеріалъ для новыхъ милиціонеровъ въ лицѣ 5.000 безработныхъ рабочихъ. Казалось бы было вполнѣ безумно брать защитниковъ отъ красногвардейцевъ изъ самыхъ красногвардейцевъ-же, но личный разсчетъ г. Гольдина былъ безошибоченъ—какъ всякое предательство, разъ стыдъ вполнѣ отложенъ въ сторону:

— Если предложеніе пройдетъ, то 80 000 руб. комитетскихъ денегъ, конечно выброшены будутъ въ окно, но онъ-то, Гольдинъ, во всякомъ случаѣ будетъ человѣкомъ, благодаря которому ростовскіе большевики получили эти деньги, а это очень важно на случай прихода большевицкихъ войскъ въ Ростовъ!

Если же предложеніе провалится, то въ случаѣ этого прихода большевиковъ будетъ все же фактомъ то, что г. Гольдинъ совѣтовалъ дать 80.000 р. большевицкому совѣту рабочихъ депутатовъ—не его вина, что ихъ не дали!

Рѣшено было собраніемъ пересмотрѣть вопросъ ассигновки на новомъ совѣщаніи—черезъ недѣлю, 11 февраля.

Корниловъ мнѣ говоритъ:

— А дѣло съ охраной стоитъ—все только разговоры!

Я разсказалъ ему, въ чемъ была задержка. Въ проницательныхъ глазахъ генерала сверкнулъ свѣтлый, холодный огонекъ:

— Въ сущности, я въ нихъ вовсе не нуждаюсь... Я просто уйду! Не хотятъ спасти себя—я армію на охрану такого города растрачивать не стану!

Это было 8 февраля. Мнѣ не хотѣлось вѣрить словамъ генерала и я поѣхалъ по ростовскимъ именитостямъ—неужели ничего нельзя сдѣлать, чтобы выбить спасеніе города изъ Гольдинскаго капканчика?!

Въ этотъ день къ вечеру большевики наперли артиллеріей и пулеметами на Темерникъ, западное предмѣстье города. Утромъ 9-го бой шелъ уже около вокзала.

Въ 3 часа дня я былъ у команд. воен. округомъ ген. А. П. Богаевскаго и передалъ ему просьбу многихъ видныхъ капиталистовъ города, чтобы онъ просто приказалъ имъ внести на охрану города, сколько онъ сочтетъ нужнымъ, и они внесутъ съ охотою и немедленно, но пусть это будетъ для нихъ по приказанію свыше, а не жертвой отъ нихъ, ибо иначе имъ придется ждать себѣ мести отъ „товарищей“.

Генералъ сдѣлалъ отмѣтку въ записной книжкѣ и съ особенной улыбкой сказалъ:

— Сдѣлаю... если будетъ у насъ время...

Черезъ полчаса въ штабѣ Добровольческой арміи я узналъ разгадку улыбки генерала:—мнѣ сказали, что въ 5 часовъ сегодня армія выходитъ изъ города въ Аксай и далѣе, въ Ольгинскую станицу за Донъ.

Послѣдніе дни передъ уходомъ.

Мучительные дни—послѣдніе дни передъ уходомъ Добровольческой арміи изъ Ростова!

То, что я видѣлъ въ теченіе ихъ, больно вспоминалось мнѣ много разъ потомъ, но тогда я еще не понималъ вполнѣ все-

го ужаса происходившаго—чего именно сѣмена сѣялись въ эти злые часы...

Много тутъ было рокового, бывшаго просто послѣдствіемъ общаго положенія арміи, еще не собравшей самое себя, а уже вынужденной выступать всѣмъ организмомъ, какъ армія, вполнѣ сформированная. Во многомъ тутъ она безсильно билась противъ силы вещей и обстоятельствъ, но многое зависѣло и отъ людей и я долженъ сказать и о нихъ:

„Кому-же честь—честь, кому-же судъ—судъ"!..

Ихъ ошибки, недогляды, злоупотребленія потомъ были кровью оплачены арміей въ бояхъ поразительной доблести и какою кровью! Лучшей кровью лучшей по составу арміи не только Россіи, но и всего міра!

Сама армія еще не сложилась въ своемъ управленіи, а передъ нею уже встала новая задача—приготовиться къ походу неопредѣленной продолжительности, что требовало новой совсѣмъ особенной организаціи, а времени на все это было конечно—какое-же!

Все кругомъ только что налаженное стало словно сыпаться и разсыпаться на глазахъ у всѣхъ, фатально, неудержимо!...

Составъ новыхъ учрежденій арміи еще не сработался хотя сколько нибудь, и въ этихъ условіяхъ конечно и опытнѣйшій организаторъ-практикъ лишь съ великимъ трудомъ добился бы отъ него согласованности и толковости утопленныхъ дѣйствій, но судьба хотѣла, чтобы начальникомъ былъ назначенъ ген. Эльснеръ, человѣкъ по личной порядочности, интеллигентности и исполнительности можетъ быть и превосходный помощникъ по всякой самой отвѣтственной бумажной работѣ, но никоимъ образомъ не хозяинъ и не организаторъ.

Тяжелыя испытанія, которыя далѣе вынесла армія, рѣзко и особенно явно подчеркнули недостатки и недочеты въ личныхъ качествахъ ген. Эльснера, какъ начальника и организатора. Это должно имѣть въ виду тѣмъ, кто хочетъ быть къ нему справедливымъ. Но самому дѣлу самой арміи отъ этого было не легче! Въ дѣйствіяхъ отдѣла снабженія при ген. Эльснерѣ поражало какое то чисто штатское непониманіе самой техники военнаго дѣла: армія наша ушла изъ Ростова почти безъ протирокъ для винтовокъ и безъ шанцевого инструмента и—другой полюсъ дѣла снабженія арміи!—безъ самаго куцаго радіо, а между тѣмъ будь онъ у насъ, мы могли бы напр. своевременно извѣстить Екатеринодаръ о своемъ приближеніи, и Покровскій не ушелъ бы изъ него наканунѣ нашего прихода т. е. весь походъ былъ бы другой по своему ходу и результату.

Многое, очень многое, что было именно нужно для арміи, для ея дѣла и успѣха и чего въ Ростовѣ были массы и горы—все это со стороны отдѣла снабженія осталось неоцѣненнымъ по дѣйствительному для всего похода значенію и вѣсу—осталось для арміи не собраннымъ и въ походѣ свой она ушла всего со 120 патронами на ружье, не говоря уже о прочемъ... а въ городѣ были огромные запасы всякаго снаряженія, тысячи лошадей и повозокъ годныхъ для сформированія первокласснаго обоза и у отдѣла снабженія право и фактическая власть для реквизиціи!

Надо было только толково и своевременно распорядиться.

Другая, уже чисто личная черта ген. Эльснера, дорого обошедшаяся арміи во время похода, была—его показная строгость къ подчиненнымъ, а на дѣлѣ прямо безпомощная слабость передъ ними, создававшая имъ полную безнаказанность, хотя достояніе, силы и шансы арміи на успѣхъ растрачивались ими прямо безумно на глазахъ у всѣхъ. Прямо руки опускались у всякаго, кто входилъ въ соприкосновеніе съ канцеляріей ген. Эльснера, ея нерадивостью къ дѣлу и увѣренностью, что—„ничего за это не будетъ!" И это наслѣд-

ство ген. Эльснеръ оставилъ таки на долго послѣ себя своему отдѣлу!

Кромѣ снабженія для арміи было еще болѣе важное—деньги!

Первые стратеги міра во всѣ времена твердили: „Для войны нужны три вещи—деньги, деньги и деньги“! А денежный вопросъ и не былъ устроенъ въ арміи.

Отъ союзниковъ имѣлись только обѣщанія, которыя такъ и остались ими не исполнены: точно и опредѣленно принятыя ими на себя въ январѣ обязательства о ста милліонахъ руб. были ими прямо и просто нарушены—деньги эти не были получены и въ іюнѣ.

Федоровы конечно оказались тѣмъ, чѣмъ они и были—развѣдчиками финансистовъ, а не представителями какого то „Московскаго центра“, только отнявъ отъ себя дорогое и невозвратимое время.

Къ іюню минувшаго лѣта Добровольческая армія получила отъ русскаго общества и народа—какъ мнѣ сказалъ тогда М. В. Алексѣевъ— всего 2.000.000 р. отъ г. Ростова, 600,000 разныхъ пожертвованій, 353,000 р. отъ „Московскаго центра“ черезъ Федорова (какъ я угадалъ даже цифру!) и —только! Все остальное было доставлено Донскимъ правительствомъ изъ доходовъ, собираемыхъ на общегосударственныя надобности—добавлено скупо, послѣ долгихъ потяготъ и всегда мучительно запоздало. Легко понять, какимъ сплошнымъ страданіемъ была работа М. В. Алексѣева надъ созданіемъ для Россіи арміи, ежеминутно могущей потерять дыханіе подъ самыми его руками изъ за недостатка денегъ, и денегъ ничтожныхъ для огромной страны!

Деньги—главное для всей техники войны!

Когда поймутъ это русскіе люди?

Какъ, русскіе люди, можете вы спастись отъ общаго врага, не соединяя своихъ силъ противъ него, и этихъ силъ не давая наличіемъ и своевременно!?

Вѣдь и въ 1612 г. русская смута пошла къ прекращенію лишь съ того момента, когда мясникъ Мининъ въ Нижнемъ-Новгородѣ сталъ собирать на борьбу съ нею общерусскую государственную казну,—правильно понявъ тріединую истину: „Для войны нужны три вещи: деньги, деньги и деньги“!

И къ этой общерусской народной казнѣ тогда и стали стекаться огромныя силы со всего огромнаго государства, ибо придя къ нѣй каждый воинъ тутъ же и разомъ получалъ все, что ему надо было отъ государства: содержаніе, оружіе и мѣсто въ строю. И вотъ настоящая, а не игрушечная армія стала неудержимо быстро слагаться тамъ, гдѣ явилась казна, для того достаточная! Между тѣмъ еще и доселе въ роли Минина не выступилъ ни одинъ русскій человѣкъ, и въ роли Нижняго-Новгорода ни одинъ русскій городъ, а всѣ ждутъ спасенія... и —ждутъ!

Люди все еще разсчитываютъ, что кто то имъ со стороны принесетъ ихъ освобожденіе:

— Это дѣло союзниковъ—дать намъ деньги и оружіе! Непременно они дадутъ... Вѣдь имъ же это выгоднѣе!.. Должны же они сообразить!

Нѣтъ! Если не говорить о прямыхъ обязательствахъ союзниковъ Добровольческой арміи, ими пока не исполненныхъ, то должно вообще сказать, что спасать людей, которые имѣютъ средства для своего спасенія, но ждутъ, что ихъ дадутъ имъ со стороны другіе—такихъ людей спасать не стоитъ и это не можетъ быть задачей сколько нибудь разумнаго человѣка. Такіе люди—ясно!—и не сознаютъ достаточно формы своего государства, его отдѣльной личности. Они чувствуютъ только себя, а не „народъ“ и потому они и ихъ народъ есть просто пластическій матеріалъ, ѣда для другихъ народовъ, безъ своей собственной формы и костей и дѣйствительной государственности,—это

63.166

мягкотѣлыя улитки безъ своей скорлупы! Что и спасать для нихъ эту ихъ несуществующую скорлупу, эту ихъ несуществующую государственность?! Иное однако дѣло, если людямъ средствъ только не хватитъ, но начало ихъ будетъ ими положено, будетъ явно проявлена живая воля, человѣческая и народная, къ спасенію своей государственной силы и формы,—тогда конечно и сочувствующимъ сосѣдямъ придетъ время и чередъ помочь недостатку силъ, а не полному же ихъ отсутствію! Свое русское дѣло надо начать самимъ русскимъ, и есть же они!!.

Бисмаркъ правъ былъ, сказавъ:—„Національные вопросы рѣшаются кровью и желѣзомъ". И кровь будетъ литься на Руси, и голодъ моромъ ходить по ея пространствамъ, пока своими средствами Россія не выкуетъ своего желѣза для своего спасенія,—пока она не создастъ общей казны для созданія общерусской арміи.

Этому разуму ее научитъ рядъ бѣдствій, все худшихъ и худшихъ. Время Мининыхъ уже близко, ибо уже во многихъ мѣстахъ приблизилась вплотную Россія къ положенію, которое одинъ изъ иностранцевъ, бывшихъ въ Москвѣ въ послѣдніе годы Борисова царствованія, описывалъ словами:

„Свидѣтельствуюсь истиной и Богомъ, что въ Москвѣ я видѣлъ собственными глазами людей, которые валяясь на улицѣ, лѣтомъ щипали траву, подобно скотинѣ, а зимою ѣли сѣно. У мертвыхъ находили во рту вмѣстѣ съ навозомъ человѣческій калъ... Вездѣ отцы и матери душили, рѣзали и варили своихъ дѣтей, дѣти—своихъ родителей, хозяева—гостей. Мясо человѣческое, мелко изрубленное продавалось на рынкахъ за говяжье въ пирогахъ".

Это было въ Москвѣ и кругомъ ея, когда во время голода, царь Борисъ сталъ безплатно кормить народъ изъ царскихъ житницъ и потомъ прекратилъ это, увидѣвъ, что все равно не прокормишь всѣ голодныя толпы, хлынувшія въ Москву на „царскій паекъ". Вотъ тогда-то голодъ и взялъ себѣ жатву!..

Но развѣ не тотъ же „Борисовъ паекъ" раздаютъ теперь совѣтскіе комиссары, успокаивая и дурача населеніе выдачей ему одной восьмой фунта хлѣба въ день, и въ тотъ день, когда вовсе прекратится подвозъ вагоновъ съ хлѣбомъ въ города, развѣ они, не какъ Борисъ, скажутъ: „а теперь кормитесь чѣмъ знаете!", и покажутъ на траву среди камней мостовой?! Что въ городѣ иное и можно показать? И по многимъ городамъ это уже сказано и если въ деревняхъ жители какъ-нибудь еще пробьются съ новымъ урожаемъ, то въ городахъ за это лѣто и осень вымретъ не менѣе 10.000.000 народа отъ прямого голода, особенно дѣтей!

Въ газетахъ конца этого августа встрѣчаются развѣ не тѣ-же извѣстія о Петроградѣ, какія современникъ сообщалъ о голодѣ въ Борисовской Москвѣ? Читайте!

„Г-жа Коллонтай разсказываетъ о нынѣшнемъ Петроградѣ: „Петроградъ доживаетъ свои послѣдніе большевистскіе дни. Всюду царитъ продовольственный ужасъ. Бывали сцены, когда голодные сдирали свѣжо наклеенныя афиши и слизывали клейстеръ, составленный Богъ вѣсть изъ чего, но только не изъ муки. Царство кромѣшнаго разврата. Приличныя дѣвушки котируются „обѣдомъ съ ломтикомъ хлѣба".

„Николаевъ, 30—VIII. Прибылъ представитель всерос. союза городовъ и черезъ общественныя организаціи обратился къ населенію съ призывомъ принять участіе въ судьбѣ истощенныхъ и мрущихъ отъ голода Петроградскихъ дѣтей. Часть дѣтей предполагается вывезти въ Херсонскую губернію".

Конечно, получи Добровольческая армія своевременно все необходимое отъ Р стова, что было вполнѣ по силамъ и сред-

ствамъ города—она сама пробила бы ту ограду, которую большевики устроили кругомъ ея, захвативъ желѣзныя дороги, и не позволила бы прекратить къ себѣ притокъ силъ со всей Россіи.

И образованіе общерусской арміи началось бы тогда же въ Ростовѣ широко на всю Россію, и не коснулись бы города горькіе и кровавые дни разстрѣловъ и дневного грабежа, унесшіе невозвратимо тысячи жизней изъ семей ростовскихъ жителей и сотни милліоновъ рублей изъ ихъ кармановъ!

Но Россія спасется!.. Это чувствуютъ всѣ... И потому—рядъ несчастій не отступится отъ нея, пока она не возьмется за спасеніе свое, какъ давно твердитъ ей разумъ!

И все тяжелѣе и тяжелѣе будутъ несчастья, все больнѣе жечься ими будетъ душа народа, но—часъ придетъ, хотя многіе изъ нынѣшнихъ не увидятъ его, поплатившись за неподвижность свою и въ себѣ самихъ, и въ семьяхъ своихъ! Казачки на Дону легко терпѣли, пока большевики жгли у ихъ мужей хутора—это-де было „несчастье“! Но когда у нихъ грабители открыли сундуки и стали тащить оттуда холсты и все накопленное, ихъ личное, трудовое—онѣ полѣзли на большевиковъ и мужей своихъ на нихъ послали. И мужья эти, пока жгутъ у нихъ хаты и овины снарядами, „реквизируютъ“ лошадей и „мобилизуютъ“ сыновей, тоже считаютъ это только „несчастіемъ“, но когда домъ имъ будетъ оставляться даже въ цѣлости, а только хлѣбъ выскребаться у нихъ будетъ подъ лопатку на чисто—тогда они поймутъ, что защищаться противъ этого они смогутъ не силами отдѣльнаго села или области, а только силами всего государства и скажутъ, отворачивая полу: „Чтобы отвести бѣду сколько надо? Все отдамъ!“ Это будетъ!! Но раньше должна пасть на Россію, на жизнь въ ней каждаго, на семьи ихъ—несчастья еще горшія!.. И придутъ они!.. Огнемъ ихъ прояснится разумъ и согрѣется и потеплѣетъ сердце во всѣхъ... И это будетъ, ибо—это нужно для избавленія Россіи отъ бѣдъ!

Я вѣрю непоколебимо въ Россію и не обольщаюсь о ней нисколько. Я не логикой, но гораздо убѣдительнѣе для себя понимаю, что двѣстимилліонный народъ вразумляется испытаніями лишь во много разъ тягчайшими, и во много разъ медленнѣе, чѣмъ народъ сорокамилліонный... Потому-то западные народы такъ невѣрно представляютъ себѣ психику русскаго народа и его судьбы! И для двухсотмилліоннаго народа еще не поздно повернуть ко спасенію, когда сорокамилліонный сталъ бы уже давно коченѣющимъ мертвецомъ.

Бѣды, опрокидывающіяся на Россію, ни одна изъ нихъ, не вызываетъ ни въ одномъ изъ живущихъ въ ней народовъ злобы и раздраженія противъ нея. Напротивъ! Уже близко время, когда всѣ сознательные люди на Руси, каковъ бы ни былъ языкъ ихъ дѣтства—русскій, украинскій, грузинскій, армянскій, татарскій,—твердо и открыто признаютъ себя народомъ русскимъ, полюбятъ это спасающее имя новою выстраданною любовью, поймутъ, что оно даетъ всѣмъ людямъ на пространствѣ одной шестой вселенной общую крышу и объединяетъ ихъ силы въ одну силу около общихъ цѣлей человѣчества и цѣлей личныхъ ихъ самихъ и—положить жизнь за други своя, сдѣлать все для защиты общаго дома и крова—имъ станетъ понятнымъ и желаннымъ!.. И сдѣлаютъ они все для спасенія Россіи и начнется для нея—дорога къ возрожденію!

Эту вѣру во власть имени Россіи надъ всѣмъ живущимъ въ ней укрѣпилъ во мнѣ тотъ же Ростовъ—его женщины...

Вотъ кто оказался въ Ростовѣ на высотѣ, достойной себя!!! Именемъ согрѣтыхъ, накормленныхъ, перевязанныхъ, утѣшенныхъ, успокоенныхъ и сердцемъ возрожденныхъ раненыхъ и всячески бѣдствовавшихъ добровольцевъ арміи—имъ низкій до земли поклонъ!

Ростовскія женщины сдѣлали все, что могли. Утромъ жена офицера обратилась къ В. И. Кравченко, разсказавъ горькое злополучіе своего положенія и вечеромъ было уже организовано и работало „Общество помощи Добровольческой арміи".

Съ фронтовъ прибывали уже раненые, а помѣщенія для нихъ не было приготовлено въ городѣ, гдѣ однако числилось до 23.000 коекъ по больницамъ. Большой лазаретъ при лѣтнемъ Коммерческомъ клубѣ былъ занятъ ранеными большевиками и Земск. Союзъ и ген. Эльснеръ тщетно хлопотали освободить его.

Взялись женщины и большевики тутъ же согласились очистить его—300 коекъ были готовы втеченіе сутокъ для пріема раненыхъ добровольцевъ.

На собраніяхъ родителей обсуждались нужды и идеи Добровольческой арміи, ибо матерямъ особенно видно было, какъ пылко увлекались ею ихъ сыновья. Нѣкоторые жаловались на этихъ собраніяхъ, что армія принимаетъ въ свои ряды и гимназистовъ и требовали протеста родителей противъ этого, но всѣ возраженія побѣдилъ одной фразой, представитель молодыхъ, ученикъ 7-го класса Лашкевичъ, если не ошибаюсь въ фамиліи, который послѣ долгихъ дебатовъ родителей на тему о протестѣ, вышелъ на кафедру и сказалъ:

— Господа родители! Скажу вамъ одно: не калѣчьте своихъ дѣтей и ихъ порывъ!

И только! Всѣ возраженія смолкли, хотя многія тутъ-же расплакались... Сердце матери было призвано къ героизму. Оно дало его, но потряслось глубоко...

Главное вниманіе ростовскихъ дѣятельницъ привлекли конечно раненые. Ихъ безпризорность и безпомощность вопіяли къ небу.

Положенныхъ въ общіе госпитали добровольцевъ прислуга-большевики „бойкотировала"—не давала имъ ни лекарствъ, ни прочаго ухода. Навѣщавшимъ раненыхъ приходилось давать санитарамъ по пяти рублей лишь бы они перенесли раненаго съ постели на постель! Когда же большевики подошли къ Ростову ближе, то прислуга отъ большой совѣсти, а особенно отъ большаго ума прямо грозила прикончить присылавшихся добровольцевъ.

Уже нѣсколько недѣль санитарной частью и лазаретами арміи завѣдывалъ Г. Г. Карановичъ, въ обходъ неизмѣримо серьезнѣйшихъ кандидатовъ назначенный молодой „заурядъ-врачъ".

Время шло, но при д-рѣ Карановичѣ у арміи не было ни лазарета, ни летучекъ.

Женщина врачъ Пархомова, увидѣвъ на вокзалѣ самолично, какъ преступно небрежно вываливались тамъ изъ вагоновъ раненые, оставаясь по двѣнадцати часовъ безъ перевязки и помощи, какъ сестры милосердія, чтобы перевязать ихъ, должны были рвать свои юбки—и все это въ столицѣ Донского края!—разсказала это на собраніи врачей въ Патологическомъ Институтѣ*) и врачи, студенты и курсистки

*) Чтобы читатель могъ яснѣе представить себѣ самый воздухъ, тяжелый и нездоровый, въ которомъ шла подготовка и снабженіе Добровольческой арміи „силами общества", полезно добавить: г-жа Пархомова работала собственно въ Бактеріологическомъ Институтѣ (то же зданіе что и Патологическій Ин-тъ, но помѣщеніе этажемъ выше), но вызовъ свой она сдѣлала въ институтѣ Патологическомъ; тамъ же началась и запись врачей и сестеръ для работы по Добровольческой арміи и составлены были списки дежурствъ. Проф. Барыкинъ, директоръ Бактеріологическаго Ин-та прославившій себя потомъ открытой службой съ большевиками, подумалъ что ужасъ этотъ былъ совершенъ г-жей Пархомовой у него, въ Бактер. Ин-тѣ, и сдѣлалъ было ей жестокій выговоръ, но дѣло объяснилось и въ формѣ компромисса списокъ врачей и сестеръ, записавшихся на работу по Добров. арміи, былъ вывѣшенъ на нейтральной почвѣ—въ корридорѣ между двумя Институтами. Вскорѣ однако онъ былъ похищенъ неизвѣстно кѣмъ и это вызвало большую тревогу среди записавшихся, такъ какъ попади списокъ этотъ въ руки большевицкихъ штабовъ, по нему могли бы быть аресты и разстрѣлы. Авторъ покражи такъ и остался невыясненнымъ.

Ген. Михаилъ Васильевичъ
АЛЕКСѢЕВЪ.

Ген. Антонъ Ивановичъ
ДЕНИКИНЪ.

лынули къ арміи, неся свою помощь и аботу. Я видѣлъ ее, эту работу, и изумлялся! Большевики уже подходили къ Ростову, о возможномъ уходѣ Добровольческой арміи изъ Ростова и непремѣнной мести большевиковъ всѣмъ, кто ей будетъ помогать, говорили вездѣ и—работа кругомъ раненыхъ кипѣла самоотверженная, трогающая! Было сдѣлано все, что могло сдѣлать чудесное сердце русской женщины и ея золотыя руки!

Д-ръ Карановичъ сваливалъ на ростовскихъ дамъ всѣ заботы о раненыхъ и продолжалъ ничего не дѣлать самъ.

В. И. Кравченко получила увѣдомленіе, что на вокзалъ ожидаются 70 тяжело раненыхъ... Когда?—Можетъ быть уже черезъ два часа,—неизвѣстно! Съ г-жей Луниной онѣ бросаются на вокзалъ—тамъ все пусто, грязно; въ нетопленныхъ комнатахъ стоитъ уличный холодъ. Карановичъ не прислалъ ни куска марли для перевязки раненыхъ... Черезъ два часа дѣйствительно раненые прибыли и были—согрѣты, накормлены, перевязаны, утѣшены, но чудо это было сдѣлано исключительно любовью женскаго сердца.

Все было найдено, откопано втеченіе двухъ часовъ по всѣмъ угламъ города и, когда не оказалось чашки, чтобы принять кому тяжело раненаго, только что переодѣтаго въ чистую рубашку, которую сейчасъ смѣнить стоило бы новыхъ мученій страдальцу—„дама—буржуйка“ подставила свои горсти и въ нихъ приняла рвоту...

Отчасъ былъ образованъ на вокзалѣ питательный пунктъ, на которомъ кормились раненые и всѣ попадавшіе на вокзалъ уходившіе на фронтъ офицеры и солдаты Добровольческой арміи. Изъ пустыхъ грязныхъ комнатъ вдругъ образовалась „труба непротолченая“ людей, кипѣвшая общей работой въ одномъ порывѣ.

Среди нихъ я вижу трехъ студентовъ, замущающихся, что уже недѣля, какъ они предложили свою работу, записались въ летучку и имъ не даютъ дѣла и все тянутъ „завтра“, да „завтра“. Спрашиваю Ф. А. Капетанаки, женщину-врача, взявшую на себя госпиталь на вокзалѣ—какъ это можетъ быть?

— Да, вотъ такъ и есть!.. Намъ присылаютъ раненыхъ изъ отрядовъ и отъ нихъ мы узнали, что почти ни въ одномъ отрядѣ нѣтъ летучекъ. Я указала доктору Карановичу, что среди медицинской молодежи найдется много желающихъ пойти въ эти летучки, но надо взяться за это серьезно. Онъ просилъ меня составить списки желающихъ. Я обратилась къ врачамъ и студентамъ и набрала немедленно составъ для шести летучекъ; въ каждой былъ врачъ, шесть сестеръ милосердія и три санитара. Передала списокъ Карановичу—пусть сдѣлаетъ назначенія! Надо было только дать ѣдущимъ теплую одежду и сапоги для похода. И вотъ недѣлю уже люди ходятъ ежедневно къ Карановичу и—все стоитъ! Бои идутъ на фронтѣ—а перевязки дѣлаются лишь здѣсь въ Ростовѣ, послѣ долгой тряски въ товарномъ вагонѣ!.. И кто скажетъ, сколько раненыхъ остается въ полѣ не подобранныхъ!!.

Еще до назначенія д-ра Карановича въ штабъ арміи въ Новочеркасскѣ явился представителемъ отъ учащейся молодежи студентъ и предложилъ отъ ея имени дать отрядъ въ 100 санитаровъ, 50 изъ нихъ было уже на лицо; имъ нужно было только теплое платье. Инж. Казакевичъ, вѣдавшій тогда санитарной частью арміи, отказалъ въ платьѣ на отрѣзъ и сказалъ, что завѣдывать санитарной частью онъ назначаетъ д-ра Карановича, который и озаботится о санитарахъ. Такъ и осталась Добровольческая армія безъ санитаровъ, хотя они предлагались сами! Когда же наконецъ д-ръ Капетанаки составила имъ списки по летучкамъ, то въ концѣ концовъ докторъ Карановичъ на нее же перекинулъ и самое распредѣленіе летучекъ по отрядамъ, заявивъ студентамъ:

— Теперь летучками завѣдуетъ д-ръ Капетанаки, обращайтесь къ ней!..

Лишь бы не самому подписать назначеніе! Близкіе къ нему въ то время люди опредѣленно говорятъ, что въ своей должности д-ръ Карановичъ проявлялъ вообще нормальную дѣятельность, но для Добров. арміи не дѣлалъ ничего намѣренно: отъ лестнаго ему крупнаго поста онъ отказываться не хотѣлъ, но и работать для Добр. арміи боялся изъ за ожидавшагося прихода большевиковъ, и всю работу по ней переносилъ на другихъ лицъ. А пока что—по этому вполнѣ подлому разсчету безчестнаго карьериста отряды добровольцевъ на Лихой, подъ Хопрами, въ Батайскѣ оставались совсѣмъ безъ санитаровъ и сестеръ милосердія!!

Прибывшихъ оттуда раненыхъ спрашивали въ лазаретѣ:—почему отъ васъ нѣтъ тяжело раненыхъ?

— Да ихъ некому носить!.. Санитаровъ нѣтъ, они и остаются въ полѣ... Я самъ (оф. Подгорный) тащилъ своего капитана, но не могъ и оставилъ... Я—вотъ видите —раненъ самъ въ обѣ ноги!..

— И ихъ добиваютъ большевики?!

— Да... добиваютъ!..

Эти жертвы—жертвы не войны, а карьеры д-ра Карановича. Какое наказаніе достаточно по этому преступленію?!

Никакихъ лекарствъ, бинтовъ, инструментовъ Карановичъ въ лазаретъ не присылалъ, отзываясь неимѣніемъ.

Г-жа Пархомова узнала, что здѣсь-же на вокзалѣ стоитъ санитарный поѣздъ, бывшій Ея Величества, теперь „Подвижный складъ военнаго вѣдомства", полный всякихъ врачебныхъ матеріаловъ. Пошла посмотрѣть—оказалось обиліе всего: кристаллическаго іода цѣлыя огромныя банки-тумбы вышиною болѣе аршина, полный вагонъ бѣлья, дезинфекціонная камера и пр. Все было отдано въ ея распоряженіе: „Присылайте только требованіе! Мы извѣщали санитарный отдѣлъ арміи, что можемъ служить ему своими запасами—но онъ ничего отъ насъ не требуетъ!"

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней утромъ въ 8 часовъ г-жа Капетанаки звонитъ по телефону къ Карановичу:—прислали раненыхъ, нужны спѣшныя его распоряженія.

— Докторъ спитъ!—отвѣчаютъ.

— Что же изъ этого,—разбудите!

— Позвоните черезъ два часа. Раньше половина десятаго д-ръ Карановичъ не приказалъ себя будить!

И на такую преступную наглость рѣшился врачъ-мальчикъ, прямо со студенческой скамьи назначенный завѣдывать всею санитарной частью Добров. арміи!

Д-ръ Капетанаки сказала о царящихъ въ арміи врачебныхъ порядкахъ Корнилову. Въ тотъ же день д-ръ Карановичъ сдалъ свою должность д-ру Сужану, самъ отправившись въ Новочеркасскъ съ санитарнымъ поѣздомъ...

Тутъ онъ еще разъ показалъ себя!

Поѣздъ изъ двухъ десятковъ вагоновъ былъ поданъ и раненыхъ стали переносить въ него. Но вагоны оказались совершенно не топленными, кромѣ того конечно еще и просто товарными теплушками, лишь нѣкоторые—классными. Нигдѣ ни подстилки, ни скамей! Раненыхъ прости въ одѣялахъ стали класть на мерзлы доски пола, чтобы везти въ морозъ с пятьдесятъ верстъ. Д-ръ Карановичъ ко нечно привезъ бы замерзшія колоды, а н живыхъ людей—этотъ врачъ! Ни кипя ку, никакихъ запасовъ на дорогу приго товлено не было.

Конечно погрузка раненыхъ была оста новлена. Со всего города навезено был матрацовъ, одѣялъ, шинелей; изъ лазарет взято было все могшее служить покры кой или подстилкой; раненые были ул жены, кто труднѣе, на нѣсколькихъ м трацахъ каждый и укрыты; нѣкоторымъ, к му было можно—дано вина, чтобы согрѣ

и подбодрить на дорогу и—доѣхали они благополучно...

Вернувшись въ Ростовъ, д-ръ Караковичъ... опять вступилъ въ должность завѣдующаго санитарной частью арміи! Когда же черезъ день Добровольческая армія вышла изъ Ростова, онъ конечно остался въ городѣ т. е. сбѣжалъ,—говорятъ куда-то на сѣверъ.

Нѣсколько недѣль этотъ служащій былъ на глазахъ ген. Эльснера и терзалъ всѣхъ раненыхъ арміи незаслуженными страданіями. И ген. Эльснеръ не могъ разсмотрѣть качества работы своего перваго помощника по лазаретамъ!...

Русскимъ женщинамъ Ростова въ ихъ работѣ помогали всѣмъ сердцемъ, трудомъ и средствами и многія дамы, иностранки по рожденію, но русскія по отношенію къ совершавшемуся.

Весело смотрѣть было и слушать, какъ смѣло и прямо отчеканивали онѣ ростовскимъ „безпартійнымъ“, „нейтральнымъ“ и „а—политическимъ“ людямъ политическій смыслъ происходящаго, имъ особенно ясный!

Горячая имъ благодарность!..

На моихъ глазахъ—армія въ попыхахъ уходила изъ богатѣйшаго города въ снѣжную степь, въ походъ невѣдомой продолжительности —безъ запасовъ, съ небольшимъ количествомъ снарядовъ, патроновъ, почти безъ протирокъ для ружей, совсѣмъ безъ шанцеваго инструмента, безъ своего обоза, на милость военнаго счастья и случая по полученію лошадей и продовольствія въ пути, безъ необходимаго запаса носильнаго платья, сапогъ и бѣлья, безъ лекарствъ и перевязочнаго матеріала, безъ всякой госпитальной организаціи, безъ всякихъ мастерскихъ для необходимыхъ ремонтовъ...

А между тѣмъ въ городѣ было все: цейхаузы четырехъ полковъ были набиты четвернымъ комплектомъ всякаго снаряженія по оружію и обмундированію; у вокзала стоялъ санитарный поѣздъ Ея Величества, переполненный всѣмъ необходимымъ для госпиталя; рядомъ съ нимъ брошенъ былъ вагонъ съ патронами—2 мил. патроновъ!—за неимѣніемъ подводъ чтобы вывезти. А въ городѣ тутъ же были тысячи крѣпкихъ возовыхъ лошадей и повозокъ, которыя чтобы реквизировать нужно было только отдать приказаніе.

Вотъ какъ брошены были въ Ростовѣ шесть бронированныхъ автомобилей. Еще за мѣсяцъ до выхода изъ Ростова приказано было ихъ починить и привести въ порядокъ. Три недѣли пропущены были зря. Корниловъ, уставъ ждать, обращается наконецъ къ стороннему спеціалисту-инженеру:

— Во сколько времени можете вы ихъ исправить.

— Въ шесть дней.

Корниловъ спрашиваетъ офицера, которому починка автомобилей была поручена:

— Что же сдѣлали вы въ эти три недѣли?

— Я организовалъ мастерскую для починки.

— Сколько станковъ вы собрали?

— Два.

— А у васъ,—сдѣлалъ Корниловъ вопросъ инженеру,—сколько станковъ на заводѣ?

— Двадцать два!

Починка автомобилей была передана инженеру, но... и черезъ три дня онъ не могъ добиться, чтобы хотя одинъ изъ нихъ былъ доставленъ къ нему на дворъ завода, а еще черезъ два дня—армія Корнилова уже выступила изъ Ростова!

На моихъ глазахъ въ послѣдніе дни Корниловъ безсильно горячился, добиваясь отъ своего интендантства всего одной сотни сѣделъ для развѣдочной команды—а въ военно-промышленномъ комитетѣ на складѣ въ это время было 1000 сѣделъ съ полнымъ снаряженіемъ и продавались

они каждому въ вольныя руки по 150 р.сѣдло.—отдѣлъ снабженія и не вѣдалъ ничего!

Когда я сказалъ объ этомъ Корнилову, онъ только махнулъ рукой—„Уже поздно!“ должень былъ значить этотъ жестъ.

Въ немъ сложилось прямое недовѣріе къ городу, нежеланіе обращаться къ нему за чѣмъ либо и этимъ съ нимъ себя связывать.

На глазахъ у всѣхъ подъ напоромъ большевиковъ положеніе арміи съ каждымъ днемъ становилось затруднительнѣе и изъ этого не тотъ выводъ дѣлался тогдашними вожаками ростовской интеллигенціи, что тѣмъ болѣе и тѣмъ скорѣе надо арміи помочь, а тотъ, что если армія умираетъ то, что на нее и тратиться?!—все равно она распадется!

Такъ „видимо“ сталъ воспринимать и Корниловъ отношеніе Ростова къ нему и арміи и удивительно ли, что при этомъ въ душѣ его поднялось рѣшеніе:

— Армія не распадется,—я ее уведу!

Гордый всѣмъ сознаніемъ величія и вѣковѣчности Россіи, онъ сталъ прямо отклонять помощь Ростова въ эти дни.

Когда изъ нужныхъ ему для покупки лошадей развѣдчикамъ 70 тысячъ руб., мы въ ближайшихъ кругахъ собрали ему 25 тысячъ руб.—онъ принялъ эти деньги, но сказалъ:

— Не дѣлайте больше сбора!

Онъ не могъ уже взять отъ Ростова личной поддержки—взять и—уйти!

Безвластный въ Ростовѣ, какъ былъ онъ безвластенъ въ Новочеркасскѣ, Корниловъ потерялъ всякую увѣренность получить все необходимое для арміи въ Ростовѣ и хотѣлъ вывести изъ города хотя самое дорогое ему въ ней—личный ея составъ, ея доблестную и горячую молодежь и найти все для нея въ другомъ мѣстѣ и при другихъ помощникахъ.

Это было у него, какъ я имѣю основанія думать, вполнѣ опредѣленнымъ планомъ...

Роковой смыслъ для самаго дѣла арміи всего происходившаго въ эти дни на моихъ глазахъ я понялъ вполнѣ только потомъ въ походѣ, 9-го же февраля въ Ростовѣ я съ недоумѣніемъ видѣлъ, какъ запасы припасовъ, платья и оружія раздавались во всѣ руки, зря и паническя, „чтобы не достались большевикамъ“ въ то время, какъ самое цѣнное для похода, какъ сапоги, и проч. напротивъ не выдавалось никому, но на сотни тысячъ рублей увозилось въ какіе то склады и ломбарды по личному распоряженію подп. Дрейзена, коменданта офицерскаго „общежитія“ и фактически вѣдавшаго его хозяйствомъ. Все оно было у него на глазахъ.

Уже въ Ольгинской на первомъ же переходѣ часть арміи была безъ сапогъ.

Я самъ видѣлъ въ этой станицѣ сидящихъ на завалинкѣ „на солнышкѣ“ цѣлый рядъ нашихъ юныхъ кавалеристовъ—весь рядъ босикомъ!

— Ноги намяли—даете имъ отдохнуть?!

— Нѣтъ—сапоги отдали въ починку—вотъ и ждемъ!

— А запасныхъ сапогъ развѣ нѣтъ?

— Ни у кого ни пары!

— Почему же не потребуете?

— Требовали вчера въ Ростовѣ и были они! Да вотъ—не дали!..

И этотъ Дрейзенъ остался въ Ростовѣ—какъ многіе изъ посильно повредившихъ Добровольческой арміи въ эти темные, мутные ея дни... Увѣряли, во время похода, что его большевики разстрѣляли потомъ. Я ни отъ кого не слышалъ слова сожалѣнія объ этомъ, такъ же какъ и выраженія удовольствія, когда послѣ похода оказалось, что слухъ этотъ былъ невѣренъ и подполк. Дрейзенъ живъ.

ВЪ ПОХОДЪ!

Къ пяти часамъ вечера большая въ греческомъ стилѣ съ высокими колонадами пріемная Добровольческой арміи въ огромномъ домѣ Парамонова на Пушкинской ул. была полна пестро по дорожному одѣтыми людьми. Всѣ они были военные—это видно было по первому взгляду: на каждомъ что нибудь изъ одежды было форменное, у каждаго за плечами висѣла винтовка, у поясовъ револьверы, у многихъ на спинѣ дорожные мѣшки, но у каждаго-же что нибудь въ платьѣ: пальто, брюки, шапка—были явно штатское—внѣ всякаго образца, добровольческое... Все это были генералы, полковники, и прочіе чины составлявшіе штабную роту Добровольческой арміи.

Черезъ уголъ пріемной подъ колонадой прошелъ въ короткой сѣрой шубкѣ съ сѣрымъ барашковымъ воротникомъ Корниловъ. Онъ былъ сегодня впервые въ генеральскихъ серебряныхъ подбитыхъ желтымъ погонахъ и генеральскихъ красныхъ лампасахъ—такимъ мы его видѣли далѣе всегда. Въ углу въ группѣ стоялъ Деникинъ въ черномъ мѣшковатомъ штатскомъ пальто и сѣрой смушковой шапкѣ, изъ подъ которой ярко смотрѣли живые, умные глаза. Общій складъ фигуры и лица съ подстриженной бородкой давалъ ему видъ скорѣе коренного помѣщика и хохла, но боевого генерала—нисколько!

У входа лежалъ мѣшокъ съ индивидуальными пакетами для перевязки; всякій проходя бралъ себѣ въ запасъ „на случай".

Прошло два часа. Наконецъ, все вдругъ зашевелилось и стало сходиться на средину. Раздалась энергичная команда ген. Трухачева, командира штабной роты:

— Стройся!

Ряды выстроились.

— Направо! Шагомъ маршъ! Правое плечо впередъ!—и рота съ самимъ Корниловымъ и ближайшими ему генералами впереди вышла на улицу.

Былъ мглистый вечеръ. На мостовой по улицамъ лежалъ сухой довольно глубокій снѣгъ, который глушилъ звукъ колесной ѣзды, и надъ городомъ было какъ то необычно тихо и безшумно. Впередъ и въ стороны высланы были дозоры и Корниловъ, опираясь на палку, пошелъ по улицѣ, ведя самъ свой штабъ. Мы круто свернули съ центральныхъ улицъ въ пригородъ и, каждую минуту ожидая предательскаго обстрѣла со стороны красногвардейцевъ изъ домовъ, пошли мимо Нахичевани. Короткій привалъ въ Лазаретномъ городкѣ и мы вышли въ степь прямо на Аксай къ Дону...

Всѣ 18 верстъ пути Корниловъ шелъ впереди пѣшкомъ.

Луна высоко стояла на небѣ. Морозный воздухъ былъ тихъ, сухой снѣгъ мѣсился, какъ глубокій песокъ, ногами идущихъ. Разговоровъ было мало. Думъ тоже было мало. Жребій былъ брошенъ. Корниловъ велъ—всѣ ему слѣпо вѣрили.

Нѣсколько разъ Корниловъ дѣлалъ остановку. Видимо онъ берегъ силы идущихъ съ нимъ, чтобы понемногу „втянуть" ихъ въ походъ. На послѣднемъ привалѣ передъ Аксаемъ явились наши развѣдчики:

— Аксайцы собрали сходъ и на немъ постановили, что они желаютъ держать

нейтралитетъ и впустятъ насъ, но требуютъ, чтобы въ станицѣ мы не начинали боя съ большевиками, чтобы станица не пострадала.

Развѣдчики отвѣтили: „Корниловъ придетъ и если его не впустите—попробуйте!“

Разговоры тутъ же прекратились. Аксай, конечно, принялъ насъ безъ всякихъ условій, но съ явнымъ хотя и затаеннымъ недружелюбіемъ,—станица была большевицкая.

На другое утро, ясное и солнечное, отрядъ перешелъ Донъ и направился вдоль дамбы къ Ольгинской станицѣ—9 верстъ разстоянія.

Бодро и весело шла боевая молодежь.

Я впервые видѣлъ себя среди этой необычайной пѣхоты, гдѣ каждый солдатъ былъ офицеромъ. Полуштатски одѣтая, но видимо вся обтерпѣвшаяся въ бояхъ, она полна была военнаго духа и настроенія. На ходу не смолкали разговоры. То тамъ, то сямъ начинались пѣсни, подхватывались всѣмъ отрядомъ и опять прерывались разговорами и шутками. Чаще всего раздавалось: „За Корнилова, за Русь, за вѣру“.

Пѣли также:

Пусть кругомъ одно глумленье,
Клевета и гнетъ,—
Насъ, корниловцевъ, презрѣнье
Черни—не убьетъ!

Мы былого не жалѣемъ,
Царь намъ не кумиръ!
Нѣтъ, надежду мы лелѣемъ
Дать странѣ лишь миръ.

Вѣримъ мы,—близка развязка
Съ чарами врага—
Упадетъ съ очей повязка
У Россіи,—да!

Русь пойметъ, кто ей измѣнникъ,
Въ чемъ ея недугъ,
И что въ Быховѣ не плѣнникъ
Былъ, а вѣрный другъ!

За Россію и свободу
Если въ бой зовутъ,
То корниловцы и въ воду
И въ огонь пойдутъ!*)

Или еще:

Оковы новые куютъ большевики
Изъ золота Іудина и стали,
Но ихъ сорвутъ корниловцевъ штыки,
Какъ прежнія оковы посрывали!

Эта армія не знала отступленія, она пробивала все, вставшее передъ нею препятствіемъ. Къ неизвѣстному будущему она шла весело и безоглядно съ молодой бездумной вѣрой въ себя и въ Корнилова.

Ея уже нѣтъ, этой удивительной арміи! Болѣе половины ея погибло въ Кубанскихъ степяхъ, но въ памяти моей она! какъ живая, молодая, доблестная, героическая... около ея героя—Корнилова!

Въ Ольгинской мы простояли два дня: собирали брошенное и забытое въ Ростовѣ и должно отдать намъ справедливость, собирали безтолково. Въ Аксаѣ на желѣзнодорожной станціи, то и дѣло подходили поѣзда съ матеріалами и снаряженіемъ, но разгружалось изъ нихъ лишь кое что и часто совсѣмъ ненужное; нужнѣйшее же оставалось въ вагонахъ—„за отсутствіемъ подводъ“. Рядомъ въ станицѣ шло интендантское пьянство. Любители прощались со спиртомъ на весь походъ! У одного изъ интендантовъ, осовѣвшаго отъ вина, вытащили 12,000 руб... Предъставлено это

*) Авторъ этихъ стиховъ—прап. Корниловскаго полка А. П. Кривошеевъ. Стихи эти были присланы Корнилову кѣмъ-то изъ „корниловцевъ“ въ ст. Ново-Дмитріевской и очень понравились ему. Бумажный листокъ съ ними, измятый и пожелтѣвшій, нашли у него въ карманѣ тужурки послѣ его смерти.

начальству было такъ, что де такъ захлопотался человѣкъ, что даже не замѣтилъ, какъ и т. д... Человѣкъ только заслужилъ своимъ усердіемъ!

Мы не взяли съ собою — вѣрнѣе: намъ не дали взять!—золотого фонда, лежавшаго въ Ростовѣ. Почему лучше было, чтобы онъ достался большевикамъ? Мы не взяли, пяти бронированныхъ аэроплановъ, оставивъ ихъ въ Новочеркасскѣ... Имѣй ихъ съ собою въ походѣ, мы имѣли бы прямое и легкое сообщеніе со всѣмъ Предкѣвказьемъ и въ ихъ пулеметахъ—волшебное средство противъ большевицкихъ скопищъ. Но для нихъ нужно было взять съ собою еще и бензинъ и хоть какія нибудь мастерскія для ремонта... Сколько хлопотъ?! И... аэропланы были оставлены!! Мы не взяли радіо, хотя бы хоть, что былъ на „Колхидѣ“... Мы... но недовольно ли?!

Повторяю: конечно, тутъ первая вина была на отдѣлѣ снабженія, но во имя справедливости и на штабъ должно отнести свою долю отвѣтственности за все это,—уходъ арміи былъ намѣченъ, но все же совершился въ обстановкѣ полной неожиданности: еще въ послѣдніе дни передъ уходомъ штабъ посылалъ рѣзкія телеграммы въ Новочеркасскъ, уже неспособный ни къ чему активному. Штабъ однако видимо считалъ возможнымъ, что „все образуется“, самъ медлилъ и не далъ отдѣлу снабженій опредѣленныхъ указаній о выходѣ арміи сколько нибудь заблаговременно.

Въ итогѣ армія выходила изъ Ростова только-только боеспособной на ближайшее время: она была одѣта и обута (однако неповсѣмъ) везла съ собою 1500 винтовокъ, 65.000 патроновъ, около 300 снарядовъ для ея 8 трехдюймовыхъ орудій, очень небольшой запасъ взрывчатыхъ веществъ, телефоны, 500 комплектовъ бѣлья (при 1.000 ч. списочнаго состава), сахару и чаю на полтора мѣсяца, 8.000 консервовъ...

Въ Ольгинской завѣдующимъ санитарной частью арміи былъ назначенъ временно докторъ Сулковскій. Д-ръ Сулковскій просилъ меня помочь ему переписать раненыхъ, бывшихъ въ лазаретѣ.

Это было не такъ легко, потому что раненые видимо скрывались. Между ними распустили слухъ, что всѣхъ, кто не можетъ идти, отправлять въ Старочеркасскую станицу т. е. на рискъ попасть въ руки большевиковъ. Всѣ предпочитали идти съ арміей, что ни было бы далѣе—и теперь, таились отъ начальства, думая уѣхать тайно съ обозами своихъ частей.

Мы обошли всю станицу, разыскивая по хатамъ раненыхъ—ихъ оказалось около 40 человѣкъ. Къ вечеру подъѣхало и даже прямо пѣшкомъ добрело изъ Новочеркасска еще столько же... Ихъ размѣстили подъ наблюденіемъ сестеръ, стали собирать для нихъ все нужное и готовить переѣздъ ихъ въ станицу слѣдующую—Хомутовскую.

По хатамъ мы увидѣли все, что потомъ такъ затрудняло приведеніе въ порядокъ лазарета и работу въ немъ.

Вездѣ около раненыхъ было много сестеръ и полное отсутствіе фельдшеровъ, санитаровъ и перевязочныхъ средствъ.

Въ одной изъ хатъ на 13 раненыхъ оказалось 11 сестеръ. Изъ нихъ три четверти никогда не ухаживали за ранеными! Нѣкоторыя тутъ же лежали рядомъ съ ранеными, укутанныя, обвязанныя, жалобно стеная,—чтобы ужъ и вовсе невозможно было арміи не взять ихъ съ собою въ походъ!.. Истинно—„О, женщины!“

И съ этимъ—собирайте лазаретъ! Но изъ чего было его складывать, когда все необходимое для него было оставлено въ Ростовѣ—на лицо были только начальство и женщины!

По отрядамъ было нѣсколько врачей, которыя „самодѣльно“ завели кое-какія аптеки, фельдшеровъ, но для общаго лазарета не было ничего.

— Боже, Боже!—ходилъ я и смотрѣлъ, дивясь и изумляясь.—Да кто же тутъ былъ начальникомъ?! Вѣдь онъ явно взялся строить домъ, не вѣдая, что для этого нужны кирпичи, известка, бревна, что безъ этого дома не построишь!..

По пути открывалось и отношеніе жителей къ арміи. Почти повсемѣстно было, конечно, доброжелательство, вольное или изъ страха, но были хаты, гдѣ хозяева не давали свѣта раненымъ, сами сидя при лампѣ, не носили воды, суя ведро: „принеси самъ!“ Я помню горящія злостью глаза молодого, красиваго черноволосаго казака-фронтовика, когда онъ вынужденъ былъ подчиниться прямому приказанію и дать таки лампу раненымъ! Много злобы, какой то вѣковѣчной злобы было раздуто въ сердцахъ... И все это предстояло выхлебать арміи—все это принимала она на себя погасить, оплативъ кровью лучшихъ своихъ людей!..

Этой перепиской раненыхъ началась для меня работа въ лазаретѣ, который далѣе все время росъ у меня передъ глазами, при чемъ передъ мною открылись всѣ подробности хозяйственной организаціи арміи.

Печальная картина!

Лазаретъ былъ подчиненъ начальнику снабженія арміи ген. Эльснеру и въ какомъ состояніи былъ весь его обиходъ достаточно, видно изъ того, что въ теченіе двухъ недѣль, во главѣ лазаретѣ смѣнился внезапно и мгновенно слѣдующій рядъ начальниковъ-халифовъ на часъ: Карановичъ, Сужанъ, опять Карановичъ, Сулковскій, полковникъ Терзи, женщина-врачъ Спасская, капитанъ Тихомировъ (на равныхъ правахъ со Спасской), полковникъ Грешнеръ; далѣе во время похода еще два начальника: ген. Виноградовъ и Н. М. Родзянко. Что могло быть при такомъ кавардакѣ? Генеральство Эльснера проявлялось всегда молніеносно—это вѣрно; величіе начальника было на лицо, но порядка кругомъ не слагалось ровно никакого! Въ первый-же день въ Ольгинской врачи были позваны къ Эльснеру на „совѣщаніе“, но все совѣщаніе это состояло въ отдачѣ генераломъ нѣсколькихъ мелкихъ распоряженій и—„совѣщаніе“ кончилось! Въ лазаретѣ почти не было лекарствъ. Одна изъ двухъ санитарныхъ двуколокъ штаба при выходѣ изъ Ростова сломалась, и была брошена, а въ ней-то и былъ запасъ лекарствъ штабного лазарета! Иного „общаго“ запаса ихъ въ арміи не было, кромѣ крошечныхъ запасовъ по отдѣльнымъ полковымъ частямъ. Въ сущности весь лазаретъ тогда состоялъ изъ жалкихъ остатковъ отъ 114 перевязочнаго отряда, въ которомъ было 5 санитарныхъ линеекъ и—буквально!—нѣсколько аршинъ марли и около фунта ваты. Это былъ весь практическій результатъ завѣдыванія санитарной частью арміи втеченіе нѣсколькихъ недѣль д-ровъ Всеволожскаго и Карановича подъ возглавленіемъ ген. Эльснера! Это вполнѣ точно: ничего больше! Находившаяся въ Ольгинской летучка земскаго союза съ д-ромъ В. Я. Ивановымъ во главѣ предложила себя въ распоряженіе Добровольческой арміи съ бывшимъ у нея запасомъ перевязочнаго матеріала, что дало лазарету возможность работать въ первые дни. Д-ръ Сулковскій немедленно по своемъ назначеніи составилъ вмѣстѣ съ д-ромъ Ивановымъ подробный списокъ нужныхъ лекарствъ и инструментовъ и направилъ было д-ра Иванова за ними въ Новочеркасскъ. Но безъ его вѣдома въ Новочеркасскъ уже была молніеносно и безъ совѣта съ кѣмъ бы то ни было отправлена Эльснеромъ женщина-врачъ Спасская, которая привезла кое-что, но изъ многаго необходимѣйшаго—ничего! Когда вскорѣ въ лазаретѣ стало 600 больныхъ, въ немъ былъ всего одинъ исправный термометръ, личная собственность врача, который никому не довѣрялъ сокровища и самъ хотѣлъ ставить его больнымъ! Главное, что д-ръ Спасская привезла съ собой, это-

2000 арш. марли, что достаточно всего на 2000 перевязокъ,—тюкъ въ 4-5 пудовъ вѣсу. Это на весь-то походъ, да и то черезъ нѣсколько дней марля эта по распоряженію какого то внезапнаго обозлаго Юпитера была на пути сброшена—ради сокращенія числа подводъ! Въ отдѣлѣ снабженія старшіе начальники кувырнались однимъ движеніемъ бровей Эльснера, но въ то-же время за постыднѣйшія, прямо преступныя распоряженія и поступки, люди, пригрѣвшіеся около генерала—не подвергались ровно никакому взысканію! Генералъ съ первыхъ словъ всегда былъ молніеносенъ, но не подайтесь сразу, возразите, повторите ваши настоянія и черезъ двѣ минуты генералъ уже уступалъ и дѣлалъ все по вашему! И потому ходомъ всего снабженія арміи и всѣмъ въ этомъ отдѣлѣ распоряжались въ сущности полдюжины окружавшихъ ген. Эльснера его приближенныхъ, вкладывавшихъ въ него все, что было имъ нужно и пріятно!

Я не „обличительствую“—вѣдь это уже исторія, прошедшее! Я только правдиво рисую русскимъ людямъ то, что было передъ моими и всѣхъ глазами: въ какихъ особенно трудныхъ условіяхъ Добровольческая армія совершила свои подвиги! Я указываю имъ также: „тяпъ ляпъ—всегда разбитое корыто, а не корапь! Вотъ человѣкъ съ большой властью, и пусть съ наилучшими намѣреніями взялся за серьезнѣйшее дѣло, и не имѣя къ нему достаточныхъ способностей, не спрашивая опыта и знанія дѣйствительныхъ его работниковъ (врачей), причинилъ бездну вреда, боли и потерь арміи, которой хотѣлъ служить такъ преданно. Не поступайте такъ-же сами!“

Для перевозки раненыхъ изъ Ольгинской въ слѣдующую станицу, Хомутовскую, требовалось всего 16 повозокъ. Полковникъ Мотерно, завѣдывавшій у Эльснера транспортомъ, съ вечера сообщилъ намъ, чтобы за подводами къ нему прислали утромъ въ 5 час. и онѣ будутъ даны. Въ пятомъ часу раненые были уже разбужены, часть ихъ стала одѣваться. Настроеніе ихъ было особенно нервное—хотя имъ и сказали опредѣленно и точно, что армія повезетъ всѣхъ раненыхъ съ собою, но они еще не вѣрили, ждали подводъ и фактическаго рѣшенія своихъ мучительныхъ сомнѣній...

Лошади должны были быть къ 5 ч. утра, но вотъ что записано у меня въ записной книжкѣ: „Послали къ Мотерно за лошадьми къ 5 часамъ... Посланный вернулся ни съ чѣмъ: „въ управленіи еще и нѣтъ никого!“ Послали къ 6 час. Посланному сказали: „Полковникъ еще спитъ и не приказали будить“. Первая повозка явилась только въ 6 час. 25 мин., когда выступать надо было въ 7 час. и мы уже стали сами нанимать подводы прямо съ базара. Два часа раненые на зимней стужѣ ждали подводъ и все же погрузку ихъ пришлось сдѣлать впопыхахъ: всего въ полчаса времени вынести нѣсколько десятковъ тяжело раненыхъ и уложить ихъ съ вещами на подводахъ! Но за то полковникъ Мотерно спокойно выспался въ этотъ день! Можетъ быть, вы думаете, что полк. Мотерно—отталкивающій типъ, сонный, вялый, наглый къ людямъ человѣкъ? Ахъ, нѣтъ,—если... захочетъ! Живой, дѣятельный, доброжелательный въ обращеніи ...если захочетъ!.. Но грозы на него не было и онъ походя и легкомысленно дѣлалъ вещи, за которыя по суду онъ подлежалъ бы прямо разстрѣлу и—это сходило ему съ рукъ совершенно безнаказанно! Ген. Эльснеръ вспылитъ, но—ничего не будетъ!

Лазаретъ втянулъ меня. Его врачи были живые люди, горячо работавшіе, что передавалось невольно.

Организаціи ген. Эльснеръ не вносилъ никакой. Напротивъ: когда въ Ольгинской мы укладывали послѣднихъ раненыхъ на подводы, къ намъ подошелъ

полк. Терзи и рекомендовался „вновь назначеннымъ завѣдующимъ санитарной частью“ вмѣсто д-ра Сулковскаго, а пріѣхавъ въ тотъ день послѣ полудня въ Хомутовскую, мы узнали, что завѣдуетъ санитарной частью уже не полк. Терзи, а женщина-врачъ Спасская. Къ вечеру сообщено было дополненіе: на равныхъ правахъ со Спасскою вѣдаетъ санитарной частью и кап. Тихомировъ!! Такъ „организовывовалъ“ лазаретъ ген. Эльснеръ!

И вотъ вопреки такому-то кавардаку ради самихъ раненыхъ нужно было устраивать все, разыскивать, приготовлять, объяснять, уговаривать, распредѣлять и принуждать людей къ необходимому порядку. Врачи съ энергіей работали надъ этимъ и недѣлями спали по 3—4 часа въ сутки, добиваясь чтобы во время долгихъ нашихъ переходовъ для раненныхъ уходъ былъ такой-же, какъ если бы лазаретъ находился на мѣстѣ.

Къ этому всегда и напряженно всѣ стремились и—увы!-- даже и близко этотъ идеалъ не былъ достигнутъ, даже и къ концу похода!

—·—

12 февраля въ Ольгинской было по настоянію М. В. Алексѣева собрано важное совѣщаніе для опредѣленія,—куда-же идти. На совѣщаніи этомъ присутствовалъ и ген. Поповъ,—его отрядъ вышелъ тогда изъ Новочеркаска.

Опредѣлилось три мнѣнія: Корнилова влекло въ Астрахань, большинство штаба стояло за пережиданіе событій въ зимовникахъ около границы Ставропольской губ. и Алексѣевъ настаивалъ на движеніи къ Екатеринодару.

Въ Астрахань наша трехтысячная армія не могла пройти, ибо по маленькимъ калмыцкимъ улусамъ она не нашла бы достаточно для себя ни продовольствія, ни фуража, ни даже ночлеговъ среди зимнихъ бурановъ и стужи.

Стоять $1^1/_2$—2 мѣсяца, выжидая, пока Донъ образумится и поднимется противъ большевиковъ, и притомъ стоять, будучи окруженными со всѣхъ сторонъ линіями жел. дорогъ, находившихся въ рукахъ большевиковъ, значило дать большевикамъ время свезти вокругъ насъ прямо огромныя массы войска и артиллеріи и раздавить армію безъ всякаго труда, ибо въ зимовникахъ нельзя было помѣститься болѣе чѣмъ по 200—400 чел. въ каждомъ и силы арміи могли быть уничтожены даже по частямъ.

Только на Кубани можно было найти крупный приростъ силъ, продовольствіе и какія нибудь перспективы.

Рѣшено было идти на Кубань. Къ этому присоединился и ген. Поповъ. Рѣшеніе это однако въ армію не вошло и знали о немъ только въ кругу начальниковъ. Армія по прежнему шла только за своимъ вождемъ,—куда онъ поведетъ...

Первый переходъ.

Армія наша въ ежедневныхъ приказахъ штаба дѣлилась на три основныхъ части: главныя силы, авангардъ и арьергардъ. „Главныя силы“, состоя главнымъ образомъ изъ обозовъ и раненыхъ, двигались въ центрѣ, боевыя части охраняли ихъ и пробивали имъ дорогу.

Собравшись въ Ольгинской станицѣ,—части изъ подъ Батайска и Ростова подошли разными путями,—армія на скоро переорганизовалась для передвиженія походнымъ порядкомъ.

Армія имѣла при уходѣ изъ Ростова приблизительно 2000 штыковъ и 600 сабель. Пѣхоту ея составляли полки:—первый офицерскій (командиръ—ген.-л. С. Л. Марковъ), Корниловскій ударный (ком.—полк. М. О. Нѣжинцевъ), партизанскій, въ который вошли партизаны Чернецова, Краснянскаго, Курочкина, Лазарева и др. (ком. ген.-м. А. П. Богаевскій) и чехословацкій инж. батальонъ (ком. полк Краль). Въ офицерскій полкъ былъ влитъ

юнкерскій батальонъ (юнкера и студенты гор. Ростова), а въ Корниловскій—партизанскій отрядъ полк. Симановскаго и Георгіевскій полкъ полк. Корнѣнко.

Конница арміи состояла изъ офицерскаго дивизіона полк. Гершельмана, дивизіона полк. Глазенапа и конваго отряда полк. Корнилова; два послѣднихъ отряда—донцы.

Орудій въ арміи было 8 полевыхъ трехдюймовокъ, дѣлившихся на 4 батареи.

Снарядовъ и патроновъ—запасъ былъ самый ограниченный. Снарядовъ было всего 600.

Къ концу похода послѣ соединенія съ кубанцами армія дѣлилась на двѣ бригады:—первую подъ командой ген. Маркова и вторую—подъ командой ген. Богаевскаго; конницей тогда командовалъ ген. Эрдели.

Первый переходъ всѣмъ составомъ своимъ армія сдѣлала изъ Ольгинской станицы въ Хомутовскую—17 вер. Погода была сносная и хотя по снѣгу и грязи дорога была тяжела, переходъ этотъ прошелъ безъ всякихъ приключеній

Въ Хомутовской лазаретъ своею главной частью расположился въ зданіи школы...

Наступившую за этимъ днемъ ночь я впервые въ жизни провелъ среди раненыхъ въ лазаретѣ...

Бываютъ сестры милосердія нерадивыя, лѣнивыя и холодныя къ своему дѣлу, но Боже, какая святая нѣжность въ дѣвушкахъ, по призванію пошедшихъ на это тяжелое служеніе! День цѣлый она тряслась на подводѣ, вечеромъ укладывала и устраивала раненыхъ по кучамъ соломы, ухаживала за ними; ночью, когда полегли всѣ спать, она безсонно сидитъ у раненыхъ, даетъ имъ воду, поправляетъ подушки, служитъ всѣмъ ихъ нуждамъ, и все это быстро, спокойно, невозмутимо кротко, ни на минуту не смыкая глазъ. И утромъ она же будитъ, поитъ раненыхъ чаемъ, укладываетъ ихъ на подводы, ничѣмъ не показывая, что она уже 24 часа на ногахъ, и спать будетъ въ пути, тряся на подводѣ по кочкамъ и колдобинамъ зимней распутицы, приткнувшись головой въ какой нибудь мѣшокъ! Я видѣлъ такихъ святыхъ дѣвушекъ и это воспоминаніе мнѣ на всю жизнь!...

Если бы я былъ женщиной, я бы влюбился въ эту ночь въ добровольца Ф., высокаго бѣлокураго и голубоглазаго юношу, за то благородство души, которое раскрывалъ его бредъ. У него былъ брюшной тифъ и онъ весь горѣлъ въ жару. Съ вечера онъ неумолчно говорилъ, и говорилъ, и ночью начался бредъ. Картины ему рисовались ярко и ярко же онъ ихъ и описывалъ:

—Впередъ! Вотъ они! Они заходятъ бокомъ, хотятъ ворваться въ деревню, они будутъ мучить и убивать женщинъ и дѣтей... Слышите ли вы испуганные крики женщинъ? Впередъ, вдоль вотъ этой стѣны! Ничего, что ихъ много! Лишь бы подобраться къ нимъ поближе, тамъ сразу на нихъ, и десять побѣгутъ отъ одного! Я ручаюсь вамъ за это... Я знаю ихъ... Передайте-ка мнѣ револьверъ... Когда я въ ударѣ, я иногда очень хорошо управляюсь имъ... Вотъ вы увидите... А этотъ уже вышелъ на улицу!?... Защищайте сестеръ вашихъ! Вѣдь вы же мужчины!! Впередъ!! —и онъ вскакивалъ и рвался въ рукахъ сестры милосердія, удерживавшей его на соломѣ.

— Пустите меня, пустите!... Они вырвутся, они будутъ женщинъ убивать! Развѣ я не солдатъ? Почему вы держите меня?

И вдругъ онъ стихалъ такъ-же мгновенно какъ мгновенно вспыхивалъ. Картина видимо исчезала передъ нимъ и сознаніе гасло. Голова его безсильно падала на подушку. Онъ закрывалъ глаза. Но минута и—голова опять поднята и глаза глядятъ впередъ, раскрытые широко...

— Смотрите, онъ ползетъ вотъ тамъ... Вы не видите? Не спугните его!... Я поползу ему наперерѣзъ. О, я съ нимъ расправлюсь! Я подползу его съ кинжаломъ, вотъ у этого ящика. Винтовку оставляю вамъ. Все равно стрѣлять нельзя. Мы должны, должны очистить Россію!... Кто же сдѣлаетъ это, какъ не мы, ея молодежь? Посторонитесь... Дайте дорогу...

И опять сестра съ трудомъ удерживаетъ его. Черезъ три дня бѣднаго умеръ— не вынесъ холода и муки зимнихъ переѣздовъ по открытой степи.

Выступленіе изъ Хомутовской было назначено на раннее утро. Какъ и въ Ольгинской полковникъ Мотерно съ вечера объявилъ, чтобы къ нему прислали къ 5 час. за подводами и подводы будутъ присланы. Какъ и въ Ольгинской, въ 5 час. утра въ управленіи транспорта не оказалось еще никого. Въ 6 час. посланному сказали, какъ и въ Ольгинской: „Спятъ и не приказали будить!". Повозки были присланы только безъ четверти 7 часовъ, когда погрузка раненыхъ должна бы уже кончиться и подводы должны бы уже выѣхать за станицу въ поле на сборный пунктъ. Но вотъ послѣ полутора часовъ томленія среди утренняго холода, просонокъ, безконечнаго ожиданія, подводы наконецъ поданы. Начинаемъ выносить и выводить раненыхъ... Вдругъ—орудійный выстрѣлъ совсѣмъ неподалеку, свербящій шелестъ приближающагося снаряда и граната съ громовымъ чмоканьемъ разрывается въ двадцати саженяхъ отъ школы, гдѣ ночевалъ лазаретъ! Что за переполохъ поднялся среди раненыхъ, этихъ поломанныхъ, перебитыхъ, едва двигающихся людей, подвергнувшихся столь внезапному нападенію! Немедленно и рѣзко застучалъ пулеметъ—совсѣмъ, рядомъ! Я выбѣжалъ на крыльцо,—цѣпь наша вотъ тутъ на бугрѣ, всего въ двухстахъ шагахъ отъ насъ, всѣ люди ея видны и пулеметъ стоитъ среди нихъ! Непріятель значитъ совсѣмъ близко и захватилъ насъ врасплохъ, подойдя незамѣченнымъ?! Если такъ, то быть можетъ его всадники уже черезъ двѣ минуты влетятъ на площадь передъ школой и начнутъ расправу надъ безащитными ранеными!? Вѣдь кто знаетъ, какъ велики его силы и гдѣ онѣ находятся? Можетъ быть онѣ уже сейчасъ всего въ тысячѣ шагахъ отъ нашихъ пулеметовъ, а пулеметы эти—вѣдь вотъ тутъ на бугрѣ видны совсѣмъ передъ нами!

Въ дѣйствительности, на станицу насунулось всего два эскадрона большевиковъ съ однимъ орудіемъ! Насунулись и остановились...

Паника была ужасная... Всего въ четверть часа всѣ раненые были уже на подводахъ и мчались въ степь за станицу, гдѣ они должны были бы быть уже давно, если бы... полковникъ Мотерно не почивалъ въ это утро до седьмого часа!

Гранаты падали и падали съ грохотомъ, взметывая столбы черной земли. Но лазаретъ былъ уже въ степи, куда вытянулись и прочія части.

Развѣ не заслужилъ полковникъ Мотерно разстрѣлянія въ это утро, когда онъ подвелъ весь лазаретъ подъ разстрѣлъ большевиковъ?...

Но ему не было ничего!.. Даже болѣе. Корниловъ издалъ приказъ, въ которомъ благодарилъ обозъ за то, что онъ, попавъ подъ обстрѣлъ, безъ сумятицы и паники вышелъ изъ станицы. Для первыхъ моментовъ обстрѣла это было невѣрно: паника была, но какъ только раненые попадали на подводы, они сразу успокаивались, возбужденіе въ нихъ пропадало—подвода мчалась въ степь къ арміи, въ безопасность... Но, какъ бы то ни было, благодарность Корнилова по отраженію почти цѣликомъ досталась именно... полковнику Мотерно, начальнику транспорта!... Вмѣсто преданія суду!

Въ каждой изъ проходимыхъ нами Донскихъ станицъ: Ольгинской, Хомутовской,

Кагальницкой, Мечетинской—Корниловъ собиралъ сходъ и говорилъ рѣчь, побуждая присоединиться къ Добровольческой арміи. Рѣчи его вызывали сочувственные отвѣты „стариковъ", но фронтовая молодежь отмалчивалась, не рѣшаясь въ присутствіи грознаго генерала, котораго она по простоту боялась, выступать со своими обычными увѣреніями, что-де большевики—друзья „трудового казачества" и не тронуть станицъ и хуторовъ. Корниловъ и тогда, видимо, имѣлъ, въ головѣ уже вполнѣ готовый планъ дѣйствій, который онъ хотѣлъ осуществить на Кубани изъ Екатеринодара, именно—заставить край силой дать войска для борьбы съ большевиками. Защищать родину, по его сужденію, обязанъ всякій и, если кто уклоняется, того должно принудить къ этому, не стѣсняясь средствами. „Генералъ Калединъ"—сказалъ Корниловъ въ Ольгинской, —„намѣревался посылать карательныя экспедиціи въ станицы, которыя пошли бы за одно съ большевиками, и я предложилъ ему помощь моей арміи для вразумленія этихъ людей, помогающихъ врагамъ разрушать Россію".

Большинство населенія въ станицахъ было видимо на нашей сторонѣ, но записывалось и присоединялось къ намъ не болѣе какъ по 40—50 человѣкъ добровольцевъ, которые вскорѣ же опять отставали. Станицы здѣсь очень велики: по 7-10-15 и даже 30 тысячъ жителей. Населеніе знало, что уйдемъ мы и въ станицы придутъ большевики и расправятся съ семьями „корниловцевъ". Шли съ нами только бобыли. Въ Мечетинской мы взяли было два орудія, но скоро бросили ихъ—они были стараго образца и на нихъ все равно, у насъ не было снарядовъ, которыхъ было мало и на собственныя-то наши скромныя восемь трехдюймовокъ.

Мы все время ожидали присоединенія къ намъ отряда походнаго атамана генерала Попова, который вышелъ изъ Новочеркасска 12 февраля и шелъ восточнѣе, намъ параллельно. Сообщали, что у него было до 2500 человѣкъ, среди которыхъ много конныхъ и большинство офицеровъ, при 7 орудіяхъ съ большими запасами снарядовъ и патроновъ. Соединившись съ нами, онъ почти вдвое усилилъ бы нашу армію, давъ намъ и снарядовъ, которыхъ у насъ было очень мало.

По слухамъ генералъ Поповъ везъ съ собою золотой запасъ, взятый имъ изъ Новочеркасскаго отдѣленія государственнаго сберегательнаго банка. Однако слухи эти кажется были невѣрны: Поповъ взялъ съ собою около одного милліона кредитками, а золото было приказано грузить на подводы, но потомъ „кто-то" по телефону отмѣнилъ это приказаніе и золото все осталось большевикамъ!

Въ Мечетинской станицѣ—80 верстъ отъ Ростова—былъ полученъ отвѣтъ генерала Попова на письмо ген. Алексѣева, который требовалъ отъ него подчиненія общему командованію, т. е. Корнилову. Поповъ отвѣчалъ отказомъ: присоединившись на этомъ условіи къ Корнилову, онъ сталъ бы просто генераломъ среди другихъ подчиненныхъ Корнилову генераловъ, а держась отдѣльно, онъ сохранялъ надежду пройти въ войсковые атаманы.

Сдѣлано это было имъ кажется подъ вліяніемъ всего болѣе нѣкоего Розена, называвшаго себя полковникомъ, занимавшаго въ отрядѣ генерала Попова весьма важную должность начальника связи и въ отрядѣ же черезъ мѣсяцъ разстрѣляннаго за явную измѣну. Этотъ Розенъ, очень молодой человѣкъ, всегда пестро, но шикарно одѣтый, всегда показывавшій крупныя деньги, сообщилъ части отряда, что генералъ Поповъ окруженъ и захваченъ большевиками и всѣмъ надо спасаться, кто куда можетъ. Его арестовали, обыскали, при этомъ оказалось, что хотя на рукавѣ у него былъ

цѣлый рядъ нашивокъ за ранения, на тѣлѣ не оказалось ни одной раны. Судъ приговорилъ его къ разстрѣлянію. Передъ казнью онъ держался твердо и просилъ только, чтобы роднымъ его сообщили, что онъ убитъ въ бою и что долгъ, лежавшій на немъ онъ исполнилъ до конца. Какой долгъ и передъ кѣмъ?

Въ результатѣ еще одно предательство друга и со всѣхъ сторонъ угрожаемая непріятелемъ, небольшая, но крѣпкая духомъ и вѣрою въ своего вождя Корниловская армія двинулась къ югу въ Ставропольскую губернію, гдѣ расквартирована была 39-ая дивизія большевицкая, столкновеніе съ которой ожидалось у перваго же Ставропольскаго большого села. Лежанки, оно же Средне-Егорлыцкое. Но это было лишь первымъ шагомъ. Корниловъ поставленъ былъ въ необходимость съ малыми силами пробиваться въ степную глушь—Екатеринодаръ: въ данныхъ обстоятельствахъ только тамъ онъ могъ получить приростъ силъ. Будь войско генерала Попова съ нами, мы могли бы немедленно атаковать и атаковали бы станицу Торговую, Тихорѣцкую и, взявъ ихъ, взять затѣмъ станицу Кавказскую и Армавиръ. Покончивъ съ этимъ гнѣздомъ большевизма, взявъ его запасы—артиллерію и снаряженіе, мы создали бы себѣ во Владикавказѣ, тылъ и базу и, повернувшись къ Ростову, бросились бы на него и конечно бы взяли его, ворвавшись въ него всего черезъ двѣ недѣли послѣ ухода своего изъ него.

Все это стало невозможнымъ!

Чѣмъ бы ни объяснялось предательство генерала Попова, оно было предательствомъ самоочевиднымъ. Результаты его были очень велики для Добров. арміи и всего ея дѣла! Ничтожный человѣкъ этотъ принесъ тяжкій вредъ общему дѣлу всей Россіи и Дона ради постыдно мелкихъ личныхъ побужденій, но въ атаманахъ онъ все же не остался: едва не растерявъ всего своего отряда въ безпѣльномъ хожденіи по зимовникамъ около станицы Великокняжеской, онъ уволенъ былъ въ отставку однимъ изъ первыхъ же приказовъ войскового атамана Краснова.

Есаулъ Назаровъ потомъ выгораживалъ въ печати ген. Попова, утверждая, что рѣшеніе не уходить съ Дона было принято начальниками партизанскихъ отрядовъ на общемъ совѣщаніи и что ген. Поповъ лишь исполнилъ ихъ общую волю.

Если отдѣльные и второстепенные начальники могли увлекаться тѣмъ, что есть краснаго въ идеѣ—раздѣлить съ Дономъ его судьбу и даже и смерть,—то генералъ и начальникъ арміи, Поповъ, конечно, долженъ былъ быть вполнѣ взрослымъ человѣкомъ и понимая свою отвѣтственность передъ тѣмъ же Дономъ, понимать ясно и то, что никакой одной области Россіи, даже и Дону не могло и не можетъ быть подъ силу бороться со всероссійской организаціей, какою былъ тогдашній большевизмъ. Самый этотъ Донъ явилъ тому доказательство: Ростова казаки не могли взять въ одиночку безъ нѣмцевъ, а Новочеркаска безъ отряда Дроздовскаго.

Ес. Назаровъ забылъ малое: ген. Поповъ былъ совсѣмъ не предсѣдателемъ какого-то митинга, а начальникомъ арміи. Конечно, онъ имѣлъ полное право не согласиться съ мнѣніемъ подчиненныхъ ему начальниковъ партизанскихъ отрядовъ и поступить прямо обратно ему. При томъ же мнѣніе это вовсе не было „общимъ“—я могу назвать имена начальниковъ отрядовъ, которые умоляли ген. Попова не дѣлать этого преступленія противъ Дона и Россіи и идти къ Корнилову. Встрѣтивъ упрямый отказъ, эти мужественные и прямые патріоты Дона ушли отъ него и присоединились со своими отрядами къ арміи Корнилова.

Главныя силы.

„Главныя силы“ арміи были главнымъ ея безсиліемъ.

Какъ я сказалъ, на переходахъ центромъ отряда былъ обозъ и въ немъ лазаретъ. Впереди въ нѣсколькихъ верстахъ шелъ обычно авангардъ—боевыя части, обыкновенно офицерскій или Корниловскій полкъ подъ командой генерала Маркова. Съ фланговъ обозъ прикрывался конницей и въ арьергардѣ пара орудій съ прикрытіемъ пѣхоты,—обыкновенно подъ командой ген. Богаевскаго.

Обозъ и въ началѣ былъ очень великъ, къ концу же похода онъ состоялъ изъ близко 1000 подводъ, считая и подводы, занятыя подъ войска. Послѣ двухъ часовъ пути и неоднократной перестройки обоза изъ одной колонны въ двойную даже четверную, чтобы укрыть его отъ обстрѣла въ ту или иную представлявшуюся на пути ложбину, всякое правильное раздѣленіе на части въ немъ терялось и онъ шелъ рядомъ перетасованныхъ другъ съ другомъ подводъ разныхъ частей, безъ всякаго опредѣленнаго распорядка ихъ, растягиваясь на 6—7, а къ концу похода и на 10 верстъ.

И штабъ арміи не обращалъ на это серьезнаго вниманія, а очень слѣдовало бы!

Много было крику ежедневно со стороны всякаго начальства, чтобы вычистить свою часть отъ „чужаковъ“, залѣзшихъ въ нее своими подводами со стороны, но удавалось это только отчасти. И великое счастье было, что за весь походъ обозъ ни разу не подвергся прямой аттакѣ противника, иначе возникъ бы такой хаосъ лишенныхъ всякаго подчиненія и командованія, растерянно окачущихъ въ перегонки подводъ, за роковыя послѣдствія котораго цѣликомъ былъ бы отвѣтственъ именно штабъ!!, Слишкомъ ясно было, что перестраивая обозъ въ двойную и тройную колонну нельзя было разрывать частей внутри ихъ, но... лишь бы сейчасъ внѣшняя часть перестроенія была исполнена, а что для этого искалѣчено внутри—это на милость Божію т. е. на русскій „авось“!

И кого только не ѣхало съ обозомъ, благодаря царившему къ нему хаосу, въ которомъ скрыться было такъ легко каждому?! Главная масса его была—подводы съ ранеными. Тяжело раненые лежали по-двое на глубокихъ подстилкахъ соломы, укрытые войлоками, пестрыми одѣялами, шинелями. Легко раненые сидѣли на подводахъ по 5-6, коротая время въ разговорахъ, шуткахъ, перекликаніяхъ... Нѣкоторые ковыляли рядомъ пѣшими. Рядъ этихъ повязокъ вдругъ прерывался полуколяской ген. Эльснера, сухое нервное лицо котораго съ сѣдой бородкой всегда была какъ то напряженно приподнято, заряженное ментальной готовностью выбросить по всякому случаю, большому или маленькому, истинно генеральскую молнію всеоканчивающаго начальственнаго распоряженія! Гостемъ проѣзжала далѣе въ штабъ или авангардъ полуколяска ген. Алексѣева, всегда скромно сидѣвшаго въ глубинѣ ея, но всегда съ особымъ почтеніемъ встрѣчавшагося войсками.

Тутъ же въ ряду съ ранеными, парами и тройками подводъ ѣхали „вольные“, бѣжавшіе изъ Ростова и Новочеркаска отъ расправы большевиковъ. Изъ извѣстныхъ по всей Россіи именъ тутъ было только Н. Н. Львовъ, талантливый депутатъ 1-й Государственной Думы. Послѣ соединенія съ отрядомъ Эрдели появилась тутъ же и крупная импозантная фигура М. В. Родзянко. Ни Милюкова ни великихъ князей съ арміей не было, вопреки всѣмъ распускавшимся слухамъ. Былъ впрочемъ одинъ офицеръ, длинная сухая фигура котораго имѣла нѣчто общее съ обликомъ вел. князя Николая Николаевича. Ему было извѣстно, что нѣкоторые считаютъ его за бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго и онъ находилъ удовольствіе не опровергать это, и даже когда одинъ офицеръ сказалъ

ему, что ему извѣстно, кто онъ, онъ остановилъ его, схвативъ за руку:

— Ради блага Россіи никому ни слова объ этомъ!

Самозванцевъ вокругъ арміи вилось вообще множество, конечно, безъ всякихъ удостовѣряющихъ документовъ. Капитаны, полковники были со всѣхъ сторонъ, поражавшіе молодостью и... военною неопытностью.

Нѣкоторое время хозяйствомъ арм. лазарета—дѣломъ не малымъ: на 1500 чел. ежедневно!—завѣдывалъ казачій сотникъ Р. Уже въ концѣ похода, при провѣркѣ обоза ген. Марковымъ на пути изъ Мечетинской въ Манычскую генералъ замѣтилъ этого сотника и набросился на него:

—А, сотникъ Р., а не дѣлѣ доброволецъ Р., ложно называющій себя сотникомъ, котораго я давно ищу!! Долой съ лошади! Арестовать его!

Р. былъ арестованъ. Чины не имѣли въ арміи никакой цѣны—столько въ ней было генераловъ и полковниковъ, самыхъ настоящихъ, а все же люди рядили собя въ павлиньи хвосты!

Въ должности завѣдующаго хозяйствомъ лазарета сотника Р. смѣнилъ капитанъ Невѣровъ, артиллеристъ, техникъ. Черезъ недѣлю узнаю: арестованъ и онъ—оказался просто механикомъ Гольдманомъ съ уголовнымъ прошлымъ!

На подводахъ и верхомъ вдоль обоза ѣхало много всякихъ всадниковъ пестраго обличья и женщинъ, обыкновенно въ мужскомъ платьѣ; среди нихъ было нѣсколько „прапорщицъ“, однако остававшихся внѣ строя.

Почти безсильна была армія противъ этого люда! Всякое наказаніе не исправило бы ихъ, выбросить же ихъ тутъ же изъ арміи, значило бы прямо обречь разстрѣлу большевиковъ. Приходилось закрывать глаза и только время отъ времени подтягивать зарвавшихся, что и дѣлалось...

Даже и въ спеціальныхъ областяхъ самозванство выскакивало впередъ и имѣло успѣхъ: вотъ женщина-врачъ, говорившая о себѣ, что на фронтѣ она тамъ и тамъ завѣдывала особыми лазаретными отрядами и въ разговорѣ у постели раненаго называвшая вены по просту—„жилами“, какъ простительно развѣ недавней сестрѣ милосердія. Ея документовъ никто не видѣлъ, но докторство... признавалось.

Хуже ея былъ не самозванецъ, а дѣйствительно врачъ, который ѣхалъ все время съ арміей, получая отъ нея повозку, но котораго никто никогда не видѣлъ, чтобы онъ помогъ хотя чѣмъ-нибудь хотя одному раненому! По пріѣздѣ въ станицу онъ всегда умѣлъ первымъ захватить т. е. вырвать у раненыхъ теплую хату, гдѣ и расположиться съ цѣлымъ хозяйствомъ... Будучи квартирьеромъ лазарета, я попробовалъ однажды заставить его очистить захваченную имъ хату. Онъ имѣлъ мужество отвѣтить: „здѣсь тяжело раненыхъ помѣщать нельзя (въ хатѣ было немного затхло), а легко раненые могутъ помѣститься вездѣ, какъ и я“. Я не стѣснялся обращаться въ случаѣ нужды и къ военнымъ генераламъ и долженъ сказать, что всегда, когда раненые оставались внѣ крова, генералы немедленно и широко дѣлились мѣстомъ съ ними. Помню, на Киселевскихъ хуторахъ ген. Эльснеръ изъ трехъ комнатъ отдалъ раненымъ по моей просьбѣ двѣ, въ своей помѣстившись со штабомъ изъ 11 человѣкъ. Но тутъ съ этимъ врачемъ Собакевичемъ имѣть дѣло было такъ противно, что я повернулся и вышелъ, рѣшившись, что если я далѣе тридцати шаговъ не найду подходящаго помѣщенія для раненыхъ, я вернусь и съ мѣста выброшу вонъ на улицу врача Собакевича съ его сотоварищами, кастрюлями и одѣялами. На его счастье помѣщеніе нашлось: нимъ пригодились полъ-улицы для размѣщенія раненыхъ. У Собакевичей есть свой ветеринарный Богъ!

Ген. Сергѣй Леонидовичъ
МАРКОВЪ.

Ген. Африканъ Петровичъ
БОГАЕВСКІЙ.

Ген. Иванъ Георгіевичъ
ЭРДЕЛИ.

Крупную часть порядковъ обоза составляли и порядки лазарета, ибо послѣ первыхъ же боевъ лазаретъ сталъ представлять собою наибольшую часть обоза.

Если при остановкахъ въ станицахъ въ лазаретѣ все таки устанавливался еще извѣстный порядокъ ради самой возможности врачебнаго ухода за ранеными, то во время переходовъ онъ былъ царствомъ какой то безпомощной безтолочи и не нужныхъ и потому прямо преступныхъ мученій для раненыхъ!...

И всѣ видѣли это и всѣ знали средства и способы исправленія всего этого, и очевидные способы эти и средства были и просты, и подъ рукой и—никто ихъ не бралъ и не примѣнялъ!

— Зачѣмъ я „вдругъ“ это возьму на себя?! Такъ сразу?! А вдругъ такіе безпорядки устраняются гдѣ нибудь иначе, чѣмъ я думаю сдѣлать!? То-то я оконфужусь!

И робость овладѣвала душой русскаго „организатора“ и безтолочь продолжала вокругъ него свое существованіе!..

Да, порядки лазарета!!..

Сколько говорено, спорено и даже кричано было о нихъ и на переходахъ и на стоянкахъ! И все,—не впрокъ!

Вотъ самый обыкновенный случай лазаретнаго обихода въ походѣ.—Тяжело раненому, не могущему и повернуться на своей повозкѣ безъ чужой помощи, требуется подкладное судно.

Раздается крикъ,—если подвода изъ переднихъ:

— Санитара впередъ!

Крикъ этотъ предается съ повозки на повозку, порхаетъ съ одной на другую за горизонтъ, гдѣ скрывается хвостъ обоза,—и тамъ—замираетъ!...

Проходитъ полчаса—никого! Раненый мучается и кричитъ ужъ по крупнѣй, чтобы хоть кого-нибудь добиться:

— Доктора!

— Доктора впередъ!—несется опять крикъ съ повозки на повозку, опять порхаетъ онъ по обозу и скрывшись за горизонтъ, тамъ замираетъ!.....

Проходитъ полчаса—никого!

Что же, и докторъ забастовалъ? Нисколько, но онъ ѣхалъ гдѣ нибудь на двухсотой подводѣ сзади, т. е. въ двухъ верстахъ позади и вотъ ему приходится прямо рысью поспѣшать, чтобы и это разстояніе пройти и наверстать еще то, что за это время обозъ пройдетъ добавочно, ибо обозъ все время идетъ, не останавливаясь, унося раненаго отъ спѣшащаго къ нему доктора все далѣе и далѣе! Продѣлайте-ка это въ глубокую зимнюю грязь по расклеившейся дорогѣ сколько нибудь скоро!

Конечно помочь этому было просто. Нужно было, чтобы въ опредѣленныхъ мѣстахъ обоза были дежурные доктора, санитары и проч. со всѣмъ, что можетъ больнымъ понадобиться въ пути: лекарствами, приборами врачебными, питьевой водой... Нужно было чтобы дежурный докторъ имѣлъ лошадь для объѣзда обоза во время пути. Всякому ясно, какъ все это было важно для больныхъ, когда переходы наши длились по 12—16 и даже 40 часовъ, и все таки до самаго конца похода это осталось неустроеннымъ!

Правда, лошадь врачу наконецъ стала даваться, но такая, которая могла черезъ силу передвигать только себя одну,—лучшія перехватывались многочисленными ординарцами лазарета. Я былъ старшимъ квартирьеромъ лазазарета, которому прямо по условіямъ его дѣла необходимо быть верхомъ, но за весь походъ только однажды и всего на 48 часовъ я успѣлъ добиться лошади и дали мнѣ такую, что она въ одинъ день на гладкой дорогѣ дважды упала черезъ голову: просто сложила переднія „лапы“ и кувырнулась! Между тѣмъ реквизировать лошадь можно было въ любой станицѣ, но на два мѣсяца настоящій было два мѣсяца невниманія, не къ врачамъ лично или къ квартирьеру, а—къ раненымъ!

Въ первыя двѣ недѣли похода въ порядкахъ лазарета шелъ особенный кавардакъ, но за то тогда въ немъ еще были кое-какія лекарства, а дальше лекарства израсходовались, а порядка прибавилось мало. Судите — улучшился ли лазаретъ?

За первые пятьдесять часовъ похода волею ген. Эльснера вдругъ возникли и вдругъ были смѣщены два начальника лазарета: д-ръ Сулковскій и полк. Терзи, оба дѣльныхъ и достойныхъ человѣка, хотѣвшихъ и могшихъ организовать дѣло, какъ должно, т. е. такъ, чтобы врачи имѣли достаточный голосъ въ управленіи.

Взамѣнъ ихъ генер. Эльсперъ молніеносно создалъ въ лазаретѣ „царство Семирамидъ“, назначивъ начальникомъ его г-жу Спасскую. Та поставила сестеръ милосердія—изъ тѣхъ, что смотрѣли ей въ глаза — превыше докторовъ, отдавъ имъ весь обиходъ лазарета. Все было поручено сестрамъ милосердія, и не лучшимъ изъ нихъ, а бурбонамъ въ юбкѣ, докторовъ же она такъ умно размѣстила, что, напр., старшій ординаторъ Севастопольскаго морского госпиталя былъ назначенъ младшимъ ординаторомъ въ лазаретъ, гдѣ тогда не было еще и одной-то сотни больныхъ, а молодой заурядъ-врачъ къ своему удивленію и досадѣ за создаваемое ему смѣшное положеніе,—возведенъ ею былъ въ старшіе врачи. Конечно и первый отстранился отъ работы, и второй отказался отъ приказанной ему должности!

Врачи обратились къ ген. Алексѣеву, представивъ планъ, какъ слѣдовало бы организовать лазаретъ.

Алексѣевъ обѣщалъ свое содѣйствіе и дѣло могло бы наладиться очень хорошо, но „женское царство“ внезапно рушилось громкимъ крахомъ!

Когда распорядки въ лазаретѣ отъ врачей перешли въ руки сестеръ милосердія, то всякая дисциплина и сдержка въ немъ немедленно исчезла и раненые стали устраивать попойки, а когда сестры пробовали ихъ удерживать,—посылали ихъ къ чорту! Г-жа Спасская, испугавшись, стала избѣгать бывать въ лазаретѣ. Сестры бросились къ врачамъ, авторитетъ которыхъ онѣ еще вчера подрывали передъ ранеными, возводя на нихъ всякіе поклепы,—и просили „повліять“ на раненыхъ.

Но тутъ... въ Лежанкѣ ген. Корнилов самъ случайно наткнулся въ лазаретѣ на подвыпившихъ раненыхъ и г-жа Спасская была въ тотъ же день низложена и вмѣсто нея назначенъ былъ полк. Грешнеръ.

Исполнительный и лично очень добрый человѣкъ, полк. Грешнеръ все хотѣлъ дѣлать маленькими комнатными средствами „добрымъ желаніемъ всѣхъ“, не вводя никакихъ общихъ принудительныхъ для всѣхъ порядковъ и точно опредѣленныхъ обязанностей, и при немъ лазаретъ заболѣлъ безисходной перемежающейся лихорадкой „наилучшихъ намѣреній и робчайшаго исполненія“ переходившей временами особенно для посторонняго наблюдателя прямо въ какое-то... помѣшательство! Самъ полк. Грешнеръ вставалъ раньше всѣхъ, въ дождь и бурю мокъ съ ранеными на улицѣ, пока послѣдній раненый не погадалъ подъ крышу, но самъ-же онъ недѣлями не рѣшался опредѣленно назначить для раненыхъ достаточное число вожаковъ, которые бы быстро и прямо съ дороги развели ихъ въ хаты для ночлега. Въ итогѣ самъ полк. Грешнеръ работалъ „высунувъ языкъ“, бѣгая на больныхъ ногахъ съ утра до вечера а кругомъ его подъ давленіемъ продолжавшейся путаницы и безтолочи въ самыхъ простыхъ распорядкахъ всѣ теряли охоту къ работѣ и дѣлали свое дѣло, какъ надоѣвшую барщину.

И раненые продолжали страдать, мучиться и негодовать,—особенно во время переходовъ и размѣщенія по станицамъ на ночлегъ.

Объ этомъ обиходѣ жизни, его интересахъ и „темахъ дня“ ежедневно шли разговоры въ той части обоза, которая состояла изъ повозокъ лазарета....

Каждое утро въ десятомъ часу обозъ нагоняла группа конныхъ, человѣкъ въ пятьдесятъ. Трехцвѣтное знамя русскихъ національныхъ цвѣтовъ двигалось надъ нею. Впереди ея на длинноногомъ буланомъ конѣ ѣхалъ Корниловъ, всегда спокойный, пристально присматривавшійся ко всему и быстро уносившійся вдаль къ авангарду. Рядомъ съ нимъ видна была плотная фигура ген. Романовскаго, начальника штаба; неизмѣнно вслѣдъ за генераломъ Корниловымъ ѣхалъ любимый адъютантъ его, корнетъ-текинецъ Разакъ-бекъ ханъ Хаджіевъ, съ нимъ вмѣстѣ прорвавшійся изъ Быховскаго плѣна, затѣмъ нѣсколько полковниковъ изъ штаба и конвойцы. Изрѣдка тутъ же бывалъ виденъ и Деникинъ. Въ жизни арміи при Корниловѣ его присутствіе ничѣмъ не сказывалось, хотя Корниловъ по отзывамъ всѣхъ очень цѣнилъ и даже любилъ его. Ходило по устамъ его выраженіе о дѣйствіяхъ арміи:

— Кустарныя операціи!

Мы любили видѣть эту группу: словно душа арміи проходила при этомъ по ея членамъ и во всѣхъ являлась увѣренность, что мы на вѣрномъ пути и, какъ всегда, и сегодня вѣрно и твердо придемъ къ цѣли, какой надо!

Какъ квартирьеру лазарета, мнѣ часто приходилось отрываться отъ него и ѣхать впередъ авангарда готовить квартиры лазарету. Въ головѣ обоза всегда шла охраняющая войсковая часть и послѣ пестрой цыганщины обоза всегда пріятно было видѣть бодрыя энергичныя лица дѣйствительныхъ солдатъ Корниловской арміи, ея „штыковъ“ и „сабель“, которые составляли ея и физическую и особенно духовную ея силу! Двѣ-три фразы, переброшенныя съ командиромъ роты или взвода, сразу вводили въ боевую обстановку дня, въ то главное, что было заботой дѣйствительныхъ бойцовъ арміи... На душѣ становилось свѣтлѣе и бодрѣе!

Бой подъ Лежанкой.

Погода, вообще сухая, намъ благопріятствовала все время похода. Не было ни снѣга, ни дождей; только однажды въ горахъ уже за Кубанью мы попали въ ужасную снѣжную бурю 15 марта, едва не погубившую нашъ обозъ, но пока мы шли по землѣ войска Донского, были почти непостоянно сильные, иногда жестокіе холодные вѣтры, было мокро по дорогѣ, но раненыхъ и насъ не мочило сверху. Въ станицахъ зато мы прямо утопали въ жидкой грязи по колѣно. Всѣ встрѣчи въ Донскихъ станицахъ проходили въ одной обстановкѣ: любопытствующее населеніе станицы плотными шпалерами занимало сухіе берега улицы, предоставляя входящей арміи русло ея, полное глубокой грязи, въ которой и плыли повозки обоза и шли по колѣно „корниловцы“!

Въ хатахъ простыхъ казаковъ въ первые часы прихода насъ всегда поражала запуганность женщинъ и особенно дѣтей именемъ „кадетовъ“. Конечно подъ этимъ именемъ населеніемъ вспоминались не конституціоналисты-демократы“ а тѣ ростовскіе мальчики-кадеты, которые такъ сильно поразили народное воображеніе, круто и быстро зажавъ въ кулакъ въ Ростовѣ банду взрослыхъ разбойниковъ, мѣстныхъ большевиковъ— 1-2 декабря. Оказывалось вездѣ по станицамъ, что большевики нарочно распространяли, что „кадеты“ звѣрски обращаются съ населеніемъ, рѣжутъ уши, уводятъ женщинъ, убиваютъ и жарятъ дѣтей, солдатъ въ ихъ арміи порятъ и т. д... И здѣсь работано было сознательной ложью, лишь бы удержаться у власти! Въ интеллигентныхъ семьяхъ по станицамъ пріемъ вездѣ былъ радушный и сознательно сочувственный. Временные хозяева дѣлали для своихъ гостей, что могли, но вотъ приходило утро, и нить этой духовной связи рвалась, мы выступали и опять были одиноки среди пустой степи, опять въ кольцѣ враговъ, слѣдовавшихъ за нами.

какъ волки, позади окружавшихъ насъ пологихъ холмовъ...

Степь уже замѣтно обсохла послѣ зимней мокроты, когда мы въ ясный и солнечный день 23 февраля стали подходить къ Лежанкѣ, гдѣ ожидалось серьезное сопротивленіе большевиковъ.

Это было первое село Ставропольской губерніи, за которымъ въ нѣсколькихъ верстахъ проходила желѣзная дорога. По ней, какъ намъ было извѣстно, большевики подвезли и артиллерію, и войска, да уже и съ осени въ Лежанкѣ расположены были части 39 пѣх. дивизіи, пришедшей съ кавказскаго фронта и самочинно захватившей всю губернію.

Лежанка еще не была видна за горизонтомъ съ возвышеннаго плоскогорія, по которому мы шли большимъ „шляхомъ", какъ высоко-высоко въ воздухѣ передъ нами въ полутора-двухъ верстахъ вдругъ словно изнутри неба раскрылись бѣлыя облачка шрапнельныхъ разрывовъ и поплыли по вѣтру—еще и еще!.. Послышались отвѣтные удары нашей артиллеріи. Вотъ, много ближе, за бугромъ впереди по дорогѣ крѣпко грохнуло нѣсколько взрывовъ гранатъ. Слѣва показался непріятельскій разъѣздъ... Вызвали въ цѣпь съ этой стороны изъ обоза всѣхъ, имѣющихъ винтовки...--признакъ, что боевыхъ частей на это нѣтъ: всѣ онѣ заняты были впереди... Слабая защита! Но разъѣздъ сейчасъ же скрылся... Слабый противникъ!!. Впереди застучали пулеметы и удары орудій стали учащаться... Обозъ однако не останавливается—идетъ по дорогѣ. Проходимъ мимо ямъ отъ гранатъ—все трехдюймовки, судя по глубинѣ ямъ! Ямы свидѣтельствуютъ о неподвижности огня: три ямы образуютъ треугольникъ, отстоя всего на 20-30 шаговъ одна отъ другой. Видимо, какъ поставлено было орудіе, такъ и дули изъ него подрядъ, не мѣняя цѣли и прицѣла! Но вотъ лежатъ на травѣ рядомъ съ дорогой и первыя жертвы: полковникъ изъ отряда Красиянскаго и казакъ убитые одной гранатой.

Обозъ остановился. Корниловъ былъ далеко впереди у самой станицы. Тамъ кипѣлъ горячій бой и приходилось ждать его конца.

Прямо съ фронта наступалъ на сильную позицію большевиковъ нашъ офицерскій полкъ. Спереди и съ праваго нашего фланга она была прикрыта рѣкою, довольно глубокою въ эту пору года.

Наступленіе офицеровъ было картинно и поражающе смѣло. Шли они не ложась точно не противъ пуль, которыми большевики ожесточенно осыпали ихъ. Вотъ они немного остановились, чтобы дать время Корниловскому полку и юнкерамъ закончить свой обходъ справа и слѣва во фланг непріятелю.

Корниловскій полкъ долженъ былъ верстъ семь идти по пахоти, пока зашелъ достаточно глубоко.

Въ это время ген. Марковъ всегда особенно жадный до боя, чтобы кому нибудь уступить въ немъ первенство, бросился съ офицерскимъ полкомъ въ героически смѣлую аттаку прямо на мостъ передъ станицей, обливавшійся перекрестнымъ огнемъ шести пулеметовъ. Кто черезъ мостъ, кто прямо черезъ рѣку по горло въ ледяной водѣ, офицеры прошли это преграду и погнали передъ собою большевиковъ въ станицу. На встрѣчу имъ изъ переулковъ и хатъ выбѣгали группами и въ одиночку солдаты и красногвардейцы, крича имъ тревожно: „Товарищи, наши ещэ держатся на позиціи! А—товарищи?! и выстрѣлы были отвѣтомъ на „товарищей"!

Корниловскій полкъ прямо съ хода тоже перешелъ рѣку подъ огнемъ противника и въ паникѣ большевики бросились черезъ станицу въ лѣсъ за нею.

Къ 6 часамъ вечера Лежанка была занята нашей пѣхотой. Артиллерія большевиковъ бѣжала, какъ только началась

така Корниловскаго полка. Отрядъ Глазенапа сдѣлалъ глубокій обходъ и за станицей перехватилъ бѣгущій обозъ большевиковъ. Онъ успѣлъ отбить нѣсколько повозокъ, остальное „протекло“ мимо. Опять и опять вспомнился отрядъ Попова и его конвица: будь она съ нами, вся артиллерія и весь обозъ большевиковъ былъ бы нами захваченъ!

Уже не задолго до темноты нашъ обозъ сталъ подходить къ станицѣ, прочно занятой нами. Передъ мостомъ у рѣки окопы, за рѣкою—тоже. Около нихъ—множество пустыхъ гильзъ. Лежатъ у воды первые трупы большевиковъ... Странно и жутко видѣть окровавленныя русскія лица, разможенныя русскою же рукою! Но это неоспоримо были—враги, и злые и вредные враги Россіи и всѣхъ русскихъ!

Центръ нашей арміи и обозъ расположились въ станицѣ, наполовину оставленной жителями по распоряженію большевиковъ, и мы всю ночь слышали въ лѣсу раскаты короткихъ залповъ. Это разстрѣливали и доканчивали шайки большевиковъ, скрывавшіяся въ лѣсу...

Корниловъ съ первыхъ же шаговъ желѣзной рукой поставилъ борьбу съ этимъ русскимъ Ванькой Каиномъ. Большевики подчиняли себѣ все и всѣхъ въ Россіи, грозя истребленіемъ, и дѣйствительно безжалостно и подло истребляли на Руси все живое, не подчинявшееся имъ немедленно и безпрекословно. Такимъ же точно истребленіемъ отвѣчалъ имъ и Корниловъ!.. Мы знали, что всякій корниловецъ, цѣлый или раненый, солдатъ или докторъ, мужчина или женщина, даже ребенокъ, попавшійся въ руки къ большевикамъ, будетъ разстрѣлянъ, и всѣ большевики, захваченные нами съ оружіемъ въ рукахъ, разстрѣливались на мѣстѣ—въ одиночку, десятками, сотнями... Это была война „на истребленіе“! Вызовъ большевиковъ былъ принятъ ихъ грознымъ противникомъ и мы видѣли, какъ эта война на истребленіе, неосторожно объявленная людьми съ первыми слабыми людямъ съ первыми стальными, подрывала мужество большевицкихъ войскъ. Бѣгство ихъ отъ Корниловскихъ полковъ, разъ начинавшись, всегда бывало паническимъ. Дрогнувъ подъ прямымъ ударомъ нашихъ войскъ, выбитые изъ первыхъ окоповъ, большевики не зная уже удержа и спасались отъ неминуемаго разстрѣла быстротою ногъ:

— Спасайся, иначе разстрѣляютъ!

Подъ Лежанкой было убито около 500 большевиковъ. Наши потери были—2 убитыхъ и около 20 раненыхъ. Не мало большевиковъ было перебито въ самомъ селѣ, въ погребахъ и прочихъ тайникахъ. Но вотъ пойдите же! Черезъ два мѣсяца мы опять были въ Лежанкѣ уже безъ Корнилова, съ Деникинымъ, и отношенія жителей были къ арміи самыя радушныя, какъ къ истиннымъ друзьямъ и защитникамъ, ибо среди этихъ 500 убитыхъ въ Лежанкѣ очень многіе были просто грабителями и мучителями населенія, которое прямо вздохнуло, избавившись отъ нихъ, и когда Корниловъ ушелъ, стало съ нетерпѣніемъ ждать, когда онъ вернется опять и уже надолго!

Въ Лежанкѣ среди большевиковъ нами взято было нѣсколько офицеровъ.—настоящихъ офицеровъ. Всѣ они были преданы суду. Нѣкоторые были, кажется, разстрѣляны, а двое были даже приняты въ Добровольческую армію. Они доказали на судѣ, что большевики держали ихъ насильно, имѣя заложниками ихъ семьи, но во время боя они намѣренно избѣгали причинить какой-либо вредъ Добровольческой арміи... Такъ, одинъ изъ нихъ, артиллеристъ, доказалъ, что снаряды его орудія падали туда, гдѣ не было нашихъ цѣпей и ему принадлежали первые выстрѣлы шрапнелью высоко въ небѣ: онъ увѣрилъ большевиковъ, что онъ видитъ аэропланъ корниловцевъ и по нему-то онъ и стрѣлялъ „въ чисто небо, какъ въ

копеечку"... У насъ онъ оказался превосходнымъ командиромъ батареи бившей всегда по большевикамъ очень мѣтко. Онъ сдѣлалъ съ нами весь походъ. Другой-же его товарищъ марки не выдержалъ и вскорѣ скрылся изъ арміи въ одной изъ станицъ...

Въ Лежанкѣ было объявлено по арміи приказаніе нашить что-нибудь бѣлое на танки, иначе—„не будьте въ претензіи, если васъ убьютъ или ранятъ свои же"!

Походъ на Кубань.

Мы простояли въ Лежанкѣ два дня и двинулись—куда?... Это былъ общій вопросъ.

Мы могли идти на Торговую, узловую станцію по линіи на Царицынъ, и это значило бы, что Корниловъ рѣшилъ или провести конецъ зимы въ Ставропольской губ. или идти на Астрахань.

Но мы могли также идти и на Тихорѣцкую. Это означало бы рѣшительную и крутую борьбу съ большевиками въ самой ихъ берлогѣ, раскинутой по ж. д. станціямъ: Тихорѣцкой, Кавказской и Армавиру. Въ арміи это считалось труднымъ дѣломъ, для котораго едва ли у насъ было достаточно силъ.

Въ дѣйствительности же мы пошли не на Торговую и не на Тихорѣцкую, а мимо нихъ „куда-то" на западъ по открытымъ степямъ Прикубанья на станицу Старокорсунскую, потомъ Незамаевскую. Дальше куда? На югъ въ обходъ Тихорѣцкой или дальше къ Екатеринодару? Тутъ было новое распутіе. Отъ Незамаевской до Тихорѣцкой было всего 27 верстъ т. е. одинъ переходъ. Немного дальше отъ нея было до станціи Павловской, стоявшей на другой линіи жел. дор., примыкавшей къ Тихорѣцкой. Куда пойдемъ?

Обыкновенно переходы мы дѣлали днемъ, но въ станицѣ Веселой, куда мы пришли изъ Незамаевской, выступленіе было назначено неожиданно—вечеромъ.

Двинулись мы съ наступленіемъ полной темноты. Было приказано не курить, громко не разговаривать, избѣгать всякаго шума. Шумъ однако былъ:—эти сборы особенно молчаливые, тихіе разговоры такъ необычно все вполголоса—замѣтно нервировали лошадей и они, безпокоясь, особенно часто и заливисто ржали и ржаніе ихъ звонко разносилось въ ночной тишинѣ...

Направленіе движенію было дано прямо на западъ на Павловскую станицу.

Длиннымъ рядомъ темныхъ тѣней потянулись повозки, среди ночи по молчаливой степи. На каждомъ поворотѣ стояли „маяки" и въ полголоса указывали повозкамъ направленіе. Шли долго. Глухая темнота лежала кругомъ. Вошли наконецъ въ небольшой Поповъ хуторъ. Я подошелъ къ освѣщенному окну хаты—смотрю весь штабъ около стола кромѣ Корнилова—онъ былъ уже впереди... Небольшая остановка, и двинулись дальше...

За хуторомъ обозъ вдругъ былъ направленъ круто къ югу и пошелъ какими то полевыми дорогами—ужъ не на перерѣзъ жел. дорогѣ, а вдоль ея. Очевидно Корниловъ дѣлалъ какой то маневръ. Пройдя около версты, я убѣдился, что сзади насъ шло всего только 5—6 повозокъ, весь же остальной обозъ оторвался и ушелъ невѣдомо куда!... Въ это время впереди и со стороны жел. дороги гулко раздались два взрыва — это наша подрывная команда взрывала мосты на жел. дор. линіи, чтобы не допустить броневые поѣзда противника подойти на выстрѣлъ—5-6 верстъ—къ мѣсту нашего перехода черезъ рельсы... Дѣло началось, нервы у всѣхъ напряглись—каждая минута становилась дорога, а тутъ весь обозъ ушелъ куда-то въ сторону!

Поскакали конные по дорогѣ искать его...

Скоро онъ самъ нашелся и товарищъ мой, бывшій въ оторвавшейся его части, такъ разсказывалъ мнѣ:

— Мы шли и шли... Я застылъ отъ холода сидя въ повозкѣ, слѣзъ и пошелъ впередъ промяться и согрѣться... Обогналъ нѣсколько повозокъ... Вдругъ вижу— обозъ кончается... А гдѣ же его голова?... Куда дѣлся весь остальной обозъ?... Мы значитъ идемъ отдѣльно отъ него?! Подошелъ къ головной повозкѣ—всѣ въ ней спятъ... и подводчикъ спитъ... Мнѣ стало все ясно... Повозка эта почему-либо отстала отъ переднихъ. Подводчикъ спитъ... Лошади идутъ, какъ хотятъ, и не имѣя другой подводы близко передъ собою, свернули гдѣ нибудь въ сторону совершенно произвольно. Весь обозъ за ними! Посмотрѣлъ по звѣздамъ—идемъ прямо на западъ,—въ лобъ на непріятеля!

Большевики должны быть уже совсѣмъ близко... При насъ—никакой охраны!... Признаюсь — похолодѣлъ отъ мысли — вотъ—вотъ влетѣть въ лапы большевиковъ!... Остановилъ обозъ и поперъ назадъ искать связи... Ни одного коннаго кругомъ... И перъ же я!.. Согрѣлся живо... Не менѣе трехъ верстъ пришлось пройти съ прямо чудесной скоростью... Наконецъ ткнулся въ повозки обоза, шедшаго въ совсѣмъ другомъ направленіи и нашелъ офицера... Обозъ повернули. Онъ подошелъ къ Павловской уже всего на три версты разстоянія и будь день, — что было бы!... Вотъ лихое дѣло!.. Штурмовали Павловскую — обозомъ!... Безъ единаго стрѣлка!... Но и перъ же я эти три версты назадъ, розыскивая куда дѣлся обозъ!... Прямо какъ автомобиль!...

Этотъ случай только помогъ успѣху Корниловскаго плана. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы направить армію прямо на Павловскую станцію, гдѣ былъ узелъ двухъ линій и большіе склады большевиковъ, дѣлая видъ, что рѣшено атаковать именно ее, но не доходя ея шести верстъ круто поворотить къ югу и пройдя среди ночи 15 верстъ прямо къ югу—перейти жел. дорогу на небольшомъ переѣздѣ у ст. Новолеушковской.

Планъ удался великолѣпно. Обозъ по ошибкѣ дошелъ даже всего только на три версты до Павловской и большевики тамъ конечно уже слышали шумъ и нестройный гулъ идущихъ нашихъ повозокъ. Они напряженно ждали, что вотъ-вотъ боевыя наши части откроютъ огонь, а вмѣсто этого въ ночи только темнота и никого!... Проходятъ часы и все—никого! А вѣдь какъ близко былъ шумъ обоза! Гдѣ-же онъ? Наконецъ вдругъ съ разъѣзда въ 15 верстахъ къ нимъ извѣстіе по телефону, что желѣзнодорожная сторожка захвачена корниловцами и голова обоза переходитъ линію, тамъ—въ пятнадцати верстахъ!

Можно представить себѣ состояніе одураченныхъ стратеговъ!...

Нервное напряженіе царило въ обозѣ, когда мы шли эти 15 верстъ... Всѣ даже и подводчики отлично понимали смыслъ операціи. Дорога шла вдоль жел. дорожной линіи, на которой каждую минуту могъ показаться бронированный поѣздъ, а то и два, и начать обстрѣлъ нашихъ повозокъ чуть не въ упоръ...

Начинаетъ свѣтать... Все кажется идетъ благополучно. Офицеръ, ѣдущій изъ авангарда, сообщаетъ, что въ сторожкѣ на переѣздѣ имъ сказали, что за нѣсколько минутъ до прихода нашихъ мимо ея прокатило изъ Тихорѣцкой въ Павловскую три броневыхъ поѣзда,—встрѣчать насъ въ Павловской!

Проходимъ гать, наскоро настланную по приказанію Корнилова черезъ непролазное болото. Благодаря ей дорога изъ непроходимой стала проходимой даже для артиллеріи—впрочемъ двѣ наши пушки таки покупались здѣсь, сползши съ гати на бокъ—съ трудомъ ихъ вытащили. Разсвѣло. Желѣзнодорожная линія теперь вся на виду, голова обоза уже далеко за нею. Наконецъ, къ переѣзду подходятъ и

наши повозки, попавшія въ самый хвостъ обоза, и я никогда не забуду этой красивой и эффектной картины, которую я видѣлъ на переѣздѣ...

Солнце только что встало надъ широкой степью... У небольшого желѣзнодорожнаго переѣзда, у будки, стоятъ самъ Корниловъ со штабомъ и видимо довольный и веселый смотритъ, какъ послѣднія повозки переходятъ черезъ линію, уходя далѣе въ широкую степь и скрываясь въ ней надежно отъ преслѣдованія противника. Въ это время на горизонтѣ показывается бѣлый дымокъ бронированнаго поѣзда и оттуда гулко стукаетъ ударъ орудія... Граната разрывается недолетомъ въ полуверстѣ. Корниловъ дѣлаетъ распоряженіе и два нашихъ орудія, стоявшихъ рядомъ, тяжко ахаютъ по поѣзду и передъ самымъ нимъ взрываются два высокихъ черныхъ столба земли и пыли. Орудія сейчасъ же выѣзжаютъ дальше, ближе къ поѣзду... Оттуда гремитъ выстрѣлъ, другой. Но наши орудія даютъ еще два выстрѣла. Гранаты рвутся въ самомъ поѣздѣ и... артиллерійская дуэль кончена!.. Поѣздъ поспѣшно укатывается за горизонтъ... Поле сраженія цѣликомъ за нами... Еще десять верстъ по степи и сдѣлавъ болѣе 60 верстъ за эту ночь и утро—мы остановились на отдыхъ въ Старолеушковской станицѣ.

Мы ждали этого перехода черезъ ж. д. линію, готовясь заплатить за него сотнями жизней и—не потеряли ни одной!... Не было даже раненыхъ... Обстрѣлъ начался именно тогда, когда все уже было кончено!

Это блестящее дѣло, которое все разыгралось на глазахъ всѣхъ въ арміи, при участіи въ немъ каждаго-же, подняло высоко общую вѣру въ Корнилова и съ каждымъ днемъ она крѣпла, дѣлая эту небольшую армію способной къ истинно героическимъ дѣламъ, повидимому невозможнымъ и для отрядовъ втрое сильнѣйшихъ.

Переходомъ этимъ мы прорвались за желѣзно-дорожную линію Ростовъ—Тихорѣцкая и путь къ Екатеринодару намъ былъ открытъ. Корниловъ очевидно рѣшилъ идти къ нему. Большевики дѣйствовали исключительно вдоль желѣзнодорожныхъ линій, а тутъ до самаго Екатеринодара передъ нами уже не было никакихъ рельсовыхъ путей. Только съ юга вдоль нашего пути въ 10—15 верстахъ отъ него шла линія Екатеринодаръ—Тихорѣцкая, но при такомъ разстояніи она была достаточно безопасна для насъ—орудія большевиковъ били съ платформъ ихъ бронированныхъ поѣздовъ на 5—6 верстъ, а съ линіи желѣзной дороги эти храбрецы сходили очень не охотно.

Прошли степную станицу Иркліевскую. Въ ней дошли до насъ первые глухіе слухи, что Кубанское правительство сдало Екатеринодаръ большевикамъ. Слухамъ этимъ никто не далъ никакой вѣры. Я сидѣлъ поздно вечеромъ одинъ въ перевязочной лазарета, когда ко мнѣ вошелъ офицеръ и спросилъ—нѣтъ ли у меня какого нибудь штатскаго пальто или куртки хотя бы?

— Кромѣ того, что сейчасъ на мнѣ—ничего!—сказалъ я горькую истину: у насъ у всѣхъ верхняго платья было только то, въ чемъ вышли изъ Ростова.

— Я ѣду съ порученіемъ въ Екатеринодаръ и надо хоть чѣмъ нибудь прикрыть офицерское платье, а то задержатъ въ первой же станицѣ... Ни у меня, ни у товарищей нѣтъ ничего подходящаго...

— А въ контрразвѣдкѣ?

Офицеръ досадливо махнулъ рукою...

— Неужели? Какъ же въ ней нѣтъ даже платья, чтобы одѣть своихъ агентовъ какъ надо?!

— Придется такъ ѣхать! Проѣду какъ нибудь...

И онъ нерѣшительно вышелъ. Я провожалъ его глазами, думая, какъ бы ему помочь. Мнѣ смертельно жаль было человѣка... Изъ за чего могъ лишиться жизни,

да и лишился вѣроятно: изъ всѣхъ посланныхъ отъ насъ „для связи“ въ Екатеринодаръ, пробрался изъ нашей арміи кажется только одинъ, выѣхавшій изъ Лежанки, да и то ему въ Екатеринодарѣ не повѣрили, что Корниловъ идетъ и бьетъ большевиковъ побѣдоносно. Значитъ и этотъ приходившій ко мнѣ офицеръ былъ захваченъ, и значитъ, конечно, и разстрѣлянъ.

У ст. Березанки нашъ авангардъ встрѣтился съ сравнительно небольшимъ заслономъ большевиковъ. Слѣва они выслали во флангъ Корниловскому полку конный отрядъ, человѣкъ въ 70—80. Какъ разъ въ это время къ полку подъѣхала часть Глазенаповскаго дивизіона, тоже около 80 чел. силою. Полк. Нѣжинцевъ, командиръ Корниловскаго полка, предложилъ ей атаковать большевицкую конницу. Начальникъ отряда отказался, сказавъ, что это дѣло Боковской сотни, а онъ имѣетъ свою задачу.

Непріятное впечатлѣніе кругомъ отъ этого отказа! Одинъ изъ развѣдчиковъ полка подскакиваетъ къ полк. Нѣжинцеву:

— Позвольте намъ аттаковать!

Нѣжинцевъ посмотрѣлъ:—четыре развѣдчика, помощникъ командира полка и нач. „связи“—всего—шесть человѣкъ!

— Поѣзжайте!

И шесть человѣкъ бросились лавой на 80! Лошадь отъ лошади были въ 20 саженяхъ, несясь карьеромъ... Большевики стали отходить и, проскакавъ около пяти верстъ, развѣдчики потеряли ихъ изъ виду.

Сопротивленіе березанцевъ было непродолжительное: духъ противника былъ подломленъ аффронтомъ отъ своихъ же.

Къ нимъ изъ Выселокъ было прислано подкрѣпленіе—тысяча человѣкъ, столько же, сколько было въ войскахъ Гарибальди, съ которыми онъ началъ освобожденіе Италіи! Эта тысяча вышла въ поле и подумавъ—вернулась обратно въ Выселки!

Березанская занята была нами безъ боя.

Я прошелъ потомъ по позиціи большевиковъ. Въ первой линіи окоповъ у каждой ямы валялось множество пустыхъ гильзъ и обоймъ! Тамъ и сямъ лежали прямо ящики патронные, пустые конечно. Пока наши войска не подошли въ плотную, большевики засыпали ихъ ожесточеннымъ ружейнымъ огнемъ, но... какъ только штурмовой ударъ выбилъ большевиковъ изъ первыхъ окоповъ... я далѣе нашелъ шесть рядовъ приготовленныхъ окоповъ и кругомъ ихъ ни одной пустой гильзы!.. Видимо большевики драли назадъ сквозь эти окопы, не задерживаясь ни на минуту, чтобы выстрѣлить хоть одинъ разъ, даже не оборачиваясь!..

За Березанкою мы подошли къ Журавскому хутору, по дорогѣ къ которому крупный отрядъ былъ отдѣленъ нами для захвата желѣзно-дорожной станціи Выселки. Командовалъ имъ ген. Марковъ, неизмѣнный начальникъ нашего авангарда, неодолимо стремительный въ аттакахъ, всегда въ самомъ пылу боя подъ обстрѣломъ, принцъ Мюратъ нашей арміи. Какъ на праздникъ идя, Офицерскій полкъ отдѣлился отъ главныхъ силъ и съ шутками, смѣхомъ и пѣснями, доблестный и спокойный, пошелъ по дорогѣ влѣво къ Выселкамъ. Ни въ одномъ лицѣ ни черточки какого либо напряженія; весело и оживленно было въ рядахъ! Удивительная армія, несравненный полкъ!

Пока шелъ бой, обозу все время пришлось стоять въ сферѣ огня и, скрывшись за бугромъ, дѣлать видъ, что падавшія среди него гранаты падали на пустое мѣсто, и не двигаться съ мѣста, чтобы не выдать себя. Армія уже получила боевое воспитаніе и хотя на пятистахъ повозкахъ, изъ которыхъ тогда состоялъ ея обозъ, было пятсотъ подводчиковъ и не менѣе тысячи совершенно штатскихъ людей, въ ней не было ни паники, ни простой нервности, передъ попавшимися среди нея гранатами. Тяжко ухаетъ граната совсѣмъ рядомъ съ повозкой... Она не трогается съ мѣста... Подводчикъ даже не повернетъ голову... Ему

стыдно другихъ показать, что онъ замѣтилъ ее... Нѣсколько томительныхъ часовъ простояли мы такъ... Стали подвозить раненыхъ съ мѣста боя... Стали развязываться языки и тутъ впервые развернулась передо мной „обозная сплетня“... Если бой не рѣшителенъ и внушаетъ опасеніе за исходъ, тайная жуть, чувствуемая, но скрываемая большинствомъ, всетаки скажется! Всѣ будутъ спокойны—по внѣшности, но невѣдомо откуда поползутъ зловѣщія выдумки...

—Десять тысячъ латышей подвезли вчера къ Выселкамъ—вдругъ говоритъ полковникъ, дотолѣ говорившій только о варенникахъ и коржикахъ на салѣ...

— Откуда вы знаете?

— Сообщили наши разъѣзды... Отличная у латышей артиллерія.. Есть шестидюй мовки.

— Но тогда Корниловъ не аттаковалъ бы Выселокъ однимъ авангардомъ Маркова...

— Не знаю... Можетъ быть части Богаевскаго тоже гдѣ нибудь заняты... Большевики нажимаютъ на нашъ тылъ—вѣдь потому мы и не отходимъ отъ желѣзной дороги, съ которой они и жарятъ теперь по насъ,—некуда!

— Но тогда мы слышали бы пулеметы въ арьергардѣ...

— Во всякомъ случаѣ Березанка была занята большевиками, какъ только мы ее очистили сегодня утромъ, — отстаиваетъ точность своихъ свѣдѣній и право на паникy полковникъ.

Я говорю, что эти десять тысячъ латышей—сплошной вздоръ, но мой оптимизмъ кругомъ хотя видимо ободряетъ общій духъ, но мало нравится: безопаснѣе преждевременно не радоваться—„пожалуй еще сглазишь“!..

Эта опасливость- очень могущественное въ толпѣ чувство и не будь крутого отпора сообщенію полковника —оно могло бы нагнать уныніе на цѣлый уголъ поля, ходя съ повозки на повозку—всѣ кругомъ напряженно прислушивались къ нашему спору

Но вотъ приказъ—„квартирьеры впередъ!“ Значитъ Выселки взяты и хуторъ Журавскій, бывшій передъ нами, занятъ тоже. Квартирьеры рысью мчатся впередъ приготовить въ станицѣ квартиры и продовольствіе для своихъ частей, а весь обозъ шагомъ тянется за ними. Приходятъ извѣстія, что въ Выселкахъ взято много патроновъ, сахара и всякихъ припасовъ— большевики любятъ сладко поѣсть! Къ сожалѣнію, не досталось намъ ничего изъ перевязочныхъ матеріаловъ и лекарствъ. Ихъ становилось у насъ уже мало. Іода не было, вазелина тоже, бензина для обмывки ранъ было чуть-чуть...

Оставивъ въ Выселкахъ конный отрядъ Гершельмана, Корниловъ съ главными силами прошелъ на Журавскій хуторъ, а ген. Марковъ со своими войсками на хуторъ Малеванный ближе по желѣзной дорогѣ къ большой станицѣ Кореневской, лежавшей далѣе на нашемъ пути.

Гершельманъ долженъ былъ занимать Выселки, пока не начнется бой у Кореневской, прикрывая нашъ тылъ. Но онъ утромъ-же ушелъ изъ Выселокъ. Большевики заняли станцію крупнымъ отрядомъ и стали энергично напирать на насъ.

Пришлось брать Выселки снова и на этотъ разъ бой былъ очень тяжелый и стоилъ намъ много жертвъ. На хуторѣ Журавскомъ два врача перевязочнаго пункта едва успѣвали перевязывать раненыхъ, которыхъ все подвозили и подвозили съ поля сраженія. За время отъ 10 ч. утра до 4 ч. дня было перевязано болѣе 80 раненыхъ, преимущественно тяжелыхъ,—легко раненые оставались при своихъ частяхъ.

Особенно пострадали въ этомъ сраженіи партизаны, которымъ пришлось идти въ аттаку противъ пулемета и они взяли его! Среди раненыхъ много было кадетовъ

—16-17-лѣтнихъ мальчиковъ. Кадеты имѣли высокое боевое имя въ нашей арміи. „Кадеты аттакуютъ удивительно—словно вовсе не видятъ опасности!“ И сердце невольно особенно сжималось при видѣ этихъ мальчиковъ-героевъ, терпѣливо переносящихъ страданія мучительныхъ пораненій и перевязокъ.

На полѣ сраженія Корниловъ былъ все время подъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Огонь этотъ сталъ перекрестнымъ на высокомъ курганѣ, на который онъ поднялся, чтобы дать распоряженія по общей аттакѣ, которою закончился бой. Съ него онъ послалъ Корниловскому полку, уже направившемуся къ Кореневской, приказаніе повернуть и сдѣлать глубокій обходъ большевицкаго фланга.

Онъ долго, не отрываясь, слѣдилъ въ бинокль за развертываніемъ полка въ новомъ направленіи и, наконецъ, съ удовлетвореніемъ произнесъ, видимо о командирѣ полка полк. Нѣжинцевѣ:

— А, понялъ, понялъ! Ну слава Богу!

Послѣ сраженія ему доложили, что неподалеку лежатъ 70—80 раненыхъ большевиковъ,—что съ ними дѣлать?

— Охранить... Если нуженъ хлѣбъ, послать имъ сейчасъ же!

Боюсь, что этотъ приказъ не былъ выполненъ спрашивавшими: наши войска въ то время въ особенности не допускали иного отношенія къ большевикамъ, какъ къ вреднымъ и злымъ животнымъ!

Проѣзжая мимо тяжело раненаго большевика, Корниловъ спросилъ: почему онъ пошелъ противъ добровольцевъ?

— Заставили!—съ трудомъ проговорилъ раненый.

— Заставили и идетъ противъ своей родины! Ботъ люди!—воскликнулъ Корниловъ.

Въ бою этомъ наша армія потеряла много извѣстныхъ среди нея бойцевъ: былъ смертельно раненъ полк. Краснянскій и умеръ на другой день; убитъ есаулъ Власовъ, безспорно лучшій нашъ конникъ, будущій командиръ всей нашей конницы, любимецъ Корнилова и Маркова; ему по окончаніи героической блестящей аттаки „лавою“ сдавшійся большевикъ вдругъ выстрѣлилъ въ спину и побѣжалъ; Власовъ догналъ его въ нѣсколько прыжковъ, разсѣкъ ему голову шашкой и упалъ рядомъ: пуля разорвала ему кишечникъ; тутъ-же убитъ былъ Курочкинъ батальонный командиръ Офицерскаго полка, одно изъ лучшихъ боевыхъ именъ въ арміи; раненъ Лазаревъ и др.

Къ концу боя изъ Кореневской станицы явилась депутація съ заявленіемъ, что жители ея не враги Корнилову и его арміи и ждутъ его съ хлѣбомъ-солью. Корниловъ принялъ ее и депутація отправилась во-свояси. Но черезъ два часа отъ нея пріѣхали посланцы съ предупрежденіемъ къ Корнилову, что сейчасъ около 10.000 красногвардейцевъ нѣсколькими эшелонами высадились въ Кореневской!

Приходилось готовиться къ серьезному бою.

Въ этотъ день къ вечеру Корниловъ былъ въ лазаретѣ на Журавскомъ хуторѣ. Какъ разъ передъ его приходомъ д-ръ Сулковскій зашелъ въ палату тяжело раненыхъ и обратясь къ первому раненому, лежавшему у самыхъ дверей, сталъ разспрашивать его о раненіи и смотрѣть его рану.

По палатѣ пошелъ ропотъ:

— Прежде всего большевика спрашиваетъ!? Точно своихъ нѣтъ! Большевика выкинуть надо! Не мѣсто ему здѣсь! Его убить надо!

Докторъ не успѣлъ отвѣтить, что онъ и не зналъ, что этотъ раненый большевикъ,—вошелъ Корниловъ. Раненые стали жаловаться ему на мягкосердечіе доктора:

— Мы не воюемъ съ ранеными!—сказалъ имъ Корниловъ и разговоръ былъ оконченъ.

Вечеромъ Корниловъ въ приказѣ сказалъ полк. Гершельману и арміи, что только въ уваженіе прежнихъ блестящихъ заслугъ онъ, Гершельманъ, не предается военно полевому суду и разстрѣлянію, такъ какъ только такой приговоръ могъ бы вынести ему этотъ судъ!

Въ Журавскомъ хуторѣ Корниловъ собралъ сходъ и говорилъ рѣчь, предупреждая, что онъ идетъ въ Екатеринодаръ, чтобы скоро быть назадъ, и тогда горе будетъ тѣмъ, кто будетъ изобличенъ въ большевизмѣ и въ насиліяхъ противъ населенія. На площади хутора передъ станичнымъ правленіемъ былъ повѣшенъ помощникъ народнаго комиссара, захваченный въ Выселкахъ. Ранѣе въ Березанкѣ Корниловъ приказалъ старикамъ выпороть на сходѣ нѣсколько десятковъ молодыхъ фронтовиковъ и бабъ за ихъ большевизмъ. Исполнено это было добросовѣстно и экзекуція, повидимому, пришлась вполнѣ по мѣстному сужденію о доброй острасткѣ во время!

Бой подъ Кореневской.

Черезъ день, 4 марта, мы съ серьезнымъ боемъ взяли большую станицу Кореневскую. Бой у нея начался съ утра.

Позиція противника была прекрасная. Она шла по линіи верховъ ровной покатости, открытой обстрѣлу на нѣсколько верстъ передъ окопами. Наканунѣ къ большевикамъ пришли большія дѣйствительно подкрѣпленія, такъ что у него собралось не менѣе 17-18,000 ч. при двухъ броневыхъ поѣздахъ, многочисленной артиллеріи и обиліи снарядовъ; были и шестидюймовыя мортиры.

Противъ праваго крыла большевиковъ, опиравшагося на жел. дорожную станцію дѣйствовалъ ген. Марковъ съ Офицерскимъ и Корниловскимъ полками, противъ лѣваго и самой станицы Кореневской,—ген. Корниловъ съ юнкерами, чехо-словаками и партизанами ген. Богаевскаго.

Съ утра и весь этотъ день Корниловъ былъ веселъ и оживленъ. Онъ уже былъ съ войсками, когда тѣ подошли къ сферѣ огня и благославилъ ихъ, перекрестивъ, когда они стали разсыпать цѣпи. Къ полудню наши линіи приблизились къ высокому кургану впереди нашего фронта и Корниловъ немедленно вошелъ на него и, стоя во весь ростъ, долго и внимательно сталъ осматривать позицію враговъ. Весь штабъ укрылся за курганомъ. Пули такъ и свистѣли кругомъ, не говоря уже о снарядахъ, обсыпавшихъ всю мѣстность около кургана.

— Вы пойдите и уговорите генерала сойти!—сказалъ Деникинъ корн. Хаджіеву —нельзя-же такъ рисковать! Не мальчикъ онъ!

Но прежде чѣмъ Хаджіевъ успѣлъ подняться, вдругъ завылъ шестидюймовый снарядъ и такъ близко пролетѣлъ надъ Корниловымъ, что тотъ невольно наклонилъ голову.

Деникинъ сталъ хохотать:

— За всю войну я ни разу не видѣлъ, Лавръ Георгіевичъ, чтобы вы кланялись снаряду, а сегодня увидѣлъ!

— Я не поклонился. Это воздухомъ наклонило мнѣ голову!—возразилъ Корниловъ.

—Да—воздухомъ!! Поклонъ самый настоящій!—трунилъ Деникинъ и заставилъ Корнилова сойти съ холма внизъ.

Въ то время положеніе наше на лѣвомъ крылѣ стало грозить даже прорывомъ фронта. Черезъ расположеніе офицерскаго тыла проходила линія ж. д. и съ нея броневые поѣзда большевиковъ очень удобно обстрѣливали наши цѣпи просто прямымъ прицѣломъ. Сосѣднія съ Офицерскимъ полкомъ части стали отходить, обнажая его флангъ, и большевики пошли въ аттаку густыми цѣпями, нажимая всѣмъ своимъ множествомъ въ раскрывавшійся „прорывъ".

Оказалось—ближайшая къ полотну часть Корн. полка зарвалась и высунулась впередъ. Большевики ее отпихнули и насѣли сами, отовсюду стягивая цѣпи. Первый батальонъ полка двинулся къ холму, поднимающемуся передъ рѣкой въ ея изгибѣ, который затѣмъ и занялъ.

Въ этотъ моментъ Корниловъ отдалъ приказъ своему крылу атаковать, и все обширное поле передъ станицей ожило отъ выросшихъ изъ земли фигуръ нашихъ юнкеровъ, чеховъ-словаковъ и партизанъ, двинувшихся на большевицкіе окопы. Пулеметы застучали, какъ освирѣпѣвшіе.

Наступилъ рѣшительный моментъ сраженія. Съ мѣста расположенія юнкеровъ въ центрѣ боя было видно, какъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ отъ большевицкихъ линій къ нашимъ подались крупная масса людей. Было ли это отступленіе нашихъ или напротивъ наступленіе большевиковъ, разобрать было трудно, но оттуда донеслось отдаленное „ура!“ и юнкерскій батальонъ, дотолѣ подвигавшійся впередъ правильными перебѣжками, вдругъ охваченный общимъ порывомъ, поднялся весь разомъ и какъ одинъ человѣкъ бросился разсыпнымъ строемъ на окопы большевиковъ. Хотя тѣхъ было въ 12—15 разъ больше, чѣмъ наступавшихъ, они не выдержали угрозы прямого штыкового удара и густыми цѣпями, безпорядочно стрѣляя, стали отступать, а затѣмъ и побѣжали.

Прямо странно было, какъ могли бѣжать такія массы, когда ихъ было для нихъ же самихъ очевидно такъ много, а гнались за ними... одинокія, рѣдкія фигуры на десяткѣ саженей разстоянія одна отъ другой!

Тутъ ужъ дѣйствуетъ „психика“! Человѣкъ со своей „душой“ совладать не можетъ!

По бѣгущимъ, наши пулеметы открыли злорадный губительный огонь...

Загнанные въ станицу, большевики остановились и, разсыпавшись по домамъ, опять нашли въ себѣ мужество для защиты. Наши юнкера дважды врывались въ станицу, но должны были отступать подъ огнемъ, сыпавшимся въ нихъ изъ каждой хаты, изъ за каждаго прикрытія, пока наконецъ въ третій разъ они не выбили всѣхъ большевиковъ вонъ въ степь, за околицу станицы къ Платнировкѣ.

Въ это время на лѣвомъ крылѣ кто-то словно убѣдилъ большевиковъ: они разомъ остановились и повернули назадъ — въ контръ-аттаку! Тутъ наше положеніе вдругъ стало опаснымъ; увлекшись видимостью побѣды, наши пулеметы разстрѣляли всѣ наличныя ленты патроновъ и должны были замолчать какъ разъ, когда большевики повернули на насъ. Они идутъ, а мы молчимъ! Вотъ они подошли уже на 400—500 шаговъ, наши пулеметы продолжали молчать и—большевики вдругъ сначала по одному, потомъ группами, а потомъ всѣ толпами стали поворачивать и бѣжать назадъ... Видимо не выдержали этого „зловѣщаго“ нашего молчанія и побоялись подойти ближе на разстояніе, съ котораго и захотѣлъ бы —а ужъ не убѣжишь!

Бѣгство большевиковъ стало неудержимымъ. Если бы у насъ была конница Попова! Немногіе изъ бѣжавшихъ увидѣли бы желѣзную дорогу, къ которой всѣ они устремились! По пути къ ней имъ пришлось спуститься со своихъ возвышенностей на широкую низину, по которой шла рѣка съ единственнымъ мостомъ, ведшимъ черезъ нее къ станціи. Около этого моста произошло прямое избіеніе большевиковъ; вода рѣки покраснѣла отъ крови падавшихъ въ нее труповъ. Наши съ высотъ били на выборъ, какъ на стрѣльбищѣ. На станціи большевики подъ прикрытіемъ своихъ блиндированныхъ поѣздовъ пробовали отстрѣливаться—вообще въ этомъ бою въ нѣкоторыхъ моментахъ его они проявили много упорства: для стойкости имъ прибавлено было матросовъ и весь этотъ бой ими былъ видимо, тщательно подготовленъ.

Наши перешли рѣку и прямымъ ударомъ выбили большевиковъ изъ станціи—они сѣли на поѣздъ и покатили въ сторону Екатеринодара. но остановились сейчасъ за окопицей Кореневской станицы, гдѣ и заняли лѣсокъ большою массою войскъ.

Окончательно добили большевиковъ въ этомъ бою—корниловцы. Развязка боя сложилась такъ, что можетъ служить примѣромъ того, какъ трудно даже непосредственнымъ участникамъ боя вполнѣ точно разсказать его общую картину.

Втеченіе всего этого дня крайній лѣвый нашъ флангъ--3-ья рота Офицерскаго полка все время двигалась, напирая фланговымъ обходомъ на большевиковъ. Дважды перешла она по грудь холодную рѣчку На открытой возвышенности, когда подъ сильнымъ пулеметнымъ обстрѣломъ пришлось тащить пулеметы по глубокой пахоти, подлетѣлъ геп. Марковъ съ ординарцами, придержалъ лошадь и крикнулъ офицерамъ: „Что, ребята, трудно? Ничего, сейчасъ скажу артиллеріи, чтобы поддержала!“ и помчался дальше. Черезъ пять минутъ раздалось 2—3 выстрѣла нашихъ орудій и „поддержка“ кончилась: берегли снаряды, но и открытое мѣсто кончилось тоже!

На станціи уже шло хозяйничанье нашихъ войскъ въ брошенныхъ большевиками вагонахъ. Рота прошла за станцію и здѣсь разсыпалась цѣпью по окопамъ, приготовленнымъ большевиками, очевидно еще противъ Покровскаго—въ сторону Екатеринодара.

Въ это время на горизонтѣ показались изъ лѣска густыя цѣпи большевиковъ. Впереди ихъ шелъ броневой поѣздъ. Путь отъ него до самой станціи былъ совершенно цѣлъ, артиллеріи нашей близко не было и ничто не мѣшало ему нагрянуть на станцію, гдѣ разборъ добычи шелъ во всю и никто и не думалъ о возможности появленія большевиковъ опять.

Полк. Нѣжинцевъ приказалъ навалить на рельсы шпалы и камни, но это, конечно, не могло даже и задержать поѣздъ, сопровождаемый цѣпями. До него оставалось уже всего полторы версты, какъ вдругъ онъ остановился, безъ выстрѣла покатилъ назадъ и—скрылся. Исчезли и цѣпи.

Участники именно этого района боя разсказывали мнѣ это, какъ случай непонятной „паничности“ большевиковъ. Но истина была въ другомъ.

Пока поѣздъ издали надвигался на офицерскую цѣпь, передъ станціей около него самого за складкой мѣстности происходило тоже сраженіе, доблестно выдержанное крошечной кучкой корниловцевъ и совершенно скрытое отъ нашей цѣпи, лежавшей у станціи: выстрѣлы корниловцевъ сливались съ огнемъ большевицкой цѣпи и были для наблюдателей съ нашей стороны отъ него не отдѣлимы...

Отрядъ корниловцевъ, пройдя черезъ станицу, вышелъ за околицу за нею и тутъ въ упоръ наткнулся на броневой поѣздъ и цѣпь, шедшую за нимъ. Вѣроятно они посланы были для уборки раненыхъ и прикрытія общаго отступленія. Съ близкаго разстоянія завязалась горячая перестрѣлка. Пулеметчикъ нашъ вложилъ въ пулеметъ ленту бронебойныхъ патроновъ, откуда то имъ припасенную, и сталъ поливать локомотивъ, вагоны и цѣпи... Видно это было уже „слишкомъ“ для поѣзда и онъ покатился назадъ, за нимъ оттянулись и цѣпи... Потери-ли были большія отъ нашего огня въ вагонахъ, или много раненыхъ наложено было въ поѣздѣ—но слѣдомъ за поѣздомъ вдоль полотна остался ясный кровавый слѣдъ... Кровь лила изъ дверей вагоновъ.

Такъ въ дѣйствительности просто объяснилась необъяснимая „паника большевиковъ.

Кучку нашихъ храбрецовъ потрепало большевицкимъ огнемъ жестоко—нѣсколь-

ко десятковъ раненыхъ было привезено отъ нихъ на Кореновскую въ лазаретъ въ домѣ д-ра Богуславскаго.

Днемъ къ нимъ зашелъ Корниловъ...

Онъ спросилъ:

— Какого полка раненые?

— Корниловскаго, в. в-во!

— Всѣ?—спросилъ генералъ, оглядывая комнату наполненную страдающими, изломанными, искалѣченными людьми.

— Всѣ—Корниловскаго!..

Генералъ вдругъ низко опустилъ голову и пошелъ вдоль раненыхъ, молча бросая на нихъ быстрые взгляды... По щекамъ его катились слезы... Ихъ видѣли всѣ раненые и истинно свята для нихъ память этого суроваго „желѣзнаго" человѣка!

Героемъ дня все-таки былъ юнкерскій батальонъ. Встрѣтивъ его на входѣ въ Кореновскую Корниловъ разцѣловалъ ген. Боровскаго, командира юнкерскаго батальона, и сказалъ:

— Юнкера спасли положеніе!

Мы взяли на станціи въ двухъ вагонахъ 500 снарядовъ, много винтовокъ и патроновъ и огромное обиліе всякихъ запасовъ. Изъ за близости противника однако нельзя было разгружать все это на наши повозки. Лишь утромъ большевики очистили лѣсокъ и отступили къ слѣдующей станицѣ.—Платнировской. Тогда мы стали вывозить нашу добычу со станціи, почему и простояли въ Кореновской цѣлый день.

Въ этомъ бою потери наши были очень значительныя—для нашей небольшой арміи: 36 убитыхъ и около 100 раненыхъ. Убитые были похоронены торжественно: присутствовалъ Корниловъ, Алексѣевъ и весь штабъ; музыка играла похоронный маршъ... Въ дальнѣйшихъ бояхъ нашимъ павшимъ борцамъ не приходилось имѣть такого признанія своей боевой заслуги: похороны производились, гдѣ удавалось найти священника, и тѣла убитыхъ иногда по два дня везлись въ обозѣ...

Станица Кореновская стоитъ у самой ж.-д. линіи, идущей на Екатеринодаръ,—до Екатеринодара отъ нея всего 68 верстъ. Желѣзнодорожная станція при ней называется „Станичная".

Въ Кореновской было много большевиковъ, такъ называемыхъ „иногородныхъ", т. е. пришлыхъ крестьянъ. Они-то и образуютъ собою большевицки настроенную половину населенія области. Казаки имѣютъ издавна большіе надѣлы и живутъ богато помѣщиками. Иногородніе же должны промышлять себѣ землю, гдѣ могутъ, и большевицкая проповѣдь о передѣлѣ земли имъ была очень по сердцу: „у казаковъ землю отберемъ и подѣлимъ на всѣхъ, да еще и выколотимъ изъ нихъ до этого половину". Въ этомъ и заключается главная причина успѣховъ большевизма въ казачьемъ краѣ. Въ сущности—пасынки захотѣли отобрать землю у тѣхъ, кто ее отбилъ у горцевъ, столѣтія защищалъ своею кровью и сталъ ея хозяиномъ.

— Иногородніе говорятъ, что-де они равны съ нами!—говорилъ мнѣ одинъ казакъ. Анъ нѣтъ! Я вотъ на двѣ войны ходилъ, а сосѣдъ мой, иногородній—ни на одну! Я вотъ ни на службу куда, ни на жел. дорогу поступить не могу, ибо каждый годъ долженъ ходить на сборы, а сосѣдъ мой служитъ да служитъ себѣ на линіи, становится мастеромъ, а тамъ глядишь, и пенсія! Дѣламъ его нѣтъ никакого перерыва, а я привязанъ къ военной службѣ неотвязно! Нѣтъ—совсѣмъ не ровни мы и забыть это казаки не согласны!

Послѣ Кореновской намъ оставалась до Екатеринодара лишь одна большевицкая станица—Платнировская, бывшая сейчасъ за нею. Далѣе шли антибольшевицкія: Пластуновка, Динская и подъ самымъ Екатеринодаромъ—Пашковская.

Значитъ надо было только пробить Платнировскую и черезъ два перехода мы въ Екатеринодарѣ!

Но... въ Кореневской мы нежданно узнаемъ, что въ ночь на 1-е марта Екатеринодаръ былъ очищенъ кубанскими войсками и рада вмѣстѣ съ атаманомъ Филимоновымъ, главнокомандующимъ полк. Покровскимъ и всѣмъ правительствомъ вышла изъ него за Кубань въ горы!

Почему? Почему не подождали насъ? Вѣдь не могли же они не слышать канонады нашихъ боевъ, если уже у нихъ не было иныхъ извѣстій о насъ?!

Опять малодушіе, мелкодушіе и предательство!

Когда потомъ мы сошлись за Кубанью съ арміей Покровскаго-Эрдели, ея участники поголовно подтвердили намъ, что ничто не понуждало ихъ правительство такъ внезапно оставить Екатеринодаръ. Оно легко могло продержать Екатеринодаръ въ своихъ рукахъ еще цѣлую недѣлю, да и не одну, но вдругъ и внезапно было созвано какое то совѣщаніе и армія выступила, взявъ съ собою металлическій запасъ государственнаго банка, артиллерію и скудное количество снарядовъ и патроновъ.

Повидимому и тутъ была та же мелкая причина и то же предательство, что и съ ген. Поповымъ—боязнь сильной личности Корнилова. Покровскій боялся, что онъ попадетъ при немъ на мѣсто совершенно второстепеннаго генерала, что и соотвѣтствовало его талантамъ, и ушелъ отъ этого, надѣясь остаться въ горахъ до лучшихъ временъ, когда онъ выступитъ опять „первачемъ". За Кубанью его однако такъ прижали большевики, что онъ сталъ искать встрѣчи съ Корниловымъ, какъ единственнаго спасенія и спасеніе это Корниловъ ему принесъ!

Не будь этого предательства, мы еще въ началѣ марта были бы въ Екатеринодарѣ, къ которому подошли на два перехода и даже на одинъ, если бы боевыя войска посадить на подводы, какъ шелъ весь обозъ! Корниловъ получилъ бы богато снабженный запасами и военными матеріалами городъ, какъ базу для своей арміи, прославленной по области героическимъ походомъ и неизмѣнно побѣдоносными боями съ большевиками. Вся область разомъ поднялась бы противъ нихъ. А если бы не поднялась сама, ее подняли бы Корниловъ. Все пошло бы для насъ круто вверхъ къ блестящему успѣху и большевизмъ былъ бы сломленъ на всемъ Предкавказьи еще въ серединѣ марта!

Предательство Покровскаго всѣхъ болѣе отвѣтственнаго за сдачу Екатеринодара, отдало всѣ запасы и богатства столицы Кубани большевикамъ, подарило имъ отличную базу въ центрѣ области, отдало въ ихъ власть огромный заводъ артиллерійскихъ снарядовъ и патроновъ „Кубаноль", а Корнилова еще разъ поставило почти въ безвыходное положеніе, вдругъ отнявъ у него самую цѣль его похода, и при томъ при полномъ истощеніи снарядовъ и патроновъ: въ послѣдніе бои мы стрѣляли по большевикамъ сегодня тѣми гранатами и патронами, которые мы отнимали у нихъ вчера.

Хмуро на душѣ должно было быть у Корнилова въ тотъ хмурый день, который мы провели въ Кореневской. Но онъ все время до самаго вечера былъ виденъ то здѣсь, то тамъ по станицѣ и особенно озабоченъ былъ ранеными, общее число которыхъ дошло уже до 400 за послѣдніе бои—одна шестая всего отряда, а оставшагося—одна пятая! Встрѣтившись на улицѣ, онъ говорилъ со мною о недававшемся намъ быстромъ и толковомъ размѣщеніи раненыхъ по квартирамъ по приходѣ въ станицу.

Я былъ старшимъ квартирьеромъ лазарета и моей обязанностью было распредѣлять раненыхъ на ночлегъ по станицамъ, когда обозъ въ нихъ приходилъ. По разнымъ причинамъ, а главное, по неустроенности самаго лазарета, это уда-

Ген. Иванъ Федоровичъ
РОМАНОВСКІЙ.

Ген. Алексѣй Владимировичъ
КОРВИНЪ - КРУКОВСКІЙ.

КРОКИ БОЯ ПОДЪ
СТ. КОРЕНОВСКОЙ
4го МАРТА
ОКОПЫ БОЛЬШЕВИКОВЪ
ВЪ ЕКАТЕРИНОДАРЪ
СТ. КОРЕНОВСКАЯ
1ая ПОЗИЦІЯ БОЛЬШЕВИКОВЪ
ШТАБЪ Г. МАРКОВА. КЪ КОНЦУ БОЯ
ДВИЖЕНІЕ 3РОТЫ
КОННИЦА
ХУТОРА
1 рота
2 батальонъ
1 батальонъ
КОРНИЛОВСКІЙ ПОЛКЪ
2 рота
ОФИЦЕРСКІЙ ПОЛКЪ
БУДКА
Г. КОРНИЛОВЪ и МАРКОВЪ
ОКОЛО 12 ЧАС. ДНЯ.

алось не легко и часто раненые и черезъ -4 часа по приходѣ въ станицу еще е всѣ попадали подъ крышу, томились стыли въ холодѣ ночи на улицѣ.

— Вы понимаете, конечно, Ал. Ал., -сказалъ мнѣ Корниловъ,—что не могу же спокойно сидѣть въ теплѣ, когда знаю, то раненые подъ дождемъ, въ холодѣ... Если у васъ нѣтъ для нихъ мѣста, бе-ите мою квартиру... За всѣмъ, что каса-тся раненыхъ, обращайтесь ко мнѣ прямо!

Это не были только слова со стороны Корнилова.

Когда разъ поздно вечеромъ онъ встрѣ-илъ свой конвой на улицѣ и узналъ, что онъ еще не получилъ квартиры, онъ обер-нулся къ адъютанту и спросилъ:

— Гдѣ моя квартира?

Тотъ показалъ. Корниловъ сказалъ кон-войнымъ:

— Занимайте ее. Я приказываю!

Конечно Корниловъ исполнилъ бы все, ъ чѣмъ я обратился бы къ нему для ра-неныхъ, но когда онъ такъ очевидно и по-стоянно занятъ былъ отстраненіемъ отъ всѣхъ ежеминутно могшаго произойти огрома арміи, не очень-то, конечно, къ нему братиться иначе какъ въ случаѣ исклю-ительной важности!

.... Найти помѣщеніе всѣмъ раненымъ и еренести ихъ удалось лишь къ тремъ ча-самъ ночи; старшій врачъ В. Я. Ивановъ шелъ отдохнуть въ 5 час. утра, а въ семь онъ уже опять былъ въ лазаретѣ на пере-вязкѣ раненыхъ. Тутъ произошелъ див-ный случай. Къ д-ру Иванову въ лазаретъ является адъютантъ ген. Эльснера, пере-даетъ содержаніе жалобы одного изъ ране-ныхъ на то, что доктора въ лазаретѣ ни-чего-де не дѣлаютъ и очень плохи лазаре-тные порядки,—и сообщаетъ рѣшеніе ген. Эльснера:

— Если все въ лазаретѣ не будетъ при-ведено немедленно въ порядокъ—врачи бу-дутъ разстрѣляны!!!

Д-ръ Ивановъ спокойно возразилъ:

— Доктора работаютъ много больше, чѣмъ отъ нихъ можно требовать. Порядки же въ лазаретѣ дѣйствительно очень плохи, но зависитъ это цѣликомъ отъ распоряже-ній ген. Эльснера и дѣйствій его интен-данства: больные голодаютъ, лишены пере-вязокъ и лекарствъ, бѣлья, санитаровъ нѣтъ, фельдшера разбѣгаются отъ безтолочи порядковъ и непріятностей съ ранены-ми и т. д.

Послѣдовало объясненіе съ ген. Эльснеромъ. Разстрѣлъ былъ взятъ, конечно, назадъ. Генералъ призналъ что онъ совершен-но не зналъ, что такое дѣлали его подчинен-ные и онъ самъ съ лазаретомъ...

Безпорядки... —продолжались.

Ничто не было измѣнено!

Въ Кореневской къ намъ присоединился первый крупный отрядъ кубанцевъ—около 350 казаковъ изъ ст. Брюховецкой.

———

Планъ, которымъ Корниловъ вышелъ изъ капкана, раскинутаго передъ Добро-вольческой арміей предательствомъ Покровскаго, поражаетъ смѣлостью и рѣши-тельностью поворота во всемъ направленіи операцій передъ лицомъ внезапныхъ и грозныхъ обстоятельствъ.

Болѣе осторожно въ сущности было предложеніе ген. Алексѣева продолжать движеніе на Платнировку и штурмовать Екатеринодаръ. Если же у Платнировки силы большевиковъ окажутся слишкомъ велики, то обойти ихъ съ сѣвера и атта-ковать Екатеринодаръ съ сѣвера же. Какъ теперь можно судить, этотъ планъ, по всей видимости, увѣнчался бы успѣхомъ: силы большевиковъ въ Екатеринодарѣ не были такъ велики, какъ о нихъ, повидимому думалъ Корниловъ подъ вліяніемъ отхода кубанцевъ изъ ихъ столицы: та-кихъ вещей въ самомъ дѣлѣ не дѣлаютъ же зря!

По плану Корнилова Добров. армія по-лучала задачу,—въ одинъ день перейти двѣ желѣзныя дороги, сдѣлать 40 верстъ по

степи, взять огромную станицу Усть-Лабинскую, насиженное гнѣздо большевиковъ, перейти съ боемъ глубокую, если тутъ и не широкую рѣку Кубань и изъ степного преддверія Екатеринодара вдругъ очутиться за Кубанью среди отроговъ кавказскихъ горъ, по дорогѣ къ ауламъ, гдѣ была надежда найти продовольствіе, а можетъ быть и армію кубанцевъ. И это заданіе было блестяще и героически выполнено арміей и ея вождемъ: въ слѣдующую-же ночь, тихую, теплую и чудно лунную, усталые и измученные болѣе чѣмъ суточнымъ переходомъ, почти все время подъ обстрѣломъ, но спокойные, мы уже переходили по крѣпкому цементному мосту черезъ Кубань у Усть-Лабы, невольно дивясь:

— Что помѣшало большевикамъ взорвать этотъ небольшой мостъ и тѣмъ серьезно задержать своего безпощаднаго и грознаго врага, котораго они такъ усиливались сжить со свѣту безъ остатка?!

Въ Кореневской всѣ въ арміи готовились идти на Платнировку. О томъ, что Екатеринодаръ сданъ большевикамъ въ арміи еще не знали, а если и слышали, то не вѣрили, считая эти слухи большевицкой фабрикаціей... Платнировская была всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Кореневской и цѣпи большевиковъ лежали совсѣмъ недалеко отъ околицы. Ими готовилось видимо упорное сопротивленіе... Наши орудія стояли въ самой улицѣ станицы и непередаваемо рѣзкіе чеканные удары ихъ выстрѣловъ раздавались совсѣмъ рядомъ съ помѣщеніями раненыхъ, а гдѣ пушки,—туда непремѣнно и непріятель сыплетъ свои снаряды! Для раненыхъ сосѣдство тяжелое!... Безпомощно лежать въ сферѣ боя—это выпиваетъ душу, какъ ничто! „Всякая аттака лучше!“ Но непріятель почему то не отвѣчалъ на нашъ огонь вовсе... Прошелъ день... Вечеромъ внезапный приказъ выступать.

Была холодная и ясная полночь, когда обозъ потянулся изъ станицы черезъ желѣзнодорожную линію къ западу—сначала, видимо чтобы хотя на первые часы обмануть большевиковъ станицы. Отойдя отъ станицы, обозъ круто повернулъ къ юго-западу. Ярко горѣло созвѣздіе Ориона прямо передъ нами и на равныхъ разстояніяхъ отъ него какъ два сторожа-свѣчи,—еще болѣе яркіе Сиріусъ и Юпитеръ.

Свѣчей въ небѣ Богъ много зажегъ въ эту ночь для насъ!

Куда идемъ?

Тутъ впервые уже на походѣ отъ подводчиковъ мы услышали о „Слабѣ“, такъ выговаривали они „Усть-Лабу“, къ которой видимо направилась голова арміи.

Дорога шла высокой ровной степью. Пока было темно, кругомъ было тихо, но когда разсвѣло, въ аріергардѣ застукалъ далекій пулеметъ и въ небѣ стали вспыхивать бѣлые дымки шрапнельныхъ взрывовъ.

— Нажимаютъ!... Уже!...

Аріергардъ нашъ былъ слабъ: всѣ силы были взяты впередъ для удара по Усть-Лабѣ, и ему не легко было удерживать артиллерію противника. Все время провожали насъ дымки шрапнелей издали, когда же мы послѣ полудня увидѣли Усть-Лабу и обозъ остановился въ ожиданіи результата боевыхъ дѣйствій авангарда, дымки эти стали приближаться, приближаться и наконецъ гранаты стали съ четкимъ грохотомъ рваться среди расположенія обоза... Къ счастью, падали онѣ все въ промежуткахъ среди повозокъ. Но надъ каждымъ въ обозѣ висѣлъ угрожающій ударъ и всѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаютъ этого, спокойно занимались своимъ дѣломъ. Гранаты то здѣсь, то тамъ поднимали черные столбы пыли, распоязавшіеся вверху широкими грибами чернѣйшаго дыма.

Усть-Лаба была теперь прямо впереди черезъ широкое поле со своими садами и

нѣсколькими церквами: всего версты три обозъ нашъ не дошелъ до нея!

Я пошелъ впередъ—къ штабу. Корниловъ, конечно, былъ въ первой линіи... По дорогѣ я попросилъ артиллерійскую повозку подвезти меня... Проѣзжая мимо Корнилова, слышу недовольный голосъ его:

— Вы здѣсь, Ал. А-чъ.?

— А что развѣ опасно?—довольно наивно спросилъ я и проѣхалъ дальше къ нашей цѣпи, лежавшей передъ батареями.

Корниловъ не удерживалъ меня, хотя не любилъ „постороннихъ“ въ сферѣ боя. Даже ген. Алексѣева онъ не разъ заставлялъ поворачивать изъ авангарда и ѣхать тамъ „гдѣ ему указано главнокомандующимъ“ т. е въ ряду обозовъ.

Станица тутъ была всего въ верстѣ черезъ ровное поле. Въ цѣпи передъ батареями лежало десятка два нашихъ юнкеровъ надъ ними, какъ и вездѣ кругомъ, нѣжно коротко посвистывали пули... То тамъ, то сямъ на сухой землѣ вспрыгивалъ фонтанчикъ пыли отъ удара пули.

Вся станица была передъ мною. Налѣво, откуда и былъ направленъ огонь нашихъ орудій—были зданія жел. дор. вокзала—тамъ стоялъ бронированный поѣздъ и посылъ гранаты и по нашимъ батареямъ и по цѣпямъ. Направо шли сады и тянулась желѣзно дорожная насыпь, на которую уже двигалась наша боевая цѣпь.

Корниловъ спѣшилъ закончить бой, такъ какъ имѣлъ свѣдѣнія, что мѣстные большевики еще не успѣли получить подкрѣпленій, но ждутъ значительнаго ихъ числа.

Я невольно дивовался, какъ шли наши юнкеры въ цѣпи, спокойно во весь ростъ, точно обычнымъ походомъ. Они были уже въ 300 шагахъ отъ насыпи, противникъ молчалъ. Когда разстояніе уменьшилось до 150 шаговъ, изъ за насыпи затрещали пулеметы, наши безъ выстрѣла бросились впередъ, вскорѣ скрылись за насыпью и тамъ застучала трескотня винтовокъ. Вскорѣ она смолкла—первый ударъ былъ конченъ! Выстрѣлы стали одиночными, неровными залпами, то здѣсь, то тамъ—очевидно шли схватки съ большевиками, разбѣжавшимися по садамъ и станицѣ...

Орудія наши снялись и помчались къ станицѣ. Вслѣдъ за ними поѣхалъ съ штабомъ Корниловъ и скрылся въ центральной части станицы, когда еще вездѣ по ея протяженію гремѣла стрѣльба и бой съ бронированнымъ поѣздомъ на лѣвомъ флангѣ и съ стрѣлковыми частями большевиковъ—на правомъ, былъ еще въ полномъ разгарѣ. Со стороны обоза подъѣхалъ въ своей полуколяскѣ ген. Алексѣевъ съ сыномъ и двумя конвойными. Увидѣлъ меня и слѣзъ отдохнуть у хибарки среди поля. Черезъ нѣсколько минутъ онъ тоже поѣхалъ въ станицу..

Мнѣ надо было возвращаться къ обозу—приходило время получить распоряженія о квартирахъ для раненыхъ—очевидно, что и обозъ долженъ былъ скоро двинуться въ станицу.

Какъ разъ посреди между обозомъ, надъ которымъ все еще стукали и стукали удары снарядовъ, и станицей—въ полѣ встрѣчаю ген. Эльснера, въ сопровожденіи гр. С.

— Какъ дѣла? Гдѣ штабъ? спросилъ онъ меня.

— Въ станицѣ—и давно! Вѣроятно къ вамъ скоро явится ординарецъ съ приказомъ обозу идти въ станицу. Бой кончается..

— Вы думаете? Нужно бы узнать точно. Графъ, поѣзжайте въ станицу узнать...

Мы распростились. Графъ зарысилъ на востокъ въ станицу, я пошелъ на западъ къ обозу, генералъ остался одинъ-одинехонекъ въ чистомъ полѣ—между станицей, гдѣ гремѣли взрывы нашихъ и вражескихъ гранатъ, и обозомъ, тоже бывшимъ подъ обстрѣломъ... Здѣсь въ полѣ все было тихо и безмятежно... Я ушелъ..

Генералъ стоялъ.. Я невольно думалъ.

— Какой отличный былъ бы—статскій совѣтникъ!

Прошло однако болѣе часу, пока обозъ, наконецъ, двинули въ станицу.

Въ это время повидимому полнаго успѣха, мы были наканунѣ полнаго погрома! Въ рукахъ нашихъ, правда, была центральная часть станицы и мостъ черезъ Кубань, но какъ разъ въ это время поѣзда съ Тихорѣцкой съ востока и отъ Екатеринодара съ запада подвезли большевикамъ подкрѣпленіе по нѣсколько эшелоновъ войска съ каждой стороны—всего до 8-10 тысячъ. Надо было ихъ отогнать—какими силами?

Корниловъ, проѣхавъ на главную площадь къ станичному правленію, взобрался самъ на крышу дома, чтобы видѣть расположеніе непріятеля. Въ это время отъ Богаевскаго, командовавшаго арьергардомъ, прискакалъ офицеръ:—Богаевскій просилъ помощи: большевики сильно напираютъ на тылъ!

Корниловъ назначилъ ему въ помощь команду чехо-словаковъ—въ 20 человѣкъ!!

Офицеръ сказалъ, что Богаевскій проситъ с е р ь е з н о й помощи!

— Я не узнаю сегодня Африкана Петровича—вѣдь я же далъ достаточно!

— Но большевики наступаютъ густыми цѣпями, а у насъ противъ нихъ человѣкъ отъ человѣка—двѣсти шаговъ.

— Достаточно противъ этой банды! Вѣдь это только банды! Я посылаю достаточно!

По исходу боя оказалось къ счастью дѣйствительно достаточно! Африканъ Петровичъ съумѣлъ обойтись противъ тысячъ „помощью“ въ 20 чел.! Бригадный генералъ и главнокомандующій одинаково были въ этотъ день на своемъ мѣстѣ!

Станица и мостъ черезъ Кубань, захваченъ былъ и охранялся въ этотъ моментъ всего 12 развѣдчиками Корнил. полка, а отъ станицы по длинному спуску къ рѣкѣ онъ былъ въ $2^1/_2$-3 верстахъ! Хороша охрана моста и такого подступа къ нему!

Нужно было, конечно, пользоваться временемъ и поскорѣе пропустить обозъ черезъ мостъ за рѣку, тогда и боевыя части могли бы перейти слѣдомъ на другой берегъ, взорвать мостъ и считать операцію законченной!

Но обозъ, командуемый ген. Эльснеромъ, стоялъ далеко въ полѣ на мѣстѣ недвижно, какъ прибитый гвоздемъ, когда Корниловъ нервно ждалъ его въ станицу.

Выгрузившись съ поѣздовъ большевицкая пѣхота сейчасъ же разсыпала густыя цѣпи и повела ими наступленіе, а артиллерія стала тутъ же у полотна и начала обстрѣлъ—у нея были и шестидюймовыя мортиры.

Корниловъ велѣлъ позвать полк. Міончинскаго, начальника нашей артиллеріи.

— Видите эти орудія у полотна ж. д.? Дайте по нимъ десять снарядовъ и заставьте ихъ замолчать но—не больше десяти снарядовъ!

Полковникъ ушелъ. Корниловъ какъ будто не замѣчаетъ густыя цѣпи противника, двигавшіяся къ станицѣ,

— В. в-во, а эти цѣпи!?—рѣшился сказать ему одинъ изъ приближенныхъ.

— Что цѣпи?

— Онѣ очень густы, а наши передъ ними—рѣдкія одиночки... на десятки сажень человѣкъ отъ человѣка. Надо ихъ усилить.

— Но я сказалъ Міончинскому сбить батарею. Отойдетъ она, отойдутъ и цѣпи! Это—банда!—отвѣчалъ спокойно Корниловъ.

Шрапнель Міончинскаго обсыпала орудія противника,—разъ, два, три...

— Вотъ это хорошо!—весело заговорилъ Корниловъ, не отрывая бинокль отъ глазъ.—Теперь они уйдутъ!

Батарея дѣйствительно скрылась и за нею стали отступать и цѣпи.

Какъ и кѣмъ было замѣнить главнокомандующаго, который такъ зналъ противника и такъ умѣлъ найти у него именн-

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Русской Православной
Церкви
Воскресенія Христова
въ
МАРСЕЛЬ
Paroisse Russe - MARSEILLE

Ген. Корниловъ и ген. духонинъ.

то мѣсто, нажимъ по которому даже и малой силой заставлялъ его уступать по всему фронту?!

— А теперь, ѣдемте въ правленіе принимать хлѣбъ-соль отъ станичниковъ! Я хочу сказать имъ рѣчь—вдругъ обратился Корниловъ къ адьютантамъ.

— Какъ можете вы, В. В-во, въ такую минуту?!

Самъ Корниловъ эту минуту потомъ признавалъ моментомъ, когда полная побѣда была вполнѣ въ рукахъ большевиковъ. Если бы они послали пару пулеметовъ къ мосту сбить нашу дюжину людей, которая охраняла его, они отрѣзали бы армію нашу отъ рѣки и нажавъ на нее съ обоихъ боковъ и съ тыла цѣпями, бывшими вшестеро гуще нашихъ—они покончили бы съ нею однимъ ударомъ!

Но онъ зналъ противника и считалъ, что сдѣланныхъ имъ распоряженій достаточно и нужно ждать послѣдствій.

— Время есть и надо принять хлѣбъ-соль. Это успокаиваетъ!—улыбаясь замѣтилъ онъ и пошелъ къ лошади.

Но вечеромъ онъ жестоко выговаривалъ ген. Эльснеру за опозданіе съ обозомъ, которое заставило армію въ этотъ день не только придержать большевиковъ, пока обозъ прошелъ бы за ея спиною черезъ станицу и мостъ на ту сторону Кубани, но, сдѣлавъ усиліе вчетверо большее, прямо опрокинуть большевицкіе эшелоны и прогнать ихъ контръ-атакой съ поля сраженія, чтобы спокойно дождаться, когда обозъ весь дотянется изъ степи

Корниловъ не прощалъ лишнихъ жертвъ, —своихъ героевъ онъ бросалъ въ одиночку противъ десяти и пятнадцати, но нѣжно и искренно любилъ ихъ и ихъ доблесть.

Вообще онъ чрезвычайно точно взвѣшивалъ силы, посылавшіяся имъ по разнымъ мѣстамъ боевого поля, и ихъ психику, соображая это со всѣми обстоятельствами сраженія и приказывая напр. на два участка фронта противника, повидимому совершенно равные, послать на одинъ —6 юнкеровъ а на другой—15. Почему?

— На второмъ есть офицеръ. Это видно по тому какъ держится часть! А на первомъ—банда!

И онъ неизмѣнно оказывался правъ.

По этому именно мотиву онъ совершенно пренебрегъ цѣлыми эшелонами большевицкой пѣхоты въ этомъ сраженіи подъ Усть-Лабой, разъ получилъ возможность поразить ихъ воображеніе скорымъ „пораженіемъ" ихъ артиллеріи. Въ массахъ этихъ не было офицеровъ, которые объяснили бы имъ, что они, пѣхота имѣютъ на полѣ сраженія свою собственную и преобладающую силу—и удержали бы ихъ на мѣстѣ.

Спокойно, мечтая объ отдыхѣ въѣзжали мы въ станицу по улицамъ, еще незнакомымъ, уже привыкнувъ къ этимъ ощущеніямъ „нежданныхъ гостей" Но вотъ обозъ сгрудился на перекресткѣ, я сошелъ съ повозки и встрѣчаю знакомаго доктора съ очень встревоженнымъ лицомъ.

— Знаете, наше положеніе очень плохо.

— Что такое? Опять слухи?!

— Нѣтъ не слухи. Мнѣ сейчасъ говорилъ одинъ изъ штабныхъ... Къ большевикамъ подошло 10 тысячъ подкрѣпленія съ Тихорѣцкой и изъ Екатеринодара и мостъ черезъ Кубань не въ нашихъ рукахъ, а на той сторонѣ стоятъ 7,000 большевиковъ. Насъ нарочно впустили въ станицу и окружили.. Что дѣлать?

Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать, все если это правда? Легко сказать!

Подошелъ одинъ изъ нашего всегдашняго кружка и изъ другого источника, тоже, повидимому, вѣрнаго, сообщилъ такія же извѣстія.

— Снарядовъ и патроновъ у насъ почти нѣтъ—прибавилъ онъ.

— Скверно. Прямо очень скверно! И такъ—разомъ! Что дѣлать, въ самомъ дѣлѣ?

— Конечно, будетъ бой, а затѣмъ... У васъ есть паспортъ?.. Если придется расходиться!..

— Какой паспортъ? Я взялъ въ контръ-развѣдкѣ одинъ на чужое имя, да такой она дала, что первый же большевикъ меня съ нимъ, конечно, задержитъ, какъ явнаго шмыгуна.

Собралось вмѣстѣ человѣкъ пять,—извѣстія отъ всѣхъ сходились одно другого мрачнѣе... Всѣ штатскіе, шедшіе съ арміей безъ оружія, чувствовали себя вдругъ уничтоженными. Вырваться изъ кольца большевиковъ казалось невозможнымъ; на пощаду отъ нихъ, конечно, никому, даже и докторамъ и сестрамъ милосердія, разсчитывать было нечего...

— Кончилась армія!.. Такъ внезапно!.. Тупое унынiе давило... Вдругъ голосъ:

— Да это все навожденіе... все—вранье!

— Что вы!..

— Да вотъ я прямо изъ штаба. Никакихъ новыхъ эшелоновъ большевиковъ! Напротивъ и тѣ, что были, повскакали на поѣздъ и драла!.. Дерутъ теперь за двадцать верстъ отсюда, лишь бы подальше. Мостъ въ нашихъ рукахъ. На томъ берегу давно уже стоитъ наша часть и обороняетъ его... Большевиковъ нѣтъ и званія на томъ берегу—все очищено... Ночлегъ назначенъ въ ст. Некрасовской въ 8-ми верстахъ за Кубанью,—вотъ насколько вдаль за рѣку, берегъ ея въ нашихъ рукахъ!

Боже! Какъ все разомъ кругомъ измѣнилось только потому, что съ души спалъ гнетъ!.. Стало хотѣться жить, стремиться. Вечеръ сталъ радостно ясенъ и тихъ, какъ онъ и былъ въ тотъ день. Мягкая теплота, разлитая въ воздухѣ, наполнила грудь благосостоянiемъ...

Посыпались шутки, смѣхъ надъ собою и другими... Опять полная вѣра въ Корнилова и въ незакатную звѣзду Добровольческой арміи!

Въ ярко-лунную тихую теплую ночь шли мы мостомъ черезъ Кубань и думали о желѣзномъ своемъ генералѣ, какъ Богъ всѣ пути ему дѣлаетъ гладкими!..

Среди глубокой ночи уже добрались мы до ст. Некрасовской на Лабѣ, бойкой рѣченкѣ, прославленной боями казаковъ съ черкесами и пѣсней: „Мы дрались за Лабой“....

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА
Русской Православной Церкви
«Воскресенія Христова» въ Марсели.
№
ОБРАЩАЙТЕСЬ БЕРЕЖНО СЪ КНИГОЙ

ЗА КУБАНЬЮ ВЪ АУЛАХЪ.

Мы вырвались изъ тупика, вдругъ созданнаго для насъ отступленіемъ Покровскаго изъ Екатеринодара, но такой дорогой могъ въ данномъ положеніи пробиться дѣйствительно только Корниловъ, не устававшій бороться ни съ какими препятствіями.

На другой день въ Некрасовской, въ домѣ священника онъ самъ сталъ разсказывать своему хозяину, какъ неизбѣжно и окончательно мы должны были быть вчера окружены, раздавлены и уничтожены передъ Усть-Лабою. Тутъ-же онъ набросалъ планъ вчерашняго боя, какъ онъ долженъ былъ быть веденъ большевиками и вмѣстѣ какъ онъ шелъ въ дѣйствительности. Этотъ драгоцѣнный документъ былъ сохраненъ корн. Хаджіевымъ, но потерялся вмѣстѣ съ вещами генерала и его свиты, пропавшими передъ самымъ Екатеринодаромъ: кучеръ-военноплѣнный исчезъ съ повозкой и со всѣми въ ней вещами... отсталъ, сбѣжалъ?!... Богъ вѣсть!

Помогло намъ подъ Усть-Лабою то, что при огромномъ перевѣсѣ большевицкихъ силъ надъ нашей арміей, командованіе надъ ними было раздѣлено: на Тихорѣцкой ж. д. вѣткѣ, на которой стоитъ Кореновская, командовалъ Сорокинъ, а на Кавказской линіи, на которой находится Усть-Лаба—мѣстные главковерхи. Корниловъ успѣлъ отбросить отъ себя и со своей дороги каждаго отдѣльно!

Сорокину нельзя было отказать въ общей обдуманности дѣйствій въ районѣ Кореновской.

Какъ видно изъ его доклада „главнокомандующему революціонными войсками Сѣв. Кавказа",—сбивъ кубанцевъ съ Выс локъ въ половинѣ февраля и занявъ Пла нировку и Пластуновку, онъ вскорѣ узнал „о движеніи ген. Корнилова, идущаго т же на Екатеринодаръ и слѣдователь служащаго угрозой моему тылу".

Былъ собранъ совѣтъ представителе арміи, который рѣшилъ „въ два дня взя Екатеринодаръ, выигравъ время для тог чтобы повернуть штыки въ обратную ст рону и встрѣтить другого болѣе сильна врага (Корнилова)".

„Рѣшеніе это и было выполнено",—г воритъ Сорокинъ.

„Послѣ упорныхъ боевъ подъ станціе Динской и разъѣздомъ Лорисъ гдѣ пр тивникъ (кубанцы) далъ генеральное ср женіе (?), армія двинулась къ предѣлам города. Навстрѣчу прибыла на паровоз делегація съ бѣлыми флагами. Послѣ двух дней работы арміи по установленію ми ной жизни въ городѣ, она была двину поѣздами на Корнилова, который взя Березанку, Выселки и шелъ къ Корено ской, чтобы настичь мой тылъ и соед ниться съ войсками Екатеринодарска гарнизона. Высадившись изъ вагоновъ станціи (Кореновской), армія, разверну шись во время, вступила въ бой съ пр тивникомъ. Въ этотъ день противни удалось потѣснить насъ къ ст. Плат ровской. Отходъ былъ выгоденъ нам такъ какъ часть арміи, посланная по Уст Лабинскому пути, въ то время подходи къ лѣвому флангу противника, перпенд кулярно къ нему". Однако—„изъ общ положенія видно было, что революціон армія встрѣтила сильнаго, хорошо воор

женнаго и дисциплинированнаго желѣзными порядками врага", замѣчаетъ Сорокинъ.

„На другой день бой былъ начатъ съ разсвѣта, въ исходѣ котораго противнику былъ нанесенъ сокрушительный ударъ (!!).

„Моя армія вела здѣсь борьбу только ударомъ со стороны ст. Платнировской"—ограничиваетъ свои дѣйствія и отвѣтственность Сорокинъ. „Оба фланга поддерживали общую работу. Какія революціонныя силы шли въ тылъ арміи Корнилова со стороны Тихорѣцкой, моему штабу извѣстно было мало и поэтому полное окруженіе здѣсь противника со всѣхъ сторонъ—обхватомъ въ желѣзное кольцо—было весьма затруднительнымъ и даже непосильнымъ для того количества войскъ и артиллеріи, на долю котораго выпала столь трудная задача".

Въ другомъ сообщеніи Сорокинъ объясняетъ поворотъ Корнилова отъ Кореновской къ Усть-Лабѣ именно сильнымъ сопротивленіемъ большевицкихъ войскъ передъ Платнировкой.

Какое въ дѣйствительности было представленіе въ штабѣ большевиковъ о силахъ Добров. арміи, видно изъ замѣтки, напечатанной въ Екатеринодарскихъ совѣтскихъ „Извѣстіяхъ" въ эти дни—5 (18) марта:

„Изъ разсказовъ участниковъ боя съ Корниловскимъ отрядомъ выясняется, что у Корнилова войскъ не болѣе 3 тыс., изъ которыхъ 2 т. кавалеріи и 1 т. пѣхоты. Отрядъ состоитъ главнымъ образомъ изъ того же юнкерства и офицерства, изъ черкесовъ, чеченцевъ и калмыковъ при 6 оруд. Первая встрѣча совѣтскихъ войскъ съ корниловской разношерстной бандой произошла при ст. Выселки въ 40 в. отъ Тихорѣцкой по направленію къ Екатеринодару. Корниловъ хотѣлъ пробиться въ ст. Ладожскую, но наша армія отрѣзала ему путь и въ настоящее время онъ принужденъ оставаться на мѣстѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ. Для скорѣйшей ликвидаціи Корниловской затѣи изъ Екатеринодара выступили воинскія части.

„Изъ переписки между Филимоновымъ и Корниловымъ, захваченной въ Екатеринодарѣ при штабѣ Филимонова послѣ его бѣгства, видно, что Корниловъ просилъ у Филимонова помощи и присылки до 90 т. патроновъ, но получилъ отвѣтъ продержаться еще два дня и что патроновъ могутъ выслать только 25 т. Ясно, что самостоятельная сила Корнилова не велика и что недостатокъ въ патронахъ ощущался уже нѣсколько дней назадъ".

Значитъ кое-какія извѣстія отъ Корнилова до Кубанскаго правительства въ эти дни все таки доходили! Или все это прямая выдумка „Извѣстій"?

„Общее впечатлѣніе",—заключаетъ замѣтка,—„изъ разсказовъ участниковъ таково: Корниловъ въ мѣшкѣ, уйти ему некуда, силъ у него мало, патроновъ также и не сегодня завтра будетъ спѣта лебединая пѣснь главнаго вдохновителя реакціи".

„Видя передъ собою не сокрушимую силу революціонныхъ войскъ"—говоритъ Сорокинъ въ своемъ докладѣ далѣе,—„планы контръ-революціоннаго отряда быстро измѣнились и въ ночь на 6 (19) марта войска ген. Корнилова двинулись въ другомъ совершенно направленіи: на ст. Раздольную къ Усть-Лабѣ, но часть противника до 350 чел., отрѣзанная отъ главныхъ силъ въ станицѣ Кореновской, была окружена частью моей арміи и разбита на голову".

Это была, конечно, только похвальба: нашъ арьергардъ просто отпихнулъ противника и—отошелъ вслѣдъ за главными силами, а тутъ ужъ и „разбитіе на голову"!!

„Моя армія"—продолжаетъ Сорокинъ—„полудугой обнимая тылъ противника, двинулись его преслѣдовать, идя по пятамъ и непрестанно нанося удары, съ полной увѣренностью, что при первой поддержкѣ, оказанной тѣми революціонными войсками, которыя должны были стоять у Усть-Лабы—противникъ будетъ окруженъ

и общими силами сломленъ окончательно. Но революціонная армія, встрѣчавшая отрядъ Корнилова подъ Усть-Лабой, какъ выяснилось впослѣдствіи, имѣла слишкомъ мало артиллеріи, пулеметовъ и др. техническихъ средствъ (!), чтобы дать генеральное сраженіе у столь важнаго пункта, какъ мостъ черезъ Кубань въ Усть-Лабѣ, не взорванный Усть-Лабинскимъ отрядомъ въ надеждѣ, что противникъ не будетъ къ нему допущенъ, но въ результатѣ противнику вновь удалось прорвать указанный выше революціонный отрядъ (однако... не армію Сорокина!) и перейти мостъ Кубани почти безъ потерь, остановившись своимъ центромъ у станицы Некрасовской, и оставивъ у моста авангардъ для прегражденія перехода нашихъ войскъ.

„Съ занятіемъ ввѣренной мнѣ арміей Усть-Лабы и большого моста черезъ Кубань было приступлено къ выясненію тѣхъ революціонныхъ силъ, которыя шли къ намъ на помощь. Въ результатѣ была выяснена возможность повести наступленіе на противника съ трехъ сторонъ: отъ Усть-Лабы, отъ станціи Ладожской и со стороны рѣки Лабы, имѣя противника въ треугольникѣ революціонныхъ войскъ“.

Сорокинъ думалъ, что Корниловъ идетъ къ Майкопу и въ этомъ направленіи готовилъ ему встрѣчу. Въ Майкопѣ населеніе было того же мнѣнія и заключенные въ тюрьмѣ „контръ-революціонеры“, какъ мнѣ разсказывалъ Д. С. Иванѣнко, съ замираніемъ сердца слушали отдаленный громъ нашей канонады, доносившійся до нихъ.

Своего рода подтвержденіемъ этого для жителей явились тѣ тысячи раненыхъ (8—12.000 по разсказамъ мѣстныхъ) большевиковъ, которые въ эти дни были превезены черезъ ближайшія станціи къ Бѣлорѣченской и Майкопу послѣ боевъ съ нами на первой недѣлѣ марта.

Но планъ Корнилова былъ въ дѣйствительности другой, хотя до самой Филипповской армія наша держала направлен дѣйствительно на Майкопъ.

———

Съ Некрасовской станицы началась с мая тяжелая часть нашего похода. Отдых въ станицѣ былъ два дня и все врем подъ обстрѣломъ. Въ первое же утр близъ школы, гдѣ помѣщенъ былъ лазарет на главной площади станицы, вдругъ бря нулъ снарядъ!.. Станица расположена в высокомъ берегу р. Лабы. Другая сторо рѣки—плоская и ровная равнина, по к торой стоятъ въ группахъ деревьевъ х тора „иногороднихъ“, гдѣ и засѣли бол шевики. Въ одномъ изъ нихъ притаилас ихъ баттарея и стала дочимать насъ. Гранаты со свербящимъ шелестомъ летѣл черезъ дома и лопались передъ школой на дворѣ ея, около церкви, въ ста шагах рядомъ. Большевики мѣтили, конечно, по пасть въ штабъ и квартиру Корнилова бывшіе какъ всегда на главной же пло щади, ибо тамъ только и бывали подхо дящіе для этого дома, но плохіе наводчик сыпали не только въ цѣль, но и везд кругомъ и попадали въ лазаретный обоз

Обозъ нашъ терпѣливо выносилъ терз ніе... Онъ былъ весь собранъ на двор школы и на площади передъ нею, был совершенно беззащитенъ и старался зани маться своимъ обиходомъ, не обраща вниманія на грохотъ снарядовъ. Счастлив —они не давали жертвъ, хотя и падал все время среди повозокъ. Вообще, тепер вспоминая эти обстрѣлы обоза часто в упоръ—дивишься, какъ Богъ спасал насъ, и Онъ дѣйствительно спасалъ насъ! Если бы гранаты попадали по обозу, как имъ слѣдовало попадать, конечно, въ нем не могло бы быть того общаго непоколе бимаго спокойствія, которое сотни раз предупреждало панику. Такъ и въ этот день произошелъ случай, который могъ бы имѣть очень дурныя послѣдствія пр

иномъ настроеніи всѣхъ. Одинъ изъ подводчиковъ оказался душевно ненормальнымъ: при первыхъ выстрѣлахъ онъ раздѣлся совершенно голымъ и сталъ на площади кричать, что пришелъ его конецъ: убьютъ и лошадей его, и его самого, и всѣ погибнутъ!.. Сами подводчики, его товарищи, однако, схватили его и уговорили и успокоили настолько, что на другой день онъ опять былъ на своемъ мѣстѣ при выходѣ обоза.

Отпихнуть стрѣлявшую батарею вдаль было нельзя, ибо, чтобы сдѣлать это артиллеріей, надо было потратить столько снарядовъ, сколько было не по нашимъ запасамъ ихъ, а аттаковать ее войсками было нельзя потому, что для этого ранѣе нужно было перейти вбродъ глубокую рѣку Лабу, что вызвало бы жертвы, напрасныя въ тотъ день, ибо идти черезъ Лабу вслѣдъ за войсками обозъ въ тотъ же день еще не былъ готовъ, а на завтра броды снова подверглись бы обстрѣлу тою же батареей съ новаго мѣста и жертвы были бы такимъ образомъ двойныя. Въ сущности просто боевыя силы наши были очень малы, и огромность обоза не позволяла отпускать ихъ сколько-нибудь далеко отъ него: колоссальное тѣло обоза требовало постоянной заботы о себѣ и охраны.

Утромъ, перейдя паромомъ и вбродъ рѣку, мы потянулись по равнинѣ среди хуторовъ... Населены они были „иногородними“, ярыми большевиками, а не казаками. Жители ихъ встрѣчали разъѣзды наши выстрѣлами, или просто оставляли хаты, уходя сами и уводя съ собою крупную „худобу“—животину. Медленно брели мы между хуторами, задерживаясь и отстаиваясь, выжидая когда наши боевыя части откроютъ намъ проходъ дальше, а тѣмъ временемъ справа и слѣва сыпались и сыпались на насъ гранаты и шраннель. Мы шли точно въ тѣсномъ кругу злыхъ собакъ, остервенѣло лаявшихъ и старавшихся рвануть зубомъ. Позади насъ и съ боковъ поднимались столбы дыма надъ запаленными нами въ наказаніе хуторами „иногородныхъ“ и надъ станицами казаковъ, зажженными большевиками въ отместку.

И все время, два долгихъ дня, надъ нами позади стояла церковь Некрасовской станицы, бѣлѣя на своемъ высокомъ берегу!.. Такъ медленно двигались мы, что двое сутокъ не могли уйти отъ нея!

Корнилова мы не видѣли въ эти дни около „главныхъ силъ“,—онъ былъ въ авангардѣ, на флангахъ, въ тылу, гдѣ встребовало распоряженій потому, что большевики нажимали со всѣхъ сторонъ. Но чевали мы, отойдя едва ли 6-7 верстъ отъ Некрасовской на Киселевскихъ хуторахъ —безлюдныхъ, опустошенныхъ...

Тревожная ночевка, да еще поливаемая дождемъ, а тутъ еще многіе раненые должны были остаться въ повозкахъ на ночь, ибо выгружать ихъ подъ крышу было и некуда, да и выступленіе на завтра изъ хутора было назначено на раннее утро и нельзя было успѣть погрузить ихъ на подводы опять, не задержавъ всего обоза.

Утромъ, проходя по двору одной изъ хатъ, слышу:

— Алексѣй Алексѣевичъ!

Смотрю изможденный оборванецъ, одна нога въ валенкѣ, другая въ какомъ-то опоркѣ. Обдерганное пальто черезъ грудь перевязано веревкой, имѣвшей, какъ я узналъ потомъ, назначеніе поддерживать на груди подушку и тѣмъ предохранять ее отъ простуды: почти круглыя сутки на Кубани насъ донималъ пронизывающій вѣтеръ, часто очень студеный. На головѣ оборванца крошечная шляпченка. Съ трудомъ узнаю Н. В. Печаткина, одного изъ крупнѣйшихъ заводчиковъ Петрограда, дѣятельнаго и энергичнаго работника, который, казалось бы, всегда сумѣлъ бы отстранить отъ себя нищету и захуданіе.

— Вы ли это? Какъ вы здѣсь и въ такомъ состояніи?

Оказалось—онъ жилъ въ Екатеринодарѣ и въ концѣ февраля поѣхалъ съ товарищемъ оттуда въ Петроградъ, сначала лошадьми, выбираясь на желѣзную дорогу въ Ростовъ. Въ одной изъ станицъ ихъ арестовали: „вы буржуи, пробираетесь къ Корнилову!"—и пѣшкомъ погнали съ другими арестованными на ст. Выселки. Здѣсь ихъ допрашивали, часть военныхъ отправили на Тихорѣцкую, а Печаткина съ другими заперли въ вагонъ, водя на допросъ ежедневно, застращивая и запугивая... Обращеніе было какъ со скотомъ—руганью, тычки прикладами, издѣвательства. Идутъ станичники съ лопатами—рыть окопы противъ насъ: тогда наша армія подходила къ Выселкамъ.. Караульные говорятъ: „вамъ могилы рыть идутъ!" Подходитъ красногвардеецъ и прямо стаскиваетъ сапоги: „все равно тебѣ сегодня станутъ не надобны!" Каждый день арестованные готовились къ смерти, но однажды вдругъ загремѣли выстрѣлы, стали кругомъ рваться снаряды—началась аттака корниловцевъ... Нѣсколько разъ двое изъ сторожей порывались добѣжать отъ станціи до вагона съ намѣреніемъ „покончить съ буржуями", бросивъ имъ въ вагонъ гранаты, но новое и новое усиленіе пулеметнаго огня останавливало ихъ... Наконецъ, они таки совсѣмъ добрались до вагона, но около него эти добрыя души сами попали на штыки подбѣжавшихъ корниловцевъ... Плѣнники были освобождены прямо чудомъ... Они разсказывали, что у большевиковъ военныя дѣйствія рѣшались на митингахъ, все всегда было пьяно и распущено, но къ буржуямъ неизмѣнно сосредоточенная ненависть... Знали откуда придетъ конецъ ихъ сладкой жизни и тунеядству!

Печаткинъ съ товарищемъ его, С. П. Сергѣевымъ, шли теперь съ арміей въ составѣ инженерной роты, какъ техники-инженеры.

Вмѣсто ранняго утра мы вышли изъ хуторовъ довольно поздно къ полудню: ждали пока авангардъ освободитъ намъ дорогу. Все время насъ провожали гранаты, падавшія то справа, то слѣва. Подбило одну повозку; бывшій на ней сѣдокъ обезумѣвъ, побѣжалъ прямо въ степь.. Перестроились въ два ряда, потомъ въ четыре, чтобы съежившись помѣститься въ небольшой лощинѣ, около лѣса, которымъ и закрылись отъ большевицкой баттареи—гранаты ея слѣпо тыкались кругомъ насъ, но наше мѣсто было видимо потеряно непріятелемъ. Надолго-ли?!

Иногда казалось, что столбы земли и пыли, поднимавшіеся гранатами, необычно велики и начинался споръ—не шести-ли дюймовка это? Обыкновенно у большевиковъ были только трехдюймовыя орудія. Болѣе крупная артиллерія обозначалась и болѣе крупный отрядъ передъ нами... Вопросы эти были прямо жизненные для каждаго... И о нихъ спорили, но... не договаривали всего, и безъ того всѣмъ понятнаго...

Уже пять часовъ стояли мы... подъ обстрѣломъ—безъ конца сегодня! А Некрасовская церковь вонъ все еще видна, все еще не ушли мы отъ нея!...

И невольно представлялось воображенію—какъ въ сущности не трудно большевикамъ поставить насъ разомъ въ крайне положеніе: съ тыла и фланговъ продолжать рвать и кусать насъ, какъ рвали и кусали они до сихъ поръ нѣсколькими батареями, а передъ нами на 50 верстъ впередъ просто заставить всѣхъ жителей уйти изъ станицъ, увезти съ собою хлѣбъ и фуражъ, скотъ и лошадей...

Какъ бы мы двинулась дальше безъ пищи, подводъ и фуража?! При жалкомъ и безсильномъ нашемъ интендантствѣ, едва и теперь-то успѣвавшемъ впроголодь подкармливать армію, и не имѣвшемъ никакихъ запасовъ необходимѣйшихъ продуктовъ!?

Конечно Корниловъ выходъ бы нашелъ.... Но какой цѣной?!. Можетъ быть ему пришлось бы пожертвовать обозомъ, его частью, и всѣ попавшеіся въ руки большевиковъ были бы палачески перерѣзаны и перебиты, даже сестры милосердія!..

Мы все стояли...

Я прошелъ въ лѣсъ... Подъ деревомъ, вижу, лежитъ, держа лошадь за поводъ, знакомый поручикъ, человѣкъ обычно бодраго настроенія.

— Окружили!—говоритъ онъ мнѣ.

— Это неправда!

— Какъ неправда?

— Да, неправда! Если вы хотите сказать, что большевики вездѣ кругомъ насъ, такъ вѣдь это было и вчера и всегда ранѣе, съ самаго выхода нашего изъ Ростова. Вашими словами вы явно хотите сказать что-то новое, т. е., что насъ сегодня не только окружили, но и что сегодня отъ этого намъ будетъ плохо.

— Да—сегодня арміи будетъ конецъ!

— Вотъ это и неправда!... Все идетъ обычно, какъ всегда Только мы стоимъ на мѣстѣ вмѣсто того, чтобы идти и идти. Съ утра прошли четыре версты вмѣсто того, чтобы пройти шестнадцать. Только и разницы! Вѣдь у васъ нѣтъ прямо дурныхъ извѣстій отъ боевыхъ частей?!

— Но нѣтъ и хорошихъ!

— Это передъ хорошими! Вотъ уже полчаса какъ гранатъ не падаетъ...

— Батареи мѣняютъ позиціи!...

— Который часъ?

— Пять.

— Вспомните это черезъ три часа!..

Я вышелъ изъ лѣса... Мимо съ праваго фланга прошелъ юнкерскій батальонъ. Прошелъ дивно... Юнкера и кадеты—все зеленая молодежь—шли изъ боя опять въ бой правильными рядами, ровнымъ твердымъ шагомъ, какъ будто совершенно свѣжіе, прямо съ отдыха... И такъ спокойно посматривали они съ дороги на насъ, стоявшихъ сбоку въ стени. Юнкера были любимцами арміи—въ каждомъ бою они дѣлали что-нибудь необычайное по доблести, нежданное...

Такъ не идутъ войска, даже и доблестныя, когда близится пораженіе... Его всегда они предчувствуютъ!...

Армія наша исполнена была доблести, но въ обозѣ души просто загнивали отъ бездѣлія, бездѣйствія и нашептываній пораженцевъ—которыхъ тамъ таки было!

Задачей дня было взять станицу Филипповскую, одно изъ насиженныхъ гнѣздъ прикубанскаго большевизма. Сопротивленіе было упорное, но, наконецъ, обозъ получилъ приказаніе двигаться впередъ и мы ночевали въ Филипповской: она была взята въ четыре часа дня т. е. за часъ до моего разговора съ поручикомъ въ лѣску!

Большая станица Филипповская оказалась почти пустой. Это—давняя берлога большевизма, которая служила центромъ управленія всей округѣ и особенно политическаго ученія. Отсюда сосѣднія большевистскія власти получали указанія и постановленія, кого арестовывать, кого миловать, кого разстрѣливать!..

Понятно, что къ нашему приходу станица была особенно пуста. Дома безъ хозяевъ стояли съ закрытыми ставнями... Изъ темной ямы пустыхъ комнатъ лишь собака, запертая въ нихъ, вдругъ съ остервенѣніемъ бросалась въ ноги вошедшимъ, стараясь укусить нарушителей святости хозяйскаго порога.

Въ одномъ отношеніи это бѣгство жителей и значитъ отказъ ихъ отъ оставленнаго имущества были намъ очень кстати. У насъ собралось уже болѣе 600 раненыхъ. Дни были холодные, съ жестокими вѣтрами, дувшими сплошь весь день и ночь, и раненымъ на повозкахъ приходилось очень тяжко... Они стыли подъ одѣя-

лами, расчитанными для комнаты, а не для ледянаго вихря стени. Всѣ пустые дома, какъ явно принадлежавшіе большевикамъ, были объявлены ничьимъ имуществомъ и въ большевицкой Филипповкѣ мы набрали для раненыхъ добрый запасъ теплыхъ одѣялъ, войлоковъ и подушекъ... Гдѣ бы было взять ихъ иначе? Въ казачьей дружественной станицѣ ихъ пришлось бы реквизировать, т. е. вызывать неудовольствіе среди друзей, а здѣсь люди сами все бросили и брошенное врагами было именно какъ разъ намъ кстати и въ пору!..

Въ правленіи комиссара станицы мнѣ попалось въ руки нѣсколько бумагъ, изъ которыхъ видно, какими заботами преисполненъ былъ умъ совѣтскаго комиссара, какъ созалъ онъ орудіями и пулеметами въ мирное населеніе, доставшееся ему въ управленіе.

Кубанской области
Екатеринодарск. Отд.

БѢЛОЕ
волостное правленіе.
№ 253
. . . . . дня 191 г.

В. Экстренно.
Комиссару станицы Рязанской и села Филипповскаго.

Сего числа въ 4 часа пополудни явился посланецъ изъ села Новосевастопольскаго и Преображенскаго и сообщилъ слѣдующую новость: Что мимо хуторовъ Новосевастопольскаго и Преображенскаго проѣхало около сотни вооруженныхъ всадниковъ съ двумя орудіями, какъ они заявили, „что они части дикой дивизіи". Новосевастопольцы спросили, кто они, и предложили сдать имъ оружіе, то всадники открыли по нимъ изъ винтовокъ ружейный огонь. Открывая борьбу Новосевастопольцы сообщили преображенцамъ и въ село Бѣлое откуда отправлены и делегаты вооруженные солдаты. Кромѣ сего замѣтна возлѣ имѣній Богорсукова и другихъ горская развѣдка. Сообщая о семъ просимъ Васъ пришлите поддержку на первый случай 50 человѣкъ вооруженныхъ и нужно войти въ связь съ завязавшейся борьбой.

При принятіи Вами настоящаго сообщенія просимъ Васъ увѣдомите часъ о принятыхъ Вами рѣшеніяхъ. Ждемъ пока не поздно. Комиссаръ села Бѣлаго уѣхалъ на мѣсто стрѣльбы.

Помощникъ комиссара села Бѣлаго . . .

М. В.

Старшина
волости Бѣлой

Комис. филиповскому

Екатеринодарск. отд.
Кубанской области.
27, 1, 1918 г.
№ 150.

по сообщенію мне выясняется что горцы силенія Адамея провожали и скрывали у собя 2 пулемета и Артилерію, и 2. орудіи и одну двухколку снатронами, еще имеются сведенія что у Колобать ещо есть пулиметы послухамъ усе горцы сильно вооружены. да я долженъ вамь сообщить что пулеметы которые горцами отправлены Тимогоривской Ауль конвой биль около 70. человѣкъ которыхъ немогли остановить, и приследуя само Тимогоровской Ауль где и ночь захватила. их цель илиже планъ зайти нашимь Большевикамь у тылъ такь какь стоять Большевики противъ уст-Лабы. Слаба занята козаками и каде-

ами, фарштатъ прилегающій Усть-Лабе
ездается идетъ перестрелка, что будетъ
го буду сообщать немедленно и прошу и
асъ стоять настраже

Комисаръ волости Бѣлой (подпись).

М. В.

Новосевастопольское
волостное правленіе. Комисару вол. Филип
повской

№ 142.
Янв. 28 дня 1918 г.

Прошу сегодня же выслать къ экономіи
Поповича всѣхъ вооруженныхъ солдатъ
для поддержки и охраны отъ горцевъ а
также и делегатовъ послать въ хут. Сара-
товскій на съѣздъ сегодня.

Прошу по этому дѣлу сообщить Коми-
сару Царскій Даръ.

Комисаръ Г. Мастальскій.

Секретарь Бѣлой . . . .

А вотъ очевидно черновикъ извѣщенія,
посланнаго къ сосѣдямъ наканунѣ нашего
прихода:

Армейскій районый военно-революціонный совѣтъ

Писано въ 3 часа ночи
Комисару станицы Ря-
занской и совѣту.

8 марта 1918 г.

Сейчасъ въ 3 часа ночи получилъ я со-
бщеніе изъ арміи, что корниловцы про-
вали нашъ фронтъ, держимый Филиповской
отой на рѣкѣ Лабѣ какъ разъ противъ
утора Пустоселовки и Сосноваго и идутъ
по направленію къ Николаевкѣ. Примите
ѣры къ предупрежденію появленія каде-
овъ изъ села Бѣлаго и другихъ мѣстъ
а станицу и юртъ и дайте вооруженную
омощь въ Филипповское, гдѣ сейчасъ
ольшой запасъ всякаго вооруженія и при-
асовъ.

Предсѣдатель совѣта—подпись.

Секретарь—подпись.

Изъ донесенія Сорокина*) оказывается, что Филипповскій воен. совѣтъ образовался сейчасъ же вслѣдъ за занятіемъ Ростова большевиками, взялъ въ свои руки мѣстную [illegible] усм. „контръ-революціей“ и этотъ онъ задерживалъ подчиненными ему войсками два дня насъ у Некрасовской. Это по крайней мѣрѣ онъ самъ ставилъ себѣ въ заслугу. О результатѣ своихъ усилій послѣ этихъ двухъ дней онъ доносилъ, что солдаты не идутъ „вглубь горъ“ въ аулы, отговариваясь, что имъ надо „сформироваться“ (снарядиться?), такъ какъ всѣ они вышли „на скорую руку“. Гдѣ Корниловъ—сейчасъ совѣту неизвѣстно, но чтобы имѣть войска для борьбы съ нимъ, надо привлекать лишь лучшихъ бойцовъ, а не всѣхъ „кромѣ того надо позаботиться и о поляхъ“,—прибавлялъ совѣтъ въ заключеніе съ нѣкоторой задумчивостью.

Пылъ и задоръ видимо опалъ въ немъ послѣ столкновеній съ Корниловскими войсками, оплаченныхъ тысячами раненыхъ и убитыхъ.

Бои у Некрасовской, столь тяжелые для нихъ, въ которыхъ мы все время [illegible] одной ногой въ своей могилѣ, но тѣмъ не менѣе, все нападали и нападали—разбили вѣру въ легкій успѣхъ не только у Филипповскаго совѣта но и въ Сорокинѣ.

Корнилова онъ остановить не съумѣлъ, стать всѣми силами поперекъ его дороги, оторвавшись отъ жел. дор. линіи, не рѣшился и съ Филипповской, отказавшись отъ его преслѣдованія, рѣшилъ зайти ему далеко впередъ—въ Туапсе.

9 го марта—доноситъ онъ главнокомандующему рев. войскъ Сѣв. Кавказа,—„мною было получено сообщеніе отъ отрядовъ, дѣйствующихъ за Лабой и загражданшихъ переправу войскамъ Корнилова черезъ Лабу, что фронтъ революціонныхъ войскъ прорванъ и противникъ значительныя си-

*) „Извѣстія Екатер. совѣтовъ“—Мартъ.

лы уже переправилъ черезъ рѣку, имѣя направленіе на хут. Филипповскій, село Елизаветинское и др. населенные пункты, находящіеся вокругъ нихъ.

„Кавалерія, артиллерія и пѣхота ввѣренной мнѣ революціонной арміи, перебравшись черезъ Лабу и соединившись съ отрядами Филипповскимъ и Погибельнымъ, обхватывала непріятеля кольцомъ, имѣя на лѣвомъ отступающемъ флангѣ противника второй Сѣверо-Кавказскій полкъ, Гіагинскій, Новолабинскій и др. отряды. Для заполненія кольца цѣпи и окончательнаго окруженія противника мною было отдано приказаніе, а именно: отъ лѣваго фланга отряда Погибельнаго, до берега р. Лабы расположить цѣпи состава 3—4 сотенъ или ротъ, отъ правой цѣпи 2 Сѣверо-Кубанскаго полка до берега Лабы выставить цѣпь въ такомъ же количествѣ сотенъ и ротъ.

„11 (24) марта узнавъ изъ донесеній о переправѣ Корнилова черезъ Бѣлую, стремленіи его на Горячій Ключъ и возможномъ прорывѣ на Туапсе въ Абхазію, части бывшія въ резервѣ были погружены и переброшены въ Туапсе, куда и прибылъ я со штабомъ и двумя эшелонами пѣхоты и кавалеріи, а равно и полторы батареи артиллеріи. Окончательная высадка и занятіе позиціи были задержаны крушеніемъ, случившимся на разъѣздѣ „Индюкъ“ по неприспособленности вагоновъ и оползней насыпи.

„Съ полученіемъ вашей телеграммы ввѣренная мнѣ революціонная армія по жел. дорогѣ отправилась и прибыла въ гор. Екатеринодаръ“.

Сорокинъ жалуется въ заключеніе на появленіе въ арміи саботажниковъ, малодушныхъ, ужасную изнуренность, заболѣванія и обношенность войскъ, требованія отдыха, уходъ отдѣльныхъ людей и даже цѣлыхъ частей съ фронта, и указываетъ на необходимость сформированія такой арміи, „которая ни однимъ словомъ не обмолвилась бы усталостью, изнуренностью и пр. недостатками, а шла бы съ единственнымъ лозунгомъ: „впередъ, лучше смерть, чѣмъ позоръ и рабство!“.

Такъ сбитъ былъ Корниловымъ съ дороги одинъ изъ противниковъ, повидимому наиболѣе предпріимчивый. Но на мѣстахъ кругомъ насъ вездѣ были значительные отряды большевиковъ съ артиллеріей, обильно снабженной снарядами. И пробиваться сквозь нихъ черезъ горы съ огромнымъ обозомъ было нелегкой ежедневной задачей...

На выходѣ изъ Филипповской 10 марта съ ранняго утра уже застучали пулеметы... Корниловскій полкъ вышелъ до свѣта въ авангардъ. Одинъ батальонъ его прошелъ два моста за станицей и ушелъ далѣе въ степь; когда же второй, идя за нимъ, вступилъ на второй мостъ—большевики съ гребня горы, всего съ 800 шаговъ разстоянія, вдругъ окатили его изъ пулеметовъ. Подошли ли большевики лишь въ то время или они нарочно пропустили первый батальонъ—неизвѣстно. Батальонъ бросился съ моста... Тутъ убитъ былъ командиръ батальона Мухинъ и многіе офицеры-начальники... Привезли пулеметъ... Изъ пяти нумеровъ четверо были сейчасъ же выбиты... Привезли другой и имъ сбили непріятеля съ гребня... Въ серединѣ этой схватки ген. Корниловъ былъ уже среди батальона и распоряжался... Потери были тяжелыя и совершенно напрасныя... не изъ-за чего!

Обозъ двинулся утромъ и вскорѣ попалъ подъ обстрѣлъ гранатами...—Корниловъ такъ велъ свою армію, что за весь походъ обозъ ни разу не попалъ подъ пулеметный огонь.

Начинались уже предгорія Кавказа. Холмы становились круче и ложбины глубже, чѣмъ до Кубани. Это было удобнѣе для обоза: онъ легче могъ прятаться въ нихъ и большевики пробовали примѣнять

Ген. Алексѣй Александровичъ
БОРОВСКІЙ.

Пор. Разакъ-Бекъ ханъ
ХАДЖІЕВЪ.

КРОКИ БОЯ ПОДЪ СТ НОВО-ДМИТРІЕВСКОЙ
15 МАРТА
1ая позиція 1ой роты оф полка
Ген Корниловъ
Ген Марковъ
2 часовой
колонна большевиковъ
передовая цепь оф полка

КРОКИ БОЯ У СТ. ГЕОРГІЕ=АФИПСКОЙ 24 МАРТА
ДЕМОНСТРАЦІЯ ОФИЦ. ПОЛКА
станція
изъ Новороссійска
наша
въ Екатеринодаръ
1ая рота
заключительная позиція
Первая позиція
1ая рота
2ая рота
Дамба
4ая рота
3 рота Оф полка
Перев. пунктъ
Поперечный разрѣзъ дамбы.

обстрѣлъ „по площадямъ". Когда дѣлали это большевики—чувствовалось невольное оскорбленіе. Стоишь въ углу какого-нибудь склона лощины съ товарищами, рядомъ падаетъ снарядъ, потомъ еще... Значитъ—сюда же будетъ еще и еще! Съ этими „черными чертями" спорить не приходится—надо передвигаться!.. Переходишь на двѣсти шаговъ въ сторону—къ стогамъ... Только что усѣлись подъ ними, сзади тутъ какъ тутъ съ грохотомъ взвивается „черный чертъ"... Значитъ и отсюда надо уходить, по крайней мѣрѣ хотя на десять минутъ, пока по „площади" не будетъ выпущена полная „очередь" снарядовъ—5-6 шт!. Идешь дальше въ степь... Но и оттуда тебя гонятъ... точно зайца какого! И кто же—острожники, которымъ наша армія мѣшаетъ грабить и рѣзать населеніе и этимъ добывать средства на сладкую жизнь! Донимаютъ изда-ли, изъ за холмовъ!

Въ это время Корниловъ собиралъ силы для рѣшительнаго удара. Большевики напирали со всѣхъ сторонъ, имѣя, видимо, большія накопленія войскъ. Поворотный моментъ боя, такъ описываетъ участникъ его въ передовой линіи шт.-к. Садовень:

„Я былъ со своей ротой въ цѣпи. Вижу слѣва и справа наши части начинаютъ подъ давленіемъ противника медленно отходить. Необходимо было дать знать о создавшемся положеніи и вотъ мой командиръ послалъ меня съ донесеніемъ, которое приказалъ доставить какъ можно скорѣе.

„Я пустился бѣжать, что было силъ и такъ бѣжалъ минутъ 20, почти безъ передышки. Оглядываюсь, а кругомъ по всей степи видны наступающія густыя цѣпи противника. Собравъ всѣ свои силы, я снова помчался. Бѣгу и думаю—„все погибло". Вдругъ вижу—среди степи стоитъ стогъ сѣна, а на самой его вершинѣ стоитъ въ полушубкѣ небольшого роста человѣкъ и смотритъ въ бинокль.

„Подхожу ближе—Корниловъ. Надъ нимъ и кругомъ него рвутся снаряды, свищутъ пули, а онъ спокойно осматриваетъ поле боя и лишь изрѣдка тихо отдаетъ какія то приказанія.

„Вижу изъ-за сѣна поднялись текинцы и его конвой, сѣли на коней и разсыпавшись въ рѣдкую цѣпь понеслись по всѣмъ направленіямъ по степи къ нашимъ передовымъ линіямъ. Оказывается, генералъ Корниловъ послалъ приказаніе перейти въ наступленіе.

„Минутъ черезъ 10 слышу по фронту раздалось „ура",—то наши цѣпи перешли по приказу Корнилова въ контръ-атаку. Большевики, превосходившіе насъ количествомъ въ десять, а можетъ быть и больше разъ, дрогнули и побѣжали".

Къ концу дня обозъ, выбравшись, наконецъ, изъ подъ обстрѣла, стоялъ въ неглубокой ложбинѣ прямо на западъ отъ ботарей противника, скрываемый отъ него лучами заходящаго солнца.

Положеніе было еще неопредѣленное: не знали—только-ли потеряла насъ артиллерія противника, или же вовсе отступила?!

Вдругъ отъ головы обоза разнесся слухъ, будто отъ арміи Эрдели (Покровскаго) пріѣхала „связь"—отрядъ конныхъ! Съ конца поля къ намъ понеслось „ура" и тотчасъ же крики: „Молчите! Это провокація! Вы выдаете противнику расположеніе обоза!" „Ура" смолкло, но настроеніе поднялось.

Наконецъ-то кубанцы!

Извѣстіе о пріѣхавшемъ отъ нихъ отрядѣ оказалось вѣрнымъ.

Со словъ офицеровъ „связи" передавали, будто у Эрдели 46 пушекъ и 10 тысячъ войска, что было преувеличено,—и самъ онъ всего въ двухъ переходахъ отъ

насъ. Это было тѣмъ для насъ правдоподобнѣе, что въ послѣдніе дни впереди насъ глухо гремѣли орудійные выстрѣлы гдѣ то далеко за позиціями большевиковъ. Кромѣ Эрдели тутъ некому было быть и это былъ онъ! Какъ разъ въ эти дни (11 марта) у него былъ рѣшительный бой съ большевиками, который кончился для кубанцевъ внезапно полной побѣдой...

Въ концѣ дня Корниловъ подошелъ къ Офицерскому полку, шедшему въ строю, и пошелъ рядомъ разговаривая съ офицерами. Онъ разсказалъ, какъ при выходѣ изъ Филипповской онъ въ обозѣ набралъ 300 чел. пѣшихъ и 70—80 конныхъ въ охранную роту и бросилъ ихъ въ бой.

— Сегодня мы вышли изъ кольца,— сказалъ онъ.—Мы были окружены четырьмя арміями!

Кто-то выразилъ свое восхищеніе.

— Ну, съ нами это въ каждый переходъ бываетъ! Пора пожалуй и привыкнуть!— улыбнулся Корниловъ.

Онъ былъ веселъ и много шутилъ.

Мы шли всю ночь и рано утромъ препрошли аулъ Несшукай. Онъ былъ совершенно опустошенъ и разграбленъ большевиками. Они собрали съ аула 250 молодыхъ парней, поставили ихъ лицами къ забору и выстрѣлами въ затылокъ „раскололи головы". Это—безъ всякаго отношенія къ политической партійности, просто, чтобы сразу запугать всѣхъ горцевъ и подавить въ нихъ впередъ всякую попытку сопротивленія!

Остановились на дневку въ Понежукаѣ, слѣдующемъ аулѣ... Черкесы встрѣтили насъ съ полнымъ радушіемъ.

Они по складу всѣхъ своихъ понятій— заклятые враги большевиковъ. Но бѣдны и грязны ихъ аулы, невелики ихъ запасы... Барановъ, коровъ увели у нихъ большевики, хлѣбъ они сами мѣняютъ на скотъ и его и всегда-то у нихъ въ обрѣзъ! Многія наши части цѣлую недѣлю не видѣли хлѣба, пока не вышли изъ го[рных] ауловъ опять къ станицамъ.

Я былъ въ аульномъ управленіи, ког[да] туда пріѣхалъ Корниловъ. Черкесск[ій] офицеръ вытолкнулъ къ нему оборванна[го] большевика и горячо сталъ разсказыва[ть] дѣйствительно гнусный рядъ его комм[ис]сарскихъ насилій надъ населеніемъ. Бол[ь]шевикъ молчалъ.

Корниловъ впился взглядомъ въ е[го] лицо. Офицеръ, горячась, говорилъ...

— Повѣсить! —вдругъ незамѣтнымъ г[о]лосомъ произнесъ Корниловъ, поверну[в]ся и пошелъ.

Самымъ тономъ голоса всѣмъ ясно бы[ло] вложено, что уничтоженіе этого человѣка[—] ничто, чтобы надъ этимъ стоило и дума[ть].

Большевикъ и самъ не шевельнулся. Его вывели.

Аулъ Понежукай останется надолго м[ои] памятнымъ безконечнымъ страданіемъ н[а]шихъ раненыхъ, повозки съ которыми [мы] поздней ночи бродили по кривымъ ул[и]цамъ аула, тщетно ища крова и глот[ка] горячей пищи среди сырого и холодна[го] мрака. Происхожденіе и неизмѣнно чере[ду] день повторявшійся словно оффиціаль[но] установленный порядокъ этого мучител[ь]ства раненыхъ были таковы.

Для каждой станицы—въ какомъ р[а]онѣ ея должно располагаться какой ч[а]сти арміи?—это указывалъ войскамъ главн[ый] квартирьеръ, назначавшійся каждый ра[з] новый изъ множества полковниковъ, бы[в]шихъ при штабѣ. Благодаря этому, прав[а] полковники эти получали хоть на день п[о]нятіе и оправданіе своего пребыванія [в] арміи, но благодаря тому-же каждый ра[з] главный квартирьеръ штаба оказывал[ся] совершенно не знающимъ особеннаго т[ре]бованія каждой части арміи, а бывало [и] самыхъ первыхъ основаній квартирьер[ст]ва вообще! Полномочія же его были пр[а]мо диктаторскія; что имъ назначало [в] каждой части, перемѣнѣ, по крайней м[ѣ]рѣ скорой, уже не подлежало просто [по] силѣ вещей!

Онъ пріѣзжалъ въ станицу часа за два до прихода войскъ вмѣстѣ съ квартирьерами отъ самихъ частей, которыхъ набиралось до 60—80 человѣкъ, самъ наскоро знакомился со станицей, обыкновенно при помощи плана, почти всегда оказывавшагося въ станичномъ управленіи, и назначалъ районы квартирьерамъ частей. Тѣ сейчасъ же разъѣзжались по станицѣ знакомиться со своимъ райономъ, запасать своимъ частямъ фуражъ и продовольствіе, которыхъ отъ интендантства вѣчно не хватало и пр. Найти ихъ послѣ того, какъ они разъѣдутся, и вернуть отъ нихъ хотя часть отданнаго района было уже—ау, невозможно!

Прихода своихъ частей въ станицу квартирьеры ждали у околицы и вели въ назначенный для каждой районъ. Тамъ, благодаря раздѣленію каждаго полка на батальоны, и батальоновъ на роты и взводы всѣ быстро размѣщались: такой то взводъ по этой сторонѣ такой то улицы, а такой то—по другой сторонѣ ея и т. д.

Да, всѣ, кромѣ лазарета! Кромѣ одного лазарета! Онъ держался своимъ начальствомъ въ особомъ мучительномъ порядкѣ-безпорядкѣ.

Изъ всѣхъ частей арміи онъ одинъ не имѣлъ прочнаго внутренняго раздѣленія на части. На дневкѣ раненые еще дѣлились на пять палатъ ради удобства врачебнаго ухода за ними, но для переходовъ все смѣшивалось и на одну подводу клали двухъ тяжело раненыхъ и, чтобы не пропадало на ней мѣсто, къ нимъ изъ другихъ палатъ подсаживали легко раненыхъ и „тяжело здоровыхъ“,—такъ звали у насъ симулянтовъ, которыхъ не мало шло съ лазаретомъ подъ видомъ всякихъ больныхъ. Въ дорогѣ штабъ нѣсколько разъ перетасуетъ всѣ подводы и къ станицѣ на ночлегъ часто уже въ темнотѣ вмѣсто раздѣленнаго на правильныя части обоза лазаретъ является въ видѣ стада изъ четырехсотъ подводъ, безъ всякаго внутренняго строя и дѣленія, и вполнѣ потому безначальнаго и безпастушнаго.

Квартирьеровъ у лазарета было всего два и вотъ имъ вдвоемъ надо развести въ станицѣ 400 подводъ по 400 хатамъ, причемъ каждый раненый требуетъ, чтобы ему „наконецъ указали его хату!“ Сдѣлать это надо „безъ задержки:—раненые устали!“

Вотъ и сотворите чудо!

И двѣ недѣли при каждомъ расквартированіи, т. е. черезъ каждые 1-2 дня—то же самое!!..

Въ Попежукаѣ, какъ во всякомъ аулѣ, хаты черкесовъ расположены лишь частью по улицамъ, а большинство—внутри кварталовъ, такъ что, чтобы пройти къ нимъ, надо перелѣзать черезъ заборъ. Главный квартирьеръ указалъ мнѣ для раненыхъ районъ, но прибавилъ, что части его отданы имъ корниловцамъ и отряду Глазенапа.

— Тамъ вы сами увидите:—позади квартала справа—корниловцы и слѣва—глазенаповцы!..

Пришлось идти узнавать точно на мѣстѣ, гдѣ же именно въ кварталѣ наши хаты, а гдѣ—корниловцевъ и глазенаповцевъ, чтобы не везти раненыхъ куда не надо. Возвращаюсь къ станичному управленію—по дорогѣ встрѣчаю растерянныя подводы съ ранеными, уже блуждающія безпорядочно по аулу.

Не подождавъ меня, начальникъ лазарета самъ пошелъ разводить подводы. Весь обозъ двинулся за нимъ, вскорѣ конечно потерялъ терпѣніе ждать своей очереди, ибо на то, чтобы снять тяжело раненыхъ съ каждой подводы и уложить ихъ на мѣсто въ хатѣ, какъ слѣдуетъ, надо мало-мало 5—7 минутъ, а всѣхъ раненыхъ было до 600, изъ нихъ 150 тяжелыхъ,—и всѣ подводы отправились сами по аулу искать себѣ незанятыя хаты.

Видятъ: разводитъ ихъ только одинъ человѣкъ—гдѣ же сдѣлать ему это скоро!

400 подводъ разбрелось по всему аулу, и въ одиночку и группами по 3-5 подводъ вмѣстѣ,—своего района онѣ не знаютъ, отовсюду ихъ гонятъ, а тѣмъ временемъ въ ихъ собственный районъ являются безпріютные люди и команды изъ другихъ частей, самовольно захватываютъ хаты и уже не пускаютъ въ нихъ раненыхъ, увѣряя, что это-де ихъ районъ, и хата имъ указана ихъ квартирьеромъ!

Аулъ раскинулся на три версты вдоль и на двѣ поперекъ. Вотъ и разыщите по всѣмъ закоулкамъ его нѣсколько сотъ подводъ и приведите каждую изъ нихъ на свое мѣсто—т. е. по нѣсколькимъ стамъ адресовъ! Да еще когда со двора на дворъ надо перелѣзать черезъ заборы, и когда при общей тѣснотѣ всѣ хаты, не занятыя въ первые полчаса, оказываются захваченными уже другими—въ нихъ находите вы уже крѣпко заснувшихъ утомленныхъ долгой ходьбой людей, въ печахъ варится заказанный ими ужинъ, для котораго они выдали свою провизію—какъ вы выселите ихъ?!

Я напомню ген. Харламову, какъ съ нимъ мы взяли пять подводъ съ 13 ранеными въ 4 часа дня и послѣднему изъ нихъ мы нашли наконецъ пріютъ въ этомъ аулѣ лишь къ началу восьмого часа! И это—всего съ тринадцатью ранеными и при томъ, что ген. Алексѣевъ самъ приказалъ очистить для раненыхъ все, что было возможно въ хатахъ, отданныхъ для его организацій. Невольно вспоминаю, съ какой душевностью и искренней заботой отнесся полк. Мотерно къ раненымъ, которыхъ мы съ ген. Харламовымъ привезли „навязать“ въ его квартиру. Вотъ поднте же — отъ себя человѣкъ отдастъ всѣ личныя удобства для отдѣльныхъ раненыхъ, а по службѣ, т. е.—для всѣхъ раненыхъ вообще!—„не приказываетъ себя будить“ раньше половины седьмого!

Таковы люди въ нашей русской служ... Еще мало въ ней скелета, жесткихъ крѣпкихъ костей, и слишкомъ много м... коти. А что могли бы дѣлать эти люди!

Разсказываю это все, чтобы отъ пер... житаго и вымученнаго было далѣе нау... ніе и прокъ. Нельзя же собирать люде... вести ихъ на смерть и не умѣть п... этомъ организовать для нихъ самое нео... ходимое—леченіе и покой для раненыхъ.

Идя домой, неподалеку отъ „штаба“ в... шего лазарета, изъ темноты я услыша... надрывный крикъ ранепаго:

— Мерзавцы доктора! Сами вы въ теп... и за чаемъ, а мы здѣсь на стужѣ сре... ночи, безъ куска хлѣба съ утра! Гдѣ в... мерзавцы! Стрѣлять въ васъ мало!!

Подхожу: въ углу глухой площади при... кнулась подвода съ ранеными, кругом... грязь по колѣно—лошади стали и не в... вутъ!

Доктора были не при чемъ въ злоп... лучіи этихъ мучениковъ, кромѣ обще... отвѣтственности за порядки лазарета, г... они служили, но они ближе были по... рукой и раненые обращались къ нимъ ... всѣмъ въ первую голову.

Придя въ „штабъ“—полутемную ко... нату, въ которой собралось человѣ... двѣнадцать большихъ и малыхъ начал... никовъ лазарета, въ томъ числѣ нѣсколь... врачей, я разсказалъ „событія дня“ ... точно передалъ привѣтствіе послѣдн... раненаго: „Мерзавцы доктора... и т. д.“

Тяжелое молчаніе. Потомъ горячія рѣ... оправданія, обвиненія и споры.

— Нужно раздѣлить обозъ раненых... на отдѣлы. На дневкахъ онъ раздѣляет... уже на пять палатъ—такъ палатами пус... и въ пути держатся раненые и подвод... На первой повозкѣ каждой палаты ... женъ быть флажекъ съ ея номеромъ; ... ней долженъ ѣхать старшій врачъ пала... старшая сестра и старшій санитаръ ...

Тутъ же должны быть всѣ принадлежности для ухода за ранеными, обиходныя лекарства и вода для питья. На рукавахъ врачей и санитаровъ должны быть повязки, чтобы раненымъ было сразу видно, гдѣ врачъ и гдѣ санитаръ, когда въ нихъ была нужда.

Казалось бы, такъ все это было просто, ясно и исполнимо. Но когда раньше образца не существовало,—новое у насъ заводится ухъ какъ туго!

Катастрофа въ Понежукаѣ однако напугала. Наконецъ рѣшились раздѣлить лазаретъ на пять отдѣленій, каждое со своимъ начальствомъ во главѣ.

Тутъ блестяще проявилось бумажное творчество ген. Эльснера!

Собственно, было нужно подчинить каждое отдѣленіе старшему врачу палаты, и дать ему лошадь и коннаго поручика для присмотра за подводами во время переходовъ и помощи по хозяйственной части.

Только и всего!

На лазаретъ-же пролился вдругъ цѣлый потопъ военнаго начальства! Въ каждое отдѣленіе былъ назначенъ: 1—начальникъ: полковникъ; 2—помощникъ его: поручикъ; 3—помощникъ помощника: прапорщикъ. Кромѣ того спеціально для разводки подводъ при приходѣ лазарета въ станицу назначенъ былъ особый генералъ—ген. Б. —и къ нему шесть помощниковъ-полковниковъ! Врачи же, естественные работники и контролеры дѣла, оставлены были по прежнему совершенно въ сторонѣ. Обозначенія отдѣленій во время переходовъ флажками, перевязокъ на рукавахъ санитаровъ и пр. „мелочи“ введено не было.

И результатъ?!

„Потопу“ новаго начальства дѣлать было въ сущности нечего. Оно только загромождало собою лазаретъ, лишь очень немного прибавивъ въ немъ порядка. Ген. Б. „разводящій“ явился въ слѣдующемъ аулѣ разводить, однако имѣя районы станицы, назначенные по отдѣленіямъ, но не имѣя для нихъ отдѣленій, которыя шли бы правильно каждое своею группою, а лишь напоръ сотенъ перемѣшанныхъ изъ разныхъ отдѣленій подводъ, которыхъ развести можно было только по одиночкѣ,—онъ спасовалъ тѣмъ болѣе, что и шесть его помощниковъ полковниковъ по просту не явились!

Не явился и онъ въ слѣдующій-же разъ!

Къ этому времени число раненыхъ переросло заготовочныя средства лазарета и начались—голодовки въ лазаретѣ, Да, да, прямыя голодовки и притомъ благодаря хозяйству ген. Эльснера, его служащимъ и порядкамъ—вполнѣ безпомощныя! И вопреки тому, что деньги на раненыхъ давались ген. Алексѣевымъ широко, безъ всякаго ограниченія!!! Все глохло въ мертвомъ узлѣ канцеляріи ген. Эльснера.

Сломается желѣзная подпорка у котла въ одной изъ 5 походныхъ кухонь, которыми располагалъ лазаретъ, и—250 раненыхъ сидятъ безъ обѣда—не въ чемъ варить имъ его! Горячее добывается имъ всякими экстренными средствами, замѣняется яйцами и молокомъ, но все это благодаря постояннымъ переходамъ дѣлается съ опозданіемъ, массою жалобъ и замѣшательствъ и т. д. И тянется это—недѣлю! Въ обозѣ ген. Эльснера не было ни одной мастерской и при сотняхъ, а далѣе и тысячѣ подводъ, массѣ всякой сбруи, сѣделъ и платья, требующихъ починки,—въ обозѣ не было „ни званія“ самой немудрой швальни, шорной или „кузницы“. Кузница-де въ каждой станицѣ есть, но вотъ съ кухней нашей вышло такъ, что въ трехъ станицахъ подрядъ мѣстные кузнецы были большевики и передъ приходомъ нашей арміи исчезали изъ станицы! И кухня наша недѣлю не работала и раненые не доѣдали!..

Достаточно было интенданству выдать мясо не вечеромъ, а утромъ и при общемъ недостаткѣ прислуги—все годное вызывалось въ строй,—въ этотъ день можно было успѣть сварить обѣдъ лишь къ 3-4 часамъ

дня, когда уже не оставалось времени для кухонь вернуться назадъ съ развозки обѣда и сварить ужинъ, и въ этотъ день раненые жевали за ужиномъ сухомятку, какая оказывалась.

Очень небольшой распорядительностью старшего начальника все это можно было устранить,—кузницу хотя бы можно было реквизировать въ любой станицѣ!—но тѣмъ не менѣе все это безпомощно и безысходно повторялось въ походѣ изо дня въ день и жаловаться было не кому: самъ главнокомандующій, Корниловъ или Деникинъ, на глазахъ всѣхъ были сутки на пролетъ напряженно и самоотверженно заняты вытягиваніемъ арміи изъ тисковъ, въ которыхъ она постоянно находилась—естественно, что къ нимъ прямо душа не лежала идти жаловаться на эти „преходящія мелочи", а прямой высшій начальникъ лазарета былъ —тотъ же ген. Эльснеръ! Жаловаться приходилось нач. лазарета ген. Эльснеру на недосмотры, нераспорядительность и неспособность интенданта ген. Эльснера! Легко и безъ объясненія понять, какой результатъ былъ этихъ жалобъ!

Прошли въ аулъ Гатлукой, гдѣ всего сутками ранѣе былъ Эрдели, но долженъ былъ отойти подъ напоромъ большевиковъ, а вѣрнѣе по настоянію безталаннаго главнокомандующаго кубанцевъ полковника Покровскаго. Коцевъ, шедшій съ кубанцами предсѣдатель горско-дагестанскаго правительства, образно разсказывалъ мнѣ какъ у аула Вечепшаго,—это ближе къ намъ отъ Гатлукая—Покровскій не рѣшался атаковать мостъ, чтобы пробиться къ Корнилову, пушки котораго они слышали...—„Мы съ Султанъ Шагимъ Гиреемъ сидимъ подъ плетнемъ у моста и видимъ: —мостъ надо и можно взять! Позвали начальника черкесскаго полка—спрашиваемъ его мнѣніе, Онъ говоритъ—„мостъ надо взять". Позвали четырехъ сотниковъ полка. Ихъ мнѣніе такое же! Какъ разъ въ это время подъѣзжаютъ выборные отъ полка и просятъ разрѣшенія доложить мнѣніе полка - у насъ никогда не было никакихъ митинговъ, но на этотъ разъ всѣмъ ужъ очень очевидно было, что мостъ взять надо и можно, а главнокомандующій приказываетъ отступать. Выборные докладываютъ, что полкъ желаетъ взять мостъ. Пусть первые взводы пострадаютъ, остальные пройдутъ за ними. „Мы лучше хотимъ атаковать и идти къ Корнилову, чѣмъ крутиться какъ теперь на одномъ мѣстѣ, какъ на собачьей свадьбѣ". Но прискакалъ Покровскій и, отозвавъ Коцева и Султанъ Шагима Гирея, очень мягко сталъ имъ объяснять, что онъ вовсе не отступаетъ, а только хочетъ обойти мостъ, чтобы избѣжать лишнихъ потерь. Отрядъ-де отойдетъ на нѣсколько верстъ и затѣмъ свернетъ въ сторону и пойдетъ опять впередъ мѣстами, гдѣ по свѣдѣніямъ развѣдки нѣтъ вовсе большевиковъ. Черкесы уступили, но на дѣлѣ Покровскій повелъ ихъ и весь отрядъ не въ обходъ, а прямо назадъ къ Калужской станицѣ, гдѣ отрядъ едва не погибъ, попавъ въ кольцо большевиковъ. Любопытно прибавить, —безсильный противъ большевиковъ Покровскій не прочь былъ давить своихъ, кого считалъ слабѣе себя и себѣ опаснымъ. Въ Новодмитріевской онъ приказалъ арестовать Коцева и отдать подъ слѣдствіе за „подговоръ къ военному бунту" т. е. за это самое предложеніе взять мостъ въ Вечепшемъ! Но его пристыдили и—пригрозили и арестъ и слѣдствіе были отмѣнены.

Аулъ Шенджи. У мечети выстроилась сотня кубанцевъ въ сѣрыхъ черкескахъ и красныхъ бешметахъ и сотня черкесъ въ черныхъ черкескахъ съ бѣлыми башлыками и значкомъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и звѣздою. Это—конвой, съ которымъ Покровскій, главнокомандующій кубанцевъ, только что передъ тѣмъ произведенный въ генералы для того, чтобы „подравнять" его съ начальниками нашей арміи,—пріѣхалъ къ Корнилову на свиданіе. Генералъ Кор-

иловъ, бодрый и веселый, выѣхалъ къ
выстроеннымъ всадникамъ и сказалъ, какъ
онъ всегда говорилъ, просто и четко:

— Я слышалъ о вашихъ доблестныхъ
бояхъ. Хотя я пока еще не командую
вами, но въ качествѣ старшаго генерала
позвольте мнѣ поблагодарить васъ за
вашу службу на защиту родного края и
Россіи!

Все!

Ген. Покровскій провозгласилъ: „Ура
генералу Корнилову!"

Общее и продолжительное съ раскатами
„ура!" всѣхъ, даже и толпы, стоявшей
кругомъ.

Покровскій, видимо, ожидалъ, что Кор-
иловъ отвѣтитъ вѣжливымъ: „Ура гене-
алу Покровскому!" Но тотъ, отдавъ честь
ойскамъ, повернулъ своего коня, и по-
халъ съ площади. Покровскій долженъ
ылъ послѣдовать за нимъ.

Мнѣ бросились въ глаза слова: „пока
ще"... „Молодецъ генералъ!"—подумалъ
я.—„Онъ кубанцевъ не выпуститъ изъ сво-
ей желѣзной лапы. Всѣхъ заставитъ идти
ъ бой!"..

Я угадалъ—слова эти были совершенно
самочинны", но и какъ же своевременны!..
Покровскій вернулся къ своимъ въ ста-
ицу Калужскую, совершенно разстроен-
ый ими.

Вечеромъ къ намъ зашли офицеры-ку-
анцы и мы долго просидѣли съ ними въ
азговорахъ. Все—словно сказка! Почему
ушли кубанцы изъ Екатеринодара и собесѣ-
ники наши отвѣтить не могли.—„По
оследней мѣрѣ еще недѣлю мы могли бы
ержаться въ городѣ!" Войскъ пѣшихъ
Эрдели 2500, конныхъ—1500, пушекъ
44. Снарядовъ и патроновъ мало. Съ
трядомъ идетъ М. В. Родзянко, предсѣд.
Государственной Думы. Вмѣстѣ въ обозѣ
металлическій фондъ государственнаго
анка. Обозъ всего въ 300 повозокъ—нашъ
огда былъ болѣе 500. О Корниловѣ въ
трядѣ послѣ выхода изъ Екатеринодара
слышали, желали горячо присоединенія
къ нему, но уже не вѣрили, что онъ гдѣ-
то близко. Покровскаго въ отрядѣ не
любятъ, ему не вѣрятъ и когда онъ гово-
рилъ, что Корниловъ недалеко и надо идти
къ нему,—не вѣрили этому именно по-
тому, что это говорилъ Покровскій!

И имѣли слишкомъ многое для законно-
ности этого недовѣрія.

Всего только осенью Покровскій пріѣ-
халъ на Кубань штабсъ-капитаномъ, лет-
чикомъ. За случайный успѣхъ надъ боль-
шевиками у Эйнема, онъ былъ произве-
денъ прямо въ полковники и затѣмъ
вскорѣ же, по общему мнѣнію, чисто лич-
ныя вліянія и воздѣйствія сдѣлали его
и главнокомандующимъ—полковника, столь
юнаго и „непровѣреннаго" притомъ не
казака. И это вмѣсто казака ген. Гулыги,
имѣвшаго пусть свои недостатки, но ши-
роко популярнаго въ массахъ казачества
и умѣвшаго вести ихъ за собою!

Дисциплину въ войскахъ, начавшихъ со-
бираться въ Екатеринодарѣ, Покровскій не
утверждалъ, а разстраивалъ распоряженіями
совершенно внезапнаго вдохновенія, не-
измѣнно поверхностными и неудачными.
Среди первыхъ же отвѣтственныхъ назна-
ченій его было назначеніе такого командо-
ванія на ст. Выселки, (полк. Каменскій)
которое сумѣло „пропить" обходъ больше-
виковъ и въ бѣгствѣ отъ нихъ остановить-
ся только въ станицѣ Динской передъ
самымъ Екатеринодаромъ. Тогда и полк.
Лѣсевицкій, успѣшно подвигавшійся про-
тивъ ст. Кавказской, долженъ былъ отойти
отъ нея, чтобы „выровнять фронтъ" и дав-
леніе большевиковъ повисло надъ самымъ
Екатеринодаромъ!

Это было въ половинѣ февраля. Въ
войскахъ потерялась вѣра въ такихъ ко-
мандировъ. Первый шагъ къ сдачѣ Ека-
теринодара былъ сдѣланъ! Въ концѣ фев-
раля Покровскій издалъ приказъ всѣмъ
офицерамъ, находящимся въ Екатеринода-
дарѣ, явиться къ такому то часу на об-

щее собраніе съ прямой угрозой за неисполненіе военно-полевымъ судомъ и растрѣляніемъ въ случаѣ непредставленія достаточныхъ оправданій. Офицеры явились и ихъ тутъ же раздѣлили на команды, дали въ руки винтовки, кавалеристовъ посадили на коней и съ мѣста отправили на фронтъ. Такими пріемами, нелѣпыми не менѣе взбалмошныхъ приказовъ помѣшаннаго деспотика, имп. Павла, Покровскій пополнялъ армію, не желавшую собираться къ его имени! Конечно, отъ этого армія не крѣпла, а лишь разслабѣвала еще болѣе,—одно увеличеніе массы не есть еще непремѣнно приростъ силы. Въ два раза такимъ арканеньемъ офицеровъ Покровскій бросилъ въ армію 2500 офицеровъ, но что это было за увеличеніе силы ея—видно изъ того, что во второй разъ отправлено было 800 офицеровъ, а пришло на позиціи 80!

Конечно, только городскія дамы, поклонницы молодости въ генералахъ, могли находить такіе пріемы военными по духу,—они, пріемы эти, были именно глубоко и безнадежно штатски по духу. Въ послѣднюю недѣлю въ городѣ царила безтолочь и паника. Изъ каждаго большевицкаго стряда-мухи дѣлали слона. Правительство трепетало, что его захватятъ большевики. „По всѣмъ линіямъ жел. дорогъ большевики жмутъ на Екатеринодаръ—тамъ ловушка здѣсь!“ Но что же было большевикамъ дѣлать, когда казаки съ своей стороны по тѣмъ же всѣмъ линіямъ отжимались отъ Екатеринодара—на нихъ?!. „Какъ? Вы ночуете дома?“—удивился Покровскій смѣлости одного генерала. „Я уже недѣлю сплю по разнымъ квартирамъ. Вѣдь васъ захватить могутъ!“

Въ Екатеринодарѣ были два офицера, пріѣхавшіе изъ Добровольческой арміи изъ подъ Лежанки и сообщившіе, что Корниловъ идетъ и побѣдоносно бьетъ большевиковъ. Гулъ орудій нашихъ былъ слышенъ на позиціяхъ кубанцевъ. Ничему этому повѣрить Покровскому не хватал мужества, а провѣрить не хватало умѣнь и толка у вождей, выскочившихъ внезапно какъ дождевой пузырь на водѣ.

28 февраля къ 5 час. дня было прика зано всѣмъ горожанамъ Екатеринодар снести оружіе въ гост. „Лондонъ“—в штабъ. Нанесены были цѣлыя горы револ веровъ, карабиновъ, патроновъ и п Среди дня въ конныхъ частяхъ бы получено приказаніе сѣдлать лошадей д похода, потомъ присланъ былъ приказ разъвьючить, но не разсѣдлывать, потом разсѣдлать и разрѣшить отпуски. Мног офицеры пошли въ отпускъ и уже дом и въ гостяхъ узнали, что безъ них части ихъ получили приказаніе высту за Кубань и—уже ушли! Имъ пришлос догонять своихъ, реквизируя первых попавшихся лошадей.

Въ госпиталяхъ было оставлено око тысячи раненыхъ—на жертву большеви камъ! Горы револьверовъ въ гост. „Ло донѣ“ оставлены были большевикам конечно, тоже—словно нарочно для них приготовленныя!

Каждый изъ офицеровъ разсказыва свои подробности жалкаго, безпорядочна безтолковаго не отступленія, а бѣгств арміи и правительственныхъ и городски „верховъ“ за Кубань—подробности ра ныя, но одинаково нелѣпыя и потряса щія! У желѣзнодорожнаго моста, наконец одинъ полковникъ самочинно назначи себя диктаторомъ:—„Иначе мы всѣ тут погибнемъ!“ и сталъ пропускать повозк черезъ мостъ по одной. Мостъ по уход конечно, взорванъ не былъ: у военн власти не оказалось пироксилина, а общ власть не рѣшилась „разрушать государ ственное сооруженіе“! Большевики поэтом могли уже на другой же день насѣсть н хвостъ отступившей арміи:—сваленные м мосту поѣзда, которыми мостъ былъ „з бить“ отъ преслѣдователей—задержал ихъ ровно на два часа всего на всего!

Могла ли быть вѣра въ такихъ расподядителей?

Покровскій отъ Кубани повелъ армію въ горы, потомъ повернулъ обратно къ Екатеринодару, узнавъ, что Корниловъ близко. Кубанцы взяли было уже опять переправу черезъ Кубань, но ихъ повернули снова обратно въ горы... Въ Шенджи Покровскій собралъ всѣхъ офицеровъ арміи и сказалъ имъ:

— Выдѣлите изъ себя двѣ сотни офицеровъ. Я, главнокомандующій, даю отряду этому приказаніе: пройти желѣзнодорожный мостъ, проникнуть въ городъ, вызвать тамъ панику и прорваться въ Павлевку*). Тамъ отрядъ найдетъ Корнилова. Какъ главнокомандующій я удостовѣряю, что выполнить это необходимо для спасенія Кубани и Россіи!

Офицеры молчали, не вѣря своимъ ушамъ.

— Кто согласенъ, выходите! Кто изъ первой сотни?

Начальникъ сотни отвѣчалъ:

— Весь первый взводъ!

— Вторая сотня?!

Начальникъ сотни оглядѣлъ офицеровъ, —никто не двигался.

— Никого, г. полковникъ!

— Третьей?!...

— Никого!...

Нелѣпый замыселъ провалился...

Каково отношеніе было въ войскахъ къ главнокомандующему, можетъ показать то, что въ эту ночь къ квартирѣ его былъ поставленъ офицерами негласно караулъ:— боялись, что полк. Покровскій скроется ночью изъ арміи!

Къ Покровскому установилось общее недовѣріе и вѣрнѣе—прямое и общее предубѣжденіе.

Всѣ были утомлены и раздражены его безцѣльными переходами взадъ и впередъ. Общее мнѣніе было—надо идти въ горы на перевалъ и, когда Покровскій повернулъ на востокъ на соединеніе съ Корниловымъ, въ отрядѣ стали говорить:

—Это провокація... Большевики пытаются одурачить насъ. Они хотятъ завлечь насъ на себя, выманить послѣдніе снаряды и взять потомъ голыми руками.

Выстрѣлы нашихъ орудій слышали, но говорили:

—Это ловушка, которою большевики завлекаютъ насъ далѣе и далѣе...

Отступивъ отъ—Галлукая, отрядъ у хут. Кухаренки подвергся нападенію большевиковъ сразу со всѣхъ сторонъ. Положеніе стало грозить немедленной и общей катастрофой. Тогда кубанцы выгнали изъ обоза всѣхъ, кто могъ держать винтовку, и цѣпи получились такія густыя, что большевики опѣшили и остановились: они вдругъ увидѣли передъ собою гораздо болѣе войска, чѣмъ имъ сообщали. Конница кубанцевъ пошла общей лавой на цѣпи большевиковъ. Въ это время по передовой линіи большевиковъ проскакалъ черкесъ на взмыленномъ конѣ, крича: „Корниль пришелъ! Корниль пришелъ!“. Со всѣхъ сторонъ—громовое „ура“ и цѣпи бросились впередъ и большевики побѣжали... Преслѣдованіе было ожесточенное, конницы у кубанцевъ много и порублено большевиковъ было множество.

Всѣ въ кубанскомъ отрядѣ рады были быть подъ командой Корнилова, въ котораго вѣра большая, а о Покровскомъ говорятъ: „только пьетъ и безъ толку водитъ взадъ и впередъ“. Укоръ, кажется, вѣрный и для полководца—непереносимый. Пишу прямо объ этихъ вещахъ, о которыхъ обыкновенно не пишется изъ снисхожденія къ виновнымъ. И я не сталъ бы писать, но должно же быть какое нибудь наказаніе человѣку, если онъ въ этомъ виновенъ и остается безнаказанъ, а Покровскій, повидимому дѣйствительно былъ преступно виноватъ и съумѣлъ избѣжать даже разслѣдованія за Выселки,

*) Станица въ 9 верстахъ отъ Екатеринодара къ востоку.

потерянныя позорно съ роковыми послѣдствіями для всей Кубани.

Переходъ 15 марта изъ аула Шенджи въ ст. Калужскую—всего 15 верстъ!—былъ самымъ грознымъ для насъ днемъ за весь походъ до Екатеринодара. Еще немного и—вся армія Корнилова могла надолго потерять всякую подвижность!...

Въ этотъ день Корниловъ раздѣлилъ обозъ и боевыя части арміи на два отряда: первый онъ послалъ на дневку въ Калужскую, гдѣ уже стоялъ Покровскій, а боевыя войска—на станц. Ново-Дмитріевскую съ приказаніемъ взять ее; съ ними поѣхалъ онъ и самъ.

Утро началось холоднымъ дождемъ, который вскорѣ перешелъ въ снѣгъ, потомъ въ градъ и наконецъ превратился въ отчаянную снѣжную бурю съ дождемъ, снѣгомъ и градомъ при ледяномъ вихрѣ. Снѣгъ и градъ били въ лицо, вѣтеръ валилъ съ ногъ, на дорогѣ образовалась глубокая затянутая льдомъ сверху и раскисшая въ клейкую топь снизу густая каша. Шинели, башлыки, лошади покрыты были ледяной корой; на бородахъ и усахъ, на гривѣ лошадей и хвостахъ повисли огромныя сосульки. Раненые, если были плохо прикрыты, страдали нестерпимо. Лошади едва вывозили повозки и къ концу перехода прямо на глазахъ похудѣли... Остановится бѣдная животина перевести духъ, вся облѣплена корою льда и снѣга, а сквозь кору эту изъ вспотѣвшихъ боковъ паръ идетъ клубами!... И такъ пятнадцать верстъ съ бугра на бугоръ! И искусный руководитель транспорта, ген. Эльснеръ—онъ самолично въ этотъ день велъ обозъ!—не сдѣлалъ за весь этотъ день ни одного привала, кромѣ двухъ коротенькихъ остановокъ для передовыхъ частей—заставивъ лошадей въ эту дьявольскую погоду безъ единаго отдыха сдѣлать весь переходъ! По его-же приказанію на пути въ этотъ день оставлена была повозка

Московское Совѣщаніе. — Ген. Корнилова войска выносятъ на рукахъ изъ вокзала.

съ перевязочнымъ матеріаломъ и когда за нею пріѣхали на другое утро—ея драгоцѣнный для насъ грузъ оказался расхищеннымъ!

Въ ст. Калужскую мы пришли мокрые окоченѣвшіе и въ конецъ изнуренные. Тамъ сюрпризъ: Покровскій долженъ былъ выйти изъ станицы и поддержать атаку Корнилова на Ново-Дмитріевскую, но, генералъ отъ Шато-Лафита,—изъ за погоды остался въ станицѣ и такимъ образомъ мѣста для стоянки нашего обоза не освободилось. Мы пришли и намъ нѣтъ мѣста!.. Издрогшіе раненые стоятъ среди неистовой вьюги на улицѣ—сунуться некуда, чтобы обогрѣться!...

Посылаютъ насъ въ одинъ конецъ—идемъ: оказывается—все занято!

Говоримъ раненымъ:

— Подождите—мы спросимъ еще!

Спрашиваемъ—посылаютъ въ другой конецъ. Идемъ по колѣно въ грязи:

— Все занято!—Мы говоримъ раненымъ:

— Подождите—мы еще спросимъ!

Идемъ спрашивать, по ручей среди станицы переполнился водою и она идетъ на аршина выше моста, прекращая сообщеніе съ комендатурой Покровскаго. Раненые, наконецъ, полѣзли сами всюду, гдѣ былъ свободный квадратный аршинъ на полу подъ крышей и даже перебранки особенной не было—такъ все было ясно и человѣчески понятно каждому! Одни пододвинулись, другіе стѣснились, люди всѣ кое-какъ залѣзли подъ крыши, но лошади многія такъ и остались стоять на дворахъ неприкрытыми, ибо на такую уйму ихъ навѣсовъ не вездѣ было. На утро я посмотрѣлъ на нашу несчастную четверку у подводы на наворѣ—и ужаснулся: привалившись боками другъ къ другу, она смерзлась въ общую массу и имѣла видъ хижины подъ общей ледяной крышей. Общій слой льда облѣплялъ ее на два пальца толщины и сверху островерхой кучей запорошенъ былъ снѣгомъ... Какъ выжили злополучныя животныя!..

На другой и на слѣдующій день обозъ былъ положительно не способенъ къ движенію и будь оно необходимо—подвергнись напр. мы нападенію большевиковъ—обозъ весь попалъ бы въ ихъ руки, безсильно, безпомощно!...

Весь вечеръ прихода душа у насъ была не на мѣстѣ за успѣхъ боевой операціи Корнилова. Мы хорошо представляли себѣ его положеніе: пойти въ атаку, какъ всегда и безъ того рискованную, разсчитывая на поддержку Покровскаго, который долженъ былъ зайти большевикамъ въ тылъ, и вдругъ—нѣтъ Покровскаго: остался въ Калужской! На улицѣ-де непогода! Воякаі! Между тѣмъ операція начата, ударъ большевикамъ показанъ, а половины силъ на лицо нѣтъ! Взяли станицу однимъ лобовымъ ударомъ, безъ поддержки съ тылу, да еще послѣ такого дьявольскаго перехода, конечно плоскъ измучившаго наши пѣхотныя части! Что могутъ сдѣлать большевики, если среди нихъ вождей окажется кто нибудь съ головой?!

Мы прислушивались къ глухому стону и реву орудій, гудѣвшихъ далеко прямо къ сѣверу отъ Калужской и ждали, когда онъ затихнетъ:—если до полуночи, то значитъ станица взята и противникъ сбитъ и бѣжитъ; если же канонада продлится и далѣе въ ночь, это уже признакъ плохого: большевики отстаиваются, атаки нашихъ безуспѣшны и войска остались въ полѣ!.. Поздно вечеромъ орудія еще гудѣли... Около одиннадцати я вышелъ на крыльцо и прислушался: промозглая стужа крутилась вокругъ меня, но на душѣ вдругъ просвѣтлѣло: тишина... орудія замолкли... побѣда! Слава Богу!

На другой день пріѣхали наши изъ Ново-Дмитріевской и разсказали, что тамъ было.

Идти изъ Шенджи въ Ново-Дмитріевскую, нашимъ боевымъ частямъ пришлось безъ дорогъ прямо по полю,—большихъ дорогъ въ этомъ направленіи нѣтъ. Снѣгъ выпалъ слоемъ до аршина и подъ нимъ ноги схватывала липкая, размякшая въ кисель глина. На полпути перешли рѣчку и далѣе брели около версты по равнинѣ, затопленной до колѣна водою. Пулеметныя двуколки переворачивались въ рѣкѣ и, вытаскивая ихъ, приходилось лѣзть въ воду по поясъ. Чтобы ввезти наши орудія на горы, припрягали лошадей... Всѣ были мокры по шею, въ морозъ, на свирѣпо дувшемъ ледяномъ вѣтру, на которомъ мокрыя руки застывали въ ничего не чувствовавшія деревяшки. Многіе отморозили себѣ уши. Обледенѣвшіе затворы не открывались.

Въ пятомъ часу стали подходить къ рѣкѣ передъ Ново-Дмитріевской. Въ авангардѣ шла первая рота Офицер. полка. Рѣка, оказалось, широко разлилась и мостъ подымался горбатымъ островомъ посреди нея. Изъ двухъ домовъ на берегу р[illegible] застава большевиковъ обстрѣ-

шла нашъ авангардъ, который разсыпался цѣпью по возвышенности. Застава скоро была выбита и ген. Марковъ, взявъ изъ домовъ хуторского, подошелъ съ нимъ къ мосту и приказалъ указать бродъ. Была послана конница по броду около моста и началась переправа: конные брали къ себѣ на крупъ пѣшихъ и перевозили. Ген. Марковъ все время стоялъ около моста и распоряжался. Корниловъ со штабомъ былъ въ это время на холмѣ нѣсколько выше, не доходя до рѣки.

Пулеметныя двуколки двинулись было на мостъ, начало котораго скрывалось подъ водою, но благополучно попасть на него съумѣла только первая, а вторая перевернулась и закупорила собою переѣздъ.

Всѣ пулеметы кромѣ одного, всѣ орудія и весь боевой обозъ должны были остаться по эту сторону рѣки. Войска пошли въ бой только съ одними винтовками.

Пока шла переправа, большевики обстрѣливали ее гранатами и шрапнелями. Гранаты, падая въ снѣгъ и размякшую глину, часто не разрывались, но одна принесла большія потери.

Около хатенки нѣсколько офицеровъ разожгли огонь, чтобы обогрѣться. Подошелъ къ нимъ и Корниловъ. Уже стемнѣло. Огонь, конечно, отлично былъ виденъ большевикамъ. Корнилова прямо силкомъ оттащилъ отъ огня его адъютантъ и едва онъ успѣлъ отойти на 20 шаговъ, граната упала точно въ самый костеръ и перебила всѣхъ сидѣвшихъ кругомъ его—человѣкъ восемь!

Первыми переправились два отдѣленія 1-го взвода 1-ой роты Офиц. полка — человѣкъ 18—20. Ген. Марковъ приказалъ имъ немедленно идти впередъ, сказавъ, что сейчасъ подойдетъ и самъ. Разсказываю далѣе о дѣйствіяхъ этой команды и началѣ атаки со словъ пор. 1 роты, **Михайлова**, бывшаго въ ея составѣ.

До станицы было версты полторы. Офицеры пошли по дорогѣ двумя колоннами въ 9 чел. каждая. Невдалекѣ отъ станицы идетъ балочка, черезъ которую переброшенъ мостъ. Перейдя его, офицеры поднялись на бугоръ и тутъ увидѣли себя вблизи станицы и — часового у ея окраины. Зная, что отрядъ Покровскаго могъ ранѣе занять станицу, они заговорили съ часовымъ, чтобы узнать, чей онъ: большевикъ-ли или нашъ?—можетъ быть Покровскій уже занялъ станицу. Въ это время они увидѣли колонну большевиковъ, выходившую изъ станицы вправо. Часовой на ихъ вопросъ отвѣтилъ, назвавъ ихъ „товарища!" Тогда они приказали ему бросить винтовку. Тотъ сталъ отстрѣливаться... Слѣва, гдѣ были окопы и стояли орудія, показались большевики. Офицеры залегли за плетень и завязали перестрѣлку. Въ это время подошло подкрѣпленіе, очень скупое какъ всегда, но съ нимъ аттака была начата. Офицеры заняли первый перекрестокъ станицы и, разсыпавъ цѣпь по поперечной улицѣ, пошли сквозь и станицѣ.

Съ первыми войсками вошелъ въ станицу и Корниловъ. Было уже совершенно темно. Справа и слѣва сыпятся выстрѣлы. Изъ проулковъ и хатъ выбѣгаютъ большевики и кричатъ: „Вы антоновцы?"—Антоновцы—одинъ изъ большевицкихъ начальниковъ.

Этимъ они выдаютъ себя. Въ отвѣтъ—хлопъ, хлопъ!—антоновцы лежатъ...

Корниловъ обходитъ хаты, собираетъ своихъ и направляетъ дальше.

Съ пятьюдесятью людьми онъ выходитъ на главную площадь. Изъ станичнаго правленія по нимъ открывается бѣглый огонь; изъ хатъ, выходящихъ на площадь —тоже.

— Стойте, не стрѣляйте!—кричитъ Корниловъ своимъ.—Можетъ быть это свои!

Онъ идетъ къ правленію. Оттуда съ ругательствами по нему—огонь пачками и залпами.

Онъ приказываетъ стрѣлять прямо въ окна и бросается къ правленію; за нимъ другіе. Изъ правленія задомъ ходомъ выскакиваетъ цѣлая толпа большевиковъ, изъ нихъ двое были убиты передъ самымъ Корниловымъ въ корридорѣ правленія.

— Тушите пожаръ!—кричитъ Корниловъ:—огонь показался въ комнатѣ, гдѣ былъ у большевиковъ складъ патроновъ.

И Корниловъ сталъ самъ считать ящики съ патронами.

— Слава Богу, трехлинейные!—говоритъ онъ. Трехлинейные т. е. годные для нашей трехлинейной винтовки!

Поздно ночью въ четвертомъ часу пришелъ Корниловъ къ себѣ. Онъ былъ веселъ, но обледенѣлъ почти до пояса—едва стянули съ него платье, чтобы обсушить. Онъ принесъ съ собою уже точный списокъ богатой добычи, которую армія захватила въ станицѣ, самъ назначилъ сторожевое охраненіе и только послѣ этого пошелъ отдохнуть.

— Ну ужъ денекъ былъ!—сказалъ онъ, —буду его помнить!

На утро однако денекъ могъ начаться еще злѣйшій!

Весь боевой обозъ и вся артиллерія остались отрѣзанными за рѣкою, а Покровскій не пришелъ и не давалъ о себѣ извѣстія.

Пока переправа продолжалась, обозъ и бывшія съ нимъ „команды продолжали стоять среди безконечной лужи воды, перемѣшанной со снѣгомъ, подъ ледянымъ вихремъ. Нѣкоторые отъ утомленія ложились прямо въ снѣгъ и засыпали, но ихъ будили, чтобы не замерзли. Главное начальство все уѣхало въ станицу, откуда неслась ожесточенная трескотня быстрѣловъ. На этомъ берегу остался изъ него только ген. Алексѣевъ, коляска котораго завязла въ топи и на другой день ее пришлось вырубать изъ заледенѣвшаго поля... Впередъ — дороги нѣтъ, назадъ — тоже, ждать на мѣстѣ—пропадешь отъ мокроты и мороза!

Вмѣсто Покровскаго откуда-то слухъ: что имъ присланъ Корнилову донесеніе, „стою передъ непроходимою рѣкою, что дѣлать?“, слухъ невѣрный, такого донесенія не было.

Къ Алексѣеву подошелъ полк. Патроновъ и сказалъ:

— Здѣсь мы весь обозъ потеряемъ. Въ станицѣ бой и когда и чѣмъ онъ кончится—неизвѣстно. Надо идти подъ крышу и увести лошадей.

Алексѣевъ приказалъ идти на хутора, въ пяти верстахъ отъ рѣки и тамъ ночевать. На полдорогѣ лошади стали окончательно. Чтобы ихъ спасти и на ночь все же укрыть подъ кровлю, безъ чего онѣ конечно передохли бы къ утру—всѣ онѣ были во льду, какъ въ попонахъ!—пришлось ихъ выпрячь, оставивъ пулеметы, орудія, кухни, снаряды все въ полѣ, прикрывъ что можно брезентами.

Захваченные крайностью, бойцы все еще боролись и—выдержали борьбу!

На хуторѣ кое какъ обогрѣлись... Пастухи отдавали овецъ прямо даромъ:

— Вчера были безъ корма. Завтра тоже будутъ безъ него, а тамъ все равно передохнутъ... Такъ уже бери, чего тутъ!..

На утро двинулись собирать оставленное... По всей дорогѣ было разбросано всякое имущество, которое сбрасывалось съ повозокъ по частямъ, чтобы облегчить лошадей, пока онѣ еще не стали совсѣмъ—ящики, тюки, „цинки“ (цинковыя коробки съ патронами) и т. д. Молчаливо и сиро ждали вниманія къ себѣ орудія... На розвальняхъ проѣхалъ Алексѣевъ, который тотчасъ же приказалъ собирать цинки, складывая ихъ въ пирамидки, и вдоль дороги выросли монументы изъ цинокъ, пока ихъ не забрали на повозки всѣ.

Былъ моментъ переполоха... Показались цѣпи конницы, быстро приближавшіяся... Оказалось—наши!

Если бы большевики имѣли предпріимчивость, чтобы хотя послѣдить за врагомъ! Какой безпомощный разгромъ былъ бы неминуемъ для арміи, разрѣзанной на двое такъ удачно: пѣхота осталась безъ артиллеріи, а артиллерія безъ пѣхоты, своей необходимой защитницы!

А стояли большевики очень близко: съ хуторовъ желѣзнодорожная линія была видна всего въ 5 верстахъ!

———

Въ утро 15 марта, отрядъ Покровскаго вышелъ изъ Калужской въ Ново-Дмитріевскую въ 9 ч. утра и къ 3 ч. дня, когда нашъ лазаретъ пришелъ въ Калужскую, мы уже застали весь отрядъ спящимъ водворившимся по хатамъ.

Рѣчка, вѣрнѣе промоина, черезъ которую переходъ по увѣренію Покровскаго будто бы былъ невозможенъ, была всего въ двухъ верстахъ отъ Калужской т. е. войска къ ней подошли въ самомъ началѣ дождя. И вотъ—перейти ее стало уже нельзя!!

Посмотрите, однако, на карту—она изобличаетъ ген. Покровскаго въ служебномъ преступленіи и въ народномъ предательствѣ. Ибо генералъ не можетъ, не имѣетъ права дѣлать такихъ „ошибокъ“ не сознательно! На то онъ не прапорщикъ, а генералъ!

Всѣ рѣчки, ручьи и промоины, пересѣкавшія дорогу отряду Покровскаго, пересѣкали дорогу и отряду Корнилова съ тою только разницей, что дорогу Покровскаго они пересѣкали въ 5 верстахъ отъ своихъ верховьевъ, а дорогу Корнилова—въ 10 верстахъ, т. е. будучи тутъ вдвое глубже и вчетверо многоводнѣе!

Кромѣ того къ этому „непреоборимому“ препятствію Покровскій подошелъ утромъ, когда дождь только что еще начался, а Корниловъ долженъ былъ переходить его вечеромъ, когда дождь лилъ уже 10 часовъ и Корниловъ и его отрядъ все таки —перешелъ!

Это говоритъ карта и точные факты да
А вотъ и показанія прямыхъ очевидцев
и непосредственныхъ свидѣтелей дѣла.

Я указываю точныя названія частей
лицъ.

Вторая кубанская Офицерская сот
нашла бродъ черезъ промоину и одни
всадникъ уже былъ на другомъ берег
когда пришло приказаніе Покровска
отойти по невозможности будто-бы пер
правы.

Промоина была не топкая. Черезъ н
положенъ былъ мостъ, который былъ
много поврежденъ, вода шла на четверт
выше его, но пѣшимъ вполнѣ можно бы
переходить по нему, да кое-кто и перешел
Берега и дно промоины были тверды
не какъ позднѣе подъ Медвѣдовской, г
войск. ст. Кротовъ былъ затянутъ топ
на глазахъ всего отряда и никто не мог
ему помочь...

Командиръ сотни войск. стар. З. оч
горячился, настаивая на переходѣ:

— Мы подведемъ Корнилова, если
перейдемъ! Надо и можно перейти! Ко
пиловцы переходили-же рѣки по гор
Пулеметы у насъ вьючные. Пусть пере
детъ хотя конница!

Но приказъ не былъ отмѣненъ и По
ровскій не пріѣхалъ провѣрить лично—то
но ли невозможна переправа, изъ за че
онъ оставилъ вторую половину ар
безъ поддержки въ рѣшительную мину
труднаго штурма!

Какъ генералъ и главнокомандующ
онъ не могъ не понимать, что будетъ ра
бытъ Корниловъ, и его, Покровскаго, о
рядъ будетъ весь уничтоженъ!

И—все таки!..

И если бы тутъ у брода явился Корн
ловъ и передъ нимъ сталъ виновный По
ровскій—развѣ не предательствомъ арм
назвалъ бы „желѣзный“ генералъ пост
покъ Покровскаго?!

Сошлюсь на всѣхъ, знавшихъ Корнило

———

Въ Ново-Дмитріевской большевики все время обстрѣливали насъ изъ сосѣдней станицы, Григорьевской, пока мы не взяли и ее.

На второй день граната разорвалась какъ разъ передъ окномъ, передъ которымъ у себя въ дому стоялъ Корниловъ. Онъ выбѣжалъ въ комнату рядомъ къ адъютантамъ.

— Смотрите, что такое!

Онъ весь былъ облитъ грязью, съ ногъ до головы, но раны—ни одной.

Три дня мы переводили духъ въ Калужской—едва перевели! Лошади понемногу оправились, люди отогрѣлись. Много говорили объ отставшихъ и будто бы замерзшихъ... Такихъ, слава Богу, не было, но только потому, что многіе по дорогѣ заѣхали на хутора и лишь на другой день добрались въ Калужскую. Въ обыкновенную погоду это значило бы безспорно рисковать жизнью, ибо разъѣзды большевиковъ рыскали по окрестностямъ, но въ такую вьюгу и это прошло безнаказанно: большевики сидѣли въ теплѣ по хатамъ.

Если бы такой переходъ случился, напримѣръ, передъ Киселевскими хуторами, гдѣ не оказалось ни хать, ни фуража, ни продовольствія, — Корниловъ бы конечно вывелъ къ спасенію боевыя войска, но обозу и всѣмъ „главнымъ силамъ“ арміи пришелъ бы невозвратный конецъ!! И все изъ за неумѣлаго интенданта, начальника снабженія и организатора обоза!

Боже мой, Боже мой! Какимъ числомъ, какихъ жизней, полныхъ кипучей силы, самоотверженія и доблести поплатилась армія за преступное и поверхностное генеральствованіе ген. Эльснера въ роли главнаго интенданта Добровольческой арміи.

Неужели же человѣкъ самъ не видѣлъ съ первыхъ же дней всю непригодность свою къ взятому на себя дѣлу и обязанность свою отказаться отъ него при такой безуспѣшности результатовъ!?

Въ Калужской произошло раздраніе собственныхъ ризъ начальника лазарета ради нуждъ раненыхъ. Такъ доняли начальство ихъ бѣдствія! Полк. Грешнеръ убѣдился, наконецъ, что дѣйствительно необходимо обозначать отдѣленія лазарета на время переходовъ флажками,

чтобы каждая подвода сама видѣла, гдѣ идетъ ея отдѣленіе, и гдѣ первая его подвода, на которой долженъ находиться врачъ, санитаръ, питьевая вода и все необходимое для ухода за ранеными во время пути.

Но откуда взять красную матерію для нашивки крестовъ на флажки?

Смотрю—вынимаетъ полковникъ изъ тощаго своего вещевого мѣшка розовую рубашку—послѣднюю: всѣ мы были нищи бѣльемъ!—и отдаетъ на разрѣзку.

Истинная жертва гражданина!

Рубашка была разодрана на полосы, но... на все число флажковъ ея не хватило, и день-два повисѣли флажки въ разныхъ концахъ станицы, а въ переходъ лазаретъ пошелъ всетаки по прежнему безъ флажковъ—на всѣ-де отдѣленія ихъ не хватаетъ!—и въ Ново-Дмитріевскую пришелъ не вовсе стадомъ только потому, что въ пути штабъ на этотъ разъ отсутствовалъ и не было сдѣлано ни одного „перестроенія“...

Оправившись въ Калужской отъ „ледянаго похода“, какъ прозвали у насъ переходъ 15 марта, мы, обозъ и раненые, перешли въ Ново-Дмитріевскую.

Вечеръ и ночь 17 марта, за день до нашего прихода, были очень тревожные въ станицѣ.

У Корнилова собралось общее совѣщаніе представителей обѣихъ армій и Кубанскаго правительства для установленія основаній совмѣстныхъ дѣйствій обѣихъ армій.

Кубанскіе политики очень безпокоились этимъ, боясь, что при Корниловѣ они потеряютъ всякую самостоятельность дѣйствій.

Филимоновъ, наказный атаманъ Куб. войска, для начала преній сказалъ, что надо опредѣлить взаимоотношенія обѣихъ армій и что кубанская армія должна при этомъ сохранить свою „автономію“.

Корниловъ отвѣчалъ, что онъ и не думает подавлять самостоятельности Кубани, к чемъ бы то не было, но въ военномъ дѣ должно быть единство командованія и, ес у кубанцевъ есть генералъ, который мог бы командовать обѣими арміями, то он Корниловъ, готовъ немедленно переда ему командованіе и это очень облегчи его, а если у нихъ такого генерала нѣт то они должны подчиниться тому, кто д этого есть въ Добровольческой арміи.

Покровскій возразилъ, что кубанск правительство много поработало надъ со даніемъ своей арміи и на нее произве бы дурное впечатлѣніе, если бы она уз дѣла, что ее передали „пришлецамъ“. Онъ выразился именно такъ,— вообщ очень неудачно по формѣ: ораторъ он плохой.

Алексѣевъ вспылилъ, хлопнулъ по стол своей фуражкой и сказалъ:

— Вы... не знаю какъ васъ величат полковникъ или генералъ (Покровскій бы безъ погонъ), говорите отъ лица свое самолюбія и только! И мы могли бы ск зать кое что о трудахъ, положенныхъ на на созданіе Добровольческой арміи, но т перь не время считаться личными прете зіями. Надо говорить объ общихъ интер сахъ общаго дѣла! А что до недовольст будто бы Кубанской арміи ея переводо въ составъ арміи Добровольческой, то долженъ сказать, что она почти вся у сама перешла!

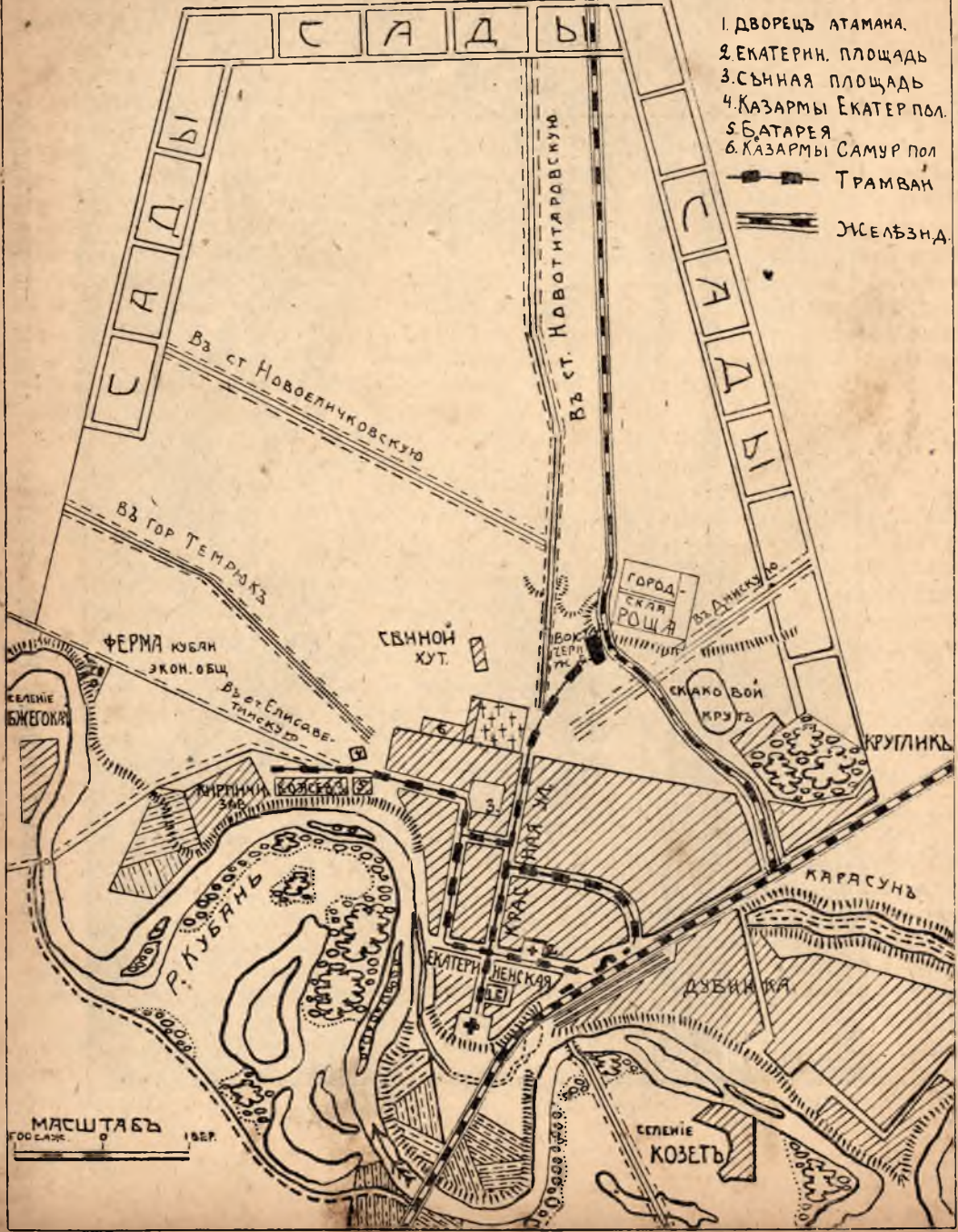
Поднялся командиръ Черкесскаго пол и сказалъ, обращаясь къ Корнилову:

— Я имѣю порученіе отъ моего пол заявить вашему высокопревосходительств что съ самаго вступленія вашего на зем Кубанскаго войска мой полкъ находил и находится въ вашемъ распоряженіи мы готовы исполнить всякое приказан которое вы намъ дадите.

Въ это время большевики откры сильнѣйшій огонь по станицѣ и круго

Переправа черезъ Кубань противъ станицы Елизаветинской.

ПЛАНЪ ЕКАТЕРИНОДАРА.



квартирѣ Корнилова, гдѣ происходило совѣщаніе, гранаты стали падать прямо надъ нами. На окраинѣ станицы раздались выстрѣлы, прискакалъ оттуда черкесъ и сообщилъ, что большевики атакуютъ и уже вступили въ станицу.

Корниловъ, посмотрѣвъ на карту, спокойно переспросилъ:—„Откуда идетъ ихъ наступленіе?“ —и услышавъ районъ станицы, сказалъ:

— Это невозможно,—оттуда наступленія не можетъ быть! Это—мѣстные!

На раду и Покровскаго гранаты и тридцатня выстрѣловъ, видимо, произвели сильное впечатлѣніе. Наши же какъ извѣстно на этотъ счетъ и Корниловъ, и Алексѣевъ, и Деникинъ и всѣ прочіе—совершенно металическіе идолы: видятъ какъ будто ничего особеннаго кругомъ ихъ не происходитъ. Покровскій приказалъ готовить лошадей, а Филимоновъ просилъ Корнилова ускорить рѣшеніе вопроса, рѣшеніе котораго много затянулось, да и огонь непріятеля вынуждаетъ къ этому.

Корниловъ съ добродушнѣйшей усмѣшкой отвѣтилъ:

— Но я прямо не понимаю васъ: вѣдь я же сказалъ вамъ, что командованіе должно быть въ однихъ рукахъ и, если у васъ есть генералъ, который могъ бы взять его, я готовъ ему подчиниться немедленно, а если онъ, то вы должны подчиниться тому, кого изъ этого имѣетъ Добровольческая армія!

Спорить было—ясно—не о чемъ, и былъ тутъ-же написанъ протоколъ о соединеніи обѣихъ армій.

Идя съ совѣщанія члены кубанскаго правительства и рады страшно ругали черкесовъ, что они испортили все дѣло:—безъ ихъ вмѣшательства можно было бы договорить у Корнилова „условія“!

Да таковъ былъ этотъ желѣзный человѣкъ—какъ же!!

———

У Корнилова былъ особый талантъ—свои операціи вести на глазахъ у всѣхъ, но такъ, что никто не зналъ, что завтра будетъ и куда мы бросимся своей арміей.

До сихъ поръ мы шли по общему мнѣнію арміи въ ст. Ключевую-Горячеводскую и далѣе въ горы. Но вотъ дѣлается какъ будто случайный боковой ударъ на Ново-Дмитріевскую, и мы нечаянно для насъ видимъ себя стоящими всего въ 25 верстахъ отъ Екатеринодара лицомъ къ нему и на дняхъ очевидно будемъ штурмовать его и возмемъ его, и войдемъ въ него!..

Вмѣсто этой грязной хмурой глуши кругомъ насъ будетъ пестрая жизнь богатаго и людьми и всякими утѣхами и удобствами города, преизобильнаго запасами!

Помилуй Богъ, какая внезапная перемѣна! Какъ интересно идти съ Корниловымъ!

———

Въ Ново-Дмитріевской была значительно увеличена коллекція заложниковъ, которыхъ мы вели съ собою... Около 50 человѣкъ сидѣло ихъ въ небольшой комнатѣ станичнаго управленія—все сѣрыя, малозначительныя лица... Былъ одинъ священникъ—бывшій дьяконъ, который донесъ на своего священника большевикамъ, что тотъ онъ корниловецъ. Священника большевики убили, а дьякона сдѣлали священникомъ, но пришелъ Корниловъ и дьяконъ былъ схваченъ и присоединенъ къ числу кандидатовъ на висѣлицу, шедшихъ за обозомъ... Дѣла о нихъ постепенно разсматривались корпуснымъ судомъ, дѣйствовавшимъ въ арміи, и о приговорахъ все населеніе и армія узнавали время отъ времени безъ всякихъ оповѣщеній: на площади передъ станичнымъ управленіемъ армія уходя оставляла нѣсколько висящихъ безмолвныхъ труповъ. Въ Ново-Дмитріевской было повѣшено одиннадцать человѣкъ. Первый изъ нихъ, главный, оказался человѣкъ

съ характеромъ. Онъ самъ надѣлъ на себя петлю и оттолкнулъ скамью. Онъ сорвался и второй разъ опять самъ надѣлъ петлю. Зрѣлище волновало присутствующую толпу мало: все это были явные враги и притѣснители населенія и сорвись они съ висѣлицы—имъ все равно не уйти бы черезъ толпу: пришибли бы!..

Вечеромъ много толковъ возбудилъ далекій грохотъ тяжелыхъ орудій въ сторонѣ Екатеринодара, какъ будто—за нимъ... Опять стали говорить о чешско-словацкомъ корпусѣ, взявшемъ будто бы Ростов и теперь съ сѣвера атакующемъ Екатери нодаръ... И малоѣроятнымъ это казалось и правдоподобнымъ: почему бы въ самом дѣлѣ этому не быть? Развѣ не столь ж сказочнымъ походомъ подошли мы сам къ Екатеринодару съ юга?!

Одинъ изъ штабныхъ меня разочаровалъ

— Это большевики стрѣляли изъ тяже лыхъ орудій по нашему разъѣзду. А да лекимъ гулъ орудій показался потому, чт вѣтеръ—въ сторону и довольно сильны

ОСАДА ЕКАТЕРИНОДАРА.

Занятіемъ на ст. Георгіе-Афипскую
ъ начать штурмъ Екатеринодара. Стан-
ста--всего въ 15 верстахъ отъ Екатери-
дара, отдѣлянсь отъ него быстрой и глу-
ой здѣсь Кубанью. Она была воротами
атеринодара и въ ней были большіе
ады всякихъ запасовъ; кромѣ того че-
ь нее шло прямое сообщеніе Екатери-
дара съ Новороссійскомъ. Все это дѣла-
ее очень важнымъ пунктомъ для боль-
виковъ. И потому то въ нее и направ-
ъ былъ Корниловымъ стремительный
ръ всѣхъ силъ, чтобы разомъ вспало-
ть большевиковъ и вызвать къ этой
ницѣ сосредоточеніе ихъ силъ, отвлекая
ь вниманіе отъ западной стороны горо-
съ которой собственно и предполагался
ъмъ его и гдѣ нужно было сумѣть за-
овременно захватить паромъ на Ку-
и противъ станицы Елисаветинской.
то былъ частый пріемъ Корниловской
атегіи: авангардъ бьетъ позицію врага
мо въ лобъ, она потрясена, и против-
е еле удерживаетъ ее, почему и стягива-
къ ней отовсюду свои силы. Въ это время
правленіе удара вдругъ поворачивается,
ъ на оси, авангардъ дѣлается арьергар-
ъ, главныя силы быстро проходятъ въ
рону на 10-15 верстъ и ударъ ужъ не
ого авангарда, а всей арміи обрушива-
я нежданно въ совсѣмъ другомъ пунк-
опрокидывая всякое сопротивленіе.
акъ было при переходѣ черезъ желѣз-
дорогу у Новолеушковской. Такъ бы-
и на Афипской...

Подготовляя штурмъ Афипской Корни-
ъ приказалъ Богаевскому (2-я бригада:
ниловскій и Партизанскій полки) за-
нять Григорьевскую и Смоленскую ста
ницы.

Въ глухую полночь на 23 марта корниловцы выступили къ Григорьевской. Предполагалось захватить ее врасплохъ, но большевики видимо были предупреждены своими шпіонами въ Ново-Дмитріевской: Первая линія ихъ заставъ встрѣтила наши войска безпорядочными залпами и отступила въ станицу. Огонь большевиковъ, винтовочный и пулеметный, сразу достигъ наивысшаго напряженія. По дорогѣ идти было невозможно—пулеметы, очевидно прицѣленные заранѣе, мели по ней прямо дождемъ пуль. Пришлось вести наступленіе напрямикъ полемъ, по грязи и водѣ, въ совершенной темнотѣ, каждый шагъ нащупывая передъ собою—не топь-ли?! Разстоянія сейчасъ же стали такъ близки, что команды большевиковъ были ясно слышны нашимъ, чѣмъ они и пользовались: затяжно раздавалась въ темнотѣ впереди команда къ залпу: „Рота-а-а!“ и корниловцы всѣ падали на земь, „...—пли!!“—пули съ тонкимъ визгомъ мгновенной тучей пролетали надъ упавшими и—цѣпь опять вскакивала и бросалась впередъ. Опять: „Рота-а-а!...“, цѣпь опять падала, залпъ проносился надъ нею и она поднималась опять. Отъ винтовочнаго огня потери были невелики, но огонь пулеметовъ былъ жестокъ и упоренъ. Пулеметчики стояли крѣпко на своихъ мѣстахъ, допуская насѣдать на нихъ прямо въ ручную...

Къ разсвѣту Григорьевская была взята. Большевики бѣжали. Запоздавъ отступленіемъ, нѣсколько пулеметовъ застряло въ тупикахъ станичныхъ улицъ и было нами

захвачено. Это были орудія все новенькія, „съ иголочки". Ихъ взяли въ полкъ, гдѣ они работаютъ доселе.

Партизанскому полку было поручено въ то же время захватить Смоленскую.

Командиромъ полка въ Ново-Дмитріевской былъ назначенъ ген. Казановичъ—ген. Богаевскій получилъ командованіе 2-й бригадой (Корниловскій и Партизанскій полки). До этого ген. Казановичъ шелъ простымъ стрѣлкомъ съ Корниловскимъ полкомъ, гдѣ о спокойствіи его и хладнокровіи въ самые горячіе моменты боя вскорѣ стали говорить.

Однажды, когда цѣпь, съ которою онъ шелъ, стала отступать, онъ остался на своемъ мѣстѣ, сказавъ спокойно:

— Я не отступаю!

Цѣпь отошла, а онъ лежалъ и отстрѣливался, и дождался, пока цѣпь не начала наступать вновь и не вернулась къ нему.

Когда ему поручались отдѣльные участки боя, дурныя извѣстія въ этомъ мѣстѣ словно прекращались.

— Ваше п-во, большевики обходятъ слѣва —докладываетъ запыхавшійся ординарецъ.

— Ну и хорошо. Слѣва—вы говорите? Это очень хорошо!—говоритъ генералъ тономъ точно онъ ждалъ именно этого извѣстія, чтобы быть вполнѣ довольнымъ всѣмъ ходомъ боя.

— Справа за хуторомъ показалась конница, в. п-во! Двѣ сотни съ пулеметомъ!

— А, хорошо! Вотъ она гдѣ!—отзывается генералъ, явно весьма удовлетворенный тѣмъ, что сейчасъ узналъ.

По самому складу такой кабаньей, увѣренной въ себѣ натуры генералъ былъ склоненъ къ лобовымъ атакамъ, не теряя времени на особые маневры, но въ Смоленской маневръ вышелъ самъ собою.

Лѣсъ по дорогѣ къ станицѣ кончался низменнымъ широкимъ выгономъ, вокругъ котораго подковой съ обращенными къ намъ концами шелъ глубокій изгибъ омутистой рѣки. На другомъ высокомъ берегу расположена была станица, охвачен[ная] изгибъ рѣки узкимъ рядомъ хатъ.

Позиція была превосходная но не [ис]пользовались большевики ею плохо. [Они] поставили по концамъ станицы по пулемет[у] и правый (отъ насъ) свободно обстрѣливал[ъ] всю нашу низину, а лѣвый стоя на самом мосту имѣлъ въ упоръ за собою хат[ы] станицы, а съ нашей стороны къ не[му] всего на 30 шаговъ подходилъ лѣсъ, [и] позволяя удобно подойти вплотную.

Ген. Казановичъ послалъ сначала сотн[ю] одну роту въ атаку... Неудача тяжел[ая] изъ 80 человѣкъ пошедшихъ уцѣл[ѣло] меньше сорока. Тѣмъ временемъ розыскал[и] мостъ противъ лѣваго конца деревни.

Первый пущенный въ атаку взво[д] былъ еще на его серединѣ когда, раздала[сь] команда общей цѣпи: „Цѣпь встать!" ген. Казановичъ съ какимъ-то дрекольем въ рукѣ вмѣсто обычной своей палочк[и] (онъ прихрамываетъ отъ раны) выскочил[ъ] изъ за дерева съ крикомъ: „Партизаны [за] мной!" и бросился на мостъ. Вся цѣпь [за] нимъ. Прежде чѣмъ войска большевиков[ъ] оттянутыя на другой конецъ для проти[в] дѣйствія аттакѣ, успѣли вернуться, полов[ина] станицы была захвачена. Послѣ часов[ого] боя по хатамъ большевики отступили.

Для занятія ст. Афипской планъ Корни[лова] заключался въ томъ, что бригада М[ар]кова (Офицерскій и Куб. 1 стр. полк[и] должна была сдѣлать демонстрацію [и] начать рано утромъ аттаку станицы „[в] лобъ, чтобы отвлечь на себя вниманіе [и] силы большевиковъ, а Богаевскій съ ко[р]ниловцами и партизанами долженъ бы[лъ] обойти станицу слѣва и взять ее фланг[о]вымъ ударомъ.

Офицерскій полкъ долженъ былъ выст[у]пить въ 4 ч. утра 24 марта. Къ тому време[ни] онъ и былъ собранъ. Но произошла [за]чемъ-то заминка и Марковъ, словно им[ѣя] „пустое" время, сталъ обходить части, [у] каждой говоря рѣчи. Третьей ротѣ о[н] сказалъ кратко: „Ну, третью роту нечег[о]

...ть сражаться—у нея надо учиться!" По другимъ частямъ говорилъ больше, предупреждалъ, что въ Екатеринодарѣ мы ...ѣе трехъ дней не останемся. Наконецъ, ...пулись. Дорога оказалась очень тяжелая, въ конецъ размякшая. Чтобы вывозить пушки, пришлось припрягать быковъ.

Въ шестомъ часу колонну догналъ Корниловъ. Онъ удивился, что войска еще въ ...и и сильно выговорилъ Маркову за ...ланіе. Онъ поѣхалъ съ колонной.

Около 7 часовъ, когда былъ уже „бѣлый день", войска подошли къ желѣзно-дорожной линіи на 700 шаговъ и съ этого разстоянія по нимъ большевики вдругъ открыли огонь изъ шести пулеметовъ, кромѣ ружейнаго залпами и „пачками".

— Вотъ что вы надѣлали!—крикнулъ Корниловъ Маркову.

Дѣйствительно большевики очевидно проспали и приди Марковъ къ желѣзнодорожной линіи всего на часъ раньше, онъ захватилъ бы ихъ врасплохъ.

Теперь же въ расплохъ, оказались скорѣе захвачены мы.

Отъ перекрестнаго ружейнаго и пулеметнаго огня талая вода, стоявшая озеромъ по всему полю, прямо кипѣла—каждая пуля поднимала изъ нея фонтанчикъ воды. Нашъ боевой обозъ былъ на совершенно открытомъ мѣстѣ въ походной колоннѣ, перемѣшанный съ частями войскъ. Укрыться было некуда—кругомъ болотистая равнина и онъ порядкомъ пострадалъ.

Артиллерія наша немедленно съ мѣста открыла сильный огонь.

Передъ обозомъ проходила ложбинка, въ которой бѣжалъ ручей. Далѣе онъ обдѣланъ былъ въ дренажную канаву съ валами по обѣ стороны. Онъ оказался для насъ какъ нельзя болѣе кстати, точно нарочно приготовленный со своими валами продолжить намъ роль „дамбы", отвѣтной и параллельной въ желѣзно-дорожной насыпи, за которою скрывались большевики.

Корниловъ приказалъ Офицерскому полку ложбиной ручья пройти къ „дамбѣ" и тамъ залечь. 1-я и 2-я рота выдвинуты были затѣмъ впередъ за дамбу въ кустарникъ, чтобы начать наступленіе, но жестокій пулеметный огонь не позволилъ имъ пройти далѣе 300 шаговъ отъ „дамбы", гдѣ они и остановились. Вдоль „дамбы" на сухихъ парапетахъ за валомъ расположились 3-я и 4-я роты Офицерскаго полка, за ними—перевязочный пунктъ съ д-мъ Ревякинымъ, работавшій подъ огнемъ.

Влѣво были посланы кубанцы, занявшіе тоже неподвижныя позиціи.

Все время большевики поддерживали жесточайшій огонь съ полуверсты разстоянія. Нельзя было поднять голову надъ „дамбой"—по гребню ея все время стригъ траву пулеметный обстрѣлъ. По отдѣльному ординарцу, выбѣжавшему отъ одной части къ другой, начиналъ немедленно стрѣлять пулеметъ.

Въ 4 ч. было получено извѣстіе, что станція занята войсками Богаевскаго.

1 и 2 роты Офицерскаго полка послѣ отхода большевиковъ перемѣнили свой фронтъ и заняли линію наискось полотна желѣзной дороги, причемъ 1-я рота его пересѣкла.

Обходъ Богаевскаго на Афипскую удался вполнѣ, хотя противникъ выдвинулъ большія силы. Изъ Смоленской станицы бригада Богаевскаго выступила рано по утру 24-го и, пройдя немного, вдругъ увидѣла, что рядомъ съ нею, но ей въ встрѣчу идетъ за балкой колонна большевиковъ: авангардъ нашъ оказался противъ арьергарда большевиковъ, а ихъ авангардъ противъ нашего арьергарда. Мы развернули цѣпи на бугрѣ выгодно для насъ и онѣ двинулись, загибая съ фланга. Большевики видимо были мѣстные. Они еще кое-какъ способны на лобовую атаку, но какъ только видятъ обходъ—никакой стойкости въ тыловой оборонѣ и бѣгутъ

Такъ было и здѣсь—бой былъ короткій на ходу. Версты за четыре до Афипской изъ Новороссійска подкатилъ бронированный поѣздъ и началъ обстрѣлъ орудіями и пулеметами. Противъ него заслономъ выдвинуты были „старики"—добровольцы изъ Григорьевской и Смоленской станицъ, а вся остальная бригада прошла прямо на Афипскую.

„Старики" повели свое дѣло отлично... Мѣсто было все залито водою. Броневикъ чертилъ пулеметами линіи по водѣ, ясно видныя по вспрыгивающимъ фонтанчикамъ отъ пуль... Вотъ бѣжитъ эта линія по водѣ. прямо на цѣпь „стариковъ":

— Та-та-та-та!..

Она уже совсѣмъ близко отъ цѣпи и „старики" разомъ—бултыхъ въ воду и фонтанчики бѣгутъ линіей передъ ними въ 10—15 шагахъ...

Пробѣжала линія, и „старики" вскакиваютъ и опять впередъ... Опять издали со стороны набѣгаетъ пулеметная линія:

— Та-та-та-та!..

„Старики" останавливаются, ждутъ и опять — бултыхъ! опять вскакиваютъ и впередъ — дѣлаютъ свои „100 шаговъ"...

— Да, что они — утки что-ли? — воскликнулъ ген. Казановичъ, глядя на нихъ. Надо ихъ вынуть изъ воды. Пошлите отвести ихъ на сухое мѣсто. А — молодцы!

Большевики очистили станицу, не ожидая нападенія, и она была занята нами безъ боя — обстрѣлъ съ броневиковъ конечно не въ счетъ! На станціи было захвачено три вагона снарядовъ, великая драгоцѣнность для насъ. Одинъ изъ нихъ загорѣлся, и два другихъ пришлось откатывать среди взрывовъ снарядовъ и разлета осколковъ. Ихъ откатили, но человѣкъ восемь было перерѣзано въ этой адовой пасти, вдругъ открывшей свой зѣвъ...

Корниловъ уѣхалъ съ расположенія Оф. полка около двухъ часовъ дня и въ четвертомъ ѣхалъ къ бригадѣ Богаевскаго, кот ординарецъ привезъ ему извѣстіе, станція взята. Оно было для него неожи данной радостью. Онъ поскакалъ на во залъ.

Тамъ ждалъ его Нѣжинцевъ. Перв вопросъ Корнилова ему былъ:

— Снаряды взяты (въ числѣ добычи станціи)?

— Такъ точно, в. в-во — 700 снарядо

— Слава Богу, слава Богу! — Кор ловъ перекрестился. — Ну теперь у на есть съ чѣмъ штурмовать Екатеринодар

Нѣжинцевъ показалъ ему на полкъ, в строенный въ отдаленіи и ждавшій его.

— Ахъ, да... Простите!

Корниловъ во весь карьеръ, сопров ждаемый конвоемъ, поскакалъ къ полку у самаго фронта разомъ осадилъ ко такъ что тотъ почти сѣлъ на крупъ передними ногами прямо врылся землю.

— Спасибо мои орлы!—громко и р достно крикнулъ Корниловъ своимъ уда никамъ.—Благодарю васъ за блестящ дѣло и еще разъ за то, что захват снаряды! Низко вамъ кланяюсь!

И генералъ, снявъ папаху, низко клонился полку.

Станица однако продолжала обстрѣл ваться большевиками съ блиндированна поѣзда и, когда Корниловъ вошелъ въ ф веденный ему домъ, шрапнель разорвала у самаго крыльца и пуля, пробивъ кося двери, пролетѣла надъ самою головой Ко нилова и гвоздемъ стукнула въ полъ.

— Сохраните ее, ханъ! — сказалъ Ко ниловъ адъютанту, хану Хаджіеву.

Захватъ снарядовъ въ Афипской имѣ огромное значеніе для всѣхъ дальнѣйши операцій арміи.

Никто не повѣритъ, съ какимъ ничт жнымъ количествомъ снарядовъ сдѣла весь свой походъ и выиграла 30 боев нанеся противнику урона до 40 тысяч бойцовъ. Добровольческая армія!

На основаніи разсказовъ изъ штаба и по опредѣленіямъ на глазъ, всегда преувеличеннымъ, многіе, описывавшіе походъ, говорятъ о крупныхъ сотняхъ и даже тысячахъ снарядовъ, захваченныхъ нами тамъ и тамъ. Истина въ томъ, что за весь походъ было получено и взято нами слѣдующія количества снарядовъ: въ Ольгинской мы взяли 250 шт. и 300 шт. въ Мечетинской, въ Кореновской въ двухъ вагонахъ оказалось 500 шт. и въ Афипской — 700. Всего — 1,750. Да еще 300 снарядовъ, съ которыми мы вышли изъ Ростова. Вотъ — все! Съ этими двумя тысячами—точнѣе: 2050 снарядами—сдѣланъ былъ весь походъ и проведенъ былъ штурмъ Екатеринодара!

Въ Афипской я зашелъ въ штабъ и нашелъ тамъ въ пріемной полк. Б—ча... Лежитъ на кушеткѣ съ ногами, прикрытыми пледомъ, и сіяетъ, какъ именинникъ.

— Что, вы ранены?

— Нѣтъ — отдалъ сапоги починить, вотъ и долженъ лежать султаномъ...

— А почему такъ радуетесь?

— Кажется порядочно снарядовъ взяли!.. И патроновъ также!

Я слышалъ раньше, что рѣшено было, что если въ Афипской будетъ нами взято тысячи $1^1/_2$—2 снарядовъ, то аттаковать Екатеринодаръ немедленно... Если же добыча окажется меньшей, то идти въ Ейскій округъ, кругомъ Екатеринодара, тамъ поднять казачество, уже начавшее серьезно волноваться противъ большевиковъ, и, увеличивъ живую массу арміи, силою этой массы, если ужъ не силою артиллеріи, аттаковать городъ.

Взяли въ дѣйствительности всего 700 снарядовъ и—двинулись на штурмъ Екатеринодара.

В Афипской обозъ нашъ былъ оставленъ всего нѣсколько часовъ и вышелъ изъ нея на аулъ Пенахесъ. Тамъ наши „главныя силы" пробыли сутки, готовя обозъ къ передвиженію по затопленнымъ поймамъ Кубани, а конница наша прошла дальше и лихимъ налетомъ захватила паромъ противъ ст. Елисаветинской, стоящей къ западу въ 18 верстахъ отъ Екатеринодара на самомъ берегу Кубани.

Отвлеченные ударомъ по Афипской, ожидая нашего дальнѣйшаго нападенія съ юга-же, большевики и не думали конечно о какихъ-то тамъ паромахъ далеко въ сторонѣ. Между тѣмъ, отведи они ихъ и переправа черезъ Кубань стоила бы намъ огромныхъ потерь и хорошо если только одну недѣлю задержки! У Корнилова несомнѣнно было свое „счастье"—какъ у всякаго Цезаря!

Въ Пенахесѣ этого желѣзнаго человѣка ждало потрясеніе: къ нему пришелъ офицеръ и сообщилъ, что есть заговоръ — убить его.

Корниловъ былъ ошеломленъ и долго не могъ овладѣть собою:

— Я все дѣлаю, чтобы спасти армію и Россію, ежечасно рискуя жизнью, а они убить меня хотятъ!

Такіе слухи и замыслы ходили и раньше: составъ арміи былъ чрезвычайно пестръ и тайная интрига конечно имѣла въ ней своихъ агентовъ. Еще въ Ольгинской Корниловъ призвалъ къ себѣ одну „прапорщицу" и четырехъ другихъ лицъ и сказалъ имъ, что ему извѣстно ихъ намѣреніе убить его, но онъ считаться съ этимъ не намѣренъ—пусть дѣлаютъ, что хотятъ.

Въ Пенахесѣ, передъ труднымъ ночнымъ переходомъ по разлившимся поймамъ Кубани въ переправѣ черезъ нее у Елисаветинской, была произведена „вырубка" обоза для уменьшенія числа подводъ. Вечеромъ по частямъ войскъ раздавались всѣ запасы интендантства:—крупа, сало, консервы, даже—сахаръ, драгоцѣнность интендантства.

Все это войсковыя части распредѣляли мелкими мѣшками по своимъ повозкамъ и такимъ образомъ сотни пудовъ переспали обременять собою обозъ интендантства, не загрузивъ чувствительно и обозы войсковыхъ частей. Почему не дѣлали этого раньше, а по просту бросали драгоцѣннѣйшіе грузы въ послѣднюю минуту передъ выѣздомъ?

Была сырая темная ночь, когда обозъ лазарета двинулся въ тяжелый путь—по кручамъ и топямъ, въ полной темнотѣ... Дорога изъ только мокрой переходитъ въ сплошную лужу,—изъ лужи—въ топкій прудъ, по которому по брюхо бредутъ лошади и Богъ вѣсть, по дорогѣ ли они идутъ или сейчасъ попадутъ въ колдобину по сѣделку, какъ и случалось!..

Но шедшіе были всетаки счастливѣйшими... За спинами ихъ въ Пенахесѣ разыгрывалась въ это время тяжелая и мучительная трагедія, созданная все тѣмъ же отсутствіемъ у насъ своего обоза, вслѣдствіе чего мы въ числѣ подводъ для груза и для раненыхъ всегда зависѣли отъ случая:—наберемъ уходя изъ станицы или аула нужное число подводъ—хорошо, а нѣтъ—сразу бѣдствіе!

Героическое офицерство русское въ какихъ условіяхъ ты доблестно билось въ этомъ походѣ всегда безтрепетное, львино мужественное въ нападеніи, не знавшее отступленія!!

Когда лазаретъ ушелъ уже изъ аула, начальникъ одного изъ его отдѣленій остался, получивъ приказаніе—осмотрѣть хаты аула и захватить раненыхъ, которые могли быть въ нихъ оставлены. изъ за неподачи во время повозокъ. Такихъ, „забытыхъ“ считалось начальникомъ лазарета около 11-12 чел. Повозки для вывоза ихъ были обѣщаны, “на потомъ„ полк-мъ Магерно, но на дѣлѣ—ихъ и потомъ не было дано ни одной...

— Иду въ темнотѣ—разсказывалъ мнѣ этотъ офицеръ. —Вхожу въ школу, гдѣ помѣщалось одно изъ отдѣленій лазарета. Кругомъ мракъ черный... Ни свѣчки ни гдѣ... Чиркаю спичкой,—противъ двери у стѣнки лежитъ прямо на полу безпомощно простертый высокій, а по полу длинный молодой офицеръ. Грудь пробстрѣлена двумя ранами... Въ бокъ ему подъ мышку суется головой въ горячечномъ бреду сестра милосердія.

— Насъ бросили?! Насъ оставили?!- хрипитъ раненый.—Какая низость!!. Мы безпомощны...

— Успокойтесь... Я нарочно оставленъ, чтобы вывезти васъ. Сейчасъ я напою васъ чаемъ, а тамъ пріѣдутъ подводы...- говорю я, а самъ думаю: „но если раненые остались даже въ школѣ, а не только въ хатахъ,—гдѣ взять на нихъ подводъ?! Иду дальше въ комнаты—отчаяніе сжимаетъ сердце и горло: около двадцати раненыхъ, самыхъ тяжелыхъ брошено по углам, всѣ спрашиваютъ:—неужели ихъ бросили? „Нѣтъ, нѣтъ, сейчасъ пріѣдутъ подводы!“ А гдѣ взять ихъ? Сейчасъ могутъ явиться на улицѣ только разъѣзды большевиковъ. Есть ли еще въ аулѣ наша охрана и какая—я не знаю! Кругомъ тем нота... Аулъ словно вымеръ—тихо и глухо.

Поставили самоваръ, нашли къ счастью хлѣбъ... Лошадей нѣтъ... Поймали на улицѣ одну случайную подводу проѣзжаго черкеса.

Одна! А раненыхъ около двадцати и кругомъ—большевики на неизвѣстномъ разстояніи! можетъ быть уже на околицѣ!

Надо посмотрѣть по другимъ хатамъ. Во второй школѣ нахожу—30 раненыхъ съ докторомъ, цѣлый лазаретъ. Въ хатахъ еще около 20! Всего набралось 75 человѣкъ, полутруповъ. ихъ надо увезти отъ избіенія, а не на чемъ, Уже утро... Каждую минуту могутъ показаться большевики и приходится, не показывая тревоги, искать и искать по аулу лошадей и повозокъ, обѣщая, платя, угрожая...

На одной изъ улицъ, вдругъ вижу- бредутъ три подводы съ какими-то вещами.

— Чьи вещи?
— Полковника Мотерно!
— Всѣ три?
— Всѣ три.
— Снимай вещи, я беру подводы подъ раненыхъ!..

...Наконецъ половина раненыхъ погружена и отправлена... Уже бѣлый день... Большевиковъ еще нѣтъ слава Богу... Оказалось, Офицерскій полкъ охранялъ аулъ, но для меня это выяснилось уже подъ самый конецъ... Но вотъ наконецъ — счастливая минута—положили послѣдняго раненаго и выѣхали изъ аула...

Почти на сутки позднѣе, уже къ вечеру, догнали мы главный обозъ на самой переправѣ, все время пути ожидая, что вотъ-вотъ вырвется на насъ откуда нибудь сбоку разъѣздъ большевиковъ, а у насъ прикрытія никакого! — заключилъ офицеръ.

Раненые ѣхали молча, но что происходило въ ихъ головахъ?! И поправившись эти люди опять шли въ бой, зная уже, что иногда значило въ условіяхъ нашего похода стать раненымъ!!

Такими бѣдствіями мы платили за отсутствіе своего обоза! Реквизировать все нужное для него можно было въ каждой крупной станицѣ и—мы продолжали идти безъ своего обоза!

Долгіе шесть часовъ обозъ „главныхъ очиъ" влачился по разливу Кубани и къ утру наконецъ выбрался на открытые и свѣтлые берега широкой и быстрой рѣки, на которыхъ и сталъ таборомъ больше чѣмъ полтысячи повозокъ. Живописная картина, но плохая сырая стоянка!—Двое сутокъ простояли мы тамъ, ожидая своей очереди попасть на паромы...

Я прошелъ впередъ къ переправѣ—паромамъ, и съ высокой дамбы передо мною какъ на ладони была картина историческаго событія: перехода Корнилова черезъ Кубань къ Екатеринодару,—завершенія его похода!

Четко выдвигался въ рѣку невысокимъ плечемъ правый противоположный берегъ рѣки. Ея струистое зеркало сверкало широкою свѣтлою дорогой и отъ низменнаго нашего берега медленно тянулся по блестѣвшей глади рѣки темный паромъ, нагруженный людьми, лошадьми, повозками...

— Вотъ, если бы былъ фотографическій аппаратъ!—невольно воскликнулъ я.

— Ну что-жъ!.. Тогда навѣрное не сказалось бы пленокъ!—сказалъ мой спутникъ спокойно.

Я разсмѣялся—въ арміи у насъ, лишенной всякаго сообщенія и притока со стороны, былъ вѣчный недостатокъ всѣхъ „принадлежностей". Главное часто было въ наличіи, но принадлежностей пензмѣнно не оказывалось, вслѣдствіе чего всѣ сколько-нибудь сложныя „изобрѣтенія культуры" бездѣйствовали.

Но картина была поразительна по спокойной красотѣ ранняго утра и отчетливой четкости несложныхъ подробностей, и сама просилась на полотно.

Этимъ переходомъ совершался первый шагъ къ великому событію, ради котораго вся армія наша вынесла всѣ лишенія и жертвы долгаго похода—къ утвержденію власти въ Россіи, ея державнаго центра, къ диктатурѣ желѣзнаго Корнилова, которая дала бы порядокъ Россіи и снова вознесла бы ее, поверженную, оскорбленную и униженную—надъ всѣми врагами!

Я стоялъ на высокой дамбѣ у берега съ товарищемъ и смотрѣлъ на переправу.

Изъ ближайшей хаты черкеса вышелъ офицеръ и подошелъ къ намъ. Стали говорить о значеніи переправы арміи и въ первый разъ за все время похода я говорилъ о политикѣ. До Екатеринодара и смерти Корнилова политическіе вопросы были въ арміи какъ будто крышкой прикрыты, за то послѣ Екатеринодара о нихъ

стали говорить много и вездѣ. Дѣло въ томъ, что въ арміи въ сущности было только двѣ партіи: алексѣевцы, которыхъ было большинство,—Алексѣевъ почему-то считался монархистомъ—и корниловцы—демократы, народоправцы. Изъ главныхъ полковъ арміи—Офицерскій былъ почти сплошь монархисты, Корниловскій—по преимуществу народоправцы. Цвѣта этихъ полковъ—черный и бѣлый у Офицерскаго полка и черный и красный у Корниловскаго, принимались, какъ трауръ по порядку у перваго и трауръ по свободѣ у второго. Однако и алексѣевцы признавали, что сейчасъ надо идти за Корниловымъ, ибо онъ яркій боевой талантъ, такой генералъ, который и нуженъ арміи для побѣды. Такъ о чемъ же препираться? Все равно нужно прежде всего побѣдить общаго врага, а до побѣды обѣимъ партіямъ надо идти по одной дорогѣ.

Съ видимымъ желаніемъ сразу огорошить меня, „петербуржца“ по платью—офицеръ сказалъ:

— Я вѣдь монархистъ! Какъ и большинство офицеровъ арміи...

Я не смутился:

— Ну, о васъ говорить не буду, а огромная масса среди прочихъ офицеровъ арміи называетъ себя монархистами только потому, что пока въ разговорномъ обиходѣ нѣтъ слова, которое выражало бы ихъ дѣйствительныя желанія и мнѣнія. Вѣдь не могутъ же они и въ самомъ дѣлѣ желать Россіи того, что монархія ей непремѣнно принесетъ—безсиліе передъ другими народами, всегдашнее позора японской войны, общую отсталость внутри, разладъ народа съ властью, интриги дворцовыхъ честолюбцевъ...

— Конечно, ничего подобнаго быть не должно—монархія должна быть конституціонной!

— Вы сказали „должна быть“ и что-же: отъ вашего слова это такъ и станется?! Надо, чтобы самъ монархъ былъ конституціоненъ, т. е. чтобы онъ такъ высоко ст вилъ надъ собою волю народа, чтобы допускать себя до столкновенія съ не А гдѣ, скажите, припасенъ у васъ так монархъ? Его нѣтъ въ Россіи и на с тысячъ верстъ кругомъ! Переберите всѣ великихъ князей,—вы не найдете такого Да и болѣе скажу—вы просто таки охо ника стать русскимъ царемъ среди ни не найдете! У насъ монархія уже пото не возможна, что никто не согласит быть русскимъ монархомъ. Вотъ удово ствіе въ самомъ дѣлѣ:—себѣ на муче униженіе и всяческое истерзаніе! Да че ради? Какую сласть можетъ дать человѣ русскій тронъ?

Офицеръ молчалъ. Кажется, огорош его я.

— Чтобы монархъ могъ быть „конст туціоннымъ“ мало законовъ объ этом надо, чтобы самъ монархъ по характер своему былъ свободенъ отъ самоволі Найдите-ка такого! А безъ него буде не конституціонная монархія, а русск народная пагуба. Вы съ нею знаком Такъ я вамъ разскажу, что и какъ г било Россію въ эти годы и вы увидит что губилъ ее именно личный характер человѣка, ей посланнаго судьбою въ цар

И кромѣ низложенія его ничѣмъ нель было унять его! И велика теперешняя ра ладица на Руси, а останься Николай Р мановъ на престолѣ, онъ-бъ такой позор вовлекъ бы довѣрившійся ему народъ, к торый прямо самую личность его разрушил бы! Сепаратный и тайный миръ съ Ге маніей былъ бы лишь началомъ! Вѣдь за лючилъ же Николай Романовъ союзъ с Вильгельмомъ II въ Біорке, имѣя союзъ с Франціей противъ Вильгельма II!

Гр. Витте умѣлъ опредѣлять людей вотъ что онъ разсказывалъ о Никола моему отцу:

— Николай не самоволецъ, а своево лецъ. Къ самовольцу примѣниться все таки можно, а о своевольцѣ, какъ о вѣтр

не знаешь, куда и почему его черезъ часъ потянетъ! Причина крошечная въ немъ дѣлается поводомъ къ дѣйствіямъ огромнымъ, и всегда неожиданно, вдругъ для всѣхъ окружающихъ! Я разскажу вамъ—какъ мы потеряли Китай и откуда въ дѣйствительности произошла война съ Японіей?

Въ послѣдніе годы Александра III былъ составленъ планъ подчиненія русскому вліянію Китая,—в с е г о Китая! Рѣшено было строить въ него желѣзную дорогу, но не сразу съ двухъ концевъ, т. е. отъ русской границы и отъ китайскихъ портовъ, какъ предлагали иностранцы, а только со стороны Россіи. При постройкѣ съ двухъ концовъ по новой линіи въ страну двинулись бы отъ моря и наши конкуренты—американцы, японцы, англичане и проч. со своими товарами, конторами и консулами и, сведя свою половину пути съ другою, мы нашли бы самый центръ страны и весь его рынокъ уже захваченнымъ другими. Потому и рѣшено было строить желѣзную дорогу отъ Кяхты на Пекинъ и далѣе на незамерзающій портъ Кіао-Чоу, продвигая по желѣзной дорогѣ по мѣрѣ ея постройки свои товары и промышленность, ни въ комъ не имѣя конкурента, разселяя по обѣ стороны казачьи станицы и сразу становясь прочно въ странѣ. Былъ посланъ въ Китай князь Ухтомскій для заключенія договора о протекторатѣ надъ Китаемъ и договоръ этотъ былъ заключенъ,—мы гарантировали Китаю неприкосновенность его границъ и территорій отъ всѣхъ покушеній.

Оставалось привести въ исполненіе самый планъ. Мы стали сообразно съ нимъ подготовлять Сибирскую жел. дорогу.

И вотъ „однажды“ Вильгельмъ пригласилъ Николая на Бреславльскіе маневры и ѣдучи вечеромъ съ поля въ коляскѣ вдвоемъ, онъ говоритъ:

— Ты ничего не будешь имѣть противъ. Ника, если я возьму что-нибудь въ Китаѣ?

— Хорошо, но только небольшое, — отвѣчалъ Ника.

Вспомните, Россія только что гарантировала Китаю неприкосновенность границъ.

Черезъ короткіе дни Вильгельмъ занялъ Кіао-Чоу, то самое, что было самымъ центромъ русскаго плана!

Русскій посланникъ въ Берлинѣ, баронъ Остенъ-Сакенъ получилъ предписаніе отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ рѣшительно опротестовать это дѣйствіе Германіи. Остенъ-Сакенъ явился къ Вильгельму.

— Но ваше министерство видимо само не освѣдомлено о мнѣніи на этотъ счетъ своего государя. Пусть же оно освѣдомится сперва—сказалъ ему Вильгельмъ II.

Этотъ отвѣтъ Остенъ-Сакенъ передалъ въ Петербургъ. Отгуда приказъ—повторить протестъ и предварить, что если Кіао-Чоу не будетъ очищено, русскій флотъ войдетъ въ него.

Остенъ-Сакенъ—въ Потсдамъ къ Вильгельму. Вильгельма нѣтъ въ Потсдамѣ:—„Уѣхалъ на охоту!“ Остенъ-Сакенъ къ канцлеру:—„Его взялъ императоръ съ собою!“ Остенъ-Сакенъ къ министру иностр. дѣлъ:—„И его императоръ взялъ съ собою!“ Три дня ѣздилъ Остенъ-Сакенъ, на четвертый день изъ Петербурга пришло рѣшеніе: „Бросить! Пусть остается такъ!“

Но китайцы этого не оставили. Они стали требовать, чтобы мы, согласно договору, выставили отъ нихъ нѣмцевъ. Мы стали отнѣкиваться и тянуть. Тогда Англія сдѣлала видъ, что по примѣру Германіи хочетъ взять кусокъ Китая и занять Портъ-Артуръ. Мы испугались и сами заняли его. Китайцы стали намъ жаловаться на насъ самихъ: „Обѣщали охранять отъ грабежа другихъ, а грабите сами!“ Мы объяснили, что заняли Портъ-Артуръ, чтобы, опираясь на него, выгнать нѣмцевъ изъ Кіао-Чоу. Китайцы отвѣтили: „Ждемъ. Выгоняйте!“ Мы отмалчиваемся. Китайцы сказали:—„Такъ вы не

только грабители, но и обманщики!" и послали въ Европу спеціальное посольство съ жалобою ко всѣмъ державамъ. Тогда я пріѣхалъ къ царю и сказалъ: „Надо спасать свое достоинство и кончить эту исторію!" Царь спрашиваетъ:—„Какъ?"—Я отвѣтилъ:—„Надо купить Портъ-Артуръ". И за 15.000.000 руб. его купили при посредствѣ Ли-Хунг-Чанга.

Отношенія съ Китаемъ были испорчены навсегда. Изъ-за чего? Какъ можно было предупредить все это? Кто впередъ угадалъ бы этотъ разговоръ Николая въ колискѣ? Положеніе наше на Дальнемъ Востокѣ было сразу и огромно ослаблено.

Рядомъ надобныхъ же „своеволій" Николая мы фатально доведены были и до войны съ Японіей, которая не желала войны. Но со стороны Николая вмѣшивались все такія нечаянности, что трагедія должна была наконецъ стать неизбѣжной.

А Цусима!.. Ее создалъ, прямо создалъ Николай, самъ и одинъ! Мнѣ разсказывалъ Авеланъ—морской министръ:

„Читаю утромъ телеграмму парижскаго нашего агента:—„Фигаро" сообщаетъ, что эскадра Рождественскаго вышла съ Мадагаскара". Я не повѣрилъ: отъ Рождественскаго телеграммы не было и вмѣстѣ было твердо рѣшено не посылать его эскадру на востокъ, ибо она оставалась единственнымъ нашимъ козыремъ для заключенія хотя сколько-нибудь сноснаго мира съ Японіей.

Эскадра наша была слабѣе японской и судами и артиллеріей, но японцы боялись Рождественскаго лично и пока эскадра была цѣлой, мы всегда могли ею грозить и угроза была не шуточная.

И вдругъ—эскадра пошла въ бой!

Въ тотъ же день у меня былъ докладъ у царя. Уже прощаясь, я говорю: „Вотъ какую утку сообщаетъ намъ парижскій агентъ:—по словамъ „Фигаро" эскадра Рождественскаго вышла съ Мадагаскара!"—„Нѣтъ, это правда! Она вышла! Третьяго дня я молился всю ночь и утромъ послалъ телеграмму Зиновію Петровичу (Рождественскому)!"—сказалъ Николай, потупивъ глаза.

Ну, что вы сдѣлаете съ такимъ своевольцемъ, который будучи взрослымъ „балуется" даже съ самимъ бытіемъ государства?! Какими запрещеніями вы остепените такого баловника? Онъ все будетъ тянуться къ запрещенному, все будетъ пробовать, поступить не конституціонно,—что-де выйдетъ?.. Пока не отрубятъ голову!..

Я разсказываю точные факты, переданные министромъ Николая и показывающіе, какіе роковые и неустранимые сюрпризы связаны для народа съ монархіей и что за люди попадаютъ на ея тронъ благодаря ея наслѣдственности. Но согласитесь—это уже роскошь,—факты! Каждому ясно, что по логикѣ вещей эти сюрпризы въ монархіи возможны, а значитъ, конечно, только по недоразумѣнію офицеры, желающіе прочнаго блага своей родинѣ, мечтаютъ о „царѣ". Не въ одномъ, такъ въ другомъ десятилѣтіи „царь" всегда преподнесетъ странѣ позоръ, который отброситъ ее на сто лѣтъ назадъ. Офицеры эти просто не видятъ того, что желается имъ не царь, а диктаторъ, и что будучи „монархистами" они потому такъ слѣпо идутъ за Корниловымъ, что онъ и есть прирожденный диктаторъ, т. е. то самое, что имъ и нужно!

— Съ этимъ я готовъ согласиться!—Пусть будетъ диктаторъ,—это сильнѣе „царя"!—сказалъ офицеръ.

— Конечно, сильнѣе! Онъ и введетъ порядокъ, а дальше устанавливайте форму правленія. Но знайте: въ мірѣ политики есть вовсе не двѣ только основныхъ формы государственнаго порядка: монархія и республика. Есть еще и третья форма, въ которой начала личности и коллективности смѣшиваются и вамъ, русскому, я скажу, что именно эта третья форма, имен-

но въ русской исторіи была примѣнена съ такимъ успѣхомъ, что обезпечила государству процвѣтаніе и успѣхи въ борьбѣ съ сосѣдями на цѣлое полтысячелѣтіе. И вы, русскій человѣкъ, этого не знаете, не знаете о какомъ государствѣ я говорю!

— Не знаю!—откровенно сознался офицеръ.

— Это государство—Великій Новгородъ, государственное устройство котораго выражается формулой: „Вѣче и князь". Съ измѣненіями, соотвѣтственными обстоятельствамъ времени, она можетъ быть примѣнена и теперь, и конечно будетъ примѣнена. Она полагаетъ предѣлъ и безшабашію коллективности и своеволію личности, беря отъ той и другой лучшее, имъ свойственное, и соединяя ихъ вмѣстѣ. Но ...ларомъ насъ ждетъ. До другой встрѣчи!

Договорить о „Вѣчѣ и князѣ" мнѣ пришлось лишь въ дальнѣйшихъ встрѣчахъ и разговорахъ, которыхъ было много на эти темы. Но подробно объ этомъ въ концѣ книги.

Переправлялся Корниловскій полкъ. Съ большимъ трудомъ перевезли на паромѣ орудія, съ еще большимъ трудомъ протащили ихъ по длинной узкой дамбѣ къ высокому взгорью, на которой надъ зелеными лугами кубанскихъ поймъ высится своими церквами красивая Елисаветинская станица.

Тутъ на поворотѣ съ дамбы въ узкія улицы станицы войска наши были встрѣчены населеніемъ ея съ хлѣбомъ-солью, отслуженъ былъ молебенъ... Корниловъ обратился къ станичникамъ съ краткой рѣчью, въ отвѣтъ раздалось „ура", привѣтствія и благословенія.

Планъ Корнилова взятія Екатеринодара насколько можно было судить по его дѣйствіямъ—имѣлъ задачей своей сразу сломить большевизмъ на Кубани, чтобы немедленно получить въ области полную свободу дѣйствій.

Корниловъ хотѣлъ не только взять городъ, но съ нимъ вмѣстѣ и хозяйничавшую въ немъ банду и не позволить ей вывезти изъ города бывшіе въ немъ обильные запасы всякаго снаряженія.

Задача, казалось бы очевидно чрезмѣрная для 3000 пѣхоты и 4000 конницы, при 8 трехдюймовыхъ орудіяхъ съ 700 снарядами, которыми Корниловъ располагалъ противъ большевицкаго скопища въ 15—17,000 чел., которое мы застали въ Екатеринодарѣ въ первый день, съ 50 орудіями и преизобиліемъ снарядовъ.

Но надо учесть изгибъ рѣки Кубани, которымъ она съ юга охватываетъ городъ на двѣ трети его окружности. По сущности запереть войсками оставалось намъ лишь одну сѣверную треть всей окружности города, по рѣкѣ же достаточно было поставить лишь небольшія заставы-запоры на переправахъ.

Во всякомъ случаѣ задача была съ точки зрѣнія нормальной стратегіи абсурдная: небольшая армія принимала на себя задачу окружить и захватить въ плѣнъ армію, въ нѣсколько разъ большую по массѣ и цѣлый городъ съ нею въ придачу!

И все же, не будь Корниловъ убитъ утромъ 31 марта, къ утру слѣдующаго дня такъ и было бы!

Вечеромъ 26 марта къ 5 час. вечера Корниловскій полкъ переправился въ станицу Елисаветинскую и сейчасъ же послѣ встрѣчи населеніемъ съ хлѣбомъ-солью и молебна на улицахъ станицы часть его была послана выбить большевиковъ изъ кирпичныхъ заводовъ въ 3-хъ верстахъ отъ станицы, откуда они очень мѣтко и назойливо обстрѣливали станицу и церковь. Большевики были отогнаны. 27-го полкъ пошелъ къ Екатеринодару. До города отъ станицы было 18 верстъ по степи и большевики выдвинули окопы далеко передъ нимъ—на полдорогѣ къ станицѣ. Къ 4 часамъ полкъ отбросилъ большевиковъ за „ферму" Екатер. с. хоз.

общества, гдѣ потомъ стоялъ штабъ Корнилова, далѣе къ городу и, уступивъ на позиціяхъ мѣсто Партизанскому полку, отошелъ назадъ въ станицу.

Это было ошибкой.

Нужно было немедленно занять городъ и его вокзалы, къ чему при паникѣ, охватившей совѣтскія войска, была полная возможность въ эту ночь: большевики стали уже массами выбираться изъ города. Одновременно слѣдовало поддержать резервами наши аттакующія части, переведя изъ за Кубани стоявшую тамъ на охранѣ обоза съ лазаретомъ бригаду ген. Маркова. Но Корниловъ уступилъ чувству гуманности по отношенію къ раненымъ и отдалъ имъ первую очередь въ переправѣ: онъ хотѣлъ поскорѣе дать имъ теплый кровъ и безопасность въ станицѣ Елизаветинской: за Кубанью они стояли открытымъ табором на плоскомъ и сыромъ берегу рѣки безъ всякаго иного прикрытія кромѣ все той же бригады ген. Маркова.

Изъ всего этого дѣлается яснымъ еще разъ, что у насъ войскъ было... очень мало!

Но у насъ былъ Корниловъ и его неустанная дума, какъ сдѣлать все, имѣя столь малое!

28-е Марта.

28-го марта Корниловскій полкъ въ полномъ составѣ съ музыкой, шедшей за цѣпями, двинулся къ Екатеринодару и занялъ свое мѣсто въ линіи фронта. Въ этотъ день началась переправа и Офицерскаго полка послѣ того какъ переправились раненые... Расположеніе частей на нашемъ фронтѣ было такое:

Лѣвое крыло:—бригада Богаевскаго, передъ „фермой“—Партизанскій полкъ, лѣвѣе его Корниловскій полкъ, отрядъ полк. Улагая, 2 инж. рота, и конница: 1-й конный полкъ полк. Глазенапа и 1 кубанскій конный полкъ подъ общей командой Эрдели, который съ остальной массой конницы стоялъ еще лѣвѣе у садовъ.

Правое крыло—бригада Маркова: 1 стрѣлковый кубан. полкъ, Офицерскій полкъ, 1-ая инженер. рота—на кирпичныхъ и кожевенныхъ заводахъ.

———

Къ вечеру этого дня корниловцы захватили сѣверную окраину города.

Большевики, выйдя изъ садовъ*) двинулись на расположеніе Корниловскаго полка 4—5 цѣпями.

Ихъ допустили на 200 шаговъ и разстрѣляли пулеметами. На плечахъ ихъ корниловцы проникли въ городъ и на его окраинѣ послѣ упорнаго сопротивленія заняли казармы Самурскаго полка. Здѣсь ночевали. Ночью 2-ая рота уходила и вернувшись принесла спиртъ. Нѣжинцевъ велѣлъ всѣмъ выпить, такъ какъ двое уже сутокъ войска почти не спали, будучи все время на ногахъ: всѣ сильно устали, на утро-же предполагалось дальнѣйшее наступленіе.

———

Въ этотъ день 28 марта я въ послѣдній разъ видѣлъ живымъ Корнилова, этого великаго духомъ и любовью къ Россіи человѣка, невольно влекшаго къ себѣ всѣ сердца.

Вечерѣло. Я ѣхалъ отъ переправы прямо черезъ плавни къ станицѣ. Навстрѣчу шагахъ въ двухстахъ въ сторонѣ съ двумя конвойцами крупной рысью проѣхалъ Корниловъ и небольшая группа его ярко и красиво рисовалась на яркой зелени луговъ. Привольный просторъ широкихъ плавней и высокаго неба былъ кругомъ него... Онъ ѣхалъ сосредоточенный, съ чѣмъ то видимо спѣша...

*) „Сады“—узкая полоса земли въ 2 дес. шириною, отдаваемая городомъ подъ сады. Она отходитъ отъ восточной окраины города на 6—7 верстъ, къ сѣверу и на западѣ опять поворачиваетъ къ югу, не доходя до самаго города впрочемъ.

Эта картина конечно навсегда осталась у меня въ памяти.

29-е Марта.

На другой день, 29 марта, утромъ въ Елизаветинской станицѣ городъ считался уже взятымъ. Я самъ слышалъ, какъ нашему интендантству, казначейству и почтѣ было передано приказаніе „верховнаго"—ѣхать въ Екатеринодаръ.

Поѣхалъ въ городъ немедленно и я—съ старшею сестрою милосердія и еще двумя попутчиками,-екатеринодарцами, спѣшившими въ свои квартиры,—чтобы приготовить помѣщенія для лазарета. Однако проѣхать мы могли только до „фермы" Екатер. экон. общества,—небольшой домикъ стоитъ верстахъ въ трехъ отъ города на высокомъ бугрѣ, впереди густой рощицы и совершенно открытъ къ городу. Далѣе къ Екатеринодару были уже боевыя позиціи нашего праваго фланга—бригада ген. Маркова, пришедшая за ночь.

За утро и первую половину дня положеніе измѣнилось не въ нашу пользу.

Ген. Эрдели обошелъ съ конницей съ сѣвера Екатеринодаръ и, пересѣкши двѣ желѣзнодорожныя линіи, былъ уже въ Пашковкѣ, станицѣ прямо на востокъ отъ города, бывшей всегда ярко противобольшевицкой и открыто не покорявшейся совѣтской власти. Населеніе станицы тотчасъ же выставило отъ себя отрядъ добровольцевъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ, который немедленно же принялъ участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ.

Большевики въ Екатеринодарѣ, бросившись на свои вокзалы, чтобы уходить изъ города, получили извѣстія обо всемъ этомъ и увидѣли себя запертыми. Въ то же время къ нимъ подошли подкрѣпленія и они рѣшились остаться въ городѣ и защищаться „во всю"... Стали строить баррикады на улицахъ... Это было очень невыгодно для насъ, ибо бой на баррикадахъ требуетъ прежде всего избытка живой силы и артиллеріи, а именно и той и другой у насъ было мало,

Съ этимъ наростаніемъ сопротивленія и артиллерійскимъ преобладаніемъ противника пришлось въ тотъ же день столкнуться Корниловскому полку.

Утромъ этого дня корниловцы пошли изъ Самурскихъ казармъ въ городъ—„цѣпочкой" т. е. въ одиночку и малыми партіями пробираясь по улицамъ и дворамъ. Послѣ несильныхъ схватокъ по разнымъ мѣстамъ они заняли Сѣнную площадь. Она была совершенно безлюдна. Захватили на ней нѣсколько повозокъ, одну съ снарядными гильзами и патронами. Съ боемъ заняли два квартала по Красной, главной улицѣ Екатеринодара, и сдавъ Сѣнную площадь удерживать 2-ой ротѣ 1 Куб. стр. полка, составленной изъ добровольцевъ-Елизаветинцевъ, повернули къ Черноморскому вокзалу. Тутъ противъ нихъ неожиданно выѣхалъ броневикъ и окатилъ ихъ пулеметнымъ огнемъ—изъ 82 чел. 1-ой офиц. роты Корн. полка осталось вполнѣ цѣлыми на ногахъ только четверо: пр-ки Аляевцевъ, Ивахно, Черпецовъ и пор. Бутниковъ...

Отступили на вчерашнія позиціи. Не долго удержались и Елизаветинцы на Сѣнной площади—это были совсѣмъ не обстрѣлянные „молодые".

Въ эти дни я по нѣсколько часовъ ежедневно проводилъ на „фермѣ". Небольшая рощица эта густой шапкой зелени лежитъ на бугрѣ надъ самымъ Екатеринодаромъ. Кубань, обойдя городъ широкою лукою, подходитъ къ этому бугру сбоку. Весь городъ отсюда какъ на ладони и спутники мои, знавшіе его хорошо, точно называли мнѣ улицы и площади его, надъ которыми тамъ и сямъ вспыхивали бѣлые дымки нашихъ шрапнелей.

Домикъ „фермы" деревянный, одноэтажный, былъ въ шесть саженей въ длину и

четыре въ ширину. При такомъ общемъ размѣрѣ въ немъ было семь комнатъ:—посреди узкій корридоръ и по три крошечныхъ комнаты съ каждой его стороны, въ седьмую онъ упирался однимъ концемъ. Здѣсь жилъ Корниловъ, помѣщался его штабъ, тутъ же перевязывали раненыхъ и толпились врачи, сестры милосердія, ординарцы. Въ корридорѣ всегда было полно—едва пройти...

Въ рощицѣ разсѣяно было въ разныхъ мѣстахъ около сотни всадниковъ... Подъ однимъ изъ деревьевъ спокойно лежалъ и повидимому спалъ М. В. Алексѣевъ, хотя „черные черти" ложились не ранѣе 40—50 шагахъ отъ него.

Вдоль рощицы, отдѣляя ее отъ дороги, шла глубокая канава... Въ ней лежалъ убитый большевикъ съ чернобагровымъ кровянымъ пятномъ вмѣсто лица, юный малый, видимо матросъ...

Въ десяти шагахъ отъ него, прижавшись къ обрѣзу канавы въ защиту отъ шрапнели, мы усѣлись и открыли походный „клубъ"—сюда собралось около десятка бывшихъ кругомъ офицеровъ...

Общее настроеніе было—ожиданіе, когда же мы войдемъ въ городъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что войдемъ, и всѣмъ хотѣлось только чтобы это было сегодня, хотя бы и поздно къ ночи, а не завтра, когда ужъ конечно всѣ будемъ въ Екатеринодарѣ!

Пусть читатель вспомнитъ, что до Екатеринодара у насъ было одинъ за другимъ до 30 боевъ, всегда начинавшихся съ ничтожными силами противъ гораздо сильнѣйшаго числомъ и артиллеріей противника и всѣ они, всѣ эти подготовительные шаги къ Екатеринодару—всѣ эти карты были „игрой войны кровавой" намъ даны,—неужели послѣдняя предъ полнымъ выигрышемъ партіи карта будетъ для насъ бита? Развѣ Корниловъ не съ нами?!

Все это не говорилось даже... Все это было въ основѣ душевнаго настроенія каждаго.

Снаряды сыпались то слѣва, то справа отъ фермы. Иногда „черные черти" вздымались среди деревьевъ... Я сталъ съ часами въ рукахъ считать разрывы шрапнелей и черные взметы гранатъ на нашихъ позиціяхъ. Оказалось,—въ минуту большевики бросали на наши позиціи 8-10 снарядовъ, что въ часъ даетъ 500-600 штукъ, а за 20 часовъ боя въ день—10.000. За три дня боя это составитъ 30.000 снарядовъ противъ нашей не полной тысячи ихъ!..

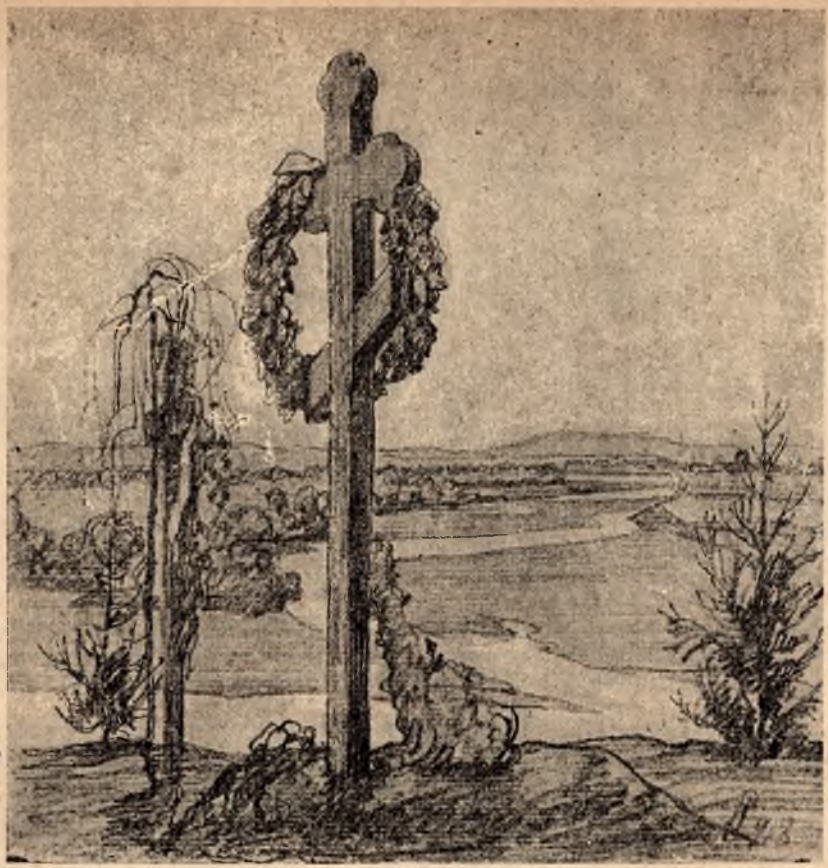
Главный обстрѣлъ велся большевиками съ Черноморскаго вокзала. Около него по соединительной вѣткѣ съ Тихорѣцкой линіей ходило 6-7 бронированныхъ поѣздовъ и бросало снаряды, не считая. Пушки стояли еще у пристани на Кубани—три—и въ разныхъ мѣстахъ боевой линіи. По словамъ желѣзнодорожныхъ служащихъ главнаго вокзала они въ эти дни подавали ежедневно по 50, 60 и 100 вагоновъ со снарядами и патронами. 300-400 подводъ было постоянно занято развозкой ихъ съ вокзала по позиціямъ.

Со стороны большевиковъ было замѣтно стремленіе обойти нашъ лѣвый флангъ: ихъ цѣпи все вытягивались далѣе и далѣе въ сѣверу, грозя зайти къ намъ въ тылъ. Но это движеніе имъ самимъ въ дальнѣйшемъ грозило катастрофой: противодѣйствуя обхвату, пока что и мы все болѣе и болѣе вытягивали свой лѣвый флангъ, но въ моментъ, указанный Корниловымъ, мы атакой противъ центра отрѣзали бы все правое пошедшее въ нашъ обходъ крыло большевиковъ и, бросивъ на него конницу, уничтожили бы его... т. е. повторили бы Саракамышъ.

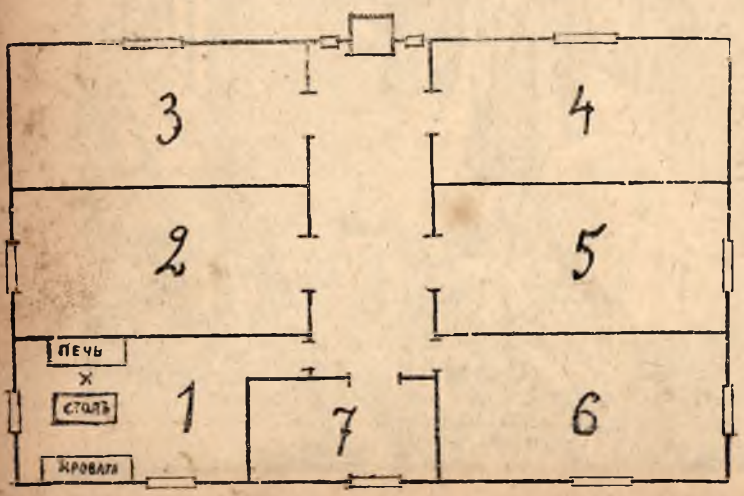
Около 5 ч. дня 29-го готовился общій штурмъ Екатеринодара.

Домъ на фермѣ Кубанск. Экон. О-ва подъ Екатеринодаромъ гдѣ былъ убитъ Л. Г. Корниловъ. Комната Корнилова—крайнее лѣвое отъ зрителя окно, подъ нимъ виденъ звѣздчатый слѣдъ пробоины.

Комната, гдѣ былъ убитъ Л. Г. Корниловъ. Бѣлый мраморный крестъ увит[ъ] лентами и вѣнками.



Мѣсто на высокомъ берегу Кубани у „фермы“, куда былъ вынесенъ Л. Г. Корниловъ и гдѣ онъ скончался. Видъ прямо на противоположный низменный берегъ,—влѣво на Екатеринодаръ.



Планъ дома на „фермѣ“ гдѣ былъ убитъ Л. Г. Корниловъ.

1 – Комната Корнилова.

2—Перевязочная.

3 – Для раненыхъ.

4—Для раненыхъ.

5—Штабъ.

6—Комната телефонистовъ.

7—Адъютанты. Здѣсь же провелъ ночь на 31-е Марта и ген. Деникинъ.

Изъ одного этого перечня видно, въ какой обстановкѣ работалъ штабъ и проводилъ дни и ночи Корниловъ. Весь домъ—12 арш. ширины и 18 арш. длины.

ПЕРВЫЙ ШТУРМЪ ЕКАТЕРИНОДАРА.

28-го и 29-го на кожевенныхъ заводахъ подтягивалась бригада Маркова. 5 и 6 роты Офиц. полка—юнкера и студенты—и 1-ый Куб. стрѣлк. полкъ пришли еще 28, а первыя роты Оф. полка рано утромъ 29-го выйдя изъ Пенахеса, гдѣ они стояли на охранѣ обоза, прошли къ переправѣ, переправились, и пошли къ Екатеринодару—10 верстъ. Когда они проходили Елизаветинскую, женщины-казачки провожали ихъ со слезами и благословеніями, поили молокомъ и т. п.—станица только что отдала нѣсколько сотъ своихъ добровольцевъ Корнилову и связалась кровно съ нашей арміей. Мы для нея стали „свои"—всѣ мальчишки станичные бѣгали съ бѣлыми повязками на шапкахъ. Къ фермѣ роты пришли къ 4 часамъ и тамъ узнали, что штурмъ начнется въ 5 ч. послѣ семи выстрѣловъ, данныхъ нашей баттареей, стоявшей на кирпичныхъ заводахъ. Проходя эти заводы, офицеры видѣли и орудія этой баттареи, снятыя съ передковъ, и передъ ними на травѣ на лоткахъ семь гранатъ; тутъ же на припекѣ спали артиллеристы—все это подъ сильнѣйшимъ орудійнымъ обстрѣломъ.

Въ 5 часовъ появились Марковъ, Кутеповъ, Боровскій и крикомъ: „Ура, впередъ!" подали сигналъ къ штурму. Марковъ самъ повелъ 5 и 6 роты Офиц. полка въ аттаку. Большевики сопротивлялись упорно, дошло до штыковаго боя, но все же они были выбиты изъ казармъ Екатер. полка и, преслѣдуя ихъ, офицеры заняли и „лѣсокъ" передъ казармами—вѣрнѣе: садъ стоящаго противъ казармъ училища.

Когда немного позднѣе первыя роты Офиц. полка тоже получили приказъ двигаться, — проходя кожевенными заводами, онѣ встрѣтили перелѣзающаго плетень Маркова,—краснаго, потнаго, возбужденнаго и очень довольнаго:

— Ну, господа, я свое сдѣлалъ! Идите кончайте! Бѣгутъ „товарищи"!—крикнулъ онъ имъ.

Онъ, какъ разсказывали потомъ, бѣжалъ впереди цѣпи въ аттаку, выдохся, упалъ за бугоркомъ, отдышался и вернулся обратно. Черезъ четверть часа офицеры увидѣли его совершенно другимъ, Онъ сердился и ругался:

— Кубанцы подвели!

Кубанцы нѣсколько разъ пытались подняться изъ балки, въ которой они лежали, но бѣшенный огонь большевиковъ давилъ ихъ и—аттаки отъ нихъ не состоялось.

Штурмъ не удался..,

Атакой Офиц. полка въ этотъ день были заняты артиллерійскія казармы и въ нихъ захвачено было много патроновъ. Двѣ пушки „товарищей", до ночи стояли брошенныя между ихъ и нашими позиціями. Ночью же они умудрились ихъ утащить. Изъ 130.000 захваченныхъ патроновъ оказалось трехлинейныхъ, годныхъ для нашей винтовки только 28.000, остальные же были для винтовки Гра. Въ казармахъ Екатер. полка взято было болѣе десятка пулеметовъ и масса лентъ съ патронами, которыхъ полку хватило на 30 и 31 Марта. На ночь участвовавшія въ аттакѣ роты отведены были въ хаты отдохнуть. Тамъ они нашли хлѣба и молока, подкрѣпились и легли спать, но вскорѣ ихъ разбудили и послали занять позиціи въ казармахъ Екатер. полка.

Предполагался штурмъ снова—ночной.

Корниловъ узналъ изъ донесеній развѣдки, что между 1 и 3 часами ночи сторожевое охраненіе у большевиковъ въ Екатеринодарѣ отсутствуетъ — всѣ уходятъ спать. Корниловъ рѣшилъ воспользоваться этимъ и назначилъ штурмъ на 2 часа ночи 30 Марта.

Но... воспользоваться этимъ захотѣлъ и Покровскій, чтобы навѣрно сохранить свою квартиру отъ погрома во время штурма,— и во второмъ часу послалъ къ ней въ городъ начальника своего конвоя полк. [illegible] съ 10 казаками.

Дѣйствительно — донесенія развѣдки оказались вѣрны. Конвойцы прошли четыре линіи охраненія безъ всякаго опроса большевиками — все было пусто и глухо. Остановили ихъ только на пятой, окрикнули и — обстрѣляли. Выстрѣлы были подхвачены сосѣдними постами и в[illegible] нѣсколько минутъ среди ночи р[illegible]илась „панически“ бѣшенная канонада всему городу.

Штурмъ бы[illegible] конечно, отложенъ. Армія и городъ получ[illegible]ли еще причину благодарить Покровск[illegible]го за военныя услуги!

У Пятницкаго было убито тро[illegible] казаковъ и самъ онъ раненъ въ груд[illegible]

—•—

Что дѣлалось въ теченіе 30 Марта на нашемъ правомъ флангѣ, это разсказываетъ прап. 3-ьей роты Офиц. полка В. Головковъ:—какъ этотъ день прошелъ у нихъ въ казармахъ Екатер. полка:

„Казармы эти представляли собою параллелограмъ, окруженный канавой и валомъ рыхлой земли и засаженный по краямъ деревьями. Здѣсь находилось три зданія (2 кирпичныхъ и одно деревянное) и колодезь. До окраины города, гдѣ были расположены позиціи товарищей, было по прицѣлу—600 шаговъ. Другая рота нашего полка занимала артиллерійскія казармы (Баттарею) правѣе отъ насъ. Тамъ до позицій товарищей было 300 шаговъ

Впереди окоповъ большевиковъ стоя[illegible] нахально 2 пушки и все время оглуша[illegible] насъ своими выстрѣлами.

Цѣлый день 30-го марта мы прове[illegible] лежа за валомъ Екатер. казармъ. Ту[illegible] собрались люди изъ разныхъ полковъ.

Огонь былъ рѣдкой силы. Офицер[illegible] бывшіе на германскомъ фронтѣ, говори[illegible] что огонь ружейно-пулеметный такого н[illegible] пряженія тамъ бываетъ только во вре[illegible] аттакъ, да и то держится не болѣе 5— минутъ, а здѣсь—цѣлый день и больш[illegible] часть ночи. Деревья отъ него стояли о[illegible] ленныя и вся земля была засыпана суч[illegible] ми, срѣзанными пулями. Гранаты то[illegible] часто разрывались среди ограды.

Наша цѣпь несла большія потери, та[illegible] какъ рыхлая земля вала пропускала пу[illegible] Почти всѣ выбывшіе изъ строя были уб[illegible] ты въ голову. Часамъ къ 4 дня изъ пр[illegible] слуги 4-хъ пулеметовъ остались въ стр[illegible] только двое.

Этотъ день прошелъ на нашемъ уча[illegible] кѣ безъ аттакъ, только велся бѣшенн[illegible] огонь со стороны большевиковъ.

Нашъ огонь былъ имъ до того под[illegible] ленъ, что мы не могли шевельнуться [illegible] то время, когда товарищи иногда съ пр[illegible] мымъ вызовомъ разгуливали по улица[illegible]

Часто мелькали ситцевыя яркія юб[illegible] большевицкихъ сестеръ.

Часамъ къ тремъ дня товарищи [illegible] гнули свои цѣпи на лѣвомъ нашемъ фл[illegible] гѣ такъ, что мы оказались подъ пер[illegible] крестнымъ обстрѣломъ, а ихъ артиллер[illegible] стала громить зданія казармъ такъ, ч[illegible] они все время стояли въ красномъ ки[illegible] пичномъ дыму. Къ ночи огонь стихъ[illegible] часовъ въ 11 насъ смѣнили другія час[illegible] Мы отошли на колбасный заводъ, гдѣ [illegible] ночевали“.

—•—

Въ Елизаветинской большой и богат[illegible] станицѣ на берегу Кубани, гдѣ во вре[illegible] осады Екатеринодара стояли наши „гла[illegible] ныя силы“, въ эти дни шла обычная жиз[illegible]

*) Потомъ его долго везли обокъ обоза на конныхъ носилкахъ, дивя всю армію этимъ зрѣлищемъ. Лошади и люди были нужны, а тутъ на одного раненаго тратилось двѣ лошади, къ которымъ подвѣшены были носилки, да около десятка провожатыхъ и всякой смѣны, все тоже конныхъ. Наконецъ на одной переправѣ по узкой гати, Пятницкій своимъ торжественнымъ кортежомъ вызвалъ замѣшательство въ обозѣ. Тогда суровый полк. Корвинъ-Круковскій пристыдилъ его и отправилъ въ этапъ, гдѣ Пятницкій долженъ былъ выйти изъ своей колыбели и оказалось, что онъ могъ отлично ходить. Однимъ театральнымъ зрѣлищемъ въ арміи стало меньше.

„дневокъ“—приводились въ порядокъ нехочеты, чистились, мылись и ежедневно собирались переходить въ Екатеринодаръ. Каждый день сюда приходили сотни и сотни добровольцевъ изъ окрестныхъ станицъ—поступать къ Корнилову...

Ряды нашей арміи страшно нуждались въ пополненіи. Убыль по полкамъ доходила до 70 и даже болѣе процентовъ того состава, который былъ налицо при выходѣ арміи изъ Ростова. Чехо-словацкій полкъ былъ расформированъ, оказавшись въ составѣ всего нѣсколькихъ неполныхъ взводовъ. Отдѣльныя роты Корниловскаго полка потеряли до 70 даже до 95% своего ростовскаго состава.

Но пополненія эти вливались виномъ совершенно молодымъ въ крѣпкое и острое вино, которое представляли собою коренные корниловцы... Боевая доблесть, выдержка и „ударъ“ на полѣ сраженія у новичковъ были совсѣмъ другія—иного и требовать было нельзя, а между тѣмъ задачи ставились полкамъ такія же, какъ если бы составъ и дѣйственность ихъ на полѣ сраженія были тѣ же, что и раньше. Готовить „молодыхъ“ приходилось прямо на полѣ сраженія... И вотъ на лѣвомъ флангѣ нашемъ передъ Екатеринодаромъ боевыя цѣпи лежали, выдерживая жестокій огонь противника и отжимая его, а въ верстѣ за ними въ ложбинкѣ „молодые“ наспѣхъ обучались прикладкѣ, бою на штыкахъ, веденію огня по командѣ и разсыпному строю, и на утро, а то и въ тотъ же день—въ бой!

Въ Корниловскомъ полку произошла передъ Екатеринодаромъ даже трагедія... Такъ угнетенъ былъ его командиръ полк. М. О. Нѣжинцевъ слабостью молодыхъ пополненій, что слѣпо преданный Корнилову человѣкъ, безтрепетной истинно желѣзной храбрости офицеръ, самъ формировавшій полкъ еще въ Могилевѣ и бывшій его первымъ командиромъ, онъ подалъ Корнилову рапортъ объ отчисленіи его отъ полка, если въ пополненіе ему будутъ давать только молодыхъ! Этотъ бунтъ, взрывъ разгорченнаго доблестнаго сердца противъ бога своего, былъ смягченъ депутаціей къ Корнилову отъ офицеровъ полка, объяснившей ему положеніе... Корниловъ тутъ же призналъ свою ошибку и передалъ въ полкъ пополненія изъ юнкеровъ Кіевской Софійской школы. Нѣжинцевъ былъ утѣшенъ, но не надолго—въ тотъ же день полкъ пошелъ въ аттаку, и изъ пополненія осталось едва-ли 20—30 человѣкъ этой героической молодежи!

Въ этотъ день 30 марта на лѣвомъ крылѣ—наша армія понесла большую потерю убитъ былъ полк. Нѣжинцевъ.

Часть Корниловскаго полка, состоявшая изъ „молодыхъ“, подалась подъ напоромъ большевиковъ. Это увидѣлъ Нѣжинцевъ.

„Корниловцы не отступаютъ! Впередъ“! воскликнулъ онъ, вставъ во весь ростъ изъ за закрытія. Пуля тутъ же ранила его въ голову легко. Онъ упалъ, но потомъ вскочилъ, рванулся опять впередъ,—другая пуля прямо въ сердце положила его на мѣстѣ.

Командиромъ полка вмѣсто него былъ назначенъ полк. Кутеповъ, офицеръ Нѣжинцевской доблести, выдавшійся во время похода своимъ командованіемъ однимъ изъ батальоновъ Офицерскаго полка.

Въ этотъ день ген. Эрдели, стоявшій со своей конницей въ началѣ садовъ, прошелъ съ нею кругомъ всего города, пересѣкши и Тихорѣцкую вѣтку, готовясь аттаковать Екатеринодаръ съ востока. Предполагалось, что во время дня произойдетъ общій штурмъ города. и его долженъ былъ поддержать ген. Эрдели. Движеніе совершено было успѣшно, былъ обстрѣлянъ артиллеріей Кругликъ и часть города, но такъ какъ обѣщаннаго нажима съ запада не послѣдовало и „связь“ со штабомъ порвалась, пришлось вернуться назадъ. Для прикрытія отхода была сдѣлана де-

монстрація наступленія на прикородни, и подъ прикрытіемъ ея конница наша вернулась на свое прежнее мѣсто. Тутъ въ аттакѣ огнемъ бронированнаго поѣзда убита была прапорщица баронесса Боде.

Въ штабѣ въ этотъ день былъ военный совѣтъ. На немъ всѣ генералы кромѣ Корнилова высказались противъ штурма по мотиву крайняго утомленія войскъ, даже Марковъ.

Во время совѣщанія Марковъ заснулъ и разбуженный сказалъ:

— Вы видите и меня беретъ изнеможеніе, а мои войска устали еще болѣе.

Корниловъ однако настаивалъ на штурмѣ, указывая что отступленіе отъ Екатеринодара поведетъ къ медленной агоніи и затѣмъ неизбѣжной и безславной гибели арміи; такъ лучше-же умереть съ честью въ рѣшительномъ бою!

Ген. Алексѣевъ предложилъ отложить штурмъ на сутки, чтобы дать войскамъ хоть отдохнуть передъ нимъ. Это рѣшеніе и было принято.

Паника въ Екатеринодарѣ.

30-го марта въ Екатеринодарѣ съ утра разгоралась паника.

Въ низахъ населенія и особенно среди женщинъ было создано сильное ожесточеніе противъ Корнилова лично и вообще добровольцевъ закрытіемъ выхода изъ города. Это всѣхъ и испугало и объединило съ большевицкими войсками: „когда вмѣстѣ гибнуть—вмѣстѣ и бороться!“ И бабы, дѣвушки и мальчишня города съ дѣйствительнымъ самоотверженіемъ стали помогать большевикамъ въ защитѣ его отъ „кадетъ“.

Матросы и красногвардейцы въ окопахъ не пили воды вовсе—имъ носили молоко, кормили пирогами, варениками и всякою снѣдью бабы и дѣвушки. Мальчишки таскали патроны и служили развѣдчиками. Съ одной улицы въ окопахъ убито было 16 дѣвушекъ за эти дни. Сколько баб было видно вездѣ по большевицкимъ окопамъ—объ этомъ разсказываютъ всѣ добровольцы.

„Спастись отъ Корнилова“ — стала бабьей думой въ Екатеринодарѣ, но вмѣсто общее внутреннее убѣжденіе было, что Корниловъ все равно побьетъ! Противъ него опасенія нѣтъ!

— Скажите тофаришшъ, какъ наши тама? — коверкаетъ русскій языкъ нѣмецъ провизоръ, останавливая на улицѣ ломовика, везущаго пустыя гильзы снарядовъ съ позицій.

— Пошелъ къ черту! Издѣваешься, что Корниловъ возьметъ сегодня городъ. Тотъ „тофаришшъ!“—отвѣчаетъ тотъ, показывая кнутъ.

Въ интеллигенціи всѣ тоже съ часу на часъ ждали Корнилова въ городъ.

По устамъ ходилъ разсказъ, что послѣ захвата Сѣнной площади корниловцами въ одномъ магазинѣ ея была въ бухгалтерскихъ книгахъ найдена надпись:

„Счета и книгу провѣрилъ. Нашелъ все въ порядкѣ. Кап. Трипольскій“.

„Штабъ революц. войскъ Сѣв. Кавказа“ за подписью главнокомандующаго Автономова выпустилъ рядъ приказовъ:

27 марта.

Городъ и станція Екатеринодаръ объявляются на осадномъ положеніи.

№ 17.

§ 1. Въ случаѣ враждебнаго выступленія въ городѣ Екатеринодарѣ съ чьей бы то ни было стороны, городъ Екатеринодаръ подвергнется безпощадному артиллерійскому обстрѣлу.

§ 2. Назначается чрезвычайнымъ комиссаромъ гор. Екатеринодара тов. Макс. Шнейдеръ. Всѣ приказанія тов. Макс. Шнейдера связанныя съ его полномочіями должны исполняться всѣми организаціями безпрекословно.

§ 3. Буржуазный классъ г. Екатеринодара немедленно долженъ выступить на позицію для рытья окоповъ. Саботажъ будетъ подавляться кровью и желѣзомъ.

Подлинный подписали: главнокомандующій Автономовъ, начальникъ штаба Внуковъ, секретарь Кольцовъ.

28 марта.

Приказъ.—10 апрѣля.

По городу Екатеринодару провокаторами разносятся нелѣпые слухи, что городу угрожаетъ опасность, вслѣдствіе чего служащіе учрежденій и заведеній покидаютъ свои мѣста и не являются на занятія. Городъ внѣ всякой опасности, врагъ отъѣсненъ и будетъ преслѣдоваться до тѣхъ поръ, пока вся банда контръ-революціонеровъ будетъ разбита на голову.

Автономовъ.

30 марта.

Приказъ.

Предписываю согласно распоряженія штаба не эвакуировать лазаретовъ, товарищей раненыхъ прошу успокоиться. Если будетъ нужна эвакуація то объ этомъ будетъ сообщено. Воен. ком. Ф. Волинъ.

Исп. Ком. Ек. Совѣта Р., С., К. и Кр. Депутатовъ клеймитъ позоромъ „сѣющихъ панику и бабскія телефонограммы (!) наводящія ужасъ на мирныхъ жителей! Языкъ за зубами! Больше дѣла. Впередъ! Къ оружію!“

„Всѣ ротозеи и гуляки, посѣщающіе окопы бездѣлья фронтъ и тѣмъ мѣшающіе товарищамъ солдатамъ и рабочимъ добросовѣстно и правильно исполнять свои служебныя обязанности, предупреждаются, что они будутъ арестовываться и разстрѣливаться на мѣстѣ безъ суда, какъ возможные участники въ контръ-революціи, согласно параграфа 8-го декрета нар. комис.

Тов. комис. юстиціи Брюшвейнъ“.

Наиболѣе видными „главковерхами“ въ Екатеринодарѣ во дни осады были Автономовъ, Сорокинъ и Золотаревъ.

Ихъ часто видѣли идущими по Красной вышившихъ среди пьяной ватаги тѣлохранителей.

Автономовъ—тщедушный, невзрачный; писклявый голосокъ; — видимая бездарность. Когда Калининъ потомъ сдалъ Тихорѣцкую, на вокзалѣ въ Екатеринодарѣ одинъ штабной кричалъ: „Это—автономорщина. Развѣдку вести только на три версты отъ позиціи!“

Сорокинъ—высокій, стройный, брюнетъ. Сурово сосредоточенное лицо, безъ улыбки.

Золотаревъ—изъ шайки Степныхъ Дьяволовъ. Прямо преступный типъ. Разстрѣлялъ своего секретаря за мародерство. Былъ самъ разстрѣлянъ своими-же.

У всѣхъ ихъ все и всегда было готово къ немедленному отъѣзду.

Утромъ 30 апрѣля на первой страницѣ „Извѣстій Екатерин. Совѣтовъ“ появилось крупнымъ шрифтомъ ободряющее воззваніе:

„Бойцы. Черныя банды Корнилова и Филимонова даютъ послѣдній бой; они хотятъ отнять ваши завоеванія и безчеловѣчно расправиться съ вашими семьями.

„Да не будетъ этого! Всѣ за оружіе!

„2 Съѣздъ Совѣтовъ Кубанской области, этотъ полновластный хозяинъ, заявляетъ, что онъ ни пяди Екатеринодара не уступитъ врагамъ народа и будетъ отстаивать до послѣдней капли крови всѣ завоеванія солдатъ, рабочихъ и казаковъ.

„Да здравствуетъ революціонная армія!

„Да здравствуетъ соціализмъ!“

Все это читалось, а передъ глазами всѣхъ жителей на повозкахъ, автомобиляхъ и пролеткахъ съ позицій подвозились тысячи раненыхъ. И въ то время какъ наша армія приходила отъ затяжки штурма все въ большее и большее утомленіе, будучи лишена всякаго отдыха и смѣны—внутри города крѣпло общее убѣжденіе:

— Корниловъ все равно побьетъ!

Въ самомъ дѣлѣ—какія идутъ и идутъ подкрѣпленія, а всѣ онѣ поглощаются повидимому безплодно:

Корниловъ все надвигается!

Сначала убитыхъ и раненыхъ всѣхъ свозили въ городъ, но убитыхъ было столько, что потомъ стали хоронить ихъ тамъ же на позиціяхъ.

Обходъ конницы Эрдели кругомъ города 30-го марта былъ принятъ главковерхами за первый шагъ къ штурму города. Они не были далеки отъ истины.

Испуганный штабъ около полудня выѣхалъ въ Тихорѣцкую на автомобиляхъ. — отъѣздъ по жел. дорогѣ былъ бы слишкомъ замѣтенъ. Стали приниматься мѣры къ эвакуаціи всего цѣннаго.

Передъ самой темнотой по Гоголевской и другимъ улицамъ кругомъ главнаго вокзала скакали конные и кричали: „Долой съ улицъ! По домамъ! Туши огни!“ Обыватели бѣжали съ улицъ во дворы и тамъ прижимались къ щелямъ своихъ заборовъ и смотрѣли, что на улицахъ дѣлается: передъ ними шла цѣлая рѣка подвод, автомобилей, двуколокъ, конныхъ, пѣшихъ и пр., направлявшаяся вонъ изъ города.

Такое же движеніе было и у Черноморскаго вокзала.

Къ ночи однако прибыли новые эшелоны подкрѣпленій и штабъ вернулся.

По подсчету жел.-дор. служащихъ главнаго вокзала за дни осады въ городъ прибыло до 60.000 чел. подкрѣпленій: они подходили не только по жел. дорогѣ поѣздами, но и пѣшкомъ изъ за Кубани и сосѣднихъ станицъ.

На другой день въ Екатеринодарскихъ „Извѣстіяхъ совѣтовъ“ явилось воззваніе, написанное вернувшимся большевицкимъ штабомъ въ этотъ вечеръ—въ немъ отразилось „спасающее“ событіе дня—приходъ подкрѣпленій, послѣ которыхъ надежда опять вернулась къ главарямъ разбойничества, державшаго городъ въ своихъ рукахъ.

Товарищи! Со всѣхъ концовъ вольно Кубани движутся къ намъ на помощь р волюціонныя части.

„Станицы и хутора шлютъ намъ пожеланія успѣха въ побѣдѣ надъ заклятымъ врагомъ.

Счастливая доля выпала вамъ, пролетаріатъ Кубани. докончить остатки Корниловскихъ бандъ!

„Будьте же крѣпки и сильны духомъ!

„Будьте непобѣдимы!“

— —

Въ 12 ч. дня 30 марта ген. Эльснер извѣстилъ Корнилова, что имъ выдаютс послѣднія 10 тысячъ патроновъ, которы оставались въ артиллерійскомъ запас Армія наша могла разсчитывать лишь патроны—въ большевицкихъ складахъ!

Днемъ въ пятомъ часу Корнилову до несли, что противъ нашего лѣваго флан большевики, видимо, начинаютъ общее с ступленіе.

Корниловъ пошелъ провѣрить извѣст на наблюдательный пунктъ — небольш холмъ шагахъ въ пятистахъ передъ ш шими передовыми линіями.

Вдоль фронта наши восемь орудій б ли расположены парами—батареям Корниловъ прошелъ весь фронтъ съ права фланга на лѣвый, идя передъ орудіям Отъ каждой батареи къ нему присылал офицеръ и говорилъ:

— Обстрѣлъ сильный, ваше высок превосходительство. Просимъ не рискова собою и не идти далѣе.

Корниловъ, спокойно усмѣхаясь, сс лался на сзади шедшаго его адъютан хана Хаджіева—что-де онъ, Хаджіевъ- фаталистъ а онъ вѣдь вотъ тоже идетъ ничего съ ними не будетъ!

Къ каждому орудію онъ подходилъ, г ворилъ съ артиллеристами, дѣлалъ указ нія, куда стрѣлять съ обычной точность приказываемаго расхода снарядовъ: „п сараямъ—три снаряда, по вокзалу—пять

И отъ сказанныхъ чиселъ не допускалось никакихъ отступленій.

Подъ ожесточеннымъ обстрѣломъ противника, онъ спокойно справлялся о точномъ числѣ снарядовъ, оставшихся у орудія въ запасѣ, пробовалъ пищу и шелъ дальше. Орудія стояли открыто въ полѣ и дѣйствительно обстрѣлъ былъ сильный.

Отъ послѣднихъ орудій лѣваго фланга Корниловъ пошелъ прямо черезъ поле на наблюдательный пунктъ. Тутъ идущихъ сталъ обсыпать перекрестный пулеметный и винтовочный огонь—пули такъ и неслись тучей надъ землею.

Ханъ Хаджіевъ останавливаетъ генерала:

— Ваше высокопр—ство. Нельзя вамъ дальше идти. Вы всѣмъ нужны, а такъ рискуете!

Корниловъ обернулся:

— Кисметъ,*) ханъ! Насъ съ вами не тронетъ. Да вы приляжте! Не для того вамъ говорю это, что стоя опасно, а надо уменьшить цѣль!..

— А вы, ваше в-ство, сами—пойдете?!

Корниловъ молчитъ и идетъ дальше. Ханъ Хаджіевъ конечно идетъ за нимъ, хотя и „увеличиваетъ собою цѣль“, но—„кисметъ“!

Съ наблюдательнаго пункта полк. Міончинскій присылаетъ офицера и проситъ немедленно вернуться: обстрѣлъ сильный, и орудійный и пулеметный,—только что убило двухъ офицеровъ—еще теплые трупы ихъ лежатъ у холма.

Корниловъ доходитъ до холма, приказываетъ всѣмъ лечь за нимъ, самъ съ биноклемъ подымается на холмъ и, стоя во весь ростъ, начинаетъ смотрѣть—долго и внимательно. Пули свистятъ со всѣхъ сторонъ... Генералъ смотритъ... У всѣхъ окружающихъ болитъ и кипитъ сердце. Всѣ знаютъ, и самъ онъ знаетъ, что такое онъ для арміи и—такъ рискуетъ!! Но и то сказать: такъ перемучавшись за него нѣсколько разъ, и слушались же его эти люди въ рѣшительную минуту,—какъ Бога, и ими Корниловъ и получалъ возможность дѣлать прямыя чудеса!

— Нѣтъ, это не отступленіе, —проговорилъ Корниловъ.—Странно дѣйствительно, что много бабъ видно; точно—обозы, но это не отступленіе! Обманываютъ, негодяи! Они хотятъ намъ въ лѣвый флангъ зайти. Это—вѣрнѣе! Нѣтъ, не отступленіе это!

Въ дѣйствительности это было и отступленіе: обходъ вмѣстѣ: красногвардейцы шли в обходъ, подводы и бабы уходили изъ города, который уже не вѣрилъ въ свою безопасность.

Генералъ поговорилъ с полк. Міончинскимъ, спросилъ о мотивахъ его приказанія, отдалъ приказаніе проводчику одного изъ орудій, повернулъ и пошелъ домой той же дорогой—черезъ тотъ же жесточайшій огонь, и орудійный и пулеметный.

Это было въ самый разгаръ обычнаго обстрѣла—около 5 ч. вечера.

На возвратномъ пути ханъ Хаджіевъ сталъ уговаривать Корнилова перемѣнить мѣсто штаба,—„фермy“—на небольшіе домики въ верстѣ отъ нея. Корниловъ согласился:

— Хорошо завтра перейдемъ!

Вечеромъ Корниловъ поднимался на крышу „фермы“ для осмотра позицій.

Въ этотъ вечеръ предполагался общій штурмъ города, не состоявшійся однако.

До поздней ночи Корниловъ не спалъ и часто просилъ чаю. Онъ пилъ горячій чай и въ эту ночь нѣсколько разъ.

— Вы бы легли, ваше в—во, говоритъ ему ханъ Хаджіевъ. Вѣдь вы и прошлую ночь не спали!

— Мнѣ что? Я закрою глаза на пять минутъ—вотъ я и отдохнулъ! Дайте мнѣ чаю и корку хлѣба.

Онъ сумраченъ.

*) „Кисметъ“ по татарски—„судьба“.

— Вы знаете—убитъ полк. Нѣжинцевъ! Какая потеря! Я не могу забыть ни на минуту о немъ!

Корниловъ допилъ чай и прилегъ на постель...

Утромъ обстрѣлъ фермы начался очень рано. Походныя кухни штабныхъ частей затопили печи и дымъ отъ нихъ сталъ подниматься надъ рощей... Такъ какъ это облегчало прицѣлъ противнику—на нихъ цыкнули. Они:—„А что же?! Вчера вѣдь тоже топили и—ничего!“ Однако погасили огонь, но въ тоже время затопили печь въ кирпичной постройкѣ передъ самой фермой—надъ нею поднялась цѣлая туча дыма.

— Да что вы, дьяволы,—не понимаете, то-ли?!

Погасили опять. Обстрѣлъ продолжается...

Раннее утро. У обрыва надъ рѣкой сидятъ на скамьѣ полк. Ратмановъ Корниловскаго полка, и пор. Долинскій, другой адъютантъ Корнилова,—ихъ было у генерала два: кор. Хаджіевъ, офицеръ-текинецъ, вмѣстѣ съ Корниловымъ вырвавшійся изъ Быховскаго плѣна и пор. В. И. Долинскій.

Ратмановъ и Долинскій говорятъ о трудностяхъ предстоящаго штурма. Мимо взадъ и впередъ прохаживается Деникинъ. Онъ подходитъ и говоритъ:

— А они подвигаютъ прицѣлъ все ближе и ближе!

Дѣйствительно, снаряды, падавшіе сначала въ самомъ концѣ рощи, начинали падать теперь все ближе и ближе къ „фермѣ“. Одинъ снарядъ упалъ совсѣмъ близко позади нея. Долинскій всталъ, чтобы пойти къ генералу сказать.

Въ это время граната упала передъ самой „фермой“. Долинскій вошелъ въ домъ. Ратмановъ пошелъ было тоже, но остановился въ дверяхъ: домъ весь былъ наполненъ людьми—трудно пройти.

Вдругъ раздался страшный грохотъ.

Изъ комнаты выбѣгаетъ Долинскій, весь осыпанный штукатуркой, оглушенный. Ощупываетъ себя руками:

— Кажется живъ!

— А генералъ?

— Сейчасъ посмотрю—и бросился назадъ...

Изъ комнаты вынесли на буркѣ Корнилова... Лицо было все бѣлымъ отъ штукатурки... Онъ былъ безъ памяти... чуть хрипѣлъ, дыша...

Опять ударъ снаряда рядомъ.

Корнилова снесли на обрывъ берега надъ рѣкою и омыли. Долинскій вернулся:

— Тяжелыхъ ранъ нѣтъ, но онъ безъ сознанія...

Черезъ четверть часа тѣло принесли на носилкахъ опять, уже закрытое шинелью—Корниловъ скончался.

Ближайшій адъютантъ Корнилова, корн. Хаджіевъ разсказалъ мнѣ:

— Генералъ въ это утро всталъ очень рано, сидѣлъ за столомъ за картой. Нѣсколько разъ пилъ чай.

Около семи часовъ я былъ въ своей комнатѣ рядомъ, когда совсѣмъ близко передъ фермой разорвалась шрапнель и убила пятерыхъ солдатъ, возившихся на подводѣ около пулемета. Я сказалъ товарищамъ:

— Чувствую, что сегодня снарядъ ударитъ въ самый домъ. Вѣдь вотъ этотъ снарядъ... Только на одну линію поставь его трубку дальше, и онъ разорвался бы прямо надъ домомъ!

Въ это время Долинскій пошелъ къ генералу съ докладомъ. Позвалъ къ нему и меня.

Когда я открылъ дверь и ступилъ въ комнату, генералъ сидѣлъ передъ столомъ, отъ меня вправо, лицомъ влѣво. Сзади его была стѣна печки. Направо отъ него было окно, у другой стѣны, передъ нимъ—кровать. Долинскій стоялъ у стола, наклонившись немного къ генералу, въ профиль ко мнѣ.

Едва я ступилъ въ комнату, граната, пробивъ стѣну повыше постели Корнилова ударилась ударомъ воздуха Корнилова и Долинскаго въ стороны и разорвалась въ комнатѣ рядомъ.

Долинскій былъ выброшенъ вонъ изъ комнаты въ корридоръ, самый же взрывъ гранаты весь прошелъ въ потолокъ, никого кромѣ Корнилова не ранивъ кругомъ, только въ сосѣдней комнатѣ былъ контуженъ офицеръ, находившійся тамъ.

Корниловъ былъ подброшенъ вверхъ, ударился о печь, упалъ вплывъ и на него обрушился потолокъ.

Все скрылось въ бѣлой пыли известки.

Я бросился съ Долинскимъ къ генералу. Сначала ничего и видно не было въ густой бѣлой пыли. Потомъ нашли генерала и вытащили его изъ подъ обломковъ потолка и штукатурки. Онъ трудно хрипѣлъ и былъ безъ сознанія. Сквозь небольшую рану осколкомъ у него перебита была кость лѣваго бедра, вѣроятно обломками потолка нанесено нѣсколько мелкихъ ссадинъ на лицѣ, на щекахъ и на лбу и чѣмъ то небольшимъ пробита мочка лѣваго уха. Вотъ всѣ раны. Столъ подъ который онъ былъ сбитъ, видимо прикрылъ его отъ обрушившихся на него обломковъ, но смертельно было то общее сотрясеніе организма, которое было вызвано воздушнымъ ударомъ отъ столь близкаго полета гранаты.

Мы положили генерала на бурку и вынесли наружу.

Вздохнувъ нѣсколько разъ, онъ скончался...

Былъ восьмой часъ утра.

Деникинъ ждалъ извѣстій на фермѣ. Пришелъ докторъ.

— Скажите что нибудь утѣшительное!

— Безнадеженъ!—сказалъ докторъ.

Деникинъ судорожно выхватилъ платокъ и заплакалъ, закрывъ лицо...

Въ это время кругомъ заговорили,—кто приметъ командованіе?

— Да, я... конечно я... приму...—сказалъ Деникинъ прерывающимся голосомъ, отдернувъ платокъ.—Объ этомъ было раньше распоряженіе Лавра Георгіевича...

Тѣло Корнилова, покрытое буркой, было отправлено на артиллерійской повозкѣ въ Елисаветинскую. На полдорогѣ встрѣтился ген. Алексѣевъ. Онъ вышелъ изъ коляски, сталъ на колѣни у повозки, помолился Богу и глубоко поклонился тѣлу боевого товарища. Потомъ онъ подошелъ и приподнялъ бурку съ лица покойнаго, долго смотрѣлъ въ него и поцѣловалъ въ лобъ...

Кто опишетъ его ощущенія? Съ крошечными, но желѣзными силами весь окружающій міръ былъ Добровольческой арміей вызванъ на борьбу, и вдругъ—ударъ, разсѣявающій самый духъ арміи!

Черезъ 10—15 минутъ послѣ роковой гранаты обстрѣлъ прекратился. Велся онъ то шрапнелями, то гранатами. Штабъ перешелъ съ фермы въ конецъ рощи и тамъ расположился въ неглубокомъ рву подъ открытымъ небомъ.

Вскорѣ пріѣхалъ Алексѣевъ.

Деникинъ подошелъ къ нему со словами:

— Ожидаю приказаній вашего высокопревосходительства!

Алексѣевъ официально передалъ Деникину командованіе надъ арміей. Тогда же въ штабѣ стало извѣстнымъ, что мы отходимъ, и къ вечеру приказано было грузить раненыхъ на подводы для выступленія.

Уже втеченіе дня 31 марта нашъ лѣвый флангъ началъ отходъ, отступивъ къ вечеру на довольно значительное разстояніе отъ своихъ утреннихъ позицій. Большевики не наступали, боясь ловушки.

Смерть Корнилова съ утра оставалась на позиціяхъ неизвѣстной. Никакихъ приказаній о штурмѣ Корниловымъ по частямъ еще не было послано. Штурмъ предполагался по однимъ—въ 4 ч. дня 31

марта, по другимъ—въ 2 ч. ночи на 1 апрѣля.

Части къ нему готовились.

Всѣ знали, что городъ мы возмемъ, но какъ—никто не могъ разсказать это достаточно убѣдительно и правдоподобно. Разница численныхъ силъ и артиллерійскихъ средствъ была у насъ съ большевиками слишкомъ велика, но мы всѣ знали, что въ рѣшительную минуту Корниловъ самъ создастъ такія событія, такія происшествія, при которыхъ городъ будетъ взятъ.

Наибольшій пессимизмъ выраженъ былъ однимъ изъ полковниковъ арміи такъ:

— Конечно, при Корниловѣ все было возможно—такая у него была власть надъ войсками и даже надъ самою судьбою! Но лично я не вѣрилъ въ успѣхъ штурма. При неуспѣхѣ-же нельзя было и представить, что произошло бы. Конечно, Корниловъ не пережилъ бы неудачи штурма—онъ или застрѣлился бы или подставился бы самъ подъ пулю. По моему, въ сущности только благодаря смерти Корнилова Добровольческая армія сохранилась.

Я лично думаю иначе:—штурмъ удался бы! Положеніе большевиковъ внутри города было слишкомъ сложно и нервно напряжено. Многовластіе и своеволіе раздирали ихъ войска. Минута паники была всегда возможна и произошла бы. Ея не упустилъ бы Корниловъ, геніально чуткій ко всѣмъ малѣйшимъ перемѣнамъ боевого духа и настроенія на полѣ сраженія, и сумѣлъ бы, бросивъ въ дрогнувшее мѣсто всего двѣ-три сотни безтрепетныхъ храбрецовъ, переломить и опрокинуть весь фронтъ, все сопротивленіе противника: зыбкая безпастушная цыганщина побѣжала бы, куда бы ее погнала желѣзная воля Корнилова... какъ это всегда бывало раньше... Не надо забывать, что городъ легко было поставить между двухъ огней: по другую сторону его лежала станица Пашковская, вѣчно непокорливая, бунтарская противъ большевиковъ.

Повторяю:—нельзя было разсказать правдоподобно, какъ могъ бы удаться штурм но дѣло было въ неоспоримомъ фактѣ, ч Корниловъ былъ геній боевого поля, сам создававшій себѣ средства изъ „ничег и—событія. Да, онъ былъ геній боево поля! Это нисколько не преувеличе Онъ такъ тонко ощущалъ всѣ колебан на полѣ боя, такъ мѣтко, такъ по новом приглядывался къ слабымъ сторонамъ пр тивника и такъ стремительно ими польз вался, что всегда находилъ дорогу къ побѣ дѣ, тутъ же превращая ее въ погром противника.

Это тоже черта военнаго таланта Ко нилова:—каждую побѣду свою онъ зав шалъ „паникой“ для непріятеля.

Въ „Посл. Арм. Изв.“ описано „безн дежное“ наступленіе Корнилова въ октяб 1914 г. на высоту „650“ у городка Збо на спускѣ въ Венгрію*):

„Какъ могучій великанъ, поднимает эта гора среди другихъ горъ и дале видны ея громадные размѣры Нѣсколь рядовъ глубокихъ окоповъ, безконечны площади проволочныхъ загражденій, бе численныя засѣки и сильная артиллер придавали ей видъ грозной крѣпости.

Вдобавокъ три сильныхъ редута бы расположены на ея вершинѣ. Сами а стрійцы гордились своими укрѣпленія не вѣрили, что ихъ можно взять и наз вали эту высоту „вторымъ Перемышлем Мимо ея, извиваясь, шла единственная д рога въ Венгрію.

Съ горы „650“ вражеская артиллер держала всю эту дорогу въ своихъ р кахъ. Взять эту гору ударомъ не пре ставлялось возможнымъ.

---

*) Беру эту интересную выдержку изъ пр красно и содержательно написанной брошю „Первый народный главнокомандующій г Л. Г. Корниловъ“. Въ ней читатель найде много фактовъ, которые объяснятъ ему, т такое былъ Корниловъ.

Каждый день подолгу генералъ оставался на своемъ наблюдательномъ пунктѣ, подолгу разсматривалъ укрѣпленія горы. Съ разныхъ сторонъ и съ разныхъ пунктовъ подходилъ онъ къ ней и занимался тщательнымъ ея изученіемъ. Еще сосредоточеннѣе стало выраженіе его лица. Въ штабѣ нѣсколько офицеровъ чертили карту этой высоты, а самъ генералъ каждый разъ отмѣчалъ на ней все новыя и новыя данныя. Вскорѣ генералъ повеселѣлъ; сталъ часто ѣздить на лѣвый флангъ, оттуда только разсматривалъ укрѣпленную гору и ставилъ какіе-то знаки у себя на картѣ.

Здѣсь ген. Корниловымъ былъ примѣненъ геніально простой способъ развѣдки. Неизмѣнно присутствуя на всѣхъ опросахъ плѣнныхъ, онъ пристально наблюдалъ со стороны поведеніе захваченныхъ австрійцевъ. Испугъ выдавала особая болтливость или сумятица и слабыя духомъ войска сразу себя показывали.

Отмѣтки на картѣ обозначали позиціи, занятыя особенно слабыми, не дисциплинированными войсками.

Именно сюда и готовилъ генералъ свой рѣшительный ударъ.

Наконецъ, онъ видимо выработалъ планъ и отдалъ приказаніе наступать. Артиллерія открыла ураганный огонь по высотѣ, завязался ружейный бой и русскія цѣпи стали нажимать на передовыя позиціи непріятеля у ея подножія.

А это время главныя наступательныя войска—11 батальоновъ изъ 16—тихо крались въ обходъ высоты, незамѣтно подошли къ назначенному мѣсту и вдругъ страшнымъ внезапнымъ ударомъ бросились на линію австрійцевъ.

Не выдержалъ здѣсь врагъ и смятый, раздавленный, въ паникѣ бѣжалъ.

На его плечахъ ворвались русскіе полки вглубь вражеской позиціи и отсюда, бросивъ преслѣдованіе, повернули по пути, указанному ген. Корниловымъ. Путь этотъ оказался ключемъ ко всѣмъ позиціямъ.

Какой-то роковой недочетъ былъ въ ихъ устройствѣ.

Генералъ нашелъ этотъ недочетъ и до конца использовалъ его.

Каждый шагъ полковъ, каждый ихъ успѣхъ выводилъ ихъ постоянно въ тылъ главныхъ австрійскихъ позицій. Среди австрійцевъ произошло замѣшательство, командованіе разстроилось и черезъ короткое время они бросили свои укрѣпленія, забыли ихъ силу и въ безумномъ бѣгѣ искали спасенія".

Нѣчто подобное было бы и при штурмѣ Екатеринодара! Четыре дня изучалъ его Корниловъ, карта его была конечно, покрыта сотнями отмѣтокъ и ударъ, внезапный и сокрушительный, былъ уже навѣрно намѣченъ до самаго сердца позицій противника!

А если бы Корниловъ взялъ Екатеринодаръ, онъ, конечно, и даже легко удержалъ бы его потому, что вмѣстѣ съ городомъ онъ получилъ бы сильную артиллерію и десятки тысячъ снарядовъ.

Это очень важное обстоятельство въ столкновеніи именно Корнилова именно съ большевиками.

Мнѣ говорилъ дежурный по станціи главнаго вокзала Екатеринодара, г. М-ій, что за время осады имъ было принято до 2000 вагоновъ со снарядами, патронами и войсками. На вокзалѣ скопилось всего до 3000 вагоновъ, такъ что, когда большевики въ послѣдніе дни, готовясь къ эвакуаціи, погрузили 66 вагоновъ гранатныхъ стакановъ на „Кубанолѣ", орудійномъ заводѣ Кубанскаго войска, чтобы услать ихъ въ Царицынъ—вагоны нельзя было протолкнуть черезъ станцію и они были оставлены. Артиллерійскіе запасы были свезены въ Екатеринодаръ дѣйствительно огромные!

Останься у Корнилова послѣ штурма даже только полторы тысячи боев-

способныхъ войскъ какъ основа для новаго набора, и получи онъ въ городѣ 10.000 снарядовъ и двадцать пушекъ, ему не страшенъ былъ бы натискъ даже 30.000 большевиковъ. Ибо и восьмидесяти тысячамъ большевиковъ показался бы неодолимо страшенъ Корниловъ, располагающій сильной артиллеріей, обильной снарядами. И тутъ уже для большевиковъ становится невозможнымъ составить сколько нибудь правдоподобный планъ успѣшной борьбы съ Корниловымъ, опирающимся на сильную артилерію.

Тѣ, кто допускаютъ, что Корниловъ если и могъ бы взять городъ, ибо на полѣ битвы онъ дѣйствительно творилъ „невозможное“ на глазахъ у всѣхъ неоднажды, то послѣ этого онъ все равно не удержалъ бы его въ своихъ рукахъ дольше нѣсколькихъ дней,—идутъ противъ опыта и прямого вывода изъ всѣхъ боевъ нашихъ съ большевиками, который говорилъ: „большевики неспособны выдерживать артиллерійскаго огня вовсе“. Эта способность нѣсколько окрѣпла у нихъ лишь впослѣдствіи во второмъ нашемъ Кубанскомъ походѣ—въ обстоятельствахъ безвыходности.

А если такъ—какую же армію нужно было бы имъ собрать противъ Корнилова, занявшаго городъ и имѣющаго при себѣ достаточно пушекъ и нѣсколько вагоновъ снарядовъ? И сколько мѣсяцевъ они ее собирали бы и готовили?

Между тѣмъ къ 10 апрѣля по переписи Корнилова со Щербачевымъ долженъ былъ на Донъ прибыть полкъ. Дроздовскій со своей отборной бригадой и обильно снабженной снарядами артиллеріею—онъ опоздалъ въ Ростовъ только на десять дней!

Нѣтъ! Начни Корниловъ штурмъ, онъ взялъ бы городъ, а взявъ его, удержалъ бы его и создалъ бы изъ него основу новой своей силы...

Такъ написано было въ книгѣ судебъ, но которая прочла другое... Нужно было, чтобы Россія всколебалась и потряслась еще глубже!..

Въ Елисаветинской, хотя тѣло Корнилова было привезено туда еще утромъ, ничего не знали до послѣ полудня. Только въ штабѣ, куда я зашелъ съ утра, меня поразило что то мучительно затаенное и настроеніи такого посвященнаго въ ходъ дѣлъ человѣка, какъ полк. Патронов. Всегда неизмѣнно ровный и бодрый, онъ видимо былъ чѣмъ то подавленъ, но—ничего мнѣ не сказалъ.

Лишь въ первомъ часу я впервые услышалъ на улицѣ:

— Вы слышали—Корниловъ убитъ!

— Что за вздоръ! Это—провокація! Который разъ уже пускаютъ это!

— Нѣтъ, на этотъ разъ вѣрно! Мнѣ сказало мое начальство. Оно вернулось с панихиды.

Я бросился къ „начальству“. Извѣстіе подтвердилось. Мнѣ указали домъ на окраинѣ станицы, гдѣ лежало тѣло,—гдѣ его охранялась...

Я былъ тамъ, чтобы проститься.

Въ небольшой комнатѣ было полутемно: окна на улицу были закрыты. Вокругъ тѣла—свѣчи и цвѣты; въ погахъ причетникъ читаетъ псалтырь. Челюсть подвязана платкомъ. На лицѣ, на лбу и кругомъ носа на щекахъ—нѣсколько мелкихъ ссадинъ, видимо лишь сверху порвавшихъ кожу.

Выраженіе лица холодное, какимъ никогда оно не было при жизни. Тонкій горячій духъ сквозилъ всегда въ изломанныхъ, странныхъ чертахъ этого киргизскаго лица... И пылкая пламенность этого духа дѣлалась только еще чувствительнѣе для васъ, когда вы тутъ же слышали всегда спокойный звукъ словно намѣренно замедленной рѣчи Корнилова. Точно три человѣка было въ немъ—одинъ жарко думалъ, другой холодно говорилъ, тѣмъ и другимъ управлялъ кто-то третій

Маленькое тѣло это не соотвѣтствовало громному дѣлу, имъ сдѣланному. Около Корнилова, какъ около крѣпкой сваи, другъ вбитой въ самой стремнинѣ потока, русская революція разомъ круто завернулась—отъ пропасти прочь. Недаромъ для Ленныхъ и Троцкихъ Корниловъ,—никто другой!—былъ воплощеніемъ „контръ-революціи".

Я еще не могъ видѣть всѣхъ послѣдствій его сказочнаго похода, но я уже зналъ, что Добровольческая армія имъ уже спасена и идея ея уже наполнена горячею жизнью, которая отъ нея разольется по всей Россіи.

— Ты совершилъ великое,—медленно слагалось въ душѣ моей обращеніе къ покойному вождю доблестныхъ дружинъ.—Величіе и доблесть русскаго духа собрались къ тебѣ, какъ къ послѣднему своему прибѣжищу среди обезумѣвшей смуты, и два долгихъ мѣсяца неусыпно и неустанно борясь съ враждою и предательствомъ, ежедневно и ежеминутно выставляя себя косѣ смерти—ты на орлиныхъ крылахъ вознесъ торжество великаго русскаго имени надъ всѣми препятствіями и врагами къ высокому небу! Ты—истинный подвижникъ русской доблести! Память о тебѣ встала отнынѣ въ вѣкахъ въ благодарномъ сердцѣ русскихъ! Тобою новая Россія прошла отъ своего прошлаго къ своему будущему черезъ топи всяческаго распѣнія такою же великою, доблестною и державною, какою и была, и имя твое останется въ исторіи ея на вѣки!

Выходя, на крыльцѣ я увидѣлъ текинца изъ конвойныхъ Корнилова, мрачно сидѣвшаго, закрывъ лицо руками. Человѣкъ видимо переживалъ тяжелое.

Мужественные люди!

Текинцы, совсѣмъ новый въ государственныхъ предѣлахъ Россіи народъ, сыгралъ совсѣмъ особую и доблестную роль въ судьбѣ Корнилова и исторіи его выхода на міровую всероссійскаго диктатора.

Все моральное въ арміи было разложено лестью грубымъ инстинктамъ и политическому невѣжеству массъ, предательствомъ, трусостью, угодничествомъ передъ торжествующими „товарищами"... Люди, сильные и прямые, только еще начали собираться въ новыя организаціи, какъ ударные полки, Корниловскій полкъ и т. д., и во всей нашей арміи одни текинцы заявили твердо:

— Мы—воины, и честнаго воина, хотя и сурового начальника, мы поддержимъ всѣмъ и немедленно: пулями, кинжалами и снарядами, если на него нападутъ предатели!

Такъ сказали, такъ и держались—твердо, рѣшительно и неотступно!

И—побѣдили!

Ихъ не осмѣлились не пустить въ Быховъ для охраны Корнилова, ибо безъ всякаго сомнѣнія они тутъ-же начали бы рѣзню и расправу съ убійцами, приготовившимися къ своему дѣлу. Керенскій посылалъ въ Хиву срочныя телеграммы, требуя чтобы мѣстные комитеты отозвали текинскій отрядъ на родину.

Текинцамъ пришлось напряженно бороться съ этимъ кровавымъ подвохомъ, чтобы отстоять свое право защищать доблесть и честь своего генерала противъ козней политическаго убійства.

Какъ расшатано было все въ арміи кругомъ Корнилова—вотъ фактъ. Ген. М. В. Алексѣевъ, пріѣхавъ въ Могилевъ для опроса Корнилова, созвалъ Георгіевскій полкъ, бывшій въ составѣ „охраны" Корнилова, и обратился къ нему съ напоминаніемъ долга службы и чести, сказавъ въ концѣ и то, почему онъ это дѣлаетъ: потому, что „среди васъ есть негодяи, получившіе деньги за то, чтобы нарушить долгъ службы и чести, и если они вздумаютъ отрицать это, я поименно назову тѣхъ изъ васъ, кто получилъ 18,000 руб. изъ сборовъ, сдѣланныхъ по Минову для возрожденія выборовъ".

Полкъ мертво молчалъ. Подождавъ нѣсколько, генералъ молча вышелъ.

Корниловъ будетъ имѣть свой „День Славы", день по[с]вященія его памяти въ русскій вновь окр[ѣп]шій Кремль и воздаянія ему чести и благодарности отъ лица всего русскаго народа. Въ этотъ день Россія не забудетъ почтить и молодого брата по оружію старыхъ народовъ своихъ—доблестный, прямодушный и львино-крѣпкій въ бою текинскій народъ, честнымъ сердцемъ почувствовавшій святую правоту желѣзнаго русскаго вождя и не давшій растоптать его и надъ правдой надругаться, даже когда сами русскіе—стыдно и тяжело сказать!—дрогнули въ своихъ массахъ.

— Со стороны виднѣе!—вотъ все, что могутъ среди этихъ русскихъ сказать злополучные виновные!..

Слава тебѣ, текинскій народъ!

Горячая и вѣчная благодарность вамъ всѣхъ русскихъ людей, мужественныя души!!

О смерти Корнилова войска узнали только уже послѣ полудня. Впечатлѣніе общее: „Дѣло проиграно!" но разговоровъ между собою—никакихъ! Слишкомъ все было ясно, тяжело и важно.

Среди дня собирался штурмъ—четвертый разъ! На кожевенные заводы пришелъ въ 1-ый куб. стр. полкъ Марковъ и произнесъ горячую рѣчь:

— Городъ надо взять, иначе армія погибла. Когда пойдете, перекреститесь какъ передъ страшнымъ таинствомъ и помните —я буду съ вами. Убьютъ—такая судьба, но убьютъ еще вѣрнѣе при отступленіи! Помните о тысячѣ нашихъ раненыхъ, которые будутъ перебиты, если городъ не будетъ взятъ!!

Это было около 2 ч. дня. Штурма однако не началось. Шла обычная перестрѣлка, рѣдкая съ нашей стороны и ожесточенно несмолкаемая со стороны большевиковъ. Они перевезли пушки на ту ст[о]рону Кубани и обстрѣливали кожевенн[ые] заводы по улицамъ вдоль и поперекъ.

Все время прибывали раненые изъ ар[]тиллерійскихъ казармъ (Баттареи).

„Къ вечеру тамъ осталось изъ 2 рот[ы] Офиц. п. всего 11 чел."—разсказываетъ Головковъ—„вмѣстѣ съ командиромъ р[о]ты полк. Лаврентьевымъ. Въ это время н[а]блюдатель, сидѣвшій на крышѣ, сообщил[ъ] что большія колонны войскъ съ обоза[ми] выходятъ изъ города на сѣверъ. На[мъ] объявили, что противникъ покидаетъ г[о]родъ. Хоть мы и не повѣрили, но на д[у]шѣ стало легче. Въ нашей 3-ьей ро[тѣ] четвертый взводъ состоялъ исключитель[но] изъ гвардейскихъ офицеровъ. Команд[о]валъ ротой гв. полк. Римскій-Корсаков[ъ]. Ротная пулеметная команда состояла и[зъ] 2 взводовъ по 2 пулемета каждая. Часо[въ] около шести вечера командиръ роты об[ъ]явилъ приказъ: „4-й гвардейскій взво[дъ] расформировывается; пулеметчики всл[ѣд]ствіе большихъ потерь соединяются [въ] одинъ 1-й взводъ, а гвардейцы образую[тъ] 2-й взводъ пулеметной команды. Это[тъ] взводъ командируется съ 2 пулемета[ми] в[ъ] ф[о]рму". Гвардейцы засвѣтло погруз[и]лись на подводы и уѣхали впереди шта[ба].

„Такъ было всегда—гвардейцевъ всег[да] сохраняли въ безопасности, 4-й взво[дъ] всегда былъ въ резервѣ. Это было та[къ] замѣтно, что мы всѣ удивлялись, ка[къ] допускалъ это самъ 4-й взводъ".

„Изъ гвардейцевъ въ вечернемъ дѣ[лѣ] 31-го марта участвовали ком. роты пол[к.] Римскій-Корсаковъ (убитъ тамъ же) [и] вновь назначенный нач. пулем. ком. [] кап. Цѣхоцкій (храбрый офицеръ) Ге[н.] Марковъ относился къ гвардейцамъ [и] ихъ заслугамъ".

Я даю мѣсто этому разсказу не д[ля] того, чтобы поднимать рознь между гва[р]дейцами и не-гвардейцами въ арміи, [а] напротивъ, чтобы съ нею покончить, [въ] конецъ. Даже и въ Корниловской Добр[...]

вольческой арміи гвардейскія привиллегіи, оказывается нашли себѣ уголокъ и признаніе, вызывая рознь и разобщеніе въ боевомъ товариществѣ! Это нетерпимо въ нормальной арміи и оглашеніе такихъ попытокъ будетъ наилучшимъ и наиплодотворнѣйшимъ наказаніемъ виновныхъ *).

„Въ 8 ч. вечера мы выскочили изъ казармъ такъ какъ раздались раскаты „ура"! Шла аттака. Чья—мы не знали.

„Оказалось, большевики аттаковали артиллерійскія казармы, заняли ихъ и на время успокоились.

„Полк. Римскій-Корсаковъ приказалъ нашему пулемету подъ охраной 4-хъ пѣхотинцевъ идти въ темнотѣ впередъ „до соприкосновенія съ противникомъ". Вышли мы за уголъ на площадь между кожевенными заводами и казармами Екатер. полка и остановились. Въ это время пошла наша рота въ составѣ не болѣе 60—70 штыковъ (всего три взвода,—гвардійскій ушелъ!). Двинулись въ темнотѣ впередъ, гдѣ нашихъ уже никого не было: всѣ отошли, а наша рота была назначена прикрывать отходъ.

„Пули все время свистѣли кругомъ. Появились убитые и раненые. Шаговъ черезъ 500—600 мы наткнулись на товарищей, густой цѣпью шедшихъ въ аттаку, залегли и очутились въ 30—40 шагахъ отъ нихъ.

„Мы лежали на склонѣ, причемъ ноги были выше головы и пламя горящаго дома освѣщало насъ. „Товарищи" сидѣли въ канавѣ. Пули, ударяясь въ землю, поднявши такую пыль, что трудно было дышать. Кожухъ нашего пулемета былъ тотчасъ же пробитъ, вода вылилась и пулеметъ выбылъ изъ строя. Большевики поддерживали сильный огонь изъ бомбометовъ. Шелъ бой ручными гранатами. Если бы товарищи знали что насъ всего около полусотни человѣкъ! Но мы ихъ задержали. Минуть черезъ 50 пришелъ приказъ—по одному отходить, что и было исполнено. Ночная темнота значительно уменьшила наши потери, но всеже они были серьезны...

„Пройдя къ фермѣ, мы застали тамъ кучки офицеровъ и добровольцевъ. Тамъ же былъ и ген. Марковъ. Онъ курилъ папиросу за папиросой и разговаривалъ неохотно. Говорилъ лишь о новой задачѣ—уйти отъ товарищей, которые выслали колонны въ обходъ намъ. Нашей роты не было. Вообще изъ Офицер. полка въ эту ночь собрались только 5 и 6 роты. Другія же роты сошлись только къ вечеру слѣдующаго дня въ колонкѣ, сдѣлавъ дорогу до нея отдѣльными группами и въ одиночку съ частями, съ которыми соединила ихъ случайность боя".

О ген. Марковѣ и кубанецъ изъ 1 стр. полка мнѣ разсказывалъ:

„Около 9 ч. къ намъ на кожевенные заводы пришелъ ген. Марковъ и сказалъ, что „большевики насъ обходятъ, надо отступать и чтобы отсталыхъ не было! Усталость, контузіи—все это вздоръ. Всѣ должны знать: идти—одно спасеніе, идти сражаясь"..,

———

Къ вечеру я опять поѣхалъ на ферму. Вся половина неба надъ городомъ мрачно чернѣла отъ тяжелыхъ свинцовотемныхъ, огромныхъ тучъ. Встрѣтилъ ген. Алексѣева, возвращавшагося въ своей полуколяскѣ въ станицу, очевидно съ военнаго совѣщанія. Далѣе у самой фермы Деникинъ верхомъ на высоконогомъ конѣ медленно проѣхалъ со своимъ штабомъ и завернулъ на кирпичные заводы—въ двухъ верстахъ отъ фермы, ближе къ Елисавэтинской станицѣ... Туда переведенъ былъ штабъ.

На совѣщаніи рѣшено было отходить на Донъ, такъ какъ для штурма имѣлось всего 250 снарядовъ и 15.000 патроновъ, а для

*) Сентябрскимъ приказомъ Деникина всѣ привилегіи гвардейцевъ въ Добровольческой арміи уничтожены фактически.

„удара“ всего 300-400 человѣкъ, не окончательно перемученныхъ. Таковы были стратегическіе мотивы. Дѣйствительные же были въ томъ, что у насъ не было Корнилова, человѣка на роль диктатора, который долженъ былъ выступить въ Екатеринодарѣ, если брать его, а если такого человѣка нѣтъ, то и Екатеринодаръ не къ чему!

„Отступить отъ Екатеринодара“—„если это удастся“ прибавилъ Алексѣевъ...

На фермѣ и около нея я нашелъ только нѣсколько десятковъ людей... Роща опустѣла. Снаряды обсыпали ее, какъ вчера, но прямо глупое впечатлѣніе производили „черные черти“, взвывавшіе среди этой пустоты и безлюдья.

По дорогѣ назадъ мы перегнали команду полевыхъ телефонистовъ, среди которыхъ нашлись знакомцы. По ихъ словамъ—„Къ вечеру мы продвинулись еще... Взято пять новыхъ кварталовъ... Вышли на Красную улицу (главную въ городѣ)... Большевики массами выѣзжаютъ изъ города!!..“

Часть правды была и въ этомъ...

Почти уже совсѣмъ стемнѣло, когда я подъѣхалъ къ своей хатѣ въ Елизаветинской. Выскочила хозяйка казачка:

— Да всѣ ваши уже уѣхали! Еще часа полтора назадъ! Всѣ, всѣ!... Погрузились и уѣхали!...

— Куда?

— А не знаемъ!.. Ѣхали вотъ сюда!—и она махнула рукой къ околицѣ.

По темнымъ улицамъ поѣхали искать слѣды обоза. Вездѣ во мракѣ еще двигались подводы съ ранеными... Въ школѣ лежали тяжело раненые—свѣтились окна. Я зашелъ...

На полу въ опустѣвшихъ комнатахъ лежали словно забытые нѣсколько наиболѣе тяжело раненыхъ... Вмѣсто иного вида было только кучка чего-то, прикрытая тряпьемъ... Иные просятъ сестеръ помочь имъ выйти къ подводамъ... Тѣ ходятъ мимо и какъ будто не слышатъ ихъ:

— Что, развѣ еще нѣтъ подводъ?

— Они остаются здѣсь,—тихо отвѣчаетъ сестра... Ея лицо все потемнѣло!..

Потемнѣло и у меня на душѣ:

— Боже! За жертву жизнью... какая награда!.. Остаются, на издѣвательство зарямъ!

Отыскалъ врача отдѣленія:

— Тяжелыхъ оставляютъ... всего около шестидесяти,—сказалъ онъ. Такихъ, которые все равно умерли бы, если бы подводы пришлось гнать рысью, а при отходѣ это возможно, даже неизбѣжно. Съ ними остаются два врача, сестры... Раненые сдаютъ на отвѣтственность станицы; оставляютъ деньги на ихъ леченіе.... Станичники дали обѣщаніе не допустить расправы надъ ними. Оставляются вмѣстѣ и раненые большевики.

Самое успокоительное было то, что съ ранеными оставались врачи. Невольно казалось, что и здѣсь они успѣютъ добиться чего то... человѣческаго!..

— У насъ кромѣ того есть заложники—безсильно бродило въ мысляхъ... Но у Корнилова этого не было-бы!

Это ужъ—навѣрно, и это указывало осязаемо всю громадность перемѣны.

Шагъ отшагнутъ былъ сразу огромный!

— Уходимъ!

И мучительно, и стыдно было за раненыхъ и передъ населеніемъ станицы, оставшимся на месть и расправу большевиковъ!

Нескоро собрался за околицей станицы огромный обозъ... Онъ увеличился значительно отъ того, что Деникинъ посадилъ на подводы и боевыя войска, шедшія съ обозомъ—мы могли теперь, не отрываясь отъ пѣхоты, все время ѣхать рысью. Весь ходъ отряда сильно ускорялся.

Наконецъ, добившись кое-какого порядка въ своихъ частяхъ, обозъ потянулъ въ степь, широкую, темную, глухую.

Куда? Туда—куда завтрашній день откроетъ намъ выходъ...

Гдѣ ты, Русь, живая, крѣпкая душой и олей?

Откликнись!.. Все ищемъ тебя!

На сердцѣ у всѣхъ было тяжело. Еще немъ говорили, что двое раненыхъ застрѣлились, узнавъ о смерти Корнилова...

Всю долгую ночь, и утро, и безконечный день—ѣхали и ѣхали... шли и шли...

Обходимъ большія станицы, проходя между хуторами, иногда безъ дороги. Очевидно Деникинъ задалъ арміи сдѣлать сегодня переходъ огромный и онъ дѣлался.

Отойдя верстъ двадцать, слышимъ—въ Лозѣ собираютъ подводы—послать въ Елисаветинскую за ранеными. Оказалось—оставили ихъ по какому-то недоразумѣнію, какое то распоряженіе было не передано во время. Деникинъ былъ потрясенъ, узнавъ, что раненые оставлены и хотѣлъ послать войска за ними.

— Это для меня самый тяжелый день весь походъ!—сказалъ онъ Д. Сверчкову, члену Кубан. правительства.

Подводъ не набрали... Раненые остались своей судьбѣ...

Къ вечеру у Старовеличковской наткнулись на обстрѣлъ пары пушченокъ, скоро прекращенный обходомъ нашей конницы...

Въ эту ночь большевики продолжали свой „обходо-отходъ“ на сѣверъ вдоль жел. дороги—дѣйствительно туда шли и шли къ войска, но съ ними же тянулись и подводы убѣгавшихъ. Утромъ 1-го апрѣля газеты Екатеринодарскія еще ничего не могли сообщить объ отходѣ арміи, не зная о немъ. Воззваніе отъ совѣтовъ ихъ было напечатано такое:

„Товарищи! Врагъ мечется какъ звѣрь въ клѣткѣ, бросаясь то въ одну, то въ другую сторону, но всюду натыкаясь на стальные штыки нашихъ бойцовъ, падаетъ обезсиленный. Въ эти нѣсколько дней мы показали всей буржуазіи, что мы всѣ—единеніе, что мы—несокрушимая твердая сила.

„Такъ будемъ же тверды до конца!

„Добьемъ эту преступную шайку!“

„Обходо-отходъ“ встрѣтился по дорогѣ на Титровку съ эшелонами, шедшими на подмогу большевикамъ, и съ ними обходныя войска повернули къ западу во флангъ нашему отступленію.

Но Эрдели еще днемъ 31-го получилъ отъ ген. Деникина записку, въ которой было сказано: „въ виду тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится армія, конница должна быть готова къ самопожертвованію.“ И Эрдели бросилъ три конныхъ полка на наступавшія колонны большевиковъ. Аттака была доблестная. Около 300 раненыхъ и убитыхъ было потерей нашей въ этомъ столкновеніи утомленныхъ конниковъ съ совершенно свѣжей пѣхотой. Но цѣль была достигнута. Большевики были откинуты опять къ садамъ, на углѣ которыхъ они и остановились...

Наше отступленіе могло совершаться безъ помѣхи...

Весь день на подводахъ разговоры—гдѣ мы перейдемъ желѣзную дорогу?

Конечно большевики нагонятъ броневиковъ и артиллеріи на мѣсто перехода, сколько только смогутъ!

Все время мы шли прямо на сѣверъ—на ст. Тимошевскую,—за нею лежала большая станица Брюховецкая, и хлѣбная и всегда враждебная большевикамъ. Но поздно вечеромъ, перейдя черезъ рѣку, мы круто опять свернули на югъ и въ началѣ ночи пришли въ нѣмецкую колонію Гначбау.

Здѣсь мы оказались на распутьи между станціями Медвѣдевской и Ново-Титровской—на совершенно равномъ разстояніи отъ каждой—25 верстъ. Пойти можемъ одинаково на любую. Угадывайте, большевицкіе стратеги!

Уютно, тепло и сытно живутъ нѣмецкіе колонисты! Но вотъ имъ и ихъ сородичамъ захотѣлось жить еще лучше и—Россія разворена, ограблена, истерзана и въ голодѣ!..

Въ колоніи мы оставили всѣ пушки, кромѣ четырехъ: все равно всѣхъ снарядовъ было только 31. Уходя, мы видѣли наши пушки брошенными между овинами, безъ замковъ съ перерубленными колесами...

Около колоніи мы похоронили тѣло ген. Корнилова, которое везли съ собою. Объ этомъ погребеніи мы въ арміи во время похода знали одно: только шесть человѣкъ знаютъ мѣсто погребенія; съ него снятъ точный планъ; могила заровнена подъ уровень поля, засѣяна и заборонена за одно со всею полосою; въ 60 шагахъ отъ Корнилова погребенъ его вѣрный сподвижникъ полк. Нѣжинцевъ.

Такъ должно было бы быть! Вы помните эти стихи о похоронахъ убитаго вождя на мѣстѣ боя:

„Не билъ барабанъ среди смутной толпы,
Когда мы вождя хоронили...
...Намъ тускло въ туманѣ свѣтила луна...
...Могилу штыками копали...

Но почему-то сдѣлано было все совсѣмъ иначе: тѣло было похоронено днемъ около полудня всего въ 500 шагахъ отъ колоніи въ полѣ, откуда были видны хаты, и значитъ и изъ хатъ могла быть видна вся сцена погребенія! И что удивительнѣе всего—представители штаба, какъ говорили, были при этомъ погребеніи и не остановили его! Для меня это всего непонятнѣе.

Съ утра обозъ былъ собранъ на единственной и очень короткой улицѣ колоніи. Путь далѣе еще не былъ свободенъ... Подводы съ ранеными тѣсно наполняли собою улицу, стоя въ нѣсколько рядовъ...

Началась музыка обстрѣла.

Весь обозъ превращается въ одно живое существо, на которое падаютъ и падаютъ удары. Оно только вздрагиваетъ и плотнѣе прижимается къ землѣ. Вотъ грохотъ гранаты. Гдѣ? На огородѣ справа! Вотъ опять, —за домомъ напротивъ! А это—это рядомъ на самой улицѣ среди самыхъ повозок Должно быть—ужасъ!.. Вѣдь всѣ та такъ тѣсно!..

Улица вся примолкаетъ въ нѣмомъ в просѣ:

— Что?!

— Одного ранило... Разорвало лошадь Повозку всю исковеркало...

— Только?! Слава Богу!

Опять все какъ прежде: разговоры, п рекликанья, ходятъ между подводами дру къ другу...

Стегнула сотней осколковъ по хата шрапнель...

— Что?!

— Никого! Всѣ были на этой сторо хаты!

Вообще—Богъ насъ видимо храни Гранаты падаютъ вездѣ, но жертвъ—мало Все—въ пустыя мѣста, а люди здѣсь же въ десяти шагахъ!..

Но вотъ тяжелое извѣстіе:

— Ранило полковника осколкомъ... Ра воротило грудь... Сестры перенесли его повозку... Онъ не позволилъ себя перев зывать: „я не хочу отягощать своимъ т лутрупомъ армію!“

Сестры отошли на минуту... Онъ застр лился...

Сердца сжаты, лица серьезны.

Черезъ минуту какъ будто забыто это!

Гранаты грохаютъ, шрапнель сыпетъ

— Стоимъ какъ „на пятачкѣ“!—вспо минаются мнѣ слова одного подводчика.

Терпимъ часъ, другой... пять часов Обстрѣлъ все продолжается... Прервет на двадцать минутъ и—опять!

Наконецъ уже близко къ вечеру обоз выступаетъ въ степь, но отведя на дв версты, его опять останавливаютъ въ лож бинѣ... Гранаты слѣдуютъ за нами, но сл по тыкаются въ ста саженяхъ въ болот Неподалеку слышимъ общее „ура“ наших цѣпей и конницы... Говорили:—крикну нарочно, чтобы одурачить большевиковъ

ставить ихъ отодвинуть артиллерію!.. Какъ будто удалось! Обстрѣлъ прекращается и наконецъ идемъ!

Холодная ночь съ сильнымъ вѣтромъ. Въ концѣ ея, мы знаемъ—переходъ черезъ желѣзную дорогу.

Что-то будетъ?

Вѣдь обозъ въ сущности совершенно беззащитенъ!

Будь у насъ пироксилинъ, можно было бы взорвать мосты и не дать броневикамъ съ артиллеріей подойти къ мѣсту перехода. Но пироксилиновыхъ шашекъ давно нѣтъ—изъ Ростова захватили чуть-чуть: «—спасибо военному человѣку ген. Эльснеру! «—подрывная команда наша для взрывовъ зажигаетъ гранаты, а это мало разрушаетъ путь и большевикамъ ничего не стоитъ исправлять его.

Долго тянется время... Все идемъ!.. Головныя повозки должны быть уже близко къ переѣзду... Ждемъ съ напряженіемъ первыхъ выстрѣловъ, которые покажутъ, что мы замѣчены и послѣ которыхъ намъ, конечно, надолго уже придется стать мишенью для „черныхъ чертей“. Каждой подводѣ придется проходить черезъ площадь обстрѣла—словно на экзаменѣ:—кто уцѣлѣетъ?..

Начинаетъ чуть свѣтать... Все тихо... Вдругъ—гулкій ударъ орудія... Потомъ еще одинъ... Другихъ—нѣтъ?! Захлопали мелко и неровно винтовки...

Вотъ отъ головы обоза вдоль скачетъ офицеръ и кричитъ:

— Всѣ, кто можетъ, идите выгружать бронированный поѣздъ, захваченный нами!

Помилуй Богъ,—какая перемѣна!!!

Мы ожидали вотъ-вотъ встрѣтить пасть крокодила, черезъ языкъ и зубы котораго пришлось бы проѣзжать, а тутъ вдругъ самъ крокодилъ захваченъ нами!!

Другой всадникъ скачетъ и торопитъ:

— Обозъ рысью! Погоняй!

Вотъ и переѣздъ. Повозки во весь махъ лошадей катятъ черезъ него. Въ пятидесяти шагахъ отъ него на пути бронированный поѣздъ... Средній вагонъ въ немъ пылалъ. Изъ другихъ люди спѣшно выгружали патроны, снаряды, припасы—сахаръ, вино, шоколадъ, рисъ—большевики большіе сладкоѣжки!—нагружали все на подводы, и онѣ мчались далѣе въ степь...

Деникинъ, Алексѣевъ, Марковъ, были тутъ же на переѣздѣ среди этой толкотни, криковъ и выстрѣловъ, распоряжаясь всѣмъ...

Оживленіе было громадное! Еще бы—такой случай! Былъ онъ созданъ однако не случаемъ, но волей человѣка, его хотѣніемъ!

Произошло слѣдующее.—

Авангардъ ген. Маркова занялъ переѣздъ черезъ желѣзную дорогу въ верстѣ отъ станціи Медвѣдовской. Офицерскій полкъ въ темнотѣ залегъ двумя шеренгами вдоль полотна отъ будки къ станціи. Отъ будки въ обратную сторону далѣе въ поле расположился 1 Куб. стр. полкъ. Полки эти должны были пропустить обозъ и потомъ прикрывать его отступленіе. Ген. Марковъ поставилъ одно орудіе у самаго переѣзда возлѣ полотна, а самъ вошелъ въ сторожку, гдѣ находился телефонъ и подойдя къ сторожу приказалъ:

— Если будутъ звонить и спрашивать, какъ путь у тебя, говори: „все спокойно!“

Черезъ нѣсколько времени раздался звонокъ.

Сторожъ взялся за трубку телефона, Марковъ направилъ на него револьверъ и еще разъ сказалъ:

— Говори же—„все спокойно!“—Тотъ дрожа исполнилъ приказаніе...

Со станціи сказали, что къ переѣзду посылается броневикъ. Передано это было Деникину.

— Ну это неопасно!—замѣтилъ Деникинъ спокойно.—Съ броневикомъ несмѣтнаго воинства навѣрно не пошлютъ! Сдѣлайте распоряженія!

Какъ разъ въ это время на наши цѣпи наткнулся большевицкій разъѣздъ. По нему данъ былъ залпъ. Онъ ускакалъ и черезъ нѣсколько времени пыхтя сталъ приближаться со станціи броневикъ. Шелъ онъ медленно. Въ прорѣзахъ у пулеметовъ видны были лица большевиковъ. Много сидѣло на крышахъ блиндированныхъ платформъ...

Когда поѣздъ сталъ подходить къ переѣзду, ген. Марковъ подпустилъ его вплотную и, выскочивъ изъ сторожки съ нагайкою въ рукѣ, закричалъ на машиниста въ паровозѣ:

— Что ты, мерзавецъ, на своихъ прешь?! Стой!!

Тотъ, растерявшись, остановился. Ген. Марковъ бросилъ въ машинную гранату; взрывомъ ея убило машиниста и разбило паровой котелъ. Въ это время наше орудіе—кап. Ерогина—съ двадцати саженей ударило гранатой въ блиндированный паровозъ, находившійся въ серединѣ поѣзда и другой гранатой въ классный вагонъ, стоявшій за нимъ и полный „товарищами". Цѣпи наши, лежавшія по сторонамъ полотна въ темнотѣ, бросились на поѣздъ... Ген. Марковъ первымъ вскочилъ въ вагонъ съ крикомъ:—„Товарищи, спасайтесь! Кадетня претъ!!"—и бросилъ ручную гранату... Большевики стали выскакивать изъ вагоновъ, крича:

— Что вы?! Мы свои... Мы—большевики же!

— Васъ то и ждали!—отвѣчали имъ.

Бой былъ короткій. Пятнадцать минутъ и все было кончено! Около трехсотъ тѣлъ большевиковъ лежало кругомъ полотна.

Поѣздъ стоялъ высоко на насыпи и былъ обычнаго состава „броневиковъ": впереди платформа съ орудіемъ, смотрящимъ впередъ, затѣмъ бронированный вагонъ-казематъ съ пулеметами въ узкихъ амбразурахъ, затѣмъ паровозъ весь въ толстыхъ латахъ, далѣе—обыкновенный классный вагонъ съ войсками и опять платформа съ пушкой, глядящей назадъ.

Классный вагонъ горѣлъ; ярко свѣтились въ немъ окна и черный дымъ плылъ надъ нимъ клубами...

Переднюю платформу и вагонъ-казематъ откатили къ переѣзду, чтобы охранить отъ огня. Офицерская цѣпь бросилась на станцію и овладѣла ею... Большевики побѣжали въ поле, бросая винтовки, патронташи, мѣшки съ награбленной добычей...

Побѣда была полная!

Легко понять, какъ поднялъ этотъ успѣхъ имя Деникина у насъ:

— Уменъ и удачливъ!

Успѣхъ дѣйствительно...—Деветтовскій! Совсѣмъ, кажется, затравили англичане Деветта, а онъ проходитъ страшный каналъ безъ малѣйшихъ потерь, какъ пустое мѣсто, и еще захватываетъ небывалые трофеи!..

Обозъ быстро прошелъ переѣздъ и на прощанье были пущены въ ходъ обѣ пушки захваченнаго поѣзда: передняя по эшелону, надвигавшемуся отъ Ново-Титоровки и задняя по броневому поѣзду, показавшемуся съ сѣвера за станціей.

Нашей конницѣ не такъ благополучно достался этотъ переходъ. Ночью на желѣзнодорожный мостъ, по которому она переходила рѣку, наша же артиллерія бросила по недоразумѣнію нѣсколько снарядовъ съ обычной своей мѣткостью. Два изъ нихъ разорвались надъ самымъ мостомъ. На нѣсколько мгновеній возникла кровавая каша. Испуганныя лошади сбиваютъ всадниковъ, налетаютъ на другихъ, падаютъ, срываются въ рѣку. Кое-кто бросился бродомъ и попалъ въ засасывающія топи илистыхъ береговъ. Нѣсколько десятковъ жизней было жертвой этой злой случайности.

Въ Дядьковской, большой станицѣ, гдѣ мы остановились на день, сдѣлана была переформировка арміи. Полки и батальо-

ны, убывшіе до размѣра ротъ своего прежняго состава, влиты были въ другіе полки.

Въ станицѣ этой было оставлено около 120 раненыхъ на такихъ условіяхъ:—съ ними оставался старшій врачъ, д-ръ Ивановъ, старшая сестра З. Попова и сестры милосердія. На леченіе и содержаніе внесено было станицѣ 250,000 р.

Станица принимала раненыхъ на свою отвѣтственность. Изъ плѣнныхъ большевиковъ отпущено было нѣсколько человѣкъ и среди нихъ двое особенно вліятельныхъ (Лиманскій) среди своихъ товарищей, которые честью поручились, что они не допустятъ никакихъ насилій надъ нашими ранеными.

О раненыхъ, оставленныхъ нами въ Елизаветинской, мы получили свѣдѣнія, что мѣстные большевики пытались было расправиться надъ ними, но станичники не допустили ихъ и раненые переведены были въ Екатеринодаръ, гдѣ помѣщены были въ общіе лазареты. Не все это было такъ въ дѣйствительности!

Въ Дядьковской долженъ былъ оставить армію матросъ-ораторъ, Федоръ Баткинъ. Его взялъ съ собою Корниловъ и онъ говорилъ по станицамъ рѣчи, „пробуждая“ въ казакахъ патріотизмъ. Только не выдержалъ испытаній похода патріотизмъ самаго Федора Баткина и Баткинъ остался въ Дядьковской во избѣжаніе горшихъ непріятностей. Большевики упрятали его въ тюрьму, откуда его освободила опять та же Добровольческая армія, когда 2 августа заняла Екатеринодаръ.

Въ нѣсколько дней отсюда, переходами въ 50—60 верстъ черезъ хуторъ Малеваный возлѣ Кореновской мы прошли все разстояніе до угла, гдѣ около с. Лежанки (Средне-Егорлыцкаго) сходятся области Кубанская и Донская, и Ставропольская губернія. Въ Лежанкѣ мы при этомъ второй разъ пересѣкли нашъ прежній путь, которымъ мы шли къ Екатеринодару, съ Корниловымъ сдѣлавъ такимъ образомъ полную восьмерку.

Велъ армію Деникинъ отлично, видимо избѣгая ненужныхъ теперь схватокъ со врагомъ, пѣхота, шедшая съ „главными силами“,—съ ст. Бейсугской все время на повозкахъ... Но на остановкахъ для арміи сильно сказывалось особой мелочностью затѣй вліяніе штабныхъ партій, при Корниловѣ не имѣвшихъ воздѣйствія на операціи.

Именно имъ общій голосъ арміи приписывалъ постоянныя задержки на дневкахъ.

Дѣлаемъ большой переходъ въ 60—70 верстъ, выигрываемъ 2-3 дня передъ большевиками,—придя въ станицу, слѣдовало бы дать передохнуть лошадямъ и—дальше! А мы вмѣсто дня стоимъ въ станицѣ два дня безъ всякой нужды, а то и три! Большевики опять нагоняютъ насъ, опять начинается обстрѣлъ и подъ нимъ словно гонимые, словно не по своей волѣ мы уходимъ изъ станицы неся напрасныя жертвы и давая большевикамъ положеніе побѣдителей!

Дѣлая огромные и успѣшные переходы-перелеты, мы остановками сами же убивали значительную часть ихъ результатовъ.

Въ арміи чувствовалось разочарованіе и усталость... Ясная, крупная цѣль похода была потеряна. Желали отдыха, возможности осмотрѣться. Стремились къ Дону, къ Ростову, чувствуя, что тамъ мы найдемъ новыя крупныя цѣли. Блестящій кавалерійскій поискъ полк. Барцевича на 90 верстъ въ глубь большевицкаго тыла далъ свѣдѣнія, что возстаніе противъ большевиковъ готовится вездѣ, ждутъ только „Корнилова“, въ смерть котораго не вѣрятъ. А тутъ мы теряли и теряли дни на томительныхъ и полуголодныхъ дневкахъ, но войска наши все время были заняты, кого-то вышибая, кого-то обходя и исполняя какую-то „задачу“ отъ штаба.

Чувство утомленія увеличивалось сознаніемъ, что армія размѣнивается на мелочи.

Но штабная оппозиція возражала на это:

— Это не утомленіе, а паничность! Да—паничность! Все бѣжать и бѣжать! Надо съ этимъ бороться! Надо, чтобы армія работала!

И арміи задавали работу—ее совали въ мелкія операціи, которыя должны были ей доказать, что она вовсе не устала, если продѣлываетъ все это.

— Уходить, это—заячья стратегія!

Такъ опредѣлила свою платформу штабная оппозиція.

Дневки удлинялись, чтобы не имѣть вида трусящихъ передъ большевиками. —Это нашей-то арміи нужно было заботиться объ этомъ!!

Въ Горькобалковской, едва отойдя на пять-шесть верстъ отъ желѣзной дороги, которую мы только что перешли подъобстрѣломъ въ упоръ, чудомъ потерявъ лишь шесть человѣкъ—мы остановлены были на дневку, причемъ съ площади станицы ясно былъ виденъ на горизонтѣ бронированный поѣздъ и вспышки огня его орудій, бившихъ по насъ съ небольшимъ недолетомъ.

Конечно, было прямымъ вызовомъ всякому здравому смыслу—въ такой позиціи дѣлать „отдыхъ" съ фактически беззащитнымъ обозомъ; къ тому же большое скопище большевиковъ съ сильной артиллеріей было въ десяткѣ верстъ рядомъ.

Среди партій штаба разыгралась исторія нешуточная, и Деникинъ приказалъ—выступать немедленно!

По дорогѣ въ Лежанку дольше всего мы засидѣлись въ стан. Успенской, дѣлая развѣдки въ сторону большевицкихъ гнѣздъ — ж.-д. станцій Тихорѣцкой и Кавказской. Наша конница была развѣяна кругомъ на десятки верстъ. Два дня мы долбили Новолокинскіе хутора—совсѣмъ въ сторонѣ отъ нашего пути, выколачивая изъ нихъ случайное скопище большевиковъ и досидѣлись въ Успе ской до того, что хутора эти пришлос бросить, какъ случилось, потерявъ на ни до 70 чел... Что большевиковъ тамъ бы положено нѣсколько сотъ, это вовсе было утѣшеніемъ!

Къ этимъ-же днямъ относится „блест щее" занятіе станицы Расшеватской и тѣмъ отступленіе отъ нея—ген. Покр скаго.

Узнавъ о слухахъ, что изъ Расшеватск въ Дмитріевскую идетъ обозъ большев ковъ онъ, Покровскій, сдернулъ двѣ сотн офицерскую и черкесскую, съ 2 пулем тами съ охраны очень важной гати раіонѣ стан. Дмитріевской и отправил брать этотъ обозъ. Обоза не нашелъ, встрѣтилъ двѣ подводы—одну съ 80 снар дами и припасами, другую съ патронам Провожатый — большевикъ — все рав быть разстрѣляннымъ!—сказалъ будто Расшеватской большевиковъ совсѣмъ ма и они гуляютъ теперь на площади.

Мгновенный плапъ—занять Расшева скую!!! Собственной осмотрительности офиц. сотня спасла себя и свои пулеме отъ засады, въ которую ее завелъ По ровскій, самъ съ Брюховецкой сотн попавшій подъ внезапный гостинецъ к течью. Среди темной ночи офицеры пото все же зашли въ станицу, занявъ ея час Ощупью они нашли тамъ и Покровска Переночевали.

Утромъ рано на взгорьѣ передъ ста цей показались большевики: шли густ пять цѣпей съ конницей по бокамъ, а тиллерія слѣдовала за цѣпями и время о времени бросала снаряды по станиц Покровскій приказалъ сотнѣ выѣха цѣпью передъ станицей и—удержать с ступленіе! Легко сказать! Сотня выѣха Большевики приближались... Сотня ста медленно отступать. Когда большеви подошли къ станицѣ, сотня отошла середину ея. Когда большевики заня середину, сотня отошла на околицу.

Тутъ среди собравшихся офицеровъ Покровскій громко сказалъ:

— Я ѣду въ штабъ съ докладомъ! Полк. Науменко, примите командованіе надъ отрядомъ и удерживайте станицу твердо въ своихъ рукахъ!—затѣмъ онъ далъ хлыста лошади и помчался карьеромъ!..

Полк. Науменко тутъ же скомандовалъ:

— Справа по три! Рысью!—и... двинулся вслѣдъ за Покровскимъ галопомъ!! Отрядъ за нимъ. И было время. Большевики торжествовали бы легкую побѣду!

Въ Лежанкѣ, когда орудія большевиковъ вели чисто разбойничій обстрѣлъ мирной станицы и цѣпи ихъ были видны уже съ ея околицы, штабъ разсылалъ нашу пѣхоту по разнымъ фокуснымъ назначеніямъ, однако не противъ наступавшихъ цѣпей противника! И опять обратить своихъ увлекшихся помощниковъ къ прямой задачѣ положенія въ тотъ день пришлось самому же Деникину...

Всему этому наступило уже исторія, но отраженія этихъ временъ чувствуются и понынѣ.

Обыкновенно всѣ столкновенія между собою штабныхъ партій дѣйствующей арміи въ печать не попадаютъ: въ ту минуту когда они разыгрываются, въ полѣ идетъ бой и разбираться въ нихъ не время, когда же наступаетъ затишье,—къ нимъ уже нѣтъ интереса. Но эти три-четыре недѣли почти безпрерывныхъ „исторій“ личнаго характера въ штабѣ Добровольческой арміи дали большія послѣдствія въ ходъ всѣхъ ея дальнѣйшихъ операцій.

Въ сущности, „исторіями“ этими шла борьба двухъ мнѣній, какого держаться общаго плана дѣйствій: насѣдать ли на противника, не отрываясь отъ него, сжимая размахъ операцій, стараясь не разбивать массу плохо тогда организованнаго противника на мелкія части, вынуждающія къ отдѣльной погонѣ за собою, но напротивъ сбирая его въ одно мѣсто и „накрывая“ центральными ударами—это былъ предпочтительный пріемъ Корнилова,—или же вести наступленіе широкимъ фронтомъ, прибѣгая къ осложненнымъ маневрамъ, сразу ведя крупныя операціи по нѣсколькимъ районамъ. Это направленіе было болѣе по душѣ дѣятелямъ, получавшимъ все болѣе и болѣе перевѣсъ въ штабѣ Столкновенія направленій превращались въ столкновенія личныя, личныя переводились въ столкновенія для человѣка съ самимъ дѣломъ, самой арміей и—люди, очень цѣнные, уходили изъ арміи часто внезапно для самихъ себя.

Я знаю исторію полк. Барцевича, талантливаго и преданнаго арміи человѣка, который буквально въ полчаса оказался въ столкновеніи съ самой арміей и долженъ былъ уйти, хотя столкновеніе было вызвано не имъ и было вполнѣ личное. Я говорю, что знаю эту исторію потому что разсказалъ ее ген. Алексѣеву и онъ вздохнувъ, сказалъ мнѣ

— Да, все это вѣрно!

А привела она къ тому, что объ уходѣ полк. Барцевича существуютъ отъ арміи два документа: одинъ, подписанный ген. Алексѣевымъ, удостовѣряетъ, что полк. Барцевичъ ушелъ изъ арміи по собственному желанію, и другой, идущій изъ штаба, объявляетъ, что онъ прямо отчисленъ—помимо личнаго желанія.

Я считаю себя обязаннымъ коснуться всего этого потому, что такая сила отдѣльныхъ личныхъ вліяній въ штабѣ дѣлаетъ армію слабѣе, чѣмъ она могла бы быть. Люди талантливые, т. е. сами въ себѣ несущіе личности самостоятельныя и требующія своего признанія, стали обходить армію, и дѣйствительно скоро изъ состава Корниловскаго времени въ штабѣ остались —если не считать самого начальника штаба, ген. Романовскаго—чуть не двое: ген. Т., и полк. С.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ крупныхъ и мелкихъ развѣдокъ около противника и промедленій на рядѣ стоянокъ,—крупныхъ операцій все-таки не началось. Все свелось къ мелкимъ „кустарнымъ“ пріемамъ войны, о которыхъ словечко первымъ пустилъ тотъ же Деникинъ и всего нѣсколькими днями мы опоздали во время придти къ Ростову, который нѣмцы заняли у насъ подъ носомъ!

Это былъ результатъ выдумыванія разныхъ мелкихъ операцій и потери на нихъ времени, когда крупная ростовская операція стояла такъ очевидно надъ горизонтомъ передъ глазами всѣхъ, но „изобрѣтатели“ штаба смотрѣли себѣ подъ ноги и слона-то не замѣчали.

Указаніе на нѣмцевъ, столкновеніе съ которыми около Ростова было для Добровольческой арміи тогда конечно неприемлемо по крайней слабости ея снаряженія—являлось для „изобрѣтателей“ весьма солиднымъ оправданіемъ. И конечно, когда германцы уже направились къ Ростову, было поздно для Добровольческой арміи идти къ нему-же. Но если бы мы пришли въ Мечетинскую на десять дней ранѣе, какъ имѣли полную возможность, то нѣмцы далѣе Таганрога не двинулись бы, отнесясь къ отряду Дроздовскаго, ѣхавшему въ тѣ дни съ запада—какъ къ авангарду Добровольческой арміи. Разъ Дроздовскій въ Ростовѣ, а Добровольческая армія въ Мечетинской,—онъ—авангардъ Добровольческой арміи, но если Дроздовскій въ Ростовѣ, а Добровольческая армія еще даже не въ Донской области, его бригада есть только отдѣльный отрядъ, нисколько не связывающій инициативу германскаго командованія. У германцевъ, насколько выяснилась теперь ихъ тактика и политика для Дона, было безъ сомнѣнія принципіальное рѣшеніе не входить въ столкновеніе съ Добровольческой арміей, не подымать пожара на столь далекой окраинѣ своей сферы дѣйствій, послѣ котораго нельзя было бы и разсчитывать получить с Дона продовольствіе безъ спеціальной военной экспедиціи, на каковую у германцевъ ни войскъ, ни охоты не было.

И предупреди мы ихъ нѣсколькими днями у Ростова, они вынуждены были бы не воспользоваться своимъ мѣстнымъ перевѣсомъ силъ, конечно неоспоримымъ.

Можетъ быть эти соображенія оказались бы и невѣрны при точнѣйшемъ разсмотрѣніи, но все-же горячая борьба внутри штаба именно во дни, когда должно рѣшеніе и могло быть принято, отвлекала значительно вниманіе къ операціямъ противъ Новолокинскаго хутора, Расшеватской и прочей мелочи, насъ окружавшей.

Изъ Лежанки въ тѣ-же дни Офицерскій полкъ съ Марковымъ ходилъ въ Лопанку по донесенію, что тамъ находится артиллерійскій складъ большевиковъ. Съ небольшимъ боемъ онъ занялъ Лопанку, но къ сожалѣнію склада не оказалось и полкъ вернулся обратно.

———

Въ Ильинской хозяйка-казачка сказала мнѣ:

— Ваши въ Екатеринодарѣ убили нашего зятя! Знакомецъ нашъ на дняхъ пришелъ изъ Екатеринодара и сказалъ: Да зятя не жаль—жаль дочку...

— Почему же вамъ зятя вашего не жаль?

— Да ужъ такой человѣкъ былъ... Еще парнемъ убилъ двоихъ, попалъ въ тюрьму на два года, потомъ женился вотъ на дочери, потомъ опять убилъ одного, простъ въ горячахъ, опять посадили въ тюрьму, тамъ онъ познакомился съ человѣкомъ, который потомъ недавно былъ къ намъ назначенъ въ народные комисары... Вы пустили зятя изъ тюрьмы—онъ пошелъ въ пулеметчики къ большевикамъ въ Екатеринодаръ... Тамъ его ваши и убили! Знакомецъ намъ разсказывалъ, что онъ самъ и похоронилъ его... А хоронили тамъ такъ: выроютъ ровъ въ сто саженей, до верху уложатъ его убитыми и засыпаютъ!..

Таковы были потери большевиковъ, и кстати сказать таковы и ихъ „люди"—идейные люди отъ нихъ отвалились почти всѣ послѣ ихъ грабежей, остались одни острожники и имъ близкіе по духу и склонностямъ!..

Около половины апрѣля изъ Кисловодска было извѣстіе, что въ районѣ Минеральныхъ водъ было привезено 10.000 раненыхъ съ Кубани—это все отъ Екатеринодара! Потери свои отъ штурма Екатеринодара Корниловымъ сами большевики исчисляли въ 14.000 ч. и эта цифра подтверждается изъ различныхъ источниковъ.

Въ Плоской въ армію пріѣхалъ „генералъ для порученій" при покойномъ Корниловѣ, одинъ изъ ближайшихъ къ нему людей, полк. В. В. Голицынъ.

Онъ былъ посланъ Корниловымъ въ Астрахань еще до выхода изъ Ростова, но не могъ пробраться въ этотъ городъ и, чтобы вернуться въ армію, принужденъ былъ сдѣлать кругъ по всей Россіи—Москва—Харьковъ—Севастополь—Новороссійскъ—Туапсе—Кисловодскъ и наконецъ опять въ Ростовъ, гдѣ и прожилъ около полутора недѣль скрываясь отъ большевицкаго дозора и тщетно выискивая способы пробраться въ Добр. армію сквозь кольцо красногвардейцевъ.

Ему удалось наконецъ узнать отъ знакомца, что народный комисаръ ст. Сосыка—думаю теперь уже можно назвать ея имя—„хорошій человѣкъ".

Вотъ—все!.. Онъ рѣшилъ попробовать. Пріѣхавъ на станцію, онъ попросилъ у комиссара свиданія наединѣ и сказалъ ему:

— Я слышалъ, вы хорошій человѣкъ. Я имѣю къ вамъ дѣло и прошу васъ, выслушайте меня и если можете исполнить мою просьбу, исполните, если же нѣтъ—забудьте ее и то, что я вамъ говорилъ, какъ если бы я къ вамъ и не обращался.

— Хорошо! Я слушаю васъ!

— Я прошу васъ, дайте мнѣ возможность проѣхать въ Добровольческую армію. Я генералъ для порученій при Корниловѣ, полк. Голицынъ, имѣю отъ Корнилова порученіе и долженъ выполнить его, для чего и долженъ явиться къ нему въ штабъ. Но—прежде всего я долженъ доказать вамъ, что я дѣйствительно тотъ, кѣмъ я себя называю.

Онъ вынулъ изъ-за голенища свои документы офицера за подписью Корнилова и печатью штаба.

Комиссаръ молчалъ, совершенно ошеломленный. Принялъ бумаги и прочелъ ихъ.

— Какъ вы могли рѣшиться обратиться ко мнѣ съ такою просьбой?—сказалъ онъ.

— Россія гибнетъ. Каждый русскій обязанъ сдѣлать для нея все, что можетъ. Я исполняю свой долгъ передъ нею—иначе я не могу попасть въ армію.

Онъ задумался и, наконецъ, сказалъ:

— Я посовѣтуюсь съ отцомъ!

И вышелъ.

Онъ все разсказалъ отцу. Отецъ благословилъ его исполнить просьбу корниловца. Мало того—когда въ станицѣ не оказалось того казака, которому комиссаръ хотѣлъ поручить доставить полк. Голицына въ Плоскую,—комиссаръ самъ взялъ на себя отвезти его и отвезъ. По дорогѣ онъ передалъ его тоже большевику, которому тоже долженъ былъ сказать все, ибо хорошій человѣкъ говорилъ съ хорошимъ же человѣкомъ, котораго онъ не могъ подводить подъ невѣдомую отвѣтственность, но человѣкъ этотъ не могъ выѣхать и комиссаръ самъ повезъ своего гости дальше. И вотъ Корниловскій адъютантъ былъ подвезенъ къ подъѣзду Корниловскаго штаба большевицкимъ комиссаромъ, причемъ корниловецъ имѣлъ видъ большевика, а большевицкій комиссаръ—казака-подводчика!

Такъ-то Россія именемъ своимъ соединяетъ сердца и души людей даже и въ самомъ пылу раздѣленія умовъ гражданской войной. Ибо несомнѣнно, что оба

большевика, рисковавшіе для полк. Голицына своею жизнью, были—идейные большевики.

Въ Туапсе полк. Голицыну пришлось увидѣть—какъ ему сказали—ликвидацію отряда полк. Кузнецова, отрѣзаннаго большевиками отъ Кубанской арміи 9 марта и пытавшагося уйти „черезъ перевалъ".

Отрядъ послѣ изнурительныхъ скитаній въ горныхъ дебряхъ растерялъ половину состава, частью отсталыми, частью въ бояхъ съ большевиками. Осталось около 100 чел. изъ которыхъ большая часть была схвачена большевиками и заключена въ тюрьму—въ Майкопѣ и Туапсе.

Изъ послѣднихъ-то полк. Голицынъ и видѣлъ на вокзалѣ въ Туапсе партію въ 14 человѣкъ, которую привели разстрѣлять.

— Я не могу описать ощущеній, которыя я испытывалъ—говорилъ мнѣ полк. Голицынъ,—стоя передъ ними въ первыхъ рядахъ толпы въ большевицкой рубахѣ, шляпенкѣ блиномъ на затылкѣ и съ трубкой въ зубахъ на отлетѣ и видя среди нихъ двухъ знакомыхъ мнѣ лично офицеровъ... Я ничего не могъ сдѣлать для нихъ, могъ только слѣдить за ними, слѣдя и за собою, чтобы ничѣмъ не выдать себя... Это напряженіе нервное—необходимость постоянно быть на чеку противъ всѣхъ случайностей—къ концу трехъ мѣсяцевъ моего скитанія стала наконецъ непереносимой. Я даже спать не могъ—т. е. не долженъ былъ спать и не спалъ никогда иначе, какъ какимъ-то мучительнымъ полусномъ. Такъ легко было попасться! При опросахъ въ вагонѣ часто прямо будятъ, грубо толкая и спрашивая: „Ваша фамилія?" И назови человѣкъ съ просонокъ не то имя, которое проставлено у него въ „большевицкомъ" документѣ—онъ немедленно былъ бы арестованъ.

На этотъ разъ „ликвидація" не послѣдовало... Изъ тюрьмы на вокзалъ кузнецовцевъ привезъ какой то юркій черный человѣчекъ, посадилъ ихъ въ вагонъ, и гонялъ, гонялъ этотъ вагонъ по путямъ пока не загналъ въ самую даль отъ станціи. Тамъ онъ привезъ было пулеметъ чтобы сразу разстрѣлять всѣхъ 14 человѣкъ, но тутъ явились посланные отъ мѣстнаго совѣта нар. депутатовъ и остановили злодѣйство.

— Вы не имѣете права дѣлать это,— заявили они „отводъ" черному и отвезли привезенныхъ опять въ тюрьму...

Въ скитаніяхъ своихъ по горамъ отрядъ Кузнецова перешелъ нѣсколько горныхъ цѣпей, измоталъ лошадей, измотался самъ и перейдя ж. д. линію въ 10 верстахъ отъ Туапсе, зашелъ на перевалѣ на такую дичь, что людямъ пришлось спѣшиться стать гуськомъ вдоль направленія тропы и, двигаясь бокомъ впередъ оттаптывать ногою глубокій снѣгъ чтобы протоптать дорогу лошадямъ и затѣмъ вернувшись за ними, провести ихъ по этой тропѣ... Пройдя такимъ порядкомъ съ версту, всѣ сознали, что дальше идти такъ силъ у нихъ нѣтъ и надо бросить лошадей.

Это была мучительная картина: лошади видимо сознавали, что съ ними дѣлаютъ и умоляюще смотрѣли на своихъ хозяевъ словно прося, чтобы ихъ не бросали. Хотѣли было пристрѣлить ихъ, но это бы прямо не по силамъ задерганнымъ нервамъ переутомленныхъ людей... Они чувствовали, что прямо не вынесли бы этой кровавой сцены... Лошади были развьючены и оставлены... Отрядъ пѣшкомъ взобрался на перевалъ изнурительнѣйшей дорогой по кручамъ, засыпанымъ глубокимъ снѣгомъ. Добравшись къ ночи 20 го до горной деревушки Туба, населенной армянами, когда-то выселившимися изъ Турціи—офицеры расположились было отдохнуть, но внезапно напали большевики, преслѣдовавшіе по пятамъ. При этомъ былъ убитъ извѣстный на Кубани партизанъ полк. Дюменикъ съ 17 другими добровольцами, захваченный врасплохъ въ хатѣ. Остал-

ные должны были идти дальше. Они раздѣлились. Изъ нихъ 73 спустились внизъ и, попавъ въ руки большевиковъ, были сначала отведены въ тюрьмы въ Майкопъ и Туапсе, а въ концѣ мая по какой-то причинѣ амнистированы большевиками и освобождены. Около-же тридцати остались въ Тубѣ, гдѣ нашли сердечный пріемъ. Здѣсь они прожили нѣсколько недѣль, а нѣкоторые—и нѣсколько мѣсяцевъ, скрываемые и питаемые жителями, пока наконецъ, добывъ большевицкіе паспорта, имъ не удалось выбраться изъ горъ и съ Кубани черезъ Крымъ и иными путями на Донъ.

Полк. Кузнецова держали въ тюрьмѣ до половины іюля, когда его отвезли въ Туапсе, тамъ его судили и 19 іюня онъ былъ разстрѣлянъ. Онъ съ мужествомъ держался во время казни. Его повели за городъ. Пройдя немного, онъ сказалъ солдатамъ: „Что дальше идти?! Дѣлайте ваше дѣло здѣсь!“ Первый залпъ его только ранилъ. „И разстрѣлять-то не умѣете!“ крикнулъ онъ. Солдатъ прикончилъ его выстрѣломъ въ голову.

Бѣдствія раненыхъ въ лазаретахъ, снабжаемыхъ и возглавляемыхъ ген. Эльснеромъ, продолжались и даже возростали!

Послѣ Екатеринодара интендантство ген. Эльснера объявило себя по отношенію къ раненымъ полнымъ банкротомъ: оно отказалось доставлять припасы въ лазаретъ и установило, чтобы раненые кормились отъ хатъ, въ которыхъ помѣщаются на постой, а хозяевамъ этихъ хатъ интендантство будетъ платить по 1 р. 50 к. съ человѣка въ день.

Это сдѣлало для раненыхъ еще болѣе важнымъ своевременное полученіе хатъ для ночлега, ибо отъ этого стало зависѣть уже и самое питаніе ихъ.

И раненые стали неудержимо разъѣзжаться по станицѣ, какъ только обозъ въ ней объѣзжалъ:

— Будешь ждать назначенія хаты отъ начальства—останешься и безъ ночлега и безъ ужина. Лучше ужъ самъ розыщу хотя убогую хибарку!

Кстати около этого времени штабъ назначилъ наконецъ постояннаго главнаго квартирьера. Дѣло сразу во многихъ подробностяхъ улучшилось, но въ одномъ и притомъ главномъ—въ самовольномъ разбѣганьи подводъ по станицѣ—оно получило окончательный толчекъ подъ гору.

Постоянный квартирьеръ, назначая частямъ квартиры, сталъ постоянно-же недодавать мѣста для раненыхъ. Это было у него стратегіей, что-ли, своего рода: сегодня заставить лазаретъ потѣсниться „во всю“, всѣ скучатся въ немъ еле можаху, но всѣ таки помѣстятся, а на завтра прибавить ему въ станицѣ кварталъ или два—вотъ и размѣстятся всѣ—„безъ лишней роскоши“, но послѣ первой тѣсноты уже навѣрно будутъ довольны!

Для раненыхъ же, которымъ въ первую по приходѣ ночь не хватило мѣста, это значило, что въ первыя сутки дневки они останутся и—безъ пищи! Ихъ мало могло утѣшить, что на другія сутки они получатъ свои отдѣльныя хаты и съ ними пищу.

Этой психики раненыхъ я никакъ не могъ достаточно объяснить главному квартирьеру. Ему казалось столь практичнымъ и остроумнымъ его пріемъ: сегодня недодать лазарету мѣста, лазаретъ „утрясется“, но, небось, для всѣхъ найдетъ мѣсто подъ крышей, а завтра дать ему десятка $1^1/_2-2$ хатъ, вотъ все отлично и устроится! И лазаретъ помѣщенъ весь безъ большой траты хатъ, и другія части тоже, и даже запасъ хатъ остается!

Но раненые сдѣлали изъ всего этого свои выводы. И—самые естественные, конечно!

Сегодня не хватило мѣста для одной пятой раненыхъ, и она легла спать безъ ужина. Въ слѣдующей станицѣ безъ пищи

осталась тоже одна пятая часть, но уже другая, конечно, по людямъ. Въ третьей—тоже... Кровъ, поискавъ, себѣ находили всѣ, но пищи—не было. Такъ въ недѣлю всѣ раненые по очереди испытали на самихъ себѣ, что если ждать хатъ отъ квартирьеровъ, то останешься безъ ужина и—перестали считаться съ ними вовсе!

Какъ только обозъ приходилъ въ станицу, раненые разъѣзжались по ней, кому куда приглянулось, совершенно не считаясь съ тѣмъ: въ свой ли районъ попадали они или въ чужой?

Пошли столкновенія съ другими частями арміи, очень злыя,—ибо люди—и раненые, и тѣ, у кого они захватывали ихъ хаты,—отбивали свою насущную пищу.

Раненые и прочія войсковыя части были прямо стравлены другъ съ другомъ!

Помню, въ Лежанкѣ я самъ повелъ голову обоза, около сотни подводъ, въ станицу, и когда пройдя по улицамъ около версты, я остановился передъ школой, гдѣ былъ назначенъ раненымъ ночлегъ, и обернулся—за мною шло только двѣ подводы, остальныя—разъѣхались по сторонамъ, пользуясь темнотою!

Въ каждой станицѣ стали происходить при расквартированіи очень грубыя и рѣзкія сцены. Сегодня раненые захватили чужія хаты, завтра уже у самихъ раненыхъ отхватываютъ десятокъ хатъ. Войска не пускаютъ раненыхъ въ захваченныя хаты, грозятъ оружіемъ, ставятъ часовыхъ къ воротамъ и пр. Въ стан. Плоской нѣсколько чиновъ ———скаго полка заняло хату въ районѣ нашего 6-го отдѣленія. Раненые, подъѣхавъ позднѣе, все-таки настояли, чтобы съ ними подѣлились мѣстомъ въ хатѣ, и приказали хозяйкѣ спечь имъ на утро хлѣбъ и яйца. Утромъ и хлѣбъ этотъ, и яйца были забраны и прямо вырваны изъ рукъ раненыхъ чинами ———скаго полка, хотя сама хозяйка имъ подтверждала, что хлѣбъ заказанъ былъ ей ранеными. Прап. Разсыпной с залъ при этомъ очень просто:

— Мы завтра, быть можетъ, пойде въ бой, а вы—раненые! Если же и сами завтра станемъ ранеными, то будетъ завтра, а сегодня мы хлѣбъ ремъ себѣ!

И главный квартирьеръ, и ген. Эльснеръ никогда не согласились бы, эти случаи въ арміи, подрывавшіе въ даже чувство боевого товарищества—здавались ими, и никѣмъ другимъ—дѣйствіями прежде всего!

Однако это было такъ!

Отдѣлъ снабженія, отдѣлъ ген. Эльсра, дошелъ наконецъ до того, что, доставляя припасовъ лазарету, онъ захтывалъ и задерживалъ и то, что ларетъ самъ приготовлялъ для своихъ неныхъ. И интендантскіе герои знали, они оставляютъ безъ пищи именно раныхъ, но ничто же сумняся творили безумныя гадости и—оставались безказанными!

Начальникъ лазарета ген. Виноградозахотѣлъ самъ познакомиться съ порядками квартирьерства и въ станицу Ильинскую поѣхалъ самъ квартирьеромъ лазарета. Я поѣхалъ вмѣстѣ съ ним Впередъ были посланы отъ лазарета спціальные посланцы приготовить къ приходу обоза—хлѣба, яицъ и молока, чтонакормить раненыхъ передъ спомъ.

Пріѣзжаемъ въ станичное управленіе имѣемъ удовольствіе видѣть въ особкомнатѣ цѣлые столы, сдвинутые въ уголи заваленные горами караваевъ отличнахлѣба, большія корзины съ яйцами и огромныя ведра, скорѣе даже боченка, молокомъ, накрытыя чистой кисеей.

Пріятно было подумать, что все это несутъ раненымъ и измученнымъ долгимъ переѣздомъ людямъ!

Мы сами провѣрили и видѣли!.. Кълось бы, чего больше!..

Ночью обозъ пришелъ. Утромъ я пошелъ узнать, какъ все устроилось.

— Получили вы молоко?—спрашиваю у первой же сестры милосердія.

— Какое молоко? Мы ничего не получали и раненые легли спать, не ѣвши.

Иду въ станичное управленіе и спрашиваю станичнаго атамана. Онъ, оказывается, уже самъ взялся за эту исторію:

— Ночью пришелъ сюда интендантскій офицеръ, заперъ комнату съ припасами, повѣсилъ свой замокъ и ушелъ. Спрашиваютъ припасы, а какъ я сниму замокъ?! Ни офицера нѣтъ до сихъ поръ!..

Былъ уже девятый часъ утра.

— Такъ сломайте замокъ!

— Да сейчасъ уже долженъ придти кто-нибудь изъ интендантства. Мы послали. Сейчасъ долженъ быть...

Дѣйствительно, уже входилъ чиновникъ отдѣла снабженія. Конечно, замокъ былъ снятъ; конечно, молоко оказалось скисшимъ.

— Кто былъ этотъ офицеръ?—спрашиваю я чиновника.

— Кто знаетъ?.. Развѣ у насъ одинъ чиновникъ въ управленіи?—уклончиво отвѣчалъ тотъ.

Людямъ въ дневномъ отчетѣ нечего было записать въ графѣ собранныхъ ими припасовъ, такъ вотъ они „брали на учетъ“ пищу раненыхъ, собранную другими, тѣмъ вполнѣ преступнымъ образомъ! Что-то только „записать что нибудь“!

Скажутъ—надо было жаловаться!

Я жаловался. Разслѣдованія и наказанія чиновныхъ—никакого. А черезъ нѣсколько дней въ Лежанкѣ—повтореніе того-же! Въ станицѣ этой опять чинами лазарета было приготовлено для раненыхъ 40 пуд. хлѣба, но вечеромъ интендантство забрало его на свой учетъ, не выдало его для раненыхъ на ужинъ и заявило, что не выдастъ его ранѣе утра! Такъ оно и сдѣлало! Раненые не получили въ этотъ день даже хлѣба на ужинъ!

— Надо было требовать!

Это сказалъ и я нашему завѣдующему хозяйствомъ,—онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Мы и требовали, ходили по канцеляріямъ, а время шло, и раненые легли спать. Для кого же теперь добиваться выдачи: раненые спятъ, Эльснера теперь среди ночи нужно часа два доискиваться въ станицѣ. Если онъ и разрѣшитъ, не перевозить же хлѣбъ среди ночи—прислуга и такъ измучена! Утромъ получимъ, а ихъ... не исправишь! Нужно будетъ впередъ только лучше прятать хлѣбъ отъ нихъ въ другой разъ!

Контроль „стараго режима“ надъ арміей и ея хозяйствомъ былъ разрушенъ, контроль новый—общественный—еще не установленъ, и птенцы гнѣзда Эльснерова провождали время въ довольствѣ, своеволіи и безнаказанности, умножая лишенія другихъ.

Въ Донской области мы застали поворотъ полный. Слава о побѣдахъ Корнилова надъ большевиками летѣла впереди насъ. Никто не вѣрилъ его смерти и въ станицахъ жадно ждали его прихода, чтобы подняться противъ „народныхъ комиссаровъ“.

Еще 21 марта, когда мы стояли въ далекой Ново-Дмитріевской за Кубанью, вспыхнуло на Дону первое возстаніе казаковъ противъ большевиковъ въ станицѣ Суворовской близъ ст. Чирской и разошлось по всему второму Донскому округу. Въ Заплавахъ въ 12 вер. отъ Новочеркасска стали собираться казаки-повстанцы.

Здѣсь 13 апрѣля было получено первое извѣстіе о вступленіи Добровольческой арміи въ Донскую область, что вызвало въ казакахъ большой подъемъ одушевленія: они были уже не одни, противъ большевиковъ, къ нимъ шла подмога!

Въ это время мы были въ ст. Успенской—въ 200 верстахъ отъ нихъ и сами

впервые отъ полк. Барцевича получили тамъ точныя извѣстія о возстаніи донцевъ и среди насъ также извѣстіе это вызвало радость и одушевленіе.

23-го апрѣля донцы взяли Новочеркасскъ съ помощью Семилѣтова, а 25-го и Ростовъ съ помощью отряда полк. Дроздовскаго и нѣмцевъ.

Въ ст. Егорлыцкой, какъ разъ передъ нашимъ приходомъ разыгралась слѣдующая исторія.

Большевики потребовали у ст. Мечетинской, сосѣдней съ Егорлыцкой, выдачи оружія и, когда казаки исполнили требованіе, пошли по хатамъ провѣрять, точно ли все оружіе сдано, причемъ нагло ограбили все цѣнное: деньги, платье, лошадей и проч.

Тогда егорлычане на сходѣ 18 апрѣля рѣшили не сдавать оружія и ужъ лучше уйти съ нимъ въ степь и ждать Корнилова...

Въ 2 часа ночи казаки, всего около 1500 человѣкъ, вышли изъ станицы, а въ 3 часа ночи въ станицу пріѣхали народные комиссары и объявили въ ней совѣтскую власть. Узнавъ объ этомъ, казачки станичныя собрались толпой въ нѣсколько сотъ душъ, вооружились лопатами и пошли „вырубать комиссаровъ“. Онѣ бы и вырубили ихъ сами, но тутъ къ удачѣ подъѣхалъ къ станичному управленію еще и нашъ крупный разъѣздъ. Комиссары бросились бѣжать, но попали въ руки бабъ, которыя перехватали ихъ—кого тутъ же на улицѣ, кого дома, спрятавшагося... Всѣ они были сданы на руки нашему разъѣзду и понесли, конечно, по заслугамъ—у кого какія были!

Чтобы не допустить бронированные поѣзда большевиковъ на выстрѣлъ къ станицѣ, егорлычане растащили все полотно ж. дороги на восемь верстъ отъ станицы, волами вытягивая шпалы и рельсы въ степь; женщины и дѣти принимали въ этомъ разрушеніи живое участіе.

Движеніе противъ большевизма стал наконецъ въ казачествѣ, народѣ,—стихій нымъ.

———

Большой и отдѣльной операціей наше арміи былъ походъ на ст. Сосыку въ конц апрѣля.

Запасъ снарядовъ и патроновъ у нас истощался и нужно было достать ихъ у большевиковъ. Рѣшено было взять узло вую ст. Сосыку, (Павловскую) гдѣ был большевицкіе склады всякаго снаряженія и двѣ станціи по обѣ ея стороны—Кры ловскую и Ново-Леушковскую. На Сосы ку направлена была бригада Маркова, н Крыловскую—бригада Богаевскаго, а н Ново-Леушковскую –ген. Эрдели съ кон ницей. Движеніе было довольно сложное шедшее широкимъ фронтомъ,—въ немъ приняла участіе вся наша армія и донски части съ 2 пушками. Операція эта межд прочимъ замѣчательна блестящимъ манев ромъ ген. Богаевскаго, взявшаго ст. Кры ловскую почти безъ боя—въ глубокомъ тылу большевиковъ.

Настроеніе въ арміи становилось про тивъ походовъ. Какъ прежде части наш охотно шли въ бой, такъ теперь, полу чивъ „тылъ“ и возможность отдыха, бой цы, уже утомленные, не хотѣли раз статься съ нимъ по прежнему легко.

Перелетало по устамъ выраженіе: „аван тюра“.

24-го апрѣля на смотру Офиц. полка командиръ его ген. Боровскій сказалъ пе редъ фронтомъ, что для пополненія снаря женія предстоитъ большая операція:

— Я знаю, кое кто готовъ и ее назват „авантюрой“,— съ энергіей произнесъ ге нералъ,—но развѣ и весь походъ нашъ не авантюра?!

Мѣткая пуля убила „авантюру“!

Въ бригадѣ Богаевскаго, стоявшей в Гуляй-Борисовкѣ, 1-му Куб. стр. полк было 25-го утромъ приказано собраться

къ штабу полка „въ полной боевой готовности, но безъ вещевыхъ мѣшковъ". Командиръ полка подп. Тунебергъ, вообще умѣющій сказать солдатамъ горячее и красивое слово, сказалъ собравшемуся строю:

— У насъ въ арміи—доблесть высокая, вожди—отличные, но сейчасъ—мало снарядовъ и патроновъ. Дѣйствія войскъ расходятъ на нѣтъ и замедляются. Надо достать снаряженіе. Гдѣ? Да конечно, гдѣ:— у большевиковъ! Вѣдь это наши-же снаряды и патроны! Развѣ не наши они, чертъ возьми, въ самомъ дѣлѣ?! Для насъ готовились они святою Русью. Такъ пойдемъ и возьмемъ свое наше!

Войска посажены были на подводы и двинулись въ степь, куда—имъ было неизвѣстно.

Въ тоже утро изъ Егорлыцкой вышла и бригада Маркова. За станицей ее обошелъ по обыкновенію маршъ-маршемъ ген. Марковъ, какъ всегда въ своей старенькой сѣрой курткѣ, подъ огромной бѣлой папахой, и съ нагайкой въ рукѣ. У всѣхъ разомъ поднялось настроеніе при видѣ общаго любимца.

— Разъ—Марковъ, значитъ все въ сборѣ и все хорошо!

Мнѣ говорилъ одинъ добровольцъ Офицерскаго полка:

— Когда мы знали, что Марковъ въ нами не командуетъ, каждый въ душѣ чувствовалъ стратегомъ. Всѣ обсуждали положеніе, предлагали выходы изъ него т. е. по просту не довѣряли командованію. Когда же появлялся Марковъ, вся наша стратегія шла къ черту и мы съ облегченной душей превращались опять въ послушныя безмолвныя пѣшки, которыми намъ и полагалось быть.

Часамъ къ 4 дня бригада Богаевскаго подошла къ станицѣ Екатериновской, за которою въ 12 верстахъ находилась на ж. д. линіи станція Крыловская—цѣль движенія бригады.

Большевики были сначала отброшены изъ Екатериновской на Крыловскую, но на утро повели наступленіе на Екатериновскую опять.

Партизанскій полкъ встрѣтилъ ихъ и залегъ въ окопахъ на юго-западной окраинѣ станицы, отстрѣливаясь рѣдкимъ огнемъ.

Ему было приказано только сдерживать большевиковъ не переходя въ наступленіе. Въ перестрѣлкѣ прошелъ весь день и часть ночи.

Близко къ полуночи, вся бригада была поднята и со всѣми предосторожностями пошла въ обходъ станицы. Передъ большевиками оставленъ былъ лишь 2-ой батальонъ Парт. полка.

Богаевскій велъ войска безъ дороги прямо по полю. Начало свѣтать и передъ отрядомъ неожиданно для него самой открылась ж. д. станція. Ординарецъ подъѣхалъ къ генералу.

— Какая это станція в. п—во?

— Да—Крыловская! — спокойно, какъ всегда, сказалъ Богаевскій и усмѣхнулся.

Ординарецъ съ лошади развелъ руками—никто и не думалъ о Крыловской!..

На станціи все было спокойно и спало. Никто не ждалъ нашего прихода. Корниловскій полкъ развернулся въ цѣпь и двинулся къ станціи. Въ полѣ встрѣтилось нѣсколько повозокъ большевицкаго обоза, которыя стали отстрѣливаться и этимъ пробудили большевиковъ. Со станціи бросились уходить въ разныя стороны поѣзда. Артиллеріи нашей было указано не разбивать эти поѣзда, такъ какъ ген. Покровскій справа долженъ былъ разрушить путь и они достались бы намъ. Къ сожалѣнію Покровскій на мѣсто во время не пришелъ и—три поѣзда по просту спаслись, проскочивъ въ Кисляковку, а два поѣзда, пошедшіе въ Сосыку, попали въ руки ген. Маркову. Все таки на станціи захвачено было два поѣздныхъ состава со снарядами, патронами, лошадьми, сѣдлами и пр.

Все это стало грузиться на подводы.

Для „торжества побѣдителей“ — на станціи оказался форменный буфетъ, первый который встрѣтили наши добровольцы послѣ трехмѣсячнаго похода и послѣ боя было особенное удовольствіе пить чай въ „культурной обстановкѣ“, платя даже деньги за стаканъ!

Одна изъ сотенъ Партиз. полка была послана назадъ въ Екатериновскую въ тылъ большевикамъ, но 2-ой батальонъ полка, услышавъ орудійные выстрѣлы боя самъ перешелъ въ аттаку и, выбивъ большевиковъ изъ станицы, присоединился къ отряду вполнѣ благополучно, потерявъ только 15 чел.

Потери остальной бригады при занятіи Крыловской были всего нѣсколько человѣкъ.

А. П. Богаевскій былъ вообще прекраснымъ начальникомъ 2-ой бригады, (Корниловскій и Партизанскій полкъ)— половины нашей арміи —невозмутимо спокойный, мягкій, заботливый къ каждой нуждѣ своихъ солдатъ, онъ велъ ихъ щадя ихъ силы, но, когда нужно, и требуя всего. Его очень любили въ бригадѣ и арміи и уважали за интеллигентную мягкость и „необидность“ обращенія, хотя и всегда прямого.

Онъ всѣхъ и каждаго выслушивалъ до конца, но часто говорилъ напрямикъ:

— Вы ошиблись, молодой человѣкъ, сказали глупость. Это. не обозъ идетъ— откуда ему здѣсь взяться?—это просто стадо.

Обыкновенно Марковъ шелъ авангардомъ, а Богаевскій—арьергардомъ. Марковъ пробивалъ, Богаевскій—отражалъ. Совершенно разные по натурѣ, эти два генерала дѣлали съ одинаковымъ успѣхомъ порученное ими дѣло.

Бригада Маркова часамъ къ 3 утра 27-го черезъ Незамаевскую приблизилась къ станціи Сосыкѣ центру всей операціи. Было еще темно. Войска были остановлены въ 2—3 верстахъ отъ ж. д. линіи.

1 Куб. стр. полкъ, арьергардъ, занялъ деревянные бараки вправо отъ дороги, Офицерскій полкъ пошелъ въ авангардъ. Издалека доносился пулеметный огонь и удары орудій—это Богаевскій бралъ Крыловскую.

Первая рота Офиц. полка и одна сотня были посланы на развѣдку. Они захватили станцію врасплохъ и заняли ее, но подавленіемъ подошедшаго эшелона большевиковъ, должны были отступить и выйдя съ вокзала, залегли недалеко отъ него за валомъ перпендикулярно къ ж. д. полотну. Въ это время подкатилъ броневой поѣздъ и со 150—200 шаговъ открылъ изъ пулеметовъ огонь по ихъ цѣпи, заѣхавъ прямо во флангъ. Потери сразу были сильныя. Офицеры по одиночкѣ стали отходить на свой полкъ, который тѣмъ временемъ занялъ саженый лѣсокъ передъ бараками, разсыпавъ по его опушкѣ цѣпь. Около полотна первой ротой было оставлено 2 убитыхъ и раненыхъ.

1-ый Куб. стр. полкъ еще затемно былъ двинутъ влѣво отъ станціи съ приказаніемъ пересѣчь желѣзную дорогу со стороны Тихорѣцкой.

Съ разсвѣтомъ отъ его цѣпей стало видно какъ около станціи взадъ и впередъ бродило нѣсколько броневыхъ поѣздовъ. Одинъ изъ нихъ вдругъ рѣшительно покатился къ будкѣ, гдѣ расположенъ былъ перевязочный пунктъ полка,—за нею не подалеку въ полуразрушенномъ строеніи находился штабъ Маркова... Приготовились къ встрѣчѣ... Но чудище вдругъ остановилось, подумало и „молча“ поползло назадъ... Это повторилось нѣсколько разъ. Оказалось поѣздъ былъ „бронированъ“ лишь обшивкой изъ шпалъ и мѣткій огонь

Эмблема „Корниловцевъ". Нашивка на лѣвомъ рукавѣ чиновъ Корниловскаго полка. Щитъ голубого шелка, на которомъ бѣлый черепъ съ костями и мечи, и красная разрывающаяся граната. Значеніе эмблемы: черепъ съ костями и мечи — безсмертіе посредствомъ оружія; граната признакъ всѣхъ гренадеровъ, къ которымъ принадлежитъ Корниловскій полкъ. Девизъ полка, предложенный кап. Нѣжинцевымъ — „Лучше смерть, чѣмъ рабство".

Полк. Митрофанъ Осиповичъ НѢЖИНЦЕВЪ.

СТАНИЦА ПАВЛОВСКАЯ
МОСТЪ ЧЕРЕЗЪ ДОРОГУ
БУДКА
БРОНЕВИКЪ
ст. СОСЫКА
ВОКЗАЛЪ
БРОНЕВИКЪ
ВЪ КРЫЛОВСКУЮ
ПЕРЕВ. П.
БУДКА
ПОЗИЦІЯ
1й РОТЫ ОФИЦ. П.
ШТАБЪ МАРКОВА
КОННИЦА
ЦѢПЬ 1КУБ. СТР. ПОЛКА
ЦѢПЬ ОФИЦ. ПОЛКА
ПУТЬ 1КУБ. СТР. ПОЛКА
БАРАКИ

ашихъ цѣпей и пулеметовъ не внушалъ
му надежды благополучно проскочить че-
съ его поясъ...

Наши линіи подвигались перебѣжками...
онница рѣдкой цѣпью стала переходить на
сторону ж. д. линіи, чтобы зайти въ
ылъ противнику. Одна изъ сотенъ полка
одъ командой войск. ст. Крыжановскаго
рямо подъ огнемъ на переѣздѣ открыто
ала разбирать путь, чтобы прочно пре-
радать путь броневикамъ къ Тихорѣцкой.
ѣлыя звенья рельсъ вмѣстѣ со шпалами
скивались подъ откосъ и сжигались.
Подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ цѣпи
ли наконецъ двинулись на станцію.

Большевики дрались упорно и нѣсколь-
разъ сами переходили въ аттаку. По-
ри у насъ были большія. Убито много
вѣстныхъ по бригадѣ лучшихъ офице-
въ: у Кубанцевъ убитъ пр. Бураго, ра-
ъ кап. Трипольскій и др. Однако, къ
часамъ станція была взята. На ней ку-
нцы встрѣтились съ Офиц. полкомъ,
дшимъ наступленіе съ праваго крыла.
и этомъ наступленіи ген. Марковъ самъ
дялъ и повелъ въ аттаку роту съ 600
говъ верхомъ на лошади, а къ концу
я умудрился показаться верхомъ на
ел. дор. насыпи въ тылу большевиковъ!
Могла-ли не быть съ нимъ душа его
йскъ?

Д-ръ 1 Куб. ст. п. Комаревичъ разска-
налъ мнѣ, что по пути кубанскихъ
шей къ станціи онъ видѣлъ рѣдкій случай
ніеносной смерти: въ глубокомъ окопѣ
ъ увидѣлъ фигуру сидящаго офицера
протянутой въ воздухѣ рукой, держа-
й спичку. Офицеръ застылъ въ этой
зѣ: полчерепа было отнесено стаканомъ
наты. Его въ этомъ же окопѣ и за-
ли.

Добыча была большая, хотя снарядовъ на-
ли меньше, чѣмъ ожидали. Патроновъ было
ого. Въ вагонахъ приходилось ходить
ямо словно по настилу патроновъ. Одинъ
тонъ былъ цѣликомъ набитъ пулемета-
ми. Взято было бѣлье, всякая одежда,
сласти, шоколадъ; вездѣ было масса пу-
тыхъ бутылокъ отъ вина и водки. На по-
лахъ вагоновъ стояли лужи отъ всякихъ
питій *).

Много было хорошихъ и дорогихъ ве-
щей, зеркала, ковры, ботинки, дамскіе бо
—очевидно все награбленное, и все пор-
ванное, загаженное и запачканное, даже
походныя аптечки были грязны—прямо
бросить!..

Подъ Сосыкой съ войсками былъ и ген.
Деникинъ, направляя ихъ дѣйствія. Офи-
церскій полкъ былъ немедленно посланъ
въ станицу очистить ее отъ большевиковъ. Черезъ нѣсколько часовъ, забравъ добычу, войска сѣли на подводы и черезъ Ново-Михайловскую, и Екатериновскую и Гуляй-Борисовку 30-го вернулись—бригада Маркова въ Егорлыцкую а бригада Богаевскаго въ Гуляй-Борисовку.

Для войскъ наступилъ долгожданный отдыхъ, изрѣдка прерываемый отдѣльными боями, мало мѣнявшими общее положеніе.

Съ 26-го апрѣля штабъ Добровольческой арміи остановился прочно въ Мечетинской станицѣ, отправивъ весь лазаретъ въ Новочеркаскъ.

Арміи нужно было осмотрѣться въ пережитомъ и рѣшить, что же ей дѣлать дальше?

---

*) Большевики вообще любили поѣсть. Я не знаю, каковъ ихъ паекъ былъ въ частяхъ во время похода, но вотъ напр. каковъ онъ былъ въ Ростовѣ во время большевицкаго властвованія: при общей голодовкѣ въ городѣ красногвардейцы помимо жалованья получали въ день „три фунта отличнаго хлѣба, 18 кусковъ сахара, полфунта ветчины, или копченой колбасы, полфунта сливочн. масла, и сверхъ того обильный обѣдъ изъ двухъ мясныхъ блюдъ и горячій ужинъ изъ одного блюда. Къ чаю давались лимоны и мандарины".

Свѣдѣнія эти даетъ въ своихъ изданіяхъ Дон. Комитетъ Рос. Соц.-Дем. Раб. Партіи.

Ея мысль работала неустанно, высказываясь по разнымъ случаямъ. Множество личныхъ исторій, и мелкихъ и крупныхъ, возникло по полкамъ и въ нихъ горячо обсуждались. Ликвидировалось многое, накопившееся за долгій и тяжелый походъ.

Въ Успенской гдѣ мы простояли четыре дня, была отслужена торжественная панихида по Корниловѣ и всѣмъ павшимъ въ бояхъ похода. Былъ смотръ войскамъ. Отличая отъ другихъ полковъ, Деникинъ здоровается съ Офицерскимъ полкомъ: „Здравствуйте доблестный первый Офицерскій полкъ!“ Марковъ всегда говорившій ярко, красочно и на самую живую тему дня, и тутъ постоялъ за себя. Въ арміи шелъ кое гдѣ говоръ, что подойдя къ Ростову надо „распылиться“—походъ-де конченъ, все что можно было сдѣлать, сдѣлано! Въ рѣчи Маркова по адресу такъ говорившихъ, какъ пулеметъ въ упоръ, рѣзко прозвучали слова: «...Кто же ослабѣлъ духомъ—скатертью дорога къ чертовой матери на всѣ четыре стороны!» Сказать однако надо было и то, что тогда „на всѣ четыре стороны“ кругомъ насъ были—„товарищи“!

Въ Успенской станицѣ высшимъ командованіемъ Добр. арміи было оглашено подписанное ген. Деникинымъ слѣдующее сообщеніе объ общихъ цѣляхъ, которыя ставитъ себѣ армія:—

„Будущія формы государственнаго строя руководители арміи (генералы Корниловъ и Алексѣевъ) не предрѣшали, ставя ихъ въ зависимость отъ воли Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, созваннаго по водвореніи въ странѣ правового порядка.

„Предстоитъ и въ дальнѣйшемъ тя[...]лая борьба. Борьба за цѣлость раззор[...]ной, урѣзанной, униженной Россіи, бор[...]ба за гибнущую русскую культуру, [...] гибнущія несмѣтныя народныя богатст[...] за право свободно жить и дышать [...] странѣ, гдѣ народоправство должно с[...]нить власть черни. Борьба до смерти!

„Пусть наши силы не велики, пусть [...] пути насъ ждутъ новыя терніи и ра[...]чарованія, но онъ—единственный путь [...] всѣхъ, кто преданъ Россіи“.

Это опредѣленное заявленіе о на[...]доправствѣ и столь же опредѣленное [...]страненіе всякаго общенія съ нѣмца[...] сразу выдвинули Добровольческую ар[...] на первенствующее мѣсто въ сферѣ русск[...] политики. Она явилась прямой и власт[...] наслѣдницей правъ новой и старой Росс[...]

Такъ же твердо Деникинъ опредѣлилъ [...]отношеніе арміи къ Временному Пра[...]тельству и его главѣ—Керенскому.

Въ „Веч. Врем.“ была напечатана сл[...]дующая телеграмма изъ Бѣлой Глины о[...] 28 іюня:

„Въ бесѣдѣ съ вашимъ сотрудникомъ командующій арміей А. И. Деники[...] заявилъ

— Если Керенскій появится въ райо[...] расположенія Добровольческой арміи, [...] за измѣну родинѣ и предательство буде[...] повѣшенъ.“

Такъ и было бы! Какъ видно Керенск[...]му долго придется провѣтриваться заг[...]ницей!

ИТОГИ КОРНИЛОВСКАГО ПОХОДА.

Что сдѣлалъ Корниловъ для борьбы Россіи съ большевизмомъ своимъ походомъ?

— Екатеринодаръ всетаки не былъ взятъ Добровольческой арміей, значитъ главнаго о армія и не сдѣлала! Что же сдѣлалъ Корниловъ?—говорятъ нѣкоторые,—почти ичего!

Корниловъ имѣлъ опредѣленный планъ, но сдѣлалъ бы онъ изъ Екатеринодара. Взявъ его, онъ объявилъ бы принудительный наборъ, и если бы наборъ этотъ алъ дѣлаться небрежно или только вяло,—ъ послалъ бы карательныя экспедиціи, зстрѣлялъ бы два десятка уклонившихся ъ набора и къ нему, къ его желѣзной асти, казачество потекло бы—съ востор-ъ. Настроеніе казаковъ было всенашей оронѣ. Въ Успенской, когда мы уходили, ались на площади три висѣлицы,—ви-ли рядомъ: комиссаръ одной изъ ста-ицъ, начальникъ гарнизона Медвѣдовской аницы, заживо закопавшій попавшій ему ъ руки нашъ разъѣздъ, и большевицкій ціонъ, выданный его собственнымъ отцомъ!

Казаки поняли за что велась борьба,—оняли крѣпко.

Но когда Корнилова не стало, Екатеринодаръ потерялъ для арміи половину своего значенія. Взятіе его стоило бы жертвъ, диктатора для него не было въ арміи, въ ней были очень талантливые генералы, среди нихъ не было никого, который огъ бы взять на себя роль диктатора. По крайней мѣрѣ такой тогда не выходилъ изъ нея, какъ долженъ былъ бы выйти настоящій диктаторъ—т. е. самъ!

Вожди арміи поэтому правильно оцѣнили положеніе, уйдя изъ подъ Екатеринодара, для арміи ставшаго не нужнымъ, какъ не нуженъ конь, когда нѣтъ всадника для него.

Но всетаки штурмъ Екатеринодара былъ ударомъ по большевизму вполнѣ законченнымъ и имѣвшимъ огромные результаты для всего положенія большевизма въ Предкавказьи и въ Россіи, въ чемъ мы и убѣдились немедленно же на обратномъ пути къ Дону, а теперь убѣдилась и вся Россія.

На глазахъ всего края и его казачества, ждавшаго только ободренія для того, чтобы возстать на пришлецовъ-насильниковъ, маленькая армія желѣзной рукой схватила крупный городъ, небольшими, но неодолимо стойкими и неутомимо аттакующими отрядами заперла всѣ выходы изъ него и штыковыми аттаками, и ружейнымъ огнемъ, почти безъ содѣйствія артиллеріи завалила улицы и всѣ дома города 14,000 убитыхъ и раненыхъ большевиковъ, сама потерявъ около 1000!—Эта потрясающая картина, раскрывшаяся передъ глазами всего населенія, убѣдила его разомъ и навсегда, что большевики—не войска: съ настоящими войсками они драться не мо-

рутъ и только въ паникѣ бѣгутъ отъ ихъ ударовъ, спасая лишь свою жизнь, что никакой идеи нѣтъ за ними, ибо она непремѣнно принесла бы и самоотверженіе и стойкость въ ихъ ряды, что они только разбойники, насильники и острожники, захватившіе въ свои руки военное оружіе и вынуждающіе мирныхъ жителей подчиняться имъ угрозой немедленныхъ разстрѣловъ, и что съ ними правильное поведеніе одно: ломать имъ шеи при первой встрѣчѣ первымъ топоромъ или даже палкой—это единственное спасеніе и вмѣстѣ средство и способъ борьбы съ ними наивѣрнѣйшій изъ всѣхъ! Упорство и мужество, которыя красная гвардія проявила въ позднѣйшихъ бояхъ подъ Армавиромъ и Ставрополемъ, явились уже послѣдствіемъ безвыходности, а не чувства долга передъ чѣмъ либо!

Штурмъ Екатеринодара былъ на глазахъ всего населенія. Большевики не могли какъ въ бояхъ, происходившихъ вдали отъ города, пѣть о доблести своихъ войскъ и близкой гибели Добровольческой арміи... передъ глазами всѣхъ была доблесть настоящая!

Вотъ она, эта армія „юнкарей", „офицеровъ" и „кадетовъ", столько разъ будто бы разбитая и разсѣянная, маленькая, но желѣзная, стоитъ надъ Екатеринодаромъ и коситъ, и гонитъ, передъ собой въ десять разъ многочисленнѣйшія толпы совѣтскихъ войскъ! И маленькая она все нападаетъ, а совѣтскія войска все отступаютъ и ежедневно готовятся бѣжать изъ города!

Цыфра потерь большевиковъ во время штурма нисколько не преувеличена мною. Это отношеніе—въ 10-12 разъ больше потерь у большевиковъ, чѣмъ у насъ,—обычное для всѣхъ вообще нашихъ боевъ съ ними, а у насъ ихъ до возвращенія въ Мечетинскую было до тридцати. Объясняется это и превосходнымъ использованіемъ оружія нашими войсками, среди которыхъ цѣлыя частя были сплошь изъ офицеровъ *), и тѣмъ, что въ сраженіяхъ главныя потери бываютъ, обыкновенно, при отступленіи, а у большевиковъ отступленіе всегда было паническимъ бѣгствомъ, когда пулеметы наши косили ихъ цѣлыми рядами. Въ городѣ-же притомъ бѣгущіе часто были стѣснены стѣнами и передъ нѣкоторыми позиціями нашими лежали цѣлые валы труповъ.

Штурмомъ Екатеринодара ген. Корниловъ нанесъ большевизму тотъ ударъ, который изображается на образахъ св. Георгія Побѣдоносца...

Пусть городъ не былъ взятъ, но Корниловское копье глубоко пронзило чрево большевизма и пригвоздило его къ землѣ.

Большевизмъ былъ еще живъ, но не падать онъ болѣе уже не могъ: не до того —прорѣзано чрево и душа исходитъ!..

И потому-то когда на нашемъ пути къ Екатеринодару къ арміи въ станицахъ присоединялись десятки, рѣдко сотни охотниковъ,—послѣ Екатеринодара съ нею уходили изъ станицъ по 300—500 и болѣе добровольцевъ, вѣрившихъ, что армія скоро будетъ назадъ, ибо побѣда уже за нею.

Змѣй былъ очевидно для всѣхъ уже поверженъ и сраженъ желѣзною рукою!

Теперь онъ уже издыхаетъ....

*) Деникинъ въ Мечетинской спросилъ офицера изъ Офицерскаго полка, котораго онъ зналъ давно за храбреца—сколько онъ выстрѣлилъ патроновъ за походъ.

— Семь!—отвѣчалъ тотъ.

Такъ сдержанъ былъ огонь нашихъ войскъ, но всѣ семь этихъ патроновъ навѣрно попали въ цѣль.

ДУШЕВНОЕ СОСТОЯНІЕ АРМІИ.

(Апрѣль—Іюнь).

На арміи, когда весною она пришла въ Мечетинскую, тяготѣло много мучительнаго:—

— Смерть Корнилова.

— Полууспѣхъ вмѣсто успѣха полнаго: большевизмъ былъ пораженъ ударомъ смертельнымъ, но Екатеринодаръ, Ростовъ остались не взяты, а они должны были быть взяты!

— Всероссійской арены армія не покинула изъ за опозданія къ Ростову.

— Разладъ политическій. Политическая программа арміи, опредѣлявшаяся личностью Корнилова, требовала теперь выясненія точной формулой.

— Тяжело сознавались недостатки организаціи арміи, отсутствіе въ ней контроля, безхозяйственность и возмущавшая лучшихъ въ арміи безнаказанность и благополучіе явныхъ нарушителей служебнаго долга и достоинства офицера.

— Не было видимой и осязаемой органической связи съ обществомъ и народомъ, и было поэтому тяжелое чувство взаимнаго отчужденія съ обидой противъ общества и даже народа.

— Для достиженія цѣли необходимымъ былъ—это сознавалось всѣми!—огромный порывъ, а на арміи нагружены были цѣпи залежи всякаго хлама.

Смерть Корнилова для арміи.

Смерть Корнилова была глубоко почувствована всею арміей. Ушла изъ арміи живая ея личность, осталась идея. Ушла душа, живой посредникъ между тѣломъ и духомъ, остался духъ. Если бы и онъ отлетѣлъ—умерла бы армія!

Но духъ въ ней былъ и есть: были и есть въ ней доблестныя войска, талантливые и умные генералы. Высокая идея арміи многимъ въ ней тогда была ярко ясна —а теперь она ясна всѣмъ!—и люди эти и сильны, и активны. Нужна однако большая и внимательная работа надъ всѣмъ тѣломъ арміи, чтобы привлечь въ нее снова обильныя живыя душевныя силы и изъ нихъ сложить новую, полную, богатую и сильную душевную жизнь—жизнь арміи новой Россіи.

Выраженіе: „Ушла душа изъ арміи" практически значитъ, что въ арміи исчезло моральное единство въ рѣшеніи всѣхъ внутреннихъ вопросовъ ея обихода, что именно и давало ей столь яркій и плѣнный обликъ живой и цѣльной личности.

Эту перемѣну вся армія ощутила рѣзко въ самый же день смерти Корнилова въ вопросѣ о раненыхъ.

О раненыхъ всегда была особенная забота Корнилова. Ради сохраненія обоза и охраны раненыхъ, онъ и самую стратегію свою принуждалъ къ лишнимъ напряженіямъ и жертвамъ.

Когда однажды на военномъ совѣтѣ одинъ изъ участниковъ предложилъ маневрировать и маневрами разстроить расположеніе большевиковъ, сберегая войска отъ потерь,—Корниловъ сказалъ ему:

— Я долженъ былъ бы арестовать васъ за подачу этого мнѣнія,—какъ очевидно ложное положеніе арміи! Если я отдану ма-

неврировать, то непремѣнно—то подставлю свой бокъ удару, то у меня отхватятъ хвостъ! Конечный успѣхъ не вознаградитъ эти потери: армія и такъ—въ минимумѣ своего существованія. Она ничего не можетъ терять, кромѣ отдѣльныхъ бойцовъ, иначе пострадаетъ моральная сплоченность ея. Мы должны бить лобовыми ударами и только ими! Поэтому и завтра мы будемъ атаковать въ лобъ!

Это была геніально вѣрная оцѣнка положенія. Успѣшный лобовой ударъ опрокидываетъ противника, создавая въ немъ панику. Послѣ него передъ нашимъ обозомъ во фронтѣ противника всегда открывалась словно огромная дыра, въ которую онъ свободно и проходилъ, ибо на двадцать верстъ кругомъ въ это время не было ни одного большевика, не бѣгущаго.

Именно благодаря такой стратегіи Корнилова, большевики ни разу не могли коснуться слабѣйшаго мѣста нашей арміи—ея многоверстнаго обоза и вырвать изъ боковъ его хотя нѣсколько повозокъ, хотя одинъ трофей!! Подъ артиллерійскимъ обстрѣломъ обозъ и раненые были ежедневно, но подъ пулеметнымъ ни разу за весь походъ!

Ради тѣхъ же раненыхъ Корниловъ подъ Екатеринодаромъ задержалъ бригаду Маркова на лѣвомъ берегу Кубани, лишь бы поскорѣе перевезти раненыхъ черезъ переправу въ Елисаветинскую станицу, хотя это и ослабило его силы для перваго удара по городу, который въ тотъ день могъ бы быть и окончательнымъ.

Со смертью Корнилова положеніе раненыхъ въ арміи было совершенно перерѣшено.

Какъ только онъ былъ убитъ, нѣсколько десятковъ раненыхъ по недоразумѣнію, по сихъ поръ неясному, было тутъ же подъ Екатеринодаромъ оставлено въ рукахъ у большевиковъ въ ст. Елисаветинской. Для нихъ—признаю это!—было сдѣлано все, тогда возможное: при нихъ остались живыми гарантіями связи съ арміей—живые люди—врачи и сестры лазарета; были отпущены захваченные большевики; взято обязательство отъ станицы; даны станицѣ на ихъ леченіе большія деньги, но все-таки—они были оставлены! Въ первый разъ мы выступали со стоянки съ сердцемъ такъ мучительно сжатымъ!

Дальше отсутствіе всеобъединяющей личности Корнилова и дававшагося ею всѣмъ общаго моральнаго обезпеченія сказалось въ вопросѣ о раненыхъ еще ярче.

Въ Ильинской станицѣ осталось около 45 раненыхъ по собственному желанію на условіяхъ, предложенныхъ имъ лично начальникомъ лазарета. Условія эти раненые были утверждены главнокомандующимъ.

Главныя изъ нихъ были:

1—остается врачъ отъ арміи,

2—оставляется станицѣ на каждаго раненаго по тысячѣ рублей на расходы по леченію и содержанію,

3—отпускается нѣсколько большевиковъ-заложниковъ....

Раненые остались, обозъ ушелъ. Ему однако успѣлъ онъ придти въ слѣдующую станицу, какъ половина оставшихся раненые опять догнала его! Оказалось, что уже по уходѣ обоза три инстанціи, отъ которыхъ зависѣла санкція этихъ трехъ условій, каждая за себя отмѣнила ихъ и

1—врачъ оставленъ не былъ: врачи нужны самой арміи!

2—вмѣсто 1000 руб. оставлено было по 500 р. на раненаго,

3—вмѣсто освобожденія большевиковъ по приговору корпуснаго суда арміи повѣшенъ былъ видный большевицкій агитаторъ!

Конечно, оставшимся раненымъ пришлось спѣшно бѣжать изъ станицы! Но половина уже пропустила время для этого.

При Корниловѣ такой разбродъ въ дѣлѣ моральномъ былъ бы совершенно невозможенъ и это твердо зналъ всякій. И моральная связь каждаго съ арміей, съ ея душой

ила тоже крѣпка, давая и всецѣлую спло-ченность.

Вотъ что значило:—„Ушла изъ арміи душа, ушла все объединяющая личность!!“

— —

Со смертью Корнилова получили свобо-ду проявится и политическія разногласія въ арміи, прежде подавлявшіяся лич-ностью самаго Корнилова. Разногласія эти не должно преувеличивать, но сказать о нихъ надо, ибо они рисуютъ чуткость и напряженность духовной жизни въ ней среди, казалось бы, грубой и кровавой об-становки биваковъ.

Армія, состоящая изъ офицеровъ, не можетъ не разсуждать. Даже и то слѣпое довѣріе, которое она имѣла къ Корнилову на полѣ боя, было для нея, конечно, въ сущности вполнѣ мотивировано. И вотъ—подите же! Если бы спросили всѣхъ офи-церовъ ея и солдатъ, какой они полити-ческой партіи, большинство—однако далеко не всѣ!—отвѣтили бы, что они—монархи-сты, а вотъ на дѣлѣ они явно шли за Кор-ниловымъ, опредѣленнымъ демократомъ, а не Алексѣевымъ, котораго въ арміи вообще считали конституціоналистомъ-монархистомъ! И это при томъ, что имя ген. Алексѣева стояло чрезвычайно высо-ко въ арміи и окружено было общимъ и искреннымъ уваженіемъ и даже любовью.

Корниловъ лично мнѣ говорилъ:

— Я—только солдатъ. Я доведу страну до учредительнаго собранія и подчинюсь его рѣшенію честно. Я ничего не сдѣлаю, чтобы измѣнить его, даже если Россія вер-нется къ монархіи. Но тогда въ ней мнѣ, конечно, не будетъ мѣста и я—эмигрирую!

Онъ такъ безъ сомнѣнія и сдѣлалъ бы!

И вотъ за такимъ то опредѣленнымъ про-тивникомъ монархіи въ арміи такъ безого-ворочно шли всѣ монархисты, что поли-тическіе споры и рознь въ ней совершенно отсутствовали!

Слишкомъ ясно было сознанію всѣхъ, что теперь Россіи нуженъ диктаторъ, а не монархъ, ибо нужна твердая власть, и вотъ диктаторъ самъ своею личностью тво-рить эту власть и силу, тогда какъ мо-нархъ, если онъ не Петръ Великій, им-ѣетъ силу и власть въ сущности не передачѣ отъ войска и отъ подбора адми-нистраціи. Потому-то въ монархіяхъ всегда такъ и сильна бюрократія! По ис-точнику своей власти монархъ всегда—власть второго порядка, завися отъ вой-ска и личной приверженности къ нему и его династіи администраціи.

Въ Корниловѣ были всѣ черты диктато-ра вплоть до рѣдкаго умѣнія съ огром-ными и немедленными результатами при-мѣнять крутыя мѣры, обуздывающія самыя распущенныя массы. Алексѣевъ при всѣхъ качествахъ своихъ государственнаго че-ловѣка и стратега—былъ все же не диктаторъ, который требуется во дни Великой Смуты массъ, и при жизни Корнилова по-литическіе споры въ арміи отсутствовали. Ихъ устраняла собою самая личность Кор-нилова, которая давала въ себѣ практически совершенно вѣрный отвѣтъ среди пугающей пестроты и словесной недоговоренности понятій, царившихъ въ умахъ арміи: „Нуженъ не монархъ или президентъ, а диктаторъ, и когда есть Корниловъ,—кого же еще и искать: вѣдь онъ явно—диктаторъ!“

Но умеръ Корниловъ. Возникъ вопросъ:

— Диктатора нѣтъ. Диктаторъ нуженъ. Кого признать диктаторомъ? И почему признать именно этого-то, а не иного?!

Всѣ эти вопросы встали передъ арміей офицеровъ—повторяю—не могущей не разсуждать, и требовали отвѣта. А тутъ на общемъ сознаніи гнетомъ лежали сомнѣнія:

— Да—сила-ли мы?! Ни Екатеринодаръ, ни Ростовъ мы не взяли. Безпорядочность всего хозяйства арміи ежедневно подры-ваетъ наши успѣхи, и мы выйти изъ нея не можемъ. Не распылиться ли намъ просто?!

Утомленіе и душевный разбродъ въ арміи, какъ послѣдствіе потери Корнилова

и не полныхъ итоговъ похода, были дѣйствительно очень велики.

Когда въ концѣ апрѣля мы приближались къ Донской области, меня спросили:

— Какую разницу вы видите между тою арміей, которая вышла изъ Ростова и тою, которая теперь возвращается къ нему?

Мой отвѣтъ былъ:

— Ту армію, которая вышла изъ Ростова и ея генераловъ, Корнилова въ томъ числѣ, я отдалъ бы подъ судъ; а ту армію, которая теперь возвращается къ Ростову, я отправилъ бы въ госпиталь и санаторіи, а ея генераловъ—отдалъ бы подъ судъ!

Я объяснилъ:

Армія, вышедшая изъ Ростова дѣлать великое дѣло Россіи, подлежала суровому военному суду: генералы ея за то, что они повели въ трудный походъ армію, снабженную во всемъ главнѣйшемъ безобразно и прямо преступно плохо, а каждый солдатъ ея и офицеръ—за то, что, видя всю недостаточность снаряженія и сознавая значеніе этого для конечнаго успѣха дѣла, онъ не потребовалъ—конечно не митингомъ—отъ начальниковъ снаряженія лучшаго, которое все было въ наличіи въ Ростовѣ.

Для наиболѣе повидимому отвѣтственныхъ во всемъ этомъ людей, организаторовъ арміи, Корнилова и Алексѣева, судъ этотъ конечно былъ бы нисколько не страненъ. Достаточно было бы имъ разсказать, какъ медленно, нехотя и сомнѣваясь шли къ нимъ на помощь Ростовъ и Новочеркасскъ, какъ мало у нихъ было времени, чтобы собрать всѣхъ нужныхъ имъ для арміи помощниковъ и какъ много было его у этихъ помощниковъ, ибо дѣлали настоящаго дѣла они очень мало—и они были бы блестяще оправданы и вознесены достойно приговоромъ суда, но... но за снаряженіе арміи все-же они были отвѣтственны, ибо кто-же первый отвѣтчикъ за армію, какъ не ея главнокомандующій? Дѣйствительно виновными явились бы передъ судомъ другія лица. И... пусть бы явились!!

Много труднѣе было бы положеніе офицеровъ и солдатъ арміи передъ строгимъ опросомъ. Можетъ быть они сказали бы, какъ и говорили мнѣ, что запасы интендантства арміи имъ не были открыты и недостача важнѣйшаго въ походѣ для нихъ самихъ всегда была неожиданостью. Но—невѣрно это. Они видѣли и знали еще въ Ростовѣ уже то одно, что въ ротахъ ихъ и взводахъ нигдѣ не было ни протирокъ при винтовкахъ, ни шанцеваго инструмента на людяхъ. Этого—вполнѣ довольно! Сошлюсь на каждаго начальника отдѣленія, не говоря уже о высшихъ надъ нимъ.

Подумать только въ самомъ дѣлѣ!

Взятые изъ Ростова—если бы они были взяты!—бронированые автомобили и аэропланы огромно сберегли бы наши потери въ бояхъ людьми и, конечно, сами добыли бы себѣ въ пути бензинъ, какъ добывала пѣхота себѣ патроны и артиллерія снаряды. Одинъ Корниловскій полкъ, конечно, легко вышибъ бы большевиковъ изъ Батайска на столько часовъ, сколько потребовалось бы, что-бы взять любое количество бензина изъ тѣхъ 120 цистернъ его, т. е. 120.000 пуд., которыя находились въ Батайскѣ при нашемъ уходѣ изъ Ростова. И сколько бойцевъ ни потерялъ бы полкъ при этомъ, общія потери его за походъ при наличіи броневиковъ и аэроплановъ въ арміи были бы конечно много меньше, чѣмъ они были: изъ 1020 чел., вышедшихъ въ его составѣ изъ Ростова, къ отходу отъ Екатеринодара въ немъ осталось въ строю только 130 человѣкъ!

Вся ремонтная мастерская для автомобилей и аэроплановъ помѣстились бы на восьми подводахъ,—станки и всѣ принадлежности для нея были въ Ростовѣ.

Свой собственный, а не наемный обозъ, который принялъ бы на повозки и боевыя войска,—конечно въ десять дней

привезъ бы армію въ Екатеринодаръ, а организовать его было вполнѣ возможно и въ пути, уже при выходѣ арміи изъ Ростова, реквизировавъ въ любой станицѣ повозки и лошадей. Фуражъ для своего обоза армія получила бы такъ-же легко, какъ получала его для наемнаго. Вѣдь въ концѣ похода, когда фуражъ приходилось искать и наемные подводчики отказались имѣть свой, наше интендантство вынуждено было доставлять его имъ отъ себя и—доставляло!

Одними этими столь простыми улучшеніями боеспособности арміи она охранена была бы отъ тягчайшихъ напряженій и рисковъ, въ одномъ изъ которыхъ она потеряла самую душу свою—Корнилова!

Въ итогѣ доблестныхъ усилій она имѣла поэтому лишь полууспѣхъ, а должна была имѣть успѣхъ полный—она должна была и могла взять Екатеринодаръ, Ростовъ и за ними всю Россію.

Все это мучительно сознавалось арміей, вышенной Корнилова и мечтавшейся полноты конечнаго успѣха ея героическихъ усилій.

Такъ какъ Добровольческая армія—зерно арміи новой Россіи, то въ ней должно быть все, что должно быть въ арміи новой Россіи и прежде всего—доблесть, доблесть и доблесть, отличное хозяйство и дѣйствительный контроль. Мы видѣли во что обошлось арміи плохое хозяйство и отсутствіе всякаго контроля, когда формы прежняго контроля въ ней введены не были, а новыя не создались. И въ контролѣ и въ хозяйствѣ должны принять участіе общественныя силы, играя въ нихъ главную роль.

Плохое интендантство генер. Эльснера подрывало самую доблесть, самые нравы арміи. Я почти не говорилъ о фактахъ этого рода при описаніи похода, ибо войска тутъ были виноваты мало, однако—отвратительное и прямо преступное бывало! Но какъ было судить его? Когда пища не доставлялась, сапогъ на смѣну рвавшихся не давали, бѣлья и платья тоже—войска и „реквизировали“ на ходу у населенія все необходимое недостающее—„партизанили“, какъ говорили у насъ.

Не весело, конечно, было видѣть офицера, ѣдущаго съ привязаннымъ къ сѣдлу гусемъ, но... съ благодарнымъ проклятіемъ поминалось имя ген. Эльснера и обвиненіе давилось въ душѣ! Какъ въ самомъ дѣлѣ было винить виновнаго, если ему сряду-же въ ту-же почь можетъ быть предстояло идти въ бой или въ сторожевое охраненіе, а приближенные ген. Эльснера къ ужину не дадутъ ему и хлѣба?!

И одни брали необходимое, другіе партизанили приглянувшееся, а глядя на нихъ находились такіе, которые попросту грабили! И только ежедневныя блестящія побѣды и побѣды держали имя арміи высоко!

Но зло быстро пускаетъ корни, пріучая къ себѣ, и теперь, когда армія имѣетъ всего достаточно, война „партизанству“ въ ней должна быть объявлена безпощадная, ибо... вотъ факты половины іюня—имена обвиняемыхъ и названіе полка я сообщилъ высшему командованію арміи, но не оглашаю ихъ въ печати, такъ какъ и люди эти и полкъ имѣютъ яркія боевыя заслуги и протестъ идетъ изъ среды самого полка—его-же офицеровъ.

Поручикъ —ского полка разсказалъ и двое его товарищей по полку подтвердили мнѣ слѣдующее:

„Командиръ батальона —скаго полка 15—16 іюня въ селѣ Новомъ Егорлыкѣ реквизировалъ безъ уплаты денегъ: мотоциклетъ, два велосипеда, около десяти лучшихъ лошадей, 2 ящика револьверовъ (нагановъ и браунинговъ), 3—4 пуда кожи, мѣшокъ сахару, боченокъ вина, три четверти спирта, парфюмерные товары (одеколонъ, пудру брала сестра милосердія) и деньгами—28.000 руб. въ потреби-

тельныхъ обществахъ и на почтѣ и отъ бѣженцевъ взято 1300 и 1600 руб. Прапорщикъ его батальона былъ отправленъ въ мотоциклетомъ, велосипедомъ, лошадьми и хорошей линейкой, тоже реквизированной, въ Новочеркасскъ и тамъ продалъ ихъ! Револьверы не были выданы офицерамъ, просившимъ ихъ хотя бы за деньги. „Оружія нѣтъ!“—сказалъ имъ командиръ. Реквизированный мѣшокъ сахара не былъ розданъ въ полку. Одинъ изъ поручиковъ полка съ негодованіемъ упрекалъ виновныхъ въ этомъ пятнаніи имени полка и поѣхалъ въ штабъ. За нимъ снарядили было погоню съ предписаніемъ вернуть его „живого или мертваго“, но въ концѣ-концовъ не рѣшились исполнить это“.

По уставу арміи, опубликованному въ маѣ, въ ней по полкамъ должны быть полковые суды чести. но на дѣлѣ они не вездѣ. Во многихъ полкахъ ихъ нѣтъ и тамъ офицеры не знаютъ, какъ и отмахнуться отъ своей нечисти, а опроказиться не хочется.

Надо, чтобы суды чести не только существовали, но и принялись бы выметать нечисть жесткою щеткой.

Необходимо подравнять армію и въ доблести,—въ нее вливаются теперь такія массы, которыя не могутъ быть равны по своей боевой готовности—даже большевики, взятые сегодня утромъ въ плѣнъ!

Подъ Кагальницкой Офицерскій полкъ пошелъ въ аттаку, кубанцы на его флангѣ пошли тоже, а донцовъ изъ 6 сотенъ полило только 8 чел.!

Не можетъ шестерня работать твердо, если одинъ зубецъ въ ней стальной, а другой рядомъ—картофельный. Пусть предсѣдатели судовъ чести имѣютъ право, вѣрнѣе, обязанность поднимать на собраніи-ли предсѣдателей судовъ чести извѣстнаго состава или лично передъ главнокомандующимъ арміи—вопросы о случаяхъ боевой слабости или не-доблести частей. Самое то, что это право у кого-нибудь вмѣется, будетъ уже острасткой. а шкурники эти и грозы себѣ не знаютъ никакой, лишь бы не вдвоемъ-втроемъ опозориться, а крупными сотнями:—тогда безнаказанность имъ обезпечена навѣрно.

Нужно, чтобы въ арміи было прямо и строго поставлено требованіе доблести, чтобы она осталась истинно доблестной какою она была при Корниловѣ. Но чтобы быть прочною, доблесть эта должна имѣть подъ собою твердую опору дисциплины, которая вовсе не всегда непремѣнно сопутствуетъ доблести. И именно о Добровольческой арміи всегда можно было сказать: „Доблести много, дисциплины мало!“ Мнѣ говорилъ одинъ изъ генераловъ арміи:

— Когда въ сторожевомъ охраненіи находятся солдаты, я увѣренъ, что часовые не спятъ, но я не увѣренъ въ этомъ когда въ охранѣ офицеры!

И для утвержденія дисциплины, дѣйствительно благонадежнаго, необходимо ввести въ арміи точное исполненіе „Устава внутренней службы“. Безъ него всѣ разговоры о дисциплинѣ останутся только разговорами!

И такъ: отличное хозяйство, общественный контроль, суды чести и дисциплина—вотъ что нужно для внутренняго усиленія арміи. Для превращенія же ея въ армію всероссійскую, нужна общерусская военная казна, о которой я уже говорилъ и ясно и ярко опредѣленная политическая задача и цѣль ея усилій, которая совпадала бы со стремленіями всего русскаго народа, всей Россіи.

Я думаю на основаніи огромной массы моихъ разговоровъ со многими участниками ея, что всѣ ея бойцы на сторонѣ не царя или республики, а диктатуры, какъ перваго практическаго шага къ учрежденію твердой власти и крѣпкаго центра въ странѣ!

Я знаю—со смертью Корнилова слова „Россіи нуженъ диктаторъ!“ звучатъ еще

но, ибо самого диктатора-то нѣтъ. По самому существу своему онъ долженъ явиться самъ собою, рядомъ своихъ собственныхъ шаговъ выйти къ высшему мѣсту въ странѣ, какъ шелъ Корниловъ. Ни выбрать, ни назначить диктатора нельзя, а его-то и нѣтъ.

Положеніе отъ этого не мѣняется—онъ все-таки нуженъ и явится, хотя можетъ быть и не тѣми пріемами и дѣйствіями, какими заявилъ бы свои притязанія Корниловъ. Вѣдь и Витте могъ бы быть диктаторомъ — прямая противуположность Корнилову! Въ такой огромной и такъ потрясенной странѣ, какъ Россія, достаточную быстроту, твердость и соотвѣтствіе если не со всѣмъ разумомъ, то со всѣмъ духомъ народа можетъ дать лишь одна личность высокаго духовнаго настроенія, и отвѣтственности, а не соборный совѣтъ, кабинетъ, „правительство" особенно—партійнаго происхожденія.

Нѣтъ диктатора, такъ—онъ будетъ! Но нужнымъ имѣнно онъ!

При отсутствіи его фактическомъ можно принять другія формы власти, но высшее требованіе должно стоять одно: власть сильная, единоличная, но не монарха, а диктатора!

Для арміи, какъ таковой, этой политической программы пока и достаточно! Въ самомъ дѣлѣ она не народъ-же, чтобы принимать и отвергать за него тотъ или иной складъ управленія для него! Но свой народъ и его психику она должна представлять себѣ ясно, ибо обстоятельства могутъ поставить передъ нею и новое положеніе, въ которомъ придется прямо выбирать между республикой и монархіей!

И вотъ о народѣ-то, его дѣйствительныхъ желаніяхъ и вѣроятныхъ отношеніяхъ къ главнѣйшему въ его судьбахъ, къ строю верховной власти въ государствѣ,—у насъ заблужденій, недомолвокъ и недодумки много.

Я скажу, какъ представляется мнѣ ближайшее будущее Россіи, а вы укажите мои ошибки.

КАКЪ УСТРОИТСЯ РОССІЯ ВЪ ГОДЫ 1918—1923

„Вѣче и Князь“

МОНАРХИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА — РЕСПУБЛИКАНСКАЯ МОНАРХІ

ВѢЧЕ ОБЩИНЪ и ВЕЛИКІЙ АТАМАНЪ.

Говоря о формѣ управленія, которая вѣроятно установится въ Россіи, позвольте мнѣ прежде всего бросить подъ столъ всю обузу пустыхъ фразъ, составляющихъ наши „политическія программы“, и говорить о ближайшемъ будущемъ Россіи чисто реально—т. е. не о томъ, что въ ней сдѣлать надо согласно наилиберальнѣйшимъ или наиконсервативнѣйшимъ пожеланіямъ, а что въ ней дѣйствительно будетъ и какъ дѣйствительно сложится въ ней управленіе и весь ходъ внутренней жизни, и почему?!

По моему Россія теперь такъ глубоко всколебалась, что у насъ сейчасъ невозможна никакая форма опредѣленнаго порядка—ни монархическаго ни республиканскаго. Все, что для насъ возможно, это нѣкая устойчивая „форма безпорядка“, т. е. общее состояніе самоволія и своеволія отдѣльныхъ областей, отдѣльныхъ группъ, городовъ, людей, въ которомъ однако главное, очень немногое, будетъ уже для всѣхъ охранено отъ нарушенія.

Это главное я вижу въ двухъ вещахъ: возмездіи по суду за преступленія и ненарушимомъ сообщеніи по странѣ, желѣзнодорожномъ и почтово-телеграфномъ. Вотъ все, что сейчасъ можетъ дать самая твердая власть,—все остальное мы еще долго должны будемъ отвоевывать собственными личными и общественными усиліями и оберегать собственнымъ револьверомъ и умѣньемъ, какъ это было въ Сѣв. Ам. С. Штатахъ добрую четверть вѣка послѣ войны за освобожденіе негровъ. Въ этой странѣ при либеральнѣйшемъ законодательствѣ цѣлые города безпомощно боролись долгими десятилѣтіями съ шайками бандитовъ, какъ Нью-Іоркъ съ бандою Тамани. Капитализмъ и короли промышленности побѣдоносно покрыли все въ странѣ, даже выборы президента, своими сѣтями. Взятничество чиновничества, особенно высшаго, было поражающее. Надъ всѣмъ торжествовалъ самый ловкій, самый быстрый, самый богатый... И револьверъ былъ обязательнымъ постъ-скриптумомъ ко всѣмъ личнымъ столкновеніямъ и законъ Линча стоялъ выше законовъ всѣхъ штатовъ вмѣстѣ.

И все-же хотя ни постоянной арміи, ни флота у С. А. Штатовъ тогда почти не было, у страны этой была большая внѣшняя сила и международный авторитетъ!

Нѣчто подобное будетъ и у насъ.

Ни монархіи, ни республики въ Россіи не будетъ, кромѣ развѣ кратковременныхъ попытокъ къ этому, возможныхъ, какъ возможни въ нашемъ мірѣ всѣ вообще случайности.

Монархіи не будетъ уже потому, что самого монарха не окажется налицо. Никто не захочетъ быть монархомъ Россіи! Въ самомъ дѣлѣ, укажите мнѣ хотя что-нибудь пріятное, лестное, выгодное, что человѣку далъ бы всероссійскій тронъ?!

Одну сплошную муку, униженія, угрозы и сильныхъ, и слабыхъ, безсиліе передъ ними и личную жизнь подъ катержнымъ

надзоромъ—хорошо, если еще не подъ пу-
емотомъ и не въ тюрьмѣ!..

И такое мученіе приметъ въ свою душу
азумный человѣкъ—и притомъ впередъ
езъ всякой надежды создать этой жерт-
вой странѣ что-нибудь кромѣ повторенія
тараго плохого?! Подите! Разумные люди
е таковы. А вѣдь неразумнаго—надѣюсь
-не требуется!

Нѣтъ! Отъ русскаго трона всѣ недавніе
хотники до него теперь—на попятный!

И слава Богу! Отучили!!

Республики въ Россіи тоже не будетъ
-по двумъ причинамъ:

— по внѣшней и маленькой причинѣ:
отому что если монархія можетъ быть
учреждена насильственно, то для учреж-
енія республики необходимо учредитель-
ое собраніе, а при нынѣшней распа-
анности всѣхъ народныхъ массъ Россіи
о самыхъ ихъ глубинъ, при общемъ
своеволіи и трудности его обузданія на
громныхъ пространствахъ Россіи, въ ней
евозможны будутъ сколько-нибудь скоро
бщіе политическіе выборы, которые для
учредительнаго собранія необходимы;

— по причинѣ большой и дѣйствитель-
ой:—потому что имѣя теперь свободу и
возможность получить лучшее, чѣмъ мо-
нархія и республика, народъ русскій не
акой разиня, чтобы остановиться на пол-
пути въ походѣ за народнымъ счастьемъ.

Ни республика, ни монархія—не по ду-
ху русскаго народа. Въ Россіи никогда
не бывало республики: полугодовыя по-
пытки кн. Львова и Ленина не въ счетъ;
монархіи-же дѣйствительныя, въ ней быв-
шія—Петра Великаго, Николая I—всегда
были во враждѣ съ народными массами.

Республика даетъ выраженіе лишь кол-
лективности народныхъ массъ. Личность
представлена въ ней съ такимъ недовѣ-
ріемъ къ ней, что даже президенту довѣ-
ріе отпускается только на срокъ четырехъ-
мя лѣтъ.

Монархія даетъ полноту выраженія лич-
ности монарха, но за то коллективная лич-
ность народа въ ней заподозрѣна и съ тру-
домъ выбирается на достаточно властное
мѣсто.

И та и другая—формы явно больныя,
окургуженныя.

Вы скажете:

— Хорошо. Я соглашусь, что русскій
народъ несетъ въ себѣ слишкомъ напря-
женную моральную жизнь, чтобы удовле-
твориться республиканской формой прав-
ленія, которая, какъ всякій видъ коллек-
тивизма, не даетъ выраженія именно мо-
ральной личности народа. Я соглашусь,
что монархія есть еще болѣе узкое кольцо
на духовную жизнь народа, надѣваемое на
самое горло ея. Но практически:—если не
монархія и не республика, то что же? Вы-
думка, фантазія, нѣчто небывалое?

Нѣтъ—именно настолько бывалое, что
было это въ подлинной исторіи Россіи на
протяженіи не мѣсяцевъ и годовъ, а вы-
шительныхъ полутысячелѣтій!!

Въ исторіи Россіи было лишь одно вре-
мя, совершенно похожее на нынѣшнее на-
ше, когда страна была всколеблена тоже
до самыхъ основъ своего бытія и вмѣстѣ
была совершенно свободна выбрать дорогу
и рѣшеніе вполнѣ по своему духу и на-
родной волѣ.

Это время—не Смутное время XVII вѣ-
ка. Искать его надо гораздо дальше—въ
тѣхъ годахъ, когда новгородцы послали за
князьями на сторону, чтобы учредить у
себя порядокъ—862 г. Такъ страна была
всколеблена и такъ съ тѣмъ вмѣстѣ—сво-
бодна!

„Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ. Придите княжить и володѣть нами!“

Въ Смутное время, создавшее династію Романовыхъ, самъ народъ все-же противился нашествію поляковъ и королевичъ Владиславъ былъ признанъ лишь боярскими кругами.

До прямого признанія иноземцевъ для введенія у себя порядка Россія дошла только дважды: въ 862 г. и въ нашъ 1918 г. Времена, какъ видите, дѣйствительно подобныя одно другому, и вотъ посмотрите, что учредили у себя тогда—въ 862 г.—новгородцы?

— Не монархію и не республику! Монархію воткнулъ въ Россіи со стороны Олегъ, самъ тоже не монархъ, но—диктаторъ чистаго типа. Онъ пошелъ въ Кіевъ и нѣсколькими десятилѣтіями диктатуры и размѣщенія по странѣ своихъ сторонниковъ съ сильными отрядами войскъ приготовилъ тамъ основы для династіи и она утвердилась въ Кіевѣ.

Въ Великомъ же Новгородѣ и Олегъ оказался безсиленъ для образованія монархіи, и создался тамъ порядокъ государственнаго управленія по формулѣ—„Вѣче и князь“, въ которомъ и ширь народныхъ массъ съ ихъ коллективностью и высь одинокой личности съ ея устремленіемъ къ Вѣчно-Высшему, и ежедневная реальная практика управленія и правда духа народнаго—были представлены такъ разумно и удачно, что Великій Новгородъ просуществовалъ послѣ того пятьсотъ лѣтъ и существовалъ бы, конечно, и дальше, если бы не измолотилъ его въ припадкѣ безумія Иванъ Грозный.

За эти полтысячелѣтія Великій Новгородъ распространилъ свою власть на весь сѣверъ Россіи, достигъ высокаго процвѣтанія, одинъ на всей Руси отбился отъ татаръ, успѣшно боролся со шведами, и сосѣдъ его, Псковъ, управлявшійся по тому же общему строю, твердо выстаивалъ и противъ изощренныхъ въ военномъ дѣлѣ и богатыхъ средствами меченосцевъ...

Отъ призываемыхъ князей новгородцамъ былъ нуженъ только „порядокъ“ и князю они передали, вопреки словамъ лѣтописи, не княженіе и володѣніе собою, а только—судъ и войско. Если въ странѣ преступленія наказываются,—въ ней сейчасъ же устанавливается порядокъ: каждый знаетъ, что можно дѣлать свободно, а что слѣдуетъ пеня и казнь. Если бы и наши нынѣшніе крестьяне, зовущіе „царя“ получили только былой судъ и насилія стали бы въ странѣ строго и неуклонно караться они—повѣрьте!—сразу перестали бы звать „царя“. Имъ, какъ и древнимъ новгородцамъ, нуженъ теперь только порядокъ, если подъ гнетомъ бѣдствія, какъ древніе новгородцы, они зовутъ кого-то царствовать т. е. княжить и володѣть ими, то имѣя полноту свободной воли, они, тоже какъ древніе новгородцы, конечно скажутъ пришедшему „царю“ самое большее такъ:—„вотъ тебѣ судъ, войскомъ своимъ наказывай виновныхъ и за это взимай въ свою пользу судебныя пошлины. Защищай насъ отъ нападающихъ на насъ враговъ. Всѣ же прочія наши дѣла мы разсудимъ сами, какъ намъ надобно и лучше, и если съ тобою у насъ не выйдетъ согласія и мира по душѣ, то мы вольны сказать тебѣ: „Прости!“ и позвать себѣ другого судью и защитника—по сердцу, который бы въ судѣ своемъ и поведеніи выражалъ бы вѣрно нашу народную правду“.

Согласитесь, это—не „царь“, и не „цареніе“!

Но иного ожидать—значитъ просто мечтать!

За тысячу лѣтъ мужики русскіе измѣнились во всякомъ случаѣ не въ сторону рабства, и если тысячу лѣтъ назадъ они звали князей княжить надъ собою, а на дѣлѣ сажали ихъ на службу себѣ, давая только кормленіе, а власть надъ собою оставляя себѣ самимъ, то теперь монархисты и вовсе не приходится полагаться на то, что крестьяне-де сами зовутъ царя къ себѣ. Никакой монархіи изъ этихъ зовутокъ на Руси все равно не выйдетъ—все это лишь до поры до времени, и вовсе не значитъ что придетъ царь, ему и впрямь дадутъ „царствовать“ и помирятся покорно и рабски стѣмъ даже, что онъ окажется негоднымъ для дѣла, для котораго его позвали...

Въ Великомъ Новгородѣ всѣ дѣла общія и гражданскія кромѣ суда, вѣдались вѣчемъ и посадникомъ, избиравшимся на одинъ годъ. Рѣшались дѣла на вѣчѣ нерѣдко схваткой на кулачки на мосту черезъ Волховъ, но это была только грубая казовая сторона вершенія дѣлъ. Въ дѣйствительности дѣла принципіально рѣшались въ палатѣ господъ, собиравшейся въ комнатахъ у архіепископа. Уже рѣшенныя тамъ дѣла выносились посадникомъ на вѣче, и сторона, взявшая верхъ въ палатахъ архіепископа, конечно умѣла оказаться болѣе сильной и на Волховскомъ мосту въ состязаніи кулаками. Характерно, кстати указать, съ какимъ тактомъ было дано церкви вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ: архіепископъ былъ, по видимости, совершенно въ сторонѣ отъ рѣшенія дѣлъ, на него не падала никакая отвѣтственность за эти рѣшенія, но всѣ дѣла шли все же прямо передъ его глазами; онъ имѣлъ большую возможность вліять на ихъ рѣшеніе и голосъ церкви не умолкалъ въ государственныхъ дѣлахъ, давая полноту выраженія народной личности въ рѣшеніяхъ правительства, шедшихъ отъ имени народа.

Сочетаніе коллектива съ личностью, выражаемое новгородской формулой „Вѣче и князь", есть чисто русская схема государственной власти и въ той или иной формѣ она, конечно, и будетъ осуществлена у насъ теперь.

У насъ будетъ вѣче общинъ (областей, городовъ и разныхъ группъ населенія) съ посадникомъ, избираемымъ на 4-7 лѣтъ, и великій атаманъ, утверждаемый народомъ пожизненно. Великій атаманъ долженъ быть яркой моральной личностью и всенароднымъ авторитетомъ въ дѣлахъ военныхъ и политическихъ, вышедшимъ изъ массъ на первое мѣсто на самыхъ глазахъ народа и ему потому яснымъ „до самаго дна" его психики. Первымъ великимъ атаманомъ былъ бы конечно Корниловъ, если бы судьба ему дала довести Россію до учредительнаго собранія, и имъ будетъ тотъ диктаторъ, который за Корнилова исполнитъ эту великую задачу. Великій атаманъ будетъ имѣть прерогативу конфирмаціи смертныхъ приговоровъ (безъ смертной казни не можетъ держаться столь огромная и пестрая держава, какъ народовластная Россія) и имѣть рѣшающій голосъ въ дѣлахъ военныхъ и совѣщательный въ вопросахъ мира и войны.

Великій атаманъ будетъ имѣть право и даже обязанность предложить народу своего замѣстителя, но для народа это предложеніе, конечно, не будетъ обязательно.

Смѣнять великаго атамана будетъ только смерть. Для народа полезна эта сдержка личнымъ характеромъ одного крупнаго человѣка теченіе достаточно продолжительнаго времени: личныя черты этого человѣка отпечатлѣваются на характерѣ народа, ускоряя проясненіе коллективной его личности. Для самого же государства важно пребываніе у власти человѣка, который на полѣ брани окрѣпъ въ борьбѣ за право и самостоятельность своего народа. Довѣріе народа будетъ ему по смерть, тогда какъ довѣріе президенту дается только на срокъ. Понятна моральная разница и въ отвѣтственности, проистекающая отсюда. Великій атаманъ и народъ связаны другъ съ другомъ на жизнь и смерть, а президентъ и народъ только на 4, на 7 лѣтъ!

Великій атаманъ, такъ поставленный въ государственномъ управленіи, внесетъ въ него элементъ сильной и крупной тѣсно слившейся съ психикой своего народа личности, независимой по отношенію къ любымъ массамъ и силамъ страны. Это всегда будетъ очень одаренный человѣкъ, самъ себя сдѣлавшій на глазахъ народа и смѣняемый на своемъ посту такимъ же самостоятельнымъ и крупнымъ человѣкомъ. Ни одинъ монархъ, несущій съ собою нелѣпицу наслѣдственности, рискъ личной безталанности и жадную орду дворцовыхъ тунеядцевъ, не выдержитъ, конечно, и срав-

нія съ человѣкомъ такой карьеры и такихъ качествъ.

Великій атаманъ дастъ странѣ все, что можетъ дать ей личность самаго одареннаго монарха, но безъ обычныхъ недостатковъ всякой монархіи.

Онъ не будетъ равенъ и пожизненному президенту республики, не участвуя вовсе въ практикѣ управленія, даже въ управленіи военнымъ министерствомъ, которое должно остаться въ кругу вѣдѣнія вѣча и его правительства. Но полнота довѣрія къ нему—несмѣняемость, избраніе не смерть,—повыситъ отвѣтственность его передъ народомъ до всецѣлой полноты, до полнаго объединенія съ правдой духа народнаго.

Съ тѣми или иными измѣненіями, согласно обстоятельствамъ времени, формула русской народной власти, созданная Великимъ Новгородомъ: „Вѣче и князь", будетъ осуществлена въ Россіи и теперь.

Это то, что уже было у насъ и дало свободу народному духу и жизни и вмѣстѣ государственный порядокъ, а что это и вообще очень разумная, практическая и благодѣтельная для народовъ форма государственнаго устройства,—доказывается это тѣмъ, что къ ней, къ самой этой формулѣ „Вѣче и князь", явно идетъ и англійскій народъ въ исторіи своей конституціи послѣдовательными ея измѣненіями.

На нашихъ глазахъ въ Англіи двухпалатная система представительства фактически уже превратилась въ однопалатную, т. е. въ „вѣче"; король превратился въ тѣнь по вліянію на дѣла страны, но съ вниманіемъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ, она слушаетъ своихъ великихъ атамановъ —Китченера, а раньше Робертса и Уольслея, еще ранѣе—Веллингтона! Положеніе этихъ высшихъ совѣтниковъ націи въ военно-политическихъ вопросахъ не закрѣплено еще формальнымъ актомъ, не найдены еще формы для того въ государственномъ управленіи, но за этимъ дѣло не станетъ, когда пользу и необходимость точно осознать и оформить и эту силу, столь постоянно воздѣйствующую на работу и развитіе націи, усвоитъ себѣ весь народъ.

Не умри Китченеръ такъ случайно, конечно при вѣской уравновѣшенности его натуры и рѣдкой мощи его интеллекта онъ сталъ бы на дѣлѣ пожизненнымъ совѣтникомъ націи по военнымъ дѣламъ и высшимъ вопросамъ государственной морали.

Веллингтонъ, Китченеръ, Скобелевъ, Корниловъ—вотъ прирожденные великіе атаманы своихъ народовъ, окруженные и при жизни необычайнымъ ореоломъ, и естественно, что такія мощныя силы націи должны быть введены въ постоянный организмъ государственнаго строя, ибо иначе въ рѣшающую минуту только военнымъ переворотомъ они будутъ въ состояніи и потому будутъ нравственно обязаны воздѣйствовать на ходъ государственной машины націи. А это—лишній и въ крупномъ государствѣ всегда большой рискъ!

Теперь, когда въ результатѣ этой войны милитаризмъ будетъ сломанъ, націямъ потребуются вожди, особенно чуткіе и одаренные, и приготовить мѣсто въ формахъ государственнаго строя личностямъ исключительныхъ дарованій и авторитета—очередное дѣло государственнаго строительства.

Если государства счастливыя, какъ Англія, могутъ спокойно ждать, когда это новое постепенно, какъ бы само собой, сложится въ ихъ жизни, государства страдающія, какъ Россія, должны сдѣлать особыя усилія, чтобы нарочито создать ради помощи себѣ немедленной эти спасающія для нихъ формы духовнаго и государственнаго равновѣсія.

Новгородцы вѣдь не ждали, когда изъ маленькихъ ихъ ушкуйниковъ выдѣлился бы „игрой усобицы кровавой" свой собственный князь, какой-нибудь Ермакъ или Степанъ Разинъ, но прямо призвали

ебѣ князя изъ-за моря и—усобица вошла
ъ берега.

„Вѣче городовъ“, дополненное спеціаль-
ымъ представительствомъ университе-
овъ, приходовъ, профессій и занятій, тор-
овли и промышленности, и политиче-
кихъ партій,—и великій атаманъ—вотъ
тотъ государственный строй, который бу-
детъ въ Россіи послѣдствіемъ этой войны.

Какимъ путемъ и когда?!

Отвѣтить не трудно:

— Черезъ учредительное собраніе и
при жизни перваго диктатора, его собрав-
шаго!

Диктаторъ установитъ въ странѣ авто-
ритетъ центра и правильное общее сообщ-
деніе внутри государства. Благодаря это-
му придетъ въ равновѣсіе жизнь на мѣ-
стахъ и тогда наступитъ время для учре-
дительнаго собранія.

Соберется оно и что же?! Диктатора,
ту національную силу такой исключи-
тельной мощи и опыта—вонъ?! Въ окно!?
„Негръ сдѣлалъ свое дѣло, негръ мо-
жетъ уйти“?!

Невѣроятно это! Прямо—невозможно!

Какое-же мѣсто ему дастъ страна, если
не великаго атамана причемъ онъ, не обре-
менямый практикой ежедневнаго управле-
нія—всегда былъ бы у центра власти
страны во дни важныхъ рѣшеній и кру-
пныхъ кризисовъ?!

Подобное положеніе однажды уже было
въ исторіи Европы—именно въ Англіи,
и возстановившій въ ней порядокъ желѣз-
ный человѣкъ, Кромвель, не ушелъ—это
конечно было невозможно!—но сдѣлалъ
ошибку въ обратную сторону и взялъ себѣ
мѣсто и права некоронованнаго монарха,
уступивъ рутинѣ политики, не найдя, не
умѣвъ создать иной формы.

Произошло это еще въ сумеркахъ по-
литическаго сознанія англійской націи,
когда и для Кромвеля и для націи формы
я духа и необходимый ей складъ жизни
еще не были ясны. Становясь лордомъ-
протекторомъ Англіи и страхуя себѣ сво-
боду дѣйствій въ достиженіи своей мечты
о великой Англіи, Кромвель оставилъ за
собою надъ націей власть большую, чѣмъ
это было правильно и разумно, и въ ре-
зультатѣ подавилъ парламентъ, не далъ
развиться въ немъ силамъ энергическимъ
и, когда онъ умеръ, страна опять замета-
лась отъ недостатка властной силы въ
центрѣ и—легко сдалась даже такому
ничтожеству, какъ Карлъ II.

Теперь время иное. Съ монархіей и
поползновеніями къ ней покончено навсег-
да,—что бы ни говорили мечтатели:—меч-
тать всегда легче, чѣмъ видѣть подлинную
истину вещей и сообразоваться съ нею!
Уже никого не соблазнитъ тронъ монарха,
когда просвѣщающая рука исторіи такими
потоками крови еще разъ написала передъ
глазами всѣхъ народовъ истину, выраже-
нную въ мощныхъ стихахъ Радищева:

„Я чту, Кромвель, въ тебѣ злодѣя,
Что власть въ рукѣ своей имѣя,
Пусть твердь свободы сокрушилъ,—
Но возвѣстилъ ты въ родъ и роды,
Какъ могутъ мстить себя народы:
Ты Карла на судѣ казнилъ!
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ...
Надъ гордою главой царя...
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя!“

Но во власти народной должна всетаки
быть представлена кромѣ народной массы
и духовная личность народа въ живомъ
образѣ!!

Масса—живое тѣло народа. Живой-же
духъ его—въ живой личности отъ народа,
въ его вождяхъ, отъ его плоти и крови
поднявшихся с а м о ч и н н о изъ массы...
въ его пророкахъ...

Живая масса родитъ изъ себя лишь
блѣдный, колеблющійся обликъ духовной
личности народа. Обликъ живой, яркій,
напитанный энергичной творческой во-

лей—можетъ для этого міра дать лишь подлинно живая личность человѣческая.

„Личность должна уступать націи, но духовная жизнь націи достигаетъ наивысшаго проявленія въ отдѣльныхъ личностяхъ"—такова двурогая истина, которая выражаетъ собою законъ жизни народовъ, сознанный теперь и самими народами и ихъ Кромвелями. И потому-то монархія—царство личности и республика—царство коллективности, взятыя каждая сама по себѣ отдѣльно, отражаютъ лишь одну половину міровой истины, ведутъ въ этомъ мірѣ къ цѣпи ошибокъ и страданій.

Человѣкъ, стоящій на одной ногѣ—только журавль. Дайте ему стать на обѣ ноги, и онъ будетъ стоять твердо.

— Но вы хотите соединить огонь и воду—республику и монархію!!

— Лишь бы сдѣлать это умѣло, а то развѣ это невозможно въ подлунной—соединить огонь и воду?! Тотъ же кипятокъ и паръ...—развѣ они не вода съ огнемъ вмѣстѣ, а паръ-то вѣдь и двинулъ человѣчество и его культуру съ мертвой точки, на которой она стояла тысячелѣтія, пока люди не сумѣли произвести это смѣшеніе!

— Но вы создадите двоевластіе въ странѣ—этимъ вашимъ вѣчемъ и великимъ атаманомъ!

— А, вы—мистикъ, желаете полнаго единства народной воли и ея проявленія! Признаете народъ, какъ живое и живущее существо?! Хотите дать ему и единую оболочку, чтобы онъ имѣлъ въ полнотѣ всѣ условія, которыя необходимы отдѣльному человѣку для благоденствія въ подлунной, ибо народъ такое же живое и живущее существо, какъ и человѣкъ! Радъ! Именно вы-то и поймете меня! Но... не принижайте народъ, слишкомъ уподобляя его человѣку! Духовная жизнь его должна идти все же инымъ порядкомъ чѣмъ у человѣка. Я не мистикъ, я—непримиримый врагъ мечтательныхъ туманностей, но я вѣрю въ Бога и въ Его бытіе, какъ въ себя самого и въ свое бытіе собственное. Я ощущаю органическое полное единство Бога съ міромъ и со мной и не вѣрую, а знаю, что Онъ существуетъ. И, представьте себѣ, мнѣ прямо оскорбительно подумать, что Богъ—такъ осязаемъ единъ, какъ вотъ едина эта березовая палка, воткнутая въ землю среди пустой площади!

Я знаю, что Богъ живетъ, но—это несомнѣнно для меня!—живетъ нѣкой, совсѣмъ иной жизнью, чѣмъ человѣкъ, составляющій однако, часть отъ него, какъ иной жизнью живетъ человѣкъ по сравненію съ кровянымъ шарикомъ, тоже составляющимъ однако, часть человѣка и хранящимъ въ себѣ полный его прообразъ.

Поэтому я не могу принять сознаніемъ, что Богъ можетъ быть единъ такъ, какъ единая березовая палка, воткнутая среди пустыря, но я легко понимаю и допускаю, что Онъ единъ—тріединъ!

Тріединое единство Божіе помимо органическаго моего ощущенія, для меня и по разуму болѣе правдоподобно, чѣмъ единство, обладаемое березовой палкою, именно потому, что оно, такое тріединство,—человѣческое, а значитъ оно хотя одинъ шансомъ болѣе можетъ быть свойственно Существу не человѣческой формы жизни чѣмъ наше березовое единство, дающее духовно-душевно-физическое равновѣсіе въ нашемъ мірѣ трехъ измѣреній.

Подобно этому и народъ для меня, какъ Богъ, тоже вполнѣ реальное существо, живущее душами тѣхъ, въ комъ живетъ чувство націи и врождена оріентація и ея центръ,—какъ человѣкъ живетъ находящимися въ немъ кровяными шариками.

Физическое тѣло народа мы, правда, не видимъ,—но мы вѣдь не видимъ и мысль человѣческую, однако же она несомнѣнно существуетъ, и многіе уже видятъ ее и даютъ даже публичныя представленія „чтенія мыслей".

Духовную же жизнь народовъ мы всѣ щущаемъ ясно и общія личности ихъ ознаемъ отчетливо, а то, что мы сознаемъ, непремѣнно — существуетъ, имѣетъ ытіе гдѣ-то кругомъ насъ!

И если лично для себя я — существо иличнаго міра — не пожелалъ бы присутствія въ себѣ двухъ воль, двухъ источниковъ рѣшеній и дѣйствій, то для народа йствительное единство и полнота его оли мнѣ кажутся болѣе обезпеченными ри двуединствѣ въ немъ массы и личности, чѣмъ при единствѣ простой березоой палки — монарха, диктатора, президента, парламента!

Для человѣка отдѣльнаго — единство земре, для народа — двуединство, для Бога — ріединство даютъ истинную полноту, устойивость и единство воли, личности и творства.

Отсѣкать изъ народной власти элементы оллективности и оставлять ее только при лементахъ личности, или отсѣкать элеенты личности, оставляя ее только при лементахъ колективности, мнѣ кажется къ же опасно, какъ отнимать въ человкѣ способности, сообщаемыя ему лѣвой оловиной его мозга, оставляя его лишь ри тѣхъ, что даются ему правой его оловиной.

Нынѣшнее избраніе президента какъ бы ишь вдобавокъ къ парламенту дополняетъ оллективность парламента силами личности достаточно. Президентъ избирается на рокъ, а довѣріе на срокъ не есть полное овѣріе. При этомъ въ самомъ центрѣ ародной власти всегда будетъ гнѣздиться недовѣріе и — слабость! При неолнотѣ довѣрія не можетъ быть и со ороны избранника ни полноты отвѣтственности, ни полноты самопожертвованія, полноты властнаго рѣшенія!

Такое устраненіе части способностей зга есть частичный его параличъ и ремѣнное его послѣдствіе: — моральное мѣшательство, пускай оперированный и сохранитъ правильный счетъ цифръ до милліарда и даже болѣе! И мы и видимъ это нравственное помѣшательство народовъ, заблудившихся между колективностью и личностью, въ происходящей войнѣ! И какъ всегда бываетъ въ исторіи человѣчества, міровое бѣдствіе выдвигаетъ и противоядіе противъ себя — великія личности, встающія изъ низовъ забвенія о нихъ.

Вѣдь теперь безъ великой личности всероссійскаго масштаба вы не установите даже просто только правильнаго сообщенія между Ростовомъ и Самарою, даже не вставите стеколъ въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ. Современники согласятся съ этимъ! Кажется — дожили и дождались!

Надѣюсь, меня понялъ и мистически настроенный читатель?! Двойной источникъ воли, пагубный для отдѣльнаго человѣка, въ народѣ даетъ лишь полноту, устойчивость и дѣйствительное единство народнымъ рѣшеніямъ и волѣ.

Русская форма народн й властк.

Русская монархія — новая.

Республиканская монархія.

„Вѣче и великій атаманъ“ — такъ, вѣроятно, сложатся верхи управленія въ новой Россіи.

Эта форма правленія представляетъ собою соединеніе республики и монархіи и конечно примиритъ на себѣ сторонниковъ той и другой, ибо той и другой лучшія черты она заключаетъ въ себѣ, свободная отъ главныхъ ихъ недостатковъ. А фактъ полутысячелѣтняго существованія этой формы правленія въ такихъ крѣпкихъ, стойкихъ, богатыхъ и демократическихъ русскихъ общинахъ какъ Великій Новгородъ и Псковъ, совершенно устраняетъ возраженіе, что она „фантастична“, не подходитъ для Россіи и т. д.

Напротивъ, это именно русская, истинно народная форма правленія, которую намъ на-

родъ сложился при призваніи варяговъ въ 862 г., когда онъ былъ свободенъ въ дѣйствіяхъ своихъ до того что... даже могъ призвать себѣ князей изъ за моря!! Чего-же болѣе?

Великій атаманъ въ ней не имѣетъ слѣдующихъ огромныхъ недостатковъ каждаго монарха остальныхъ монархій: —

— Онъ не наслѣдственень и потому кругомъ него не можетъ быть заматерѣлаго, сплоченнаго и безстрашнаго въ силу круговой поруки на всякія злоупотребленія круга царедворцевъ и дворцовыхъ тунеядцевъ

— Онъ не можетъ не быть талантливымъ, очень талантливымъ и даже геніальнымъ человѣкомъ, притомъ настойчивымъ работникомъ—иначе онъ не можетъ и дойти до сана великаго атамана: застрянетъ на пути!.

— Онъ не можетъ не понимать глубоко духа и стремленій народа, во имя которыхъ онъ боролся и побѣждалъ во всю свою жизнь.

— Онъ долженъ быть человѣкъ по самому складу натуры своей властный, но уравновѣшенный долгою борьбою жизни и сдержанный, способный распоряжаться въ минуты кризисовъ.

— Онъ долженъ имѣть широкую личную популярность въ странѣ, поддерживаемую личной благодарностью всѣхъ за его великія заслуги передъ народомъ и государствомъ. Вѣдь онъ долженъ быть и всегда будетъ изъ тѣхъ людей, которымъ при жизни страна готова ставить памятники.

— Въ избраніи его мертвый механизмъ выборовъ будетъ почти безъ участія. Первымъ атаманомъ будетъ диктаторъ, который выйдетъ изъ массъ народа самъ. Онъ соберетъ учредительное собраніе, которое только утвердитъ его, фактически выбраннаго уже Высшимъ Произволеніемъ. Онъ выберетъ себѣ преемника, который такимъ образомъ опять будетъ только утвержденъ народомъ. И такъ далѣе—въ послѣдовательныхъ смѣнахъ атамана будетъ сохраняться преемство высшаго не выборнаго происхожденія власти перваго атамана.

И все это безъ всякой искусственности и натяжки, съ которыми посредствомъ церковныхъ обрядовъ устанавливаемъ преемственность помазанничества въ неслѣдственныхъ монархіяхъ.

Къ чему ведетъ принципъ наслѣдственности—это ярко разоблачаетъ исторія династіи Романовыхъ, которая привела къ тому, что надъ русскимъ народомъ воцарились—чистокровные нѣмцы!

Подсчитайте, въ самомъ дѣлѣ,—какая часть русской крови была въ Николаѣ II.

По англійскому „Студъ-буку“, книгѣ крови англійскихъ лошадей, признается закономъ расъ, что когда порода восемь поколѣній подрядъ скрещивается съ другой породой, то восьмое поколѣніе признается чистокровнымъ по второй породѣ, съ которой скрещеніе происходило.

Такъ если англійскій скакунъ скрещивается въ восьми поколѣніяхъ съ арабской лошадью, то послѣдній отпрыскъ считается уже чистокровнымъ арабомъ. И наоборотъ. Таковъ законъ крови, законъ расъ.

Вспомните теперь нашу исторію.

Если считать даже несомнѣннымъ, что Анна Петровна, отъ которой идетъ линія нынѣшнихъ Романовыхъ, была дѣйствительно дочерью Петра Великаго, что возбуждаетъ весьма серьезныя сомнѣнія, въ ней—дочери русскаго отца и нѣмки Екатерины—русской крови только полвина.

Она вышла за принца Гольштейнъ-Готторпскаго. Въ ея сынѣ, Петрѣ III (второмъ поколѣніе) русской крови— одна четверть.

Петръ III женился на Екатеринѣ, изъ слѣдствіи—„Великой“, принцессѣ Цербской. Сынъ ихъ, Павелъ по увѣренію Екатерины родился у нея будто бы отъ Салтыкова, но Павелъ такъ точно и физически и морально повторяетъ собою типъ больного и взбалмошнаго Петра III

то напраслина Екатерины на себя—очевидна. Въ Павлѣ (третье поколѣнье) русской крови—одна восьмая.

Павелъ женился на Маріи Алексѣевнѣ, нѣмкѣ. Въ Николаѣ I (четвертое поколѣнье) русской крови—одна шестнадцатая.

Николай I женился на Александрѣ Федоровнѣ, нѣмкѣ. Въ Александрѣ II (пятое поколѣніе) одна тридцать вторая русской крови.

Александръ II женился на Маріи Александровнѣ, нѣмкѣ. Въ Александрѣ III (шестое поколѣніе)—одна шестьдесятъ четвертая русской крови.

Александръ III женился на Маріи Ѳедоровнѣ, датчанкѣ. Въ Николаѣ II (седьмое поколѣніе) русской крови—одна сто двадцать восьмая.

Николай II женился на Александрѣ Ѳедоровнѣ. Въ Алексѣѣ (восьмое поколѣніе) русской крови—одна двѣсти пятьдесятъ шестая.

Алексѣй—чистокровный нѣмецъ по закону расъ! Изъ каждыхъ 256 ложекъ его крови русской крови не нѣмецкой въ немъ только одна!

Историкъ С. М. Соловьевъ разсказывалъ эту правду о Романовыхъ нѣсколько иначе. Онъ бралъ стаканъ краснаго вина и стаканъ воды и говорилъ:

— Вотъ вино—кровь русская, вотъ вода—кровь нѣмецкая. Смѣшаемъ ихъ браломъ. Отольемъ въ стаканѣ половину вина и дольемъ водой. Вино поблѣднѣло. Опять отольемъ половину и дольемъ водой. Вино стало еще блѣднѣе... Сдѣлаемъ восемь такихъ смѣшеній,—и онъ, говоря это, дѣлалъ ихъ.—Послѣ восьмого вотъ что получается: —чистая вода!

И дѣйствительно на стаканъ воды остается вина меньше одной шестой части чайной ложки, такъ какъ въ стаканѣ вмѣщается сорокъ чайныхъ ложекъ а вина въ немъ всего одна двѣсти пятьдесятъ шестая часть!

Налейте въ шесть съ половиною стакановъ (256 чайныхъ ложекъ), въ двѣ бутылки воды, одну чайную ложку краснаго вина, размѣшайте—вода останется чистою!

Неправда ли?

Это—крѣпость русской крови въ русскомъ наслѣдникѣ!

Династія осудила себя сама.

Она разложила русскую народную власть еще и другимъ образомъ: каждая невѣста-нѣмка привозила съ собою въ среднемъ подсчетѣ по четыре нѣмецкихъ фамиліи въ своихъ провожатыхъ, которыя всѣ осѣдали въ русскомъ придворномъ кругу, тоже разжижая въ немъ русскую кровь, русскую душу, русскія стремленія.

Получилось вырожденіе династіи, власти и духа. Этого-ли желаютъ монархисты своей странѣ и впредь?!

Одна изъ сказокъ Андерсона начинается такъ:

„Въ Китаѣ всѣ жители китайцы и самъ императоръ китаецъ“.

Какъ совсѣмъ не то было въ Россіи.

Въ Россіи жители были русскіе, а императоромъ надъ ними былъ нѣмецъ.

Съ обманами и фикціями—со сказками въ серьезнѣйшемъ народномъ дѣлѣ надо кончить. Народъ надо слагать на крови, власть—на совѣсти, силу—на правдѣ!

И если у власти станетъ человѣкъ, свободный отъ только что указанныхъ недостатковъ наслѣдственнаго монарха,—какого лучшаго монарха могутъ желать монархисты? Въ то-же время, конечно, противъ участія такого человѣка въ управленіи страною съ особыми полномочіями—ничего не будутъ имѣть и всѣ разумные республиканцы.

Русская республика—новая.

Монархическая республика.

Однако и республика въ новой Россіи должна явиться въ совсѣмъ новой формѣ, чтобы помирить съ собою монархистовъ.

На западѣ народныя массы вездѣ пробивались къ государственному кормилу своей страны сквозь сопротивленіе и тиранію феодаловъ, дѣлившихъ каждую страну на множество леновъ, баронствъ, графствъ, герцогствъ, королевствъ—и другихъ формъ мѣстныхъ деспотій. Каждый народъ жилъ въ распыленномъ состояніи и каждая пылинка его поэтому близко и больно ощущала на себѣ желѣзную перчатку бронированнаго кулака. Естественно, что главнымъ мечтаніемъ у него стала—свобода, а формулой государственнаго счастья —„свобода, равенство и братство".

Россія-же всегда была огромна и всегда ее окружали свободныя приволья широкихъ степей по Дону, Днѣпру, за Волгой и глубокія бездны лѣсныхъ морей по всему ея сѣверу, въ которыхъ всякая вольная душа всегда могла скрыться и охранить себя отъ крайняго притѣсненія. Такъ предпочтительно мечтать о свободѣ, какъ это естественно западному человѣку, русскому человѣку поэтому просто нелѣпо потому, что свобода ему уже дана въ степени, несравнимо большей, чѣмъ людямъ запада. Это отражено и на самой психикѣ русскаго народа, духовной свободѣ котораго согласно удивляются западные авторы, пишущіе о немъ.

Основной фундаментъ общественности—формальныя права личности въ государствѣ– въ немъ не потрясены такъ, какъ потрясены они глубоко въ западномъ человѣкѣ тысячелѣтнимъ мелочнымъ рабствомъ подъ неотступнымъ гнетомъ феодаловъ, и тратить силы и время на постройку такого же фундамента своему государственному строю, какой себѣ строятъ западные народы, для него въ сущности то же, что записываться въ добровольное рабство какой то навязанной со стороны работѣ, жертвуя другими своими кричащими потребностями, отказываясь отъ своего собственнаго пути.

Свобода уже дана ему въ самой не
кротимой ея формѣ—въ свободѣ его ду
и строить онъ долженъ себѣ не ф
дамент государственной общины, а у
самое жилье ея, и государственнымъ и
аломъ его должна быть не механическ
формула „свобода, равенство и братств
а формула высшая:—„совѣсть, честь
разумъ".

Въ волеизъявленіяхъ народныхъ въ н
вой Россіи основой должно быть не уго
деніе свободѣ каждаго, т. е. въ сущност
какъ показалъ намъ опытъ этого года, п
изволу и деспотіи каждаго недоумка, а т
бованіе отъ каждаго, желающаго вліять
ходъ событій въ общемъ государствѣ—
стнаго подчиненія своихъ дѣйствій гол
совѣсти, чести и разума.

И политическіе и всякіе прочіе вы
ры въ новой Россіи должны быть пост
ены не на преувеличенной заботѣ объ и
свободѣ, которая и безъ того дана: ст
ните-ка Арзамасскій уѣздъ въ выбора
развѣ онъ не учредитъ сейчасъ-же
замасскую республику?..—а на требова
дѣйствительной сознательности ихъ
каждаго избирателя.

Я принимаю всю „четырехвостку",
торая сложена мыслью западнаго челов
истомившагося по свободѣ, но первы
членомъ въ ней ставлю новый добав
ный: СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ.

Выборы должны быть сознательны,
общи, равны, тайны и—прямы тамъ,
прямота ихъ не мѣшаетъ ни
ности, а эта помѣха именно
въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Это на
дѣть ясно!!

Въ городахъ, гдѣ возможно устроить
боры такъ, что съ одной стороны гру
избирателей будутъ настолько малы,
каждый избиратель въ нихъ будетъ им
возможность знать дѣйствительно подро
и хорошо личность и свойства избир
маго имъ, а съ другой каждая такая гр
па будетъ давать отъ себя своего депу

прямо въ центръ управленія, напр., города, въ его думу,—тамъ выборы могутъ и должны быть прямыми.

Тамъ же, какъ на политическихъ выборахъ, гдѣ нельзя сочетать относительную мелкость избирающей группы съ назначеніемъ ею с в о е г о депутата прямо въ центръ, т. е. при прямыхъ выборахъ нельзя обезпечить полную ихъ сознательность,—тамъ выборы должны быть по ступенямъ т. е. низшія группы выбираютъ выборщиковъ, которые раздѣляются на новыя группы, выбирающія новыхъ выборщиковъ, которые уже и выбираютъ депутатовъ въ центръ представительства. Напр, въ селѣ каждые—положимъ!—сорокъ домовъ выбираютъ своего выборщика въ волость; тамъ эти выбранные, раздѣлясь по соотвѣтственнымъ группамъ, выбираютъ каждая группа отъ себя новыхъ выборщиковъ, которые въ уѣздныхъ собраніяхъ тоже по опредѣленнымъ группамъ выбираютъ выборщиковъ въ губернское собраніе, и оно уже п р я м ы м и выборами избираетъ положенное число депутатовъ отъ губерніи.

Чѣмъ болѣе развиты будутъ въ странѣ печать и всякія общественныя организаціи, тѣмъ меньше ступеней должно быть въ выборахъ и, когда каждый гражданинъ будетъ читать ежедневно большую политическую газету и состоять членомъ не менѣе, какъ въ одномъ кооперативѣ,—тогда пусть и политическіе общенародные выборы въ Россіи станутъ прямыми!

Теперь-же при огромности, разобщенности и невѣжествѣ населенія Россіи прямота выборовъ поведетъ не къ свободѣ выборовъ и сознательности ихъ, а къ свободѣ наглыхъ Ванекъ-Каиновъ на этихъ выборахъ и „большевистскому“ поруганію на нихъ—„совѣсти, чести и разума“. Владыками такихъ выборовъ всегда будутъ политическія партіи съ ихъ тайными вдохновителями и содержателями, а вовсе не населеніе и народъ. И эта деспотія мелкихъ, но шустрыхъ и сплоченныхъ личными интересами группъ населенія надъ широкими массами его—мы наглядѣлись, къ чему она приводитъ, къ какому засилію тѣхъ же Ванекъ-Каиновъ у насъ! Вѣдь если такіе выборы и въ Англіи не ведутъ Ванекъ прямо въ перы, то только благодаря тому, что тамъ огромно развита печать и всякіе союзы и клубы. Не будь ихъ, какъ нѣтъ ихъ у насъ, и тамъ воцарилась бы охлократія, власть черни, при которой все честное въ странѣ попало бы въ преступники, а насильники и убійцы оказались бы у власти. Это подтвердитъ намъ каждый англичанинъ и сознать это пора каждому русскому!

Отъ этихъ искаженій прямого разума вещей, необходимо ведущихъ къ поруганію совѣсти и чести въ странѣ и народѣ, должна быть избавлена „республика“ въ новой Россіи. Должно вспомнить, что и въ Великомъ Новгородѣ на выборахъ на первомъ мѣстѣ стояло требованіе очевидной ихъ сознательности, но по условіямъ безграмотнаго и бездорожнаго времени въ жертву приносилась не прямота выборовъ, а ихъ всеобщность:—выборы князя, посадника, рѣшеніе важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ дѣлались не всею страною, а тою толпою гражданъ, которая для того собиралась отъ „концовъ“ города на вѣчевой площади у колокола, жители-же, отсутствовавшіе, въ выборахъ и рѣшеніяхъ не участвовали. Теперь можно уменьшить жертву—соблюсти всеобщность, потерявъ лишь въ прямотѣ выборовъ т. е. въ сущности только во времени, которое потребуется на прохожденіе всѣхъ „ступеней“ выборовъ.

Огромные недостатки нынѣшнихъ выборовъ по „четырехвостк‍ѣ“ и ея разновидностямъ можно лучше всего видѣть на выборахъ въ городскія думы. Надо только при этомъ не забывать, что въ городахъ послѣдствія выборовъ еще смягчаются об-

щей интеллигентностью населенія и его жизнью въ тѣсномъ общеніи,—въ деревняхъ же все происходитъ еще грубѣе, самовластнѣе, оскорбительнѣе и раззорительнѣе для страны.

Выборы въ городскія думы, какъ и въ учредительное собраніе, при „четырехвостнѣ“ необходимо происходятъ такъ, что выбираться могутъ лишь тѣ, кто внесенъ въ списокъ какой нибудь изъ политическихъ партій. Кандидаты въ гласные предлагаются избирателямъ комитетами партій, а кого тѣ пишутъ въ своихъ спискахъ?—Конечно своихъ партійныхъ „силачей“—тріумфаторовъ въ словесныхъ сшибкахъ ихъ партійныхъ муравейниковъ,—т. е. лучшихъ своихъ говоруновъ и полемистовъ и—партійныхъ содержателей!

Удивляться ли, что наши городскія думы наполняются запозистыми спорщиками и содержанцами, а вовсе не дѣловыми и истинно общественными людьми?!

Берутъ въ нихъ людей изъ говоруновъ и отъ содержателей,—говоруны и содержанцы въ нихъ и сидятъ!! Чего же иного вы хотите?!

Надо измѣнить самый источникъ, откуда будетъ вызываться главная масса гласныхъ и депутатовъ отъ населенія, и—измѣнится дѣятельность городскихъ думъ и всѣхъ нашихъ „парламентовъ“, крупныхъ и мелкихъ!

Политическія партіи теперь служатъ прямымъ „средостѣніемъ“, которымъ нынѣ хозяйство нашихъ городовъ и самой страны отдѣляется отъ ихъ населенія. Еще и еще разъ остановитесь надъ тѣмъ, что только тѣ граждане, имена которыхъ будутъ поставлены въ списки политическихъ партій, имѣютъ теперь при нынѣшней „четырехвосткѣ“ у насъ возможность пройти въ составъ городского и государственнаго управленія, что и приводитъ къ тому, что дѣлами городовъ и государствъ вертятъ у насъ политиканы!

Для передачи нашихъ городовъ самому населенію изъ рукъ и изъ подъ опеки и командованія политическихъ партій прямой путь—выборъ гласныхъ отъ домовыхъ общинъ, т. е. общинъ, составляемыхъ и ведомыхъ жильцами каждаго отдѣльнаго дома для рѣшенія всѣхъ вопросовъ общаго хозяйства населенія этого дома.

Вотъ истинно безпартійная, дѣловая и непосредственно близкая обывателю среда!

Какъ безцѣнна она именно для приведенія въ порядокъ хозяйственной жизни города, — достаточно вспомнить безсильныя нынѣшнихъ гор. думъ передъ такой вредной и преступной спекуляціей, какъ спекуляція съ предметами первой необходимости. При гласныхъ отъ домовыхъ общинъ спекуляція это быстро завянетъ и не можетъ не завять!

Домовыя общины имѣютъ безусловную возможность легко, быстро и повсемѣстно по всему городу обнаружить тайные ихъ имъ склады продуктовъ: онѣ прямо заинтересованы въ томъ, а значитъ и обнаружатъ ихъ! Отъ нихъ не укроется ни одинъ сколько нибудь значительный тайный складъ, а склады этого рода и служатъ основной опорой для спекуляціи. Сдѣлайте ихъ невозможными,—спекуляція не чѣмъ будетъ держаться.

Пусть отъ каждыхъ сорока домовъ въ городѣ выбирается въ его думу одинъ гласный. Для введенія въ составъ думы спеціалистовъ и представительства отъ бытовыхъ массъ, играющихъ важную роль въ жизни и дѣятельности города—должно прибавить къ гласнымъ отъ домовыхъ общинъ извѣстное количество представителей отъ приходовъ (всѣхъ исповѣданій), науки, кооперативовъ, профессіональныхъ и рабочихъ союзовъ, торговли и промышленности и т. д.

Тогда дѣловые и хозяйственные слои городского населенія, отдѣльныя его группы и спеціалисты извѣстныхъ областей жизни будутъ правильно представлены въ

ютавѣ городскихъ думъ. Теперь же городскія и государственныя управленія наши находятся въ „Вавилонскомъ плѣну" у одной спеціальности—у политическихъ партій. Довольно народъ и государство русскіе настрадались въ немъ!! Въ этомъ царствѣ пусторѣчія теперь почти нѣтъ толковыхъ творческихъ людей! Они затисканы тамъ въ дальныя мѣста. И нечего и вызывать ихъ оттуда—изъ пустого мѣста!

Въ предсѣдатели домовыхъ общинъ выбираются всегда люди именно дѣльные, распорядительные, не боящіеся черной работы и съ общественной душой—должность эта всегда безплатная. Дѣловыя качества и пригодность этихъ людей доподлинно извѣстны выбирающимъ ихъ квартирантамъ: вѣдь живутъ тѣ и другіе въ одномъ домѣ и потому знаютъ другъ друга—лично! Значитъ это доподлинно дѣльные и общественные люди, выбираемые своими избирателями вполнѣ с о з н а т е л ь н о. Вотъ имъ и найте ходъ! А зовутъ къ дѣлу болтуновъ изъ говорильнъ!

Теперь гласные практически совершенно не отвѣтственны передъ своими избирателями. Они выбираются прямо отъ десятковъ тысячъ обывателей, составляющихъ населеніе каждаго изъ городскихъ участковъ и отвѣтственность одного передъ десятками тысячъ конечно—отвѣтственность нулевая!

Вы подали голосъ за Иванова. Онъ попалъ въ гласные.

У васъ дѣло къ городу общаго значенія—какое нибудь затрудненіе съ продовольствіемъ, освѣщеніемъ или т. п. Вы являетесь къ Иванову и просите поднять этотъ вопросъ въ думѣ.

— Позвольте!—скажетъ вамъ Ивановъ. Но я выбранъ 29,379 голосами. Если каждый изъ моихъ избирателей принесетъ ко мнѣ свое дѣло къ городу,—какъ мнѣ успѣть для всѣхъ? Меня прямо распнутъ! Нѣтъ, позвольте ужъ мнѣ самому знать, о чемъ мнѣ въ думѣ поднимать вопросы..

Укоряте вы Петрова, что онъ вовсе не бываетъ въ гор. думѣ,—онъ отвѣтитъ:

— Оставьте замѣчанія при себѣ! Я выбранъ 30,776 голосами. Вы недовольны, а 30,776 избирателей молчатъ, ибо знаютъ, что я времени не теряю и, когда надо, приду въ думу, а пока я работаю дома, готовлюсь... Соберите за себя большинство изъ 30,776 моихъ избирателей, тогда я еще посмотрю...

Вотъ и собирайте большинство изъ 30,776 избирателей, или ждите новыхъ выборовъ чтобы послать въ думу взамѣнъ фактически безотвѣтственнаго передъ вами Петрова, столь-же безотвѣтственнаго Федорова!

Когда-же гласные будутъ выбираться каждыми 40 домами изъ среды практическихъ работниковъ ихъ домовыхъ общинъ, то тогда:

— в о п е р в ы х ъ: избранные гласные будутъ доподлинно дѣльные и дѣловые люди, лично извѣстные своимъ избирателямъ;

— в о - в т о р ы х ъ: они будутъ подъ постояннымъ контролемъ своихъ избирателей и въ постоянной связи съ ними, ибо будучи гласными будутъ, конечно, продолжать и свою работу въ домовой общинѣ. Если гласный избранъ только отъ 40 домовъ, онъ вполнѣ легко сможетъ провести въ гор. думу всѣ общія потребности ихъ жильцовъ, и каждому изъ жильцовъ легко его найти, направить въ вопросѣ и разспросить, а всѣмъ опять таки не трудно, если гласный окажется ужъ очень неудаченъ, собраться и предложить ему уступить мѣсто другому;

— в ъ - т р е т ь и х ъ: всѣ районы въ городѣ будутъ представлены въ думѣ очень равно и полно: каждый участокъ изъ 40 домовъ будетъ имѣть въ думѣ своего представителя;

— в ъ - ч е т в е р т ы х ъ: это—выборы еще болѣе широкіе, чѣмъ нынѣшняя „четырех-

всетка" (всеобщіе, равные, прямые и тайные выборы), ибо отъ квартиры могутъ подавать голоса и несовершеннолѣтніе даже, ежели на нихъ квартира оставлена и они толковые люди;

— въ-пятыхъ: тутъ нѣтъ никакой опасности взаимнаго сговора, никакой взаимной поруки, никакой „рука руку моетъ"—со стороны отдѣльной партіи, профессіи, класса и проч., что такъ много придаетъ задору и пристрастія рѣчамъ въ нынѣшнихъ городскихъ думахъ. Эта среда—въ полномъ смыслѣ слова безпартійная. Гласные приходятъ отъ мелкихъ центровъ городской жизни—домовъ, и почему?—потому что они выказали дѣятельный интересъ къ этой городской жизни и способность работать въ ней. Вотъ—всѣ мотивы!

— въ-шестыхъ: въ такой думѣ будутъ лишь такіе дѣятели, которые цѣнятъ существованіе города и сознаютъ свои обязанности по отношенію къ нему, ибо всѣ анархисты и анархо-прохвосты, конечно, никогда не будутъ почтены довѣріемъ прочихъ жильцовъ дома, гдѣ помѣщается временная ихъ берлога,—на нынѣшнихъ выборахъ такая возможность не исключается! Отборъ элементовъ разрушенія и заплесневѣнія будетъ дѣлаться самимъ населеніемъ домовъ,—и конечно въ выгодѣ городского представительства;

въ-седьмыхъ: такая городская дума будетъ сильная дума, съ серьезной нравственной властью и авторитетомъ, на прочныхъ корняхъ въ населеніи. Нынѣшнія думы легко разгонялись командами изъ десятка красногвардейцевъ, ибо послѣ момента выборовъ онѣ уже ни чѣмъ не были связаны со своими избирателями. За думу же съ гласными отъ домовыхъ общинъ—заступятся, конечно, всѣ домовыя общины города, а въ нихъ однихъ предсѣдателей напр. въ Ростовѣ н-Д. будетъ—7-8,000 чел., число же членовъ равно числу всего населенія города!

Дума, въ которой главныя масса гл ныхъ будетъ отъ домовыхъ общинъ добавлены гласные эти будутъ представи лями главнѣйшихъ группъ населенія, т кая дума будетъ и дѣловая и чуткая каждому праву.

Ибо выборы въ нее будутъ произведе сознательно, что въ „республикѣ" н вой Россіи должно стать основною черт всѣхъ общественныхъ, да и всякихъ ины выборовъ и тогда всякій монархистъ мирится съ нею!

Ибо всякій честный монархистъ—не пр тивъ власти народа, а только противъ вл сти черни и политическихъ фокусник и плутовъ, предпочитая даже недостат наслѣдственнаго, но осязаемаго монарха скотіи неосязаемыхъ и неуловимыхъ п литическихъ партій.

Такимъ образомъ,—великаго атамана неизбѣжно присущими ему чертами в сокоодаренной, многоопытной и народной духу и стремленіямъ личности—приме каждый республиканецъ, а республику тѣми поправками, которыя намѣчен здѣсь,—приметъ каждый честный мона хистъ.

Идея раздѣленія церкви и государства ложь въ Россіи.

Должно покончить для Россіи на пла лобнаго мѣста съ идеею о раздѣленіи це кви и свѣтскаго государства. Жизненн соединеніе этихъ двухъ началъ не дав лось на Западѣ потому, что онъ свое гос дарство посадилъ въ тѣсную коробоч коллективности, личность выкинувъ вонъ подорвавъ этимъ силу государственн власти, которая принуждена внутри се бояться каждаго соперничества, а влас церкви на прихожанъ—большая власть!

Въ Великомъ-же Новгородѣ религія государство жили жизнью общей и нера дѣльной, не соперничая, но лишь пріобр тая другъ отъ друга силы и крѣпос

дружинъ былъ: „Святая Софія и Великій Новгородъ!" Этимъ кличемъ достаточно ярко рисуется мощная полнотою своихъ живыхъ силъ и властная личность великаго народа.

Въ представительствѣ народномъ новой русской республики должны свое мѣсто получить представители отъ приходовъ, конечно всѣхъ исповѣданій, которые должны связать религіозную и политическую жизнь русскаго народа до полной сплоченности и—вѣковѣчной жизненности!

Не забудьте—изъ всѣхъ западныхъ государствъ удачнѣе всего организована народная власть въ Англіи, и въ Англіи же приходы играютъ огромную роль во всей бытовой жизни населенія, служащей основою и школою для жизни политической. Это разумно.

У насъ же хотятъ, чтобы политики выходили прямо и сразу изъ политическихъ партій, и—получаютъ—болтуновъ!

Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ, что собравшись по приходамъ русскіе люди въ каждомъ приходѣ знаютъ и могутъ выбрать 10-15 человѣкъ, дѣльныхъ, достойныхъ довѣрія и подлинно и крѣпко русскихъ по всему образу мыслей, а въ управленіи городомъ этихъ именно людей и нѣтъ—тамъ все другія имена. Въ Ростовѣ, напр., 14 приходовъ, и вмѣстѣ они легко могли бы выбрать въ городскую думу 150-200 чел. и это была бы превосходная по составу дума—дѣльная, честная и любящая городъ и Россію и любимая ими. А вотъ поди-те—въ Ростовской думѣ собрался такой составъ, что когда его разомъ вымели—никто и не поморщился! А вѣдь есть въ городѣ люди—нужно только ихъ вывести къ дѣлу!

Городскія управленія, городское хозяйство должны вестись приходами, главнымъ образомъ—ими! И это возможно, и будетъ даже скорѣе, чѣмъ многіе думаютъ—ибо жизнь не ждетъ и казнитъ жестоко за промедленіе и противъ разума.

Въ правѣ—полное мѣсто голосу совѣсти и чести.

Въ области права въ новой Россіи необходимо дать полное мѣсто внутреннему голосу совѣсти и чести населенія, а не авторитета. Боевой кличъ новгородскихъ только одному діалектическому сознанію человѣческому, и часто лишь діалектической-же борьбѣ за нарушенное право. Тогда въ области этой появится тотъ живой творческій духъ, которымъ такъ исполнена сфера обычнаго права, и главное—государство получитъ немедленное и большое содѣйствіе въ усиліяхъ своихъ въ борьбѣ съ послѣдствіями большевицкой безсовѣстности. Это будетъ метла, которая очень поможетъ выскрести складку наглости и безсовѣстности, наложенную большевизмомъ въ эти годы на душу многихъ.

Въ Великомъ Псковѣ Судной Грамотой отдано было на волю иска рѣшить дѣло присягой: „хочетъ самъ поцѣлуетъ крести или у креста положитъ", т. е. предоставитъ цѣловать крестъ отвѣтчику, положивъ у креста спорную вещь или ея цѣну. Боязнь этой клятвы заставляла неправыхъ прекращать всѣ неправыя дѣла, чтобы не оказаться въ клятвопреступникахъ и не потерпѣть горчайшее наказаніе, и это такъ повліяло на самую психику населенія, что по свидѣтельству Герберштейна псковичи выдѣлялись изъ всѣхъ торговыхъ людей тогдашней Руси своею честностью, твердостью слова и точностью въ исполненіи обязательствъ.

Отравлена, загажена самая атмосфера у насъ на Руси! Надо ее вычистить!

И ТАКЪ МОНАРХИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

—вотъ та форма правленія, которая установится въ новой Россіи въ результатѣ нынѣшней столь глубокой усобицы.

Не улыбайтесь на это выраженіе или же изобрѣтите лучшее для выраженія того же! Оно сложено подлинно русскими людьми изъ коренного нашего народа, начинающими не только думать, но и говорить политически.

Политическій отдѣлъ Кубанскаго краевого правительства сдѣлалъ сводку о политическихъ настроеніяхъ народныхъ массъ на Кубани по приговорамъ станицъ, донесеніямъ съ мѣстъ и пр.

По его сообщенію „девять населенныхъ пунктовъ высказались за республику, три за конституціонную монархію, а остальные путаются около „монархической республики".

Простите—тутъ самъ отдѣлъ путается, а не казаки! Они не запутываются затверженнымъ значеніемъ словъ. Они видятъ ясно, что на Кубани, на Дону, и вездѣ въ казачьихъ земляхъ народомъ казаковъ принята, усвоена и опытомъ столѣтій одобрена именно монархическая республика и, когда ихъ спрашиваютъ, какую форму правленія они себѣ желаютъ, они и отвѣчаютъ ясно и опредѣленно:

— Монархическую республику!

Но на это говорятъ:

— Они путаются! Такой формы правленія нѣтъ и не можетъ быть. Можетъ быть лишь только монархія и только республика; соединеніе ихъ невозможно, не осуществимо!"

Такъ—по школьнымъ тетрадкамъ, а въ жизни подлинной посмотрите передъ собою: развѣ на Кубани, на Дону и во всѣхъ казачьихъ земляхъ начала республики и монархіи не соединены вмѣстѣ въ формѣ правленія, опредѣляемой формулой: „Войсковой кругъ и атаманъ"?! Войсковой кругъ—республика, атаманъ — монархъ, но только не наслѣдственный, однако съ правами въ промежуткахъ между собраніями Войскового круга, много большими, чѣмъ права конституціоннаго короля!

Такъ почему-же „путаютъ" казаки, когда они хотятъ монархическую республику?

Этими словами они лишь очень разумно выражаютъ желаніе, тоже очень разумное—чтобы та форма правленія, которою Кубань, Донъ и прочія казачьи

земли устояли противъ бѣсовской смуты большевизма,

— т. е. Войсковой кругъ и атаманъ,

— т. е. монархическая республика,

— т. е. Вѣче и князь,

— т. е. Вѣче общинъ и великій атаманъ,

получили у нихъ въ области свое дальнѣйшее развитіе!

Путаютъ не казаки, а политическій отдѣлъ! Онъ сквозь задымленные книжные очки ищетъ кругомъ топоръ, а онъ—за поясомъ! А казаки своими здоровыми глазами ясно видятъ топоръ за поясомъ, берутъ его и врубаютъ поскомъ въ дерево передъ всѣми:

— Вотъ онъ!

Да—монархическая республика!

Да—„Вѣче и князь“, гдѣ князь—государь, не наслѣдственный и выдвинутый къ своему сану своими способностями и соотвѣтствіемъ съ идеалами народа, а не случайностью рожденія!! И при томъ государь, своею жизнью и дѣлами показавшій, что жизнь и волю народа онъ ставитъ выше жизни и воли своей!

И такъ какъ нынѣшняя Великая Смута и слѣпому на Руси показала, что русскій разумъ и смыслъ, русское чувство и пониманіе сохранились именно лишь въ тѣхъ областяхъ, которыя въ управленіи своемъ велись по формулѣ „Войсковой кругъ и атаманъ“, т. е. по старо-русской формулѣ „Вѣче и князь“, то конечно и для управленія общерусскаго народъ русскій возьметъ теперь общей основой ту же столь разумную по послѣдствіямъ и спасительную формулу:

„Вѣче и князь“—„Вѣче общинъ и великій атаманъ“

—примѣнивъ ее, какъ надо, къ обстоятельствамъ и опыту времени.

Такъ да будетъ—къ благу, счастію и великому процвѣтанію Россіи!!

ПРЕЖДЕ:

„ВѢЧЕ и КНЯЗЬ“.

ТЕПЕРЬ:

„ВѢЧЕ ОБЩИНЪ и ВЕЛИКІЙ АТАМАНЪ“.

ЗАДАЧИ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ?!—

Задача Добровольческой арміи одна: возвысить и возславить доблесть въ себѣ самой. Тогда ей все приложится, все дастся ей только исполненіемъ этой одной задачи: возвысить и возславить въ себѣ доблесть, давъ Россіи армію дѣйствительно доблестную, живущую яркой моральной жизнью духа—призывъ къ душевному обновленію. Тогда она исполнитъ легко и вѣрно и политическую свою задачу:—возродить единую и недѣлимую Россію, найдя къ этому прямые пути.

Большой техническій споръ былъ рѣшенъ ею въ военномъ дѣлѣ. Германскій умъ сложилъ и обосновалъ идею, ложную по односторонности тогдашняго ея пониманія—идею о „вооруженномъ народѣ“, и успѣхомъ войны 1870 г. придалъ ей правдоподобіе. Но первая послѣ того наша война—русскотурецкая 1877-78 гг.—выдвинула возраженіе съ нашей стороны:—„суть арміи въ доблести, а не въ множествѣ“. Суворовъ и Скобелевъ были доказательствами съ нашей стороны. Тогда въ спорахъ военныхъ публицистовъ предлагалось вмѣсто вооруженныхъ массъ для Россіи дать армію всего въ 200.000 чел., которая и исполнила бы, все, что могла бы выполнить армія массовая, но съ большей навѣрностью, съ меньшими расходами и съ подлиннымъ возвышеніемъ самого духа народнаго живымъ образцомъ высокой добродѣтели -- доблести, самоотверженія личнаго ради блага общаго.

Еще тогда же приводились основанія къ этому, изъ которыхъ главными были:

1—Моральное воздѣйствіе средствъ уничтоженія въ современной войнѣ таково, что противустать имъ можетъ только или масса совершенно некультурная, или напротивъ люди, окультуренные до сознательной идейности и спеціально подготовленные. Или—или! Только! И это вѣрно, ибо масса, какъ таковая, не захваченная сплачивающей всѣхъ идеей, вся состоитъ изъ недостатковъ и, имѣя дѣло съ нею, вы не ошибетесь только тогда, когда разсчитываете на ея слабости,—чтобы заставить въ ней дѣйствовать добродѣтели нужно почти мученичество. Доказательство—успѣхъ Ленинскаго Ваньки-Каина въ массахъ „народа-богоносца“!

2—Въ каждой побѣдѣ и пораженіи есть моральный элементъ, слагаемый не массовымъ множествомъ, а исключительно подъемомъ или разслабленіемъ духа въ каждомъ отдѣльномъ бойцѣ и онъ-то и умножаетъ результаты боя и даетъ полноту побѣды. Для созданія-же подъема духа и своихъ и паники у врага масса не при чемъ. Все для этого—одинъ человѣкъ, самый вождь и личное отраженіе его въ душахъ бойцовъ.

Это еще разъ было доказано походомъ Корнилова. Три тысячи штыковъ привели 40.000 защищавшихся въ городѣ къ сознанію:

- Корниловъ все равно побьетъ!

3 -Снабженіе арміи въ 200.000 чел. всѣмъ необходимымъ не въ двадцать разъ легче, дешевле и исполнимѣе вооруженія и содержанія арміи четырехмилліонной, а едва ли не во сто разъ,—ибо уже сама масса потребныхъ для такой крупной части населенія вещей и усилій по ихъ заготовкѣ составляетъ особый расходъ.

Поставивъ на фронты въ эту войну 18.000.000 людей, мы заплатили за это не одними деньгами по числу головъ въ той массѣ, но еще и разстройствомъ всего транспорта, кризисомъ всего народнаго хозяйства и революціей самаго кроваваго типа. Всего этого не было бы, если бы мы на границу поставили 2.000.000 отличныхъ должнымъ образомъ вооруженныхъ солдатъ, и въ Берлинѣ мы были бы черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ начала войны. Спросите нѣмцевъ—они подтвердятъ, что такіе два милліона солдатъ для нихъ были бы несравнимо опаснѣе 20 милліоновъ тѣхъ, что мы выдвинули дѣйствительно.

Побѣда дается доблестью. Масса нужна для нея только „въ необходимомъ количествѣ".

Корниловъ убитъ былъ, но воспитанная имъ въ арміи доблесть, моральная высота ея духа, дала ей все: и вооруженіе, и средства, и массы бойцовъ, и наконецъ первое мѣсто въ государствѣ.

Такъ не позабудемъ и не потеряемъ пріобрѣтеннаго!

Но для этого нужно:

— Чтобы доблесть была сохранена въ арміи дѣйствительно во всѣхъ своихъ интересахъ, и матеріальныхъ и духовныхъ.

— Чтобы покончено было это раздѣленіе арміи на двѣ части—фронтъ, гдѣ доблесть требуется и тылъ, гдѣ не-доблесть доселе терпится въ формѣ всякаго неряшества, нерадивости, безотчетности, прямого казнокрадства и прочихъ язвъ современнаго интендантства, якобы невыводимыхъ.

— Чтобы забота о раненыхъ лежала на особомъ корпусѣ, связанномъ съ главнымъ командованіемъ совершенно самостоятельно, какъ то сдѣлано въ германской и японской арміи.

Интендантъ не можетъ вести дѣла леченія раненыхъ. Это—невниманіе къ самому дѣлу раненныхъ. Въ центральномъ управленіи лазаретовъ должны главную роль имѣть общественныя силы, ибо только общество можетъ дать раненому дѣйствительно все, что ему нужно, и вести необходимый контроль въ этомъ особенно отвѣтственномъ дѣлѣ. Съ возраженіемъ будто при этомъ подвергнется риску „военная тайна", надо тоже покончить: въ военныхъ лазаретахъ шпіоновъ нисколько не меньше, чѣмъ въ общественныхъ—ежели они есть...

— Чтобы голосъ истинной доблести всегда имѣлъ себѣ дѣйствительную охрану:

1—въ судахъ чести, которымъ подлежали бы всѣ случаи не-доблести какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ частей.— Отъ организаціи судовъ зависитъ, чтобы они не плодили кляузничества, доносовъ и мелкодушія—это совершенно, какъ и въ общегражданскихъ судахъ, гдѣ это вѣдь достигнуто-же!

2—въ терпѣніи къ правдѣ, а особенно правдѣ горькой. Теперь именно въ военныхъ сферахъ имѣютъ склонность дѣлить правду объ арміи и военныхъ на своевременную и несвоевременную, и каждый начальникъ всегда стремится объявить правду о себѣ, особенно правду горькую—несвоевременной и зажать ей ротъ. Несвоевременна правда объ арміи лишь та, которая одновременно влечетъ за собою преданіе распространившаго ее суду за измѣну. Противъ всей остальной правды бойцы арміи, если они доблестны, должны имѣть мужество бороться незапугивающими средствами, иначе они—не доблестны и въ арміи быть не могутъ.

— въ уничтоженіи для службы всѣхъ привиллегій, даваемыхъ чинами, образованіемъ, выслугой и пр. Все это должно получать себѣ справедливое вознагражденіе, но ни на одинъ шагъ не выдвигать впередъ въ сравненіи съ доблестью. Въ русской арміи особенно пагубна вѣковая привычка арміи къ тѣлохранительству при правителѣ государства, что питаетъ въ ней влеченія къ возрожденію гвардіи и созданію особо выгодныхъ по службѣ

полковъ, выдвигаемыхъ не ихъ личной доблестью. Для боевого и истинно товарищескаго духа арміи также пагубно и наполненіе штабовъ и начальственныхъ должностей офицерами генеральнаго штаба. Профессіональная освѣдомленность офицеровъ генеральнаго штаба конечно выгодна и удобна всякому начальнику, но въ военномъ дѣлѣ все таки доблесть должна быть на первомъ мѣстѣ: въ военномъ дѣлѣ съ момента открытія военныхъ дѣйствій паника вѣдь всегда возможна, къ созданію ея направляются всѣ усилія врага, а въ минуту паники спасаетъ только доблесть и потому принципіальное предпочтеніе ея имѣетъ твердое оправданіе. Въ малой арміи впрочемъ всѣ будутъ спеціалистами и состязаніе личныхъ достоинствъ и качествъ обострится, подавивъ значеніе формальныхъ преимуществъ. Но пока—привиллегіи ген. штаба ведутъ къ кружковщинѣ въ штабахъ, кастовому духу и угодничеству и разложенію истинно боевого товарищества.

— въ отрицаніи духа „военщины". Армія должна быть малой, но весь народъ долженъ быть призванъ къ самооборонѣ и умѣть владѣть оружіемъ. Всѣ должны воспринуть духомъ для защиты своего права, своего дома, своей свободы. „Военнымъ" каждый долженъ стать, ибо послѣдній годъ долженъ былъ убѣдить каждаго въ необходимости этого. Къ спѣси, къ величанію своимъ оружіемъ у военнаго не должно быть никакихъ основаній въ новой Россіи, но только—сознаніе своихъ особенныхъ обязанностей, принимаемыхъ на себя самоотверженно!

Армія новой Россіи должна стать преимущественно офицерской. Солдаты могутъ быть въ ней только добровольцами. Я позволю себѣ высказать глубокое свое убѣжденіе, что армія изъ 15.000 офицеровъ, которыхъ Предкавказье съ Ростовомъ во главѣ, конечно, могло бы собрать къ іюлю въ рядахъ Добровольческой арміи, покончила бы съ большевизмомъ гораздо скорѣе, чѣмъ могла это сдѣлать 25—40—60 и наконецъ 100.000 армія. Добровольческая нынѣшняя, пестрая по составу и по своей массѣ для области не большой тяжело затрудняемая забота снабженія. Уже одно то, что каждый милліонъ патроновъ въ рукахъ 15.000 офицеровъ вывелъ бы изъ строя противника в десять разъ больше бойцовъ, чѣмъ въ рукахъ 100.000 массы, лишь недавно познакомившейся съ ружьемъ—дастъ мѣру преимуществъ офицерской арміи надъ общей по составу.—Не надо забывать при этомъ, что общей она дѣлается не по чисто военнымъ соображеніямъ, а по морально-политическимъ.

Добровольческой арміи въ ближайшее время фактически предстоитъ, пусть временно, стать носительницей государственной власти въ Россіи. Пусть же она съумѣетъ не наступать при этомъ на пріобрѣтенныя народомъ свободы, но оберечь ихъ и подчинить общимъ интересамъ всѣ рода всѣхъ паразитовъ народныхъ, выращенныхъ былымъ мракомъ, гнетомъ человѣчеугодничествомъ. Пусть счастливое время этой тли останется въ эпохѣ стараго режима.

Давъ въ себѣ въ маломъ видѣ армію истинно совершенной доблести и организаціи, Добровольческая армія дастъ такую же армію и для всей Россіи, исполнивъ свою великую задачу передъ своимъ народомъ и родиной до конца.

Особая-же задача Добровольческой арміи и Россіи по отношенію къ русской доблести состоитъ въ признаніи заслугъ и достойномъ ихъ вознагражденіи тѣхъ 400 бойцовъ, которые къ нынѣшнему дню остались въ живыхъ отъ Корниловской арміи, вышедшей изъ Ростова 9 февраля 1918 г.

Заслуга ихъ передъ русской арміей и Россіей безмѣрна, неповторяема и себя почтитъ Россія давъ ей признаніе, полное и всецѣлое!

ДОПОЛНЕНІЯ.

Л. Г. КОРНИЛОВЪ.

Я считаю нужнымъ сообщить читателю главные факты богатой событіями жизни Корнилова, такъ какъ они объясняютъ ту выдержанную энергію, увѣренную проницательность рѣшеній и знаніе боевого поля, которыя и сдѣлали для почившаго генерала возможнымъ „Корниловскій походъ“ и его легендарныя побѣды и намъ участникамъ его казались часто прямо чудесными. Прочтя эти отрывки, читатель пойметъ, что дѣйствительно очень крупный человѣкъ явился здѣсь передъ большевиками и повелъ противъ нихъ войска, и пойметъ, что игра большевиковъ, конечно, была впередъ проиграна: всю первую половину сраженія Корниловъ обыкновенно только изучалъ позиціи и расположеніе противника, затѣмъ восходилъ на наблюдательный пунктъ, всегда подъ жесточайшимъ обстрѣломъ противника, долго разсматривалъ линіи врага и—разсылалъ своихъ ординарцевъ по отрядамъ... Всего черезъ часъ противникъ былъ уже сломанъ и въ паникѣ бѣжалъ. Паника врага всегда была послѣдствіемъ Корниловскаго удара. Не даромъ Брусиловъ отзывался о Корниловѣ:

— Есть у насъ генералы, способные дать планы цѣлыхъ кампаній, лучшіе, чѣмъ Корниловъ. Но никто изъ нихъ, ни самъ, не можетъ дать удара, столь стремительнаго и сокрушающаго, какъ Корниловъ.

Одинъ изъ командныхъ генераловъ арміи разсказывалъ:

—Однажды я получилъ приказъ отъ Корнилова взять одну станицу, но—не могъ исполнить этого по недостатку силъ. Прошу помощи. Получаю отъ Корнилова отвѣтъ: „Помощи не будетъ станицу взять!“ Дѣлаю снова попытку—безрезультатно! Время идетъ, наши цѣпи лежатъ, осыпаемыя жесточайшимъ огнемъ противника—нельзя подняться! Вдругъ вдали показывается самъ Корниловъ.—скачетъ впереди своего конвоя, полусотни человѣкъ! Прямо подъ обстрѣломъ подъѣзжаетъ къ цѣпямъ:—„Вы просили помощи? Я къ вашимъ услугамъ!“ Затѣмъ обращаясь къ войскамъ: „Корниловцы—впередъ! Ура!“ Какъ одинъ человѣкъ полкъ бросился впередъ и погналъ большевиковъ. Тутъ же Корниловъ поскакалъ на лѣвый флангъ къ Офицерскому полку:—„Здравствуйте, господа офицеры! Господа офицеры впередъ! Ура! „И офицеры бросаются, какъ неудержимая лавина, и выбиваютъ большевиковъ изъ окоповъ. Побѣда вездѣ полная!

Разсказъ генерала напомнилъ мнѣ прекрасную страницу изъ книги Куропаткина о русско-турецкой войнѣ 1877 78 гг.—какъ взяты были Скобелевымъ Зеленыя горы подъ Плевной!—Первый отрядъ нашихъ войскъ, бросившійся на штурмъ турецкихъ сильно укрѣпленныхъ позицій, скатился по нашей сторонѣ лощины внизъ и —залегъ у подъема къ турецкимъ позиціямъ, потерявъ силу движенія. Былъ посланъ другой отрядъ. Онъ скатился внизъ, поднялъ собою залегшихъ, но, поднявшись до полугоры, остановился и—ни съ мѣста! Третій отрядъ поднялъ его и дойдя до самаго бруствера турецкаго редута залегъ тоже. Войскъ больше не было. Тогда Скобелевъ спокойно спускается со своимъ штабомъ по скату, мчится маршъ-маршъ вверхъ на гору, поднимаетъ залегшихъ, съ ними вмѣстѣ перекатывается черезъ бруствер и—Зеленыя горы были взяты!

Самъ полководецъ—его послѣдній резервъ!

„Корниловъ" и „побѣда надъ врагомъ" были соединены въ душѣ солдата—пусть побѣда придетъ послѣ смерти, побѣда моральная, но все же это не будетъ пораженіе, униженіе той огромной силы народной души, которую чувствуетъ въ себѣ каждый русскій человѣкъ!

Потому-то конечно и весь русскій народъ, какъ и русскій солдатъ, не смотря на всѣ обвиненія въ контръ-революціи, —такъ и влекся душею къ Корнилову, что чувствовалъ, что съ нимъ путь къ ничтожеству не грозитъ, что съ нимъ всегда будешь на вѣрной дорогѣ къ своему высшему мѣсту—къ высшему своему торжеству и чести!

„Онъ не выдастъ!"—повторяли о Корниловѣ солдаты въ грозные часы боя, когда душа томилась между чувствомъ самосохраненія и позоромъ отступленія, не рѣшаясь сдѣлать выборъ. Они ждали слова Корнилова, какъ вѣрнаго указанія—вотъ настоящій путь изъ нынѣшняго положенія, на которомъ, что бы ни случилось, путь къ успѣху и славѣ не закроется, а развѣ что отсрочится, но позора, смерти душевной—не будетъ навѣрно!

Мулла черкесскаго полка когда въ арміи Кубанской рѣшался вопросъ: идти-ли за Корниловымъ, сказалъ то-же самое словами:—„Мы здѣсь все ходимъ взадъ и впередъ на одномъ мѣстѣ. Пойдемъ туда и потомъ—назадъ! Пойдемъ сюда и опять—назадъ! А корниловцы... ихъ убиваютъ, а они все впередъ идутъ, все впередъ!"...

Главное содержаніе нижеслѣдующаго взято мною изъ обильной фактами брошюры „Первый народный главнокомандующій".

Лавръ Георгіевичъ Корниловъ родился 18 августа 1870 г. въ семьѣ Каракалинскаго казака въ маленькомъ городкѣ Усть-Каменогорскѣ въ Западной Сибири. Дѣтство было полно тяжелой работы подъ гнетомъ скудной бѣдности. 13-ти лѣтъ мальчикъ самъ приготовился въ Сибирскій кадетскій корпусъ, гдѣ все время шелъ первымъ.

Въ 1889 г. Корниловъ поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище. Однажды мелочной, назойливый курсовой офицеръ Ф. позволилъ себѣ рѣзко отозваться о Корниловѣ во время ученія.

На обращенный къ нему крикливый, назойливый вопросъ Корниловъ звенящимъ, отчетливымъ, рѣзкимъ тономъ отрѣзалъ нагленца.

Взбѣшенный Ф. сдѣлалъ движеніе къ Корнилову.

Тотъ, весь побѣлѣвъ, спокойно по вѣжливости, положилъ руку на эфесъ шашки. Въ мертвой тишинѣ противники обмѣнялись взглядами. „Капитанъ Ф. отъѣзжайте въ сторону!"—послышался голосъ начальника училища, присутствовавшаго при всемъ столкновеніи. Ф. отъѣхалъ съ видомъ побитой собаки, а Корниловъ продолжалъ ученье съ полнымъ самообладаніемъ.

Только блестящій талантъ, всѣми признаваемый, да благородная личность начальника училища, генерала Черняевскаго, сохранили тогда Лавра Георгіевича для русской арміи. Его поступокъ долго обсуждался и нажилъ ему и массу почитателей и заклятыхъ враговъ среди мелкихъ начальствующихъ сошекъ. До окончанія училища ему не ставили хорошихъ отмѣтокъ за поведеніе и только благородный Черняевскій въ самомъ концѣ добился ему 11 балловъ.

По окончаніи училища К. уѣхалъ въ Туркестанъ, гдѣ сталъ заниматься языками и кромѣ европейскихъ усвоилъ себѣ главные азіатскіе языки, особенно же—языки нашей Средней Азіи и Кавказа.

Въ 1898 г. К. кончилъ академію первымъ и поѣхалъ въ командировку на афганскую границу.

У выхода изъ ущелья Гиндукуша для прикрытія дорогъ въ Кабулъ афганцы

огда спѣшно построили на берегу Аму-Дарьи крѣпость Дейдади.

„Мнѣ страстно хотѣлось,—разсказывалъ ген. М. Іоновъ, начальникъ 4 туркестанской бригады въ Бухарѣ,—выяснить характеръ работъ, предпринятыхъ афганцами и по возможности—воздвигнутыхъ ими укрѣпленій. Однако, крѣпость стояла въ 50 верстахъ отъ берега, афганцы были бдительны и неумолимы къ нашимъ развѣдчикамъ и свѣдѣній объ укрѣпленіи мы не имѣли".

Какъ то разъ въ Киркахъ М. Іоновъ выговалъ на невѣдомость Дейдади въ присутствіи Корнилова, который тогда находился въ его распоряженіи.

Корниловъ спокойно слушалъ всѣ эти разговоры и въ концѣ вечера попросилъ разрѣшенія съѣздить на 3 дня въ отпускъ.

Іоновъ ему этотъ отпускъ съ готовностью разрѣшилъ.

На третій день внезапно въ комнату Іонова входитъ Корниловъ и молча кладетъ ему пять фотографическихъ снимковъ съ какихъ-то укрѣпленій.

— Что это такое?—спрашиваетъ удивленный Іоновъ.

— Дейдади!—спокойно и невозмутимо отвѣчаетъ Корниловъ.

Съ двумя туркменами, переодѣтый туркменомъ же, Корниловъ сдѣлалъ эту страшно рискованную развѣдку, и вотъ удивительный ея результатъ:

Никакой награды Корнилову не дали, а Іоновъ получилъ выговоръ за то, что рискуетъ способными молодыми офицерами въ дѣлахъ, за которыя афганцы посадили бы Корнилова на колъ". Самъ же Корниловъ получилъ выговоръ и угрозу мѣсяцемъ ареста за повтореніе подобныхъ дѣйствій!

Затѣмъ Корниловъ провелъ полтора года въ Кашгаріи.

Въ 1901 г. съ 4 казаками онъ сдѣлалъ семимѣсячное путешествіе по Восточной Персіи, пройдя пустыни, считавшіяся непроходимыми безъ крайняго риска.

Въ 1903 г. онъ получаетъ командировку въ Индію (Кувейтъ), а въ слѣдующемъ — въ войнѣ съ Японіей, командуя бригадой, прикрываетъ отступленіе 2-й арміи отъ Мукдена. Часть его бригады была въ ночи охвачена кольцомъ враговъ. Среди глубокой ночи онъ ударилъ на японцевъ, пробился къ отрѣзаннымъ и вывелъ ихъ къ арміи. За это онъ получилъ Георгія 4 й степени.

Послѣ заключенія міра К. поѣхалъ въ Зап. Европу, а съ 1907 года четыре года пробылъ военнымъ агентомъ въ Китаѣ, который исколесилъ вдоль и поперекъ въ частяхъ, примыкающихъ къ нашей границѣ.

Въ февралѣ 1911 г. онъ получилъ 8-й пѣхотный Эстляндскій полкъ и вскорѣ былъ сдѣланъ начальникомъ 2-го Заамурскаго отряда. Тутъ ему пришлось раскрыть отчаянныя интендантскія злоупотребленія и въ борьбѣ съ ними начисто проиграть бой. Гр. Коковцовъ и командиръ пограничной стражи ген. Пыхачевъ стали крѣпко за казнокрадовъ и Корниловъ потребовалъ своего перевода—онъ получилъ бригаду во Владивостокѣ.

Въ великой нынѣшней войнѣ онъ въ августѣ 1914 г. получилъ I бригаду 49-й пѣхотной дивизіи, дѣйствовавшей противъ Галича.

Дивизія эта занимала крайній лѣвый флангъ наступавшей русской арміи, на который и былъ направленъ отчаянный контръ-ударъ австрійской арміи, обходившей дивизію съ лѣваго фланга.

Сосредоточивъ противъ дивизіи подавляющую артиллерію и во много разъ превосходящія силы пѣхоты, австрійцы весь разсчетъ своей операціи поставили на уничтоженіи дивизіи, прикрывавшей самое уязвимое мѣсто русскаго боевого порядка. Цѣлые два дня здѣсь кипѣла напряженная, неумолимая борьба.

Австрійцы, понимая значеніе маневра, бросали поочередно противъ дивизіи Корнилова лучшія, отборнѣйшія части. Какъ пьяные, въ неистовомъ порывѣ ожесточенія, лѣзли онѣ въ атаки и всякій разъ отбрасывались обратно.

Руководимый чуднымъ инстинктомъ, которому нельзя научиться, Корниловъ ловилъ неуловимо быстрыя смѣны боя, быстрыми, сильными маневрами ослаблялъ одни участки и усиливалъ другіе и, вездѣ появляясь самъ въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, воодушевлялъ и окрылялъ солдатъ.

Атакованная тройными силами врага дивизія стала изнемогать, понеся огромныя потери.

Почти 50% офицеровъ и солдатъ выбыло изъ строя, когда нѣкоторыя части стали отходить.

Съ своего наблюдательнаго пункта зоркимъ окомъ замѣтилъ это Корниловъ.

Верхомъ, подъ ужаснымъ огнемъ наступавшихъ австрійцевъ, Лавръ Георгіевичъ подскакалъ къ отступавшимъ солдатамъ, остановилъ ихъ, подкрѣпилъ полуротой саперъ и самъ повелъ въ штыковую аттаку.

Ничто не могло удержать этого стремительнаго урагана. Врагъ дрогнулъи сталъ поспѣшно отходить. Уже наши взяли обратно потерянную было батарею, уже волна невиданнаго одушевленія катилась по рядамъ, все передъ собою сметая, какъ вдругъ генералъ, какъ снопъ, свалился съ лошадью.

„Корниловъ убитъ!“—пронесся крикъ и снова смятеніе распространилось въ рядахъ, и снова австрійцы, получившіе тѣмъ временемъ подкрѣпленіе, перешли въ аттаку.

По счастію судьба сохранила русскаго вождя. Освободившись изъ-подъ убитой лошади, генералъ Корниловъ снова сталъ во главѣ войскъ, устроилъ части и, завязъ деревню Науке, лично подавая команду стрѣльбы залпами, продержалс здѣсь до глубокой ночи, отбивъ всѣ атк ки врага.

Всю ночь генералъ устраивалъ войск

Къ утру понесшая невообразимыя п тери дивизія, слабая числомъ, но бе смертная духомъ, перешла въ наступ ніе, сбила австрійцевъ съ ихъ позицій погнала передъ собой, захватывая тысяч плѣнныхъ и трофеевъ.

Въ каждомъ бою генералъ Корнилов выбиралъ себѣ наблюдательный пункт въ непосредственной близости къ передо вымъ позиціямъ и тотчасъ связывалъ ег возможно полнѣе со всѣми боевыми ча стями и штабомъ. „Такъ я могу видѣт бой своими глазами и управлять имъ“, говорилъ генералъ.

Подготовляя операцію, генералъ подо гу и часто изучалъ карту, которую осв щалъ тщательнѣйшимъ изученіемъ мѣс ности, гдѣ дѣйствовала его дивизія.

Это точное знаніе мѣстности вмѣстѣ с изумительной памятью обстановки част выручало Корниловъ изъ самыхъ труд ныхъ обстоятельствъ.

Изощренная наблюдательность, тонко чувство дѣйствительности и всегда споко ный умъ въ его распоряженіяхъ част поражали окружающихъ, какъ явлени почти чудеснаго порядка.

Особенно поразительный примѣръ этих свойствъ представляли распоряженія Ко нилова въ бояхъ за городомъ Т ркой в Карпатахъ. Здѣсь дивизіи Корнилов пришлось вести крайне упорные бои с лучшими частями австрійской арміи боснійскими стрѣлками и мадьярскими полками 7 корпуса. Корниловъ стоялъ н наблюдательномъ пунктѣ, подвергаемом жестокому обстрѣлу австрійскихъ батарей

Нѣсколько ближайшихъ сосѣдей, ране ныхъ вражескимъ огнемъ, не мѣшал генералу спокойно и внимательно слѣдит за ходомъ боя.

— Что случилось въ Очаковскомъ полку?—внезапно спросилъ онъ начальника штаба.

— Проводъ только что перебитъ, и до его исправленія отвѣтить невозможно,— положилъ начальникъ штаба.

— Немедленно пошлите туда двѣ роты изъ моего резерва, австрійцы вновь обходятъ нашъ лѣвый флангъ,—приказалъ генералъ.

Всѣ лица, бывшія около генерала, изо всѣхъ силъ таращили глаза на позиціи Очаковскаго полка, но ничего новаго не видали, кромѣ маленькой кучки изъ 5 солдатъ, залегшихъ слѣва въ придорожной канавѣ.

Когда роты поддержки были почти у цѣли, телефонъ исправили, и первое донесеніе отъ командира Очаковскаго полка заключалось въ просьбѣ о помощи противъ обходящихъ его лѣвый флангъ австрійцевъ.

— Она уже послана,—отвѣтилъ Корниловъ, и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ роты ввязались въ бой, приняли участіе въ контръ-охватѣ австрійцевъ, и атака была успѣшно отражена снова.

Такъ этотъ удивительный человѣкъ по фигурамъ пяти солдатъ понялъ со всей ясностью обстановку и принялъ нужныя мѣры ранѣе, чѣмъ ему объ этомъ сообщили. Между тѣмъ положеніе дивизіи Корнилова было, несмотря на всѣ эти успѣхи, крайне опасно. Прикрывая флангъ арміи Брусилова, она была далеко вынесена впередъ, принимая на себя неистовые удары австрійцевъ. Шелъ дождь со снѣгомъ, окопы наполнились липкой холодной грязью, стѣнки ползли и плохо прикрывали.

Наша армія отходила, и съ каждымъ часомъ разстояніе между нею и войсками Корнилова росло.

Спускалась ноябрская ночь и всѣ въ отрядѣ чувствовали, что утромъ будетъ неизбѣжная гибель.

Солдаты, какъ дѣти, искали глазами Корнилова и крѣпко вѣрили, что онъ „не выдастъ!“

А Корниловъ, какъ-будто не замѣчая всѣхъ этихъ испытующихъ, мукой смертной тоски проникнутыхъ взглядовъ, невозмутимо спокойный, чуть-чуть нахмуренный, осторожно-внимательный отдавалъ приказанія, выслушивалъ доклады, чутко изучалъ обстановку.

Войска, заражаясь запасомъ его энергіи и неукротимой воли, умирали въ окопахъ, вѣрили любимому вождю и ждали чуда.

И оно пришло!

Глубокой ночью весь отрядъ съ артиллеріей неслышно выступилъ и пошелъ на соединеніе съ корпусомъ. Маленькая кучка отважнѣйшихъ и безсмертно храбрыхъ осталась на мѣстѣ, чтобы спасти уходящихъ.

Съ этимъ отрядомъ обреченныхъ остался и Корниловъ, какъ капитанъ корабля, рѣшившійся уйти послѣднимъ. Австрійцы, ослабленные огромными потерями, готовились къ новымъ аттакамъ, притягивая новую артиллерію и резервы. Давъ отойти войскамъ на большое разстояніе, Корниловъ огромнымъ маршемъ догналъ свой отрядъ, заставилъ его сдѣлать чудовищный по быстротѣ и длительности переходъ и соединился съ корпусомъ.

Солдаты изнемогали, но лица ихъ сіяли гордостью и побѣдой. „Нашъ не выдастъ!“ —говорили они, съ любовью смотря на сухую фигуру ихъ молчаливо спокойнаго вождя.

Ради защиты Самбора и важныхъ тыловыхъ путей дивизія была выдвинута передъ фронтомъ остальныхъ войскъ, клиномъ, расположеннымъ въ низинѣ у подножья горъ.

Генералъ Корниловъ вынесъ свой наблюдательный пунктъ къ окопамъ и постоянно обходилъ передовыя линіи, какъ всегда, спокойный и властный. На нѣкоторыхъ пунктахъ, имѣвшихъ особо важное

значеніе, онъ давалъ свои указанія командному составу, всегда ясныя, короткія и фактически важныя. И все время держался просто, сосредоточивая вниманіе на дѣлѣ, и какъ бы совершенно не замѣчая ни разрывовъ снарядовъ, ни назойливаго жужжанія пуль.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ окопы сходились менѣе, чѣмъ на 100 шаговъ, и тамъ чаще всего бывалъ ген. Корниловъ.

Когда онъ въ первый разъ пришелъ сюда, его предупредили:—„Ваше превосходительство, нагибайтесь, врагъ бьетъ по бойницамъ“.

Ген. Корниловъ взглянулъ на говорившаго, кивнулъ ему головой, медленно подошелъ къ бойницѣ, медленно вынулъ бинокль и долго разсматривалъ расположеніе врага.

Генералъ отвернулся, хотѣлъ идти дальше, и въ этотъ моментъ къ ногамъ его бездыханнымъ свалился часовой, стоявшій рядомъ съ нимъ и сраженный пулей.

Однажды во время обычнаго обхода окоповъ ген. Корниловъ подошелъ къ пункту, на который австрійцы часто вели безрезультатное наступленіе.

Желая изучить мѣстность передъ этой позиціей, онъ вдругъ рѣзко приказалъ всѣмъ остаться въ окопѣ, самъ выскочилъ изъ него, перебѣжалъ къ часовому и сталъ осматривать лежавшій передъ нимъ участокъ. Черезъ нѣсколько минутъ часовой былъ сраженъ вражеской пулей, но генералъ вернулся въ окопъ только послѣ того, какъ онъ осмотрѣлъ все, что ему было нужно.

Штабъ Корнилова въ этихъ бояхъ (при Стржельбицѣ) помѣщался въ полуверстѣ отъ позицій, въ небольшемъ домѣ австрійскаго священника, впереди нашихъ батарей. Австрійцы, понявъ, что здѣсь находится штабъ, приняли свои мѣры.

Втеченіе всего дня непріятельскіе стрѣлки съ окружающихъ высотъ вели постоянную пристрѣлку по штабу, а непріятельская артиллерія изрыла весь дворъ, разрушила нѣсколько служебныхъ зданій, расположенныхъ на немъ, изрѣшетила крышу и стѣны дома, гдѣ находился штабъ, и сбила штабную телефонную станцію.

По счастливой случайности въ этомъ домѣ за все время никто не былъ убитъ ни раненъ: это давало поводъ ген. Корнилову утверждать, что штабъ поставленъ на такое мѣсто, „гдѣ почти нѣтъ опасности“. Правда, во дворѣ штаба было убито и ранено много народу, но генералъ хотѣлъ быть ближе къ войскамъ въ трудные для нихъ дни и не считался ни съ чѣмъ.

Пребывая цѣлыми днями въ окопахъ, въ передовой линіи, онъ являлся въ штабъ и работалъ здѣсь иногда цѣлую ночь, до полнаго разсвѣта надъ картами и приказами.

*

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1914 года, когда дивизія Корнилова гнала передъ собою разбитыхъ австрійцевъ, онъ среди горячаго боя въ сумерки одинъ въѣхалъ въ городъ Лиско, несмотря на то, что была огромная опасность отъ возможныхъ засадъ.

Это было нужно, чтобы побудить истощенныя войска, не откладывая дѣло до утра, сбить врага съ противоположнаго берега Сана при наименьшихъ жертвахъ.

Разъ это было нужно—Корниловъ рисковалъ.

Въ опустѣлый, притаившійся вражій городъ Корниловъ въѣхалъ съ начальникомъ штаба, нѣсколькими офицерами и казаками. Въ это время съ противоположнаго конца убѣгали послѣдніе ряды австрійцевъ, думавшихъ, что съ Корниловымъ входятъ всѣ русскія войска.

Немедленно генералъ проѣхалъ въ замокъ Лиско и въ то время, какъ онъ внимательно изучалъ карту и обдумывалъ создавшееся положеніе, его войска черезъ часъ прошли городъ, переправились ч

резъ Санъ и въ глубокой темнотѣ сбили австрійцевъ съ берега, добившись успѣха съ наименьшими жертвами.

Въ этомъ ночномъ дѣлѣ Корниловъ снова явилъ свои изумительные таланты полководца. „Ваше превосходительство, навести мостъ для переправы невозможно, такъ какъ голову понтоновъ нельзя приткнуть къ противному берегу, тамъ австрійцы!"—докладывалъ саперный офицеръ дивизіи. „Немедленно вызовите въ замокъ 2 сотни казаковъ, пусть посадятъ на крупъ лошадей по пѣхотинцу и плывутъ на тотъ берегъ!"—приказалъ генералъ. Пока производилась посадка, съ нашего берега пулеметы сметали все впереди на австрійскомъ берегу и когда пѣхота вплавь на лошадяхъ достигла берега, ударъ на врага быстро закончилъ дѣло—австрійцы въ паникѣ бѣжали.

У города Синно дивизія Корнилова была окружена австрійцами, стянувшими все, что они могли, чтобы остановить его движеніе въ Венгрію.

Если бы Корниловъ получилъ въ то время помощь, быть можетъ Венгрія тогда же вышла изъ рядовъ нашихъ враговъ, но... помощь не приходила. Дивизія была окружена со всѣхъ сторонъ. По внѣшности Корниловъ былъ совершенно спокоенъ, голосъ его звучалъ ровно и увѣренно, приказанія были ясны и тверды.

Но въ штабѣ знали отъ дежурныхъ офицеровъ, что Корниловъ не спитъ по ночамъ, все ходитъ по комнатѣ, слушаетъ всѣ ночныя телефонныя донесенія и лицо его холодно и угрюмо. Печалиться было слишкомъ много основаній. Руководители дѣломъ снабженія арміи стараго порядка не заботились о роскоши питанія снарядами. Патроновъ въ дивизіи было мало, на каждое орудіе приходилось только 5 снарядовъ. Связь съ 49 дивизіей, откуда шли боевые припасы, была крайне слаба, и только въ самомъ концѣ Корнилову удалось получить 4 ящика снарядовъ.

Когда единственный путь отступленія на сѣверъ былъ отхваченъ венграми, одинъ изъ полковыхъ адъютантовъ доложилъ объ этомъ генералу.

— А почему это васъ такъ волнуетъ?

— Меня это не волнуетъ, ваше превосходительство, но вѣдь это была единственная дорога, по которой можно было пробиться!

— Ну, если австрійцы ее заняли, такъ мы всегда сумѣемъ ее отнять!—отвѣтилъ Корниловъ.

Въ нужный моментъ по невообразимо трудной дорогѣ дивизія пошла на прорывъ, сбила венгровъ и, вывезя всю артиллерію, соединилась съ русскими войсками. Здѣсь Корниловъ самъ велъ въ штыки послѣдніе два батальона своего резерва, рискуя всѣмъ.

О взятіи высоты „650" у Зборо говорено было въ текстѣ этой книги выше при описаніи осады Екатеринодара.

При отступленіи русскихъ армій изъ-за Карпатъ начался ожесточенный бой на два фронта.

Сдерживая австрійцевъ, наступавшихъ съ юго-запада, дивизія атаковала германскія части, развернувшіяся фронтомъ на югъ.

Въ самомъ началѣ боя генералъ Корниловъ былъ тяжело раненъ пулеметной пулей, но не сдалъ командованія и оставался въ самой гущѣ боя.

Дивизія сражалась до глубокой ночи и не дала врагу распространится къ востоку, наперерѣзъ нашимъ войскамъ, отступавшимъ съ перевала, восточнѣе Дуклы.

Въ ночь съ 22 на 23 апрѣля генералъ Корниловъ направилъ на сѣверъ три полка дивизіи, которые прорвались на соединеніе съ русскими арміями.

На долю четвертаго Рымникскаго полка съ маленькими частями прочихъ полковъ дивизіи выпала тяжелая задача прикрывать отходъ стрѣлковъ.

Генералъ Корниловъ остался при этомъ аріергардѣ и на разсвѣтѣ 25-го сталъ руководить его боемъ. Окруженный со всѣхъ сторонъ, аріергардъ отбивался отъ яростныхъ аттакъ австро-нѣмцевъ, не чая спасенія и стремясь только охранить отходъ уходившихъ его братьевъ.

Патроновъ не было, солдаты шли въ аттаки со штыками и подъ ихъ героическимъ мужествомъ врагъ гнулся и отступалъ.

Ночью и эти остатки генералъ Корниловъ бросилъ на прорывъ черезъ вражескія цѣпи.

Штыками они проложили себѣ путь и ушли къ своимъ, а позади оставалась совсѣмъ крохотная горсть обреченныхъ, для прикрытія отхода аріергарда, и среди нихъ генералъ Корниловъ.

Никто не хотѣлъ оставить своихъ боевыхъ друзей, всѣ хотѣли принять обрядъ смерти вмѣстѣ съ ними. На спасеніе разсчитывать не приходилось.

Тяжело раненый вождь съ плохо сдѣланной перевязкой, лишенные артиллеріи и патроновъ солдаты, высокія угрюмыя горы, а кругомъ смертельные, обрадованные успѣхомъ, враги!

Съ тоской смотрѣли вслѣдъ уходящимъ остающіеся. Долгъ передъ отчизной, клятва боевого братства и выручки—требовали ихъ смерти, и они оставались, сжавшись плотнымъ кольцомъ вокругъ своего вождя, въ непроницаемомъ спокойствіи готоваго встрѣтить ожидавшую ихъ участь.

Кое-гдѣ по горамъ бухали выстрѣлы, неясные шумы обнаруживали присутствіе врага, неуловимые отзвуки доносили дыханіе готоваго проснуться боя.

Корниловъ неподвижно стоялъ, вглядываясь въ темноту, готовясь къ послѣднимъ часамъ.

Думалъ ли онъ о далекой семьѣ, прошлыхъ успѣхахъ, возможныхъ при его талантахъ перспективахъ, томился ли онъ жаждой жизни!?

Подъ его непроницаемымъ спокойствіем кто могъ разгадать это?!

Впрочемъ онъ самъ однажды помог понять себя въ эти минуты по другом поводу и въ другомъ мѣстѣ.

— Всѣ называютъ васъ фаталистомъ- какъ-то сказалъ генералу представител Краснаго Креста на фронтѣ, Н. М. Ро зянко.

— Опасность на войнѣ неизбѣжна, пришелъ сюда выполнить свой долгъ пе редъ родиной и я его выполняю так какъ считаю нужнымъ. Я офицеръ и до женъ сдерживать себя, владѣть собой и если бы мнѣ стало когда-нибудь страшно объ этомъ никто не узнаетъ.

Потомъ, по моему мнѣнію, легко бы покойнымъ: при всякой опасности нужн только думать объ общемъ для насъ дѣл а не о себѣ.

Если меня убьютъ, то управленіе дивизіей не разстроится: на этотъ счетъ им ются особыя приказанія.

Съ утра 23 до ночи 28, пять долгих дней продолжалась агонія Корниловскаг отряда.

Пять дней они грозили врагамъ, отбра сывали ихъ и шли горами. Воистину если нужно было показать, что русскій народъ имѣетъ безсмертную будущность отходъ отряда Корнилова доказалъ это. Въ ночь на 29 апрѣля 1915 г. совсѣмъ без сильные отъ голода и устали герои были взяты въ плѣнъ.

Кто же достался австрійцамъ? Крохотная кучка людей, похожихъ на тѣни— семь человѣкъ!

Среди нихъ былъ тяжело раненый Корниловъ и раненый санитаръ.

* * *

Въ австрійскомъ плѣну Корниловъ пробылъ больше года. Австрійцы очень гордились своимъ плѣнникомъ. Онъ отправленъ былъ въ Венгріи, на станцію для плѣнныхъ высшихъ чиновъ арміи—Лекуа. Корниловъ немедленно по прибытіи пока-

алъ себя... Къ нему въ комнату вошелъ езъ предупрежденія комендантъ полк. Машке, сѣлъ и потребовалъ чтобы Корниловъ всталъ передъ нимъ. Корниловъ осмотрѣлъ на него сурово и—выгналъ его. Присланъ былъ генералъ для разслѣдованія происшедшаго и Машке долженъ былъ извиниться передъ Корниловымъ.

Австрійцы хотѣли воспользоваться Корниловымъ по отношенію къ русскимъ военноплѣннымъ. Они предложили Корнилову осмотрѣть лагеря военноплѣнныхъ. Корниловъ согласился, но, на первомъ же осмотрѣ убѣдившись, что австрійцы все подправляютъ и подчищаютъ къ его пріѣзду, а потребованныя имъ улучшенія остаются безъ исполненія—отказался отъ дальнѣйшаго объѣзда.

— Не удалось обмануть его „Потемкинскими деревнями",—говорили смѣясь австрійцы. не забывшіе доселѣ, какъ Потемкинъ наскоро настроилъ маскарадныхъ деревень на пустынныхъ берегахъ Днѣпра, чтобы показать Екатеринѣ и путешествовавшему съ нею имп. Францу Іосифу—край населеннымъ и процвѣтающимъ.

Корниловъ выписывалъ много книгъ для себя и скоро у него образовалась цѣлая библіотека. Онъ началъ изучать австро-германскую армію съ основы—съ его солдата и внимательно читалъ книжки и руководства, изданныя въ Австріи для солдатъ и обихода роты. Онъ сравнивалъ ихъ съ тѣмъ, что сдѣлано для русскаго солдата и повторялъ: „Не русскій солдатъ побѣжденъ, а побѣждается его невѣжество. Дайте ему то, что имѣетъ солдатъ австрійскій и германскій, и его никто не побѣдитъ! Особенно нравились ему „Тактическія письма" Гриппенкерля.

Среди военноплѣнныхъ въ Лекѣ скоро образовались двѣ партіи—одна около Корнилова, другая около ген. Е. И. Мартынова. Это оказался тотъ генералъ-лейтенантъ ген. штаба, который наканунѣ войны послѣ прошумѣвшей исторіи съ постыдными денежными аферами былъ удаленъ въ отставку изъ Моск. воен. округа командующимъ округомъ суровымъ и честнымъ Плеве, но съ объявленіемъ войны успѣлъ опять получить мѣсто въ войскахъ и попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ летчикомъ Васильевымъ, съ которымъ онъ полетѣлъ было смотрѣть австрійскія позиціи.

Корниловъ твердо вѣрилъ въ конечную побѣду русскихъ войскъ. Мартыновъ же предсказывалъ пораженія, злорадствовалъ надъ ними, такъ какъ они-де и должны быть тамъ, гдѣ талантливымъ генераламъ не даютъ ходу, и навязывался всѣмъ со своими соображеніями, какъ и гдѣ непремѣнно будутъ разбиты русскія войска.

У Корнилова было сначала нѣсколько споровъ съ Мартыновымъ, пока однажды, когда въ австрійскихъ газетахъ явились торжествующія сообщенія о новомъ плѣнѣ десятковъ тысячъ русскихъ и захватѣ сотенъ орудій и пр. во время Галиційскаго отступленія—Мартыновъ не остановилъ его въ столовой, держа пукъ газетъ въ рукахъ:

— Вотъ я говорилъ, в. п—во, что насъ поколотятъ. Именно такъ и вышло! Посмотрите!

— Оставьте меня въ покоѣ!—съ мукой въ голосѣ сказалъ Корниловъ и ушелъ въ свою комнату. Послѣ этого онъ пересталъ обѣдать въ общей столовой и говорить съ Мартыновымъ.

Въ столовой онъ все таки часто былъ виденъ. Обыкновенно онъ сидѣлъ у общаго стола и внимательно читалъ книгу, опершись головой на руку. Повидимому онъ былъ погруженъ въ чтеніе, но достаточно было кому нибудь рядомъ отпустить колкость по адресу русскихъ войскъ—среди плѣнныхъ были любители и на это!—Корниловъ поднималъ голову и его тяжелый взоръ прямо устремлялся на дерзкаго, который невольно замолкалъ.

Какъ мало былъ подготовленъ русскій солдатъ къ бою—Корниловъ разсказалъ од-

нажды анекдотъ изъ времени своего командованія на австрійскомъ фронтѣ:

— Провѣряю сторожевые посты. Подхожу къ желѣзнодорожной будкѣ. Около нея сидитъ солдатъ. Винтовка рядомъ прислонена къ стѣнкѣ. Я спрашиваю, что онъ тутъ дѣлаетъ?

— А я тутъ приставленъ.

— Для чего приставленъ?

— А я—вѣстовой тутъ!

— Чей?

— А... да вотъ я сейчасъ пойду спрошу!..

Солдатъ ушелъ въ будку, и черезъ минуту возвращается съ довольнымъ видомъ:

— Да нѣтъ, я не вѣстовой, а часовой тутъ, слышь!

Онъ и не зналъ, что онъ—часовой, и будучи часовымъ, не зналъ что не долженъ выпускать ружья изъ рукъ. А было это на самой боевой линіи.

— Вотъ и оперируйте съ такими солдатами—заключилъ разсказъ Корниловъ. Ихъ учить надо и развить, и тогда они будутъ лучшими солдатами въ мірѣ!

Однажды Мартыновъ, ждавшій себѣ въ Россіи мѣста военнаго министра, спросилъ Корнилова:

— Вы все о ротныхъ ученіяхъ читаете в. п—во,—развѣ вы ожидаете по возвращеніи въ Россію опять командовать ротой?

— Передъ плѣномъ я командовалъ дивизіей—спокойно и скромно отвѣчалъ Корниловъ,—и убѣдился, что я могу ею командовать, хотя ранѣе не былъ въ этомъ увѣренъ, а теперь въ Россіи мнѣ, я надѣюсь, дадутъ корпусъ.

Чтобы приготовить себѣ бѣгство, Корниловъ сталъ добиваться перевода въ лазаретъ, откуда бѣжать было все таки легче. Онъ двѣ недѣли почти не спалъ, изнуряя себя нарочно и дошелъ до такого состоянія, что австрійцы должны были отправить его въ госпиталь.

29 іюля 1916 г. ему удалось бѣжать при помощи лаборанта госпиталя—чеха Франца Мрняка, за это разстрѣлянная австрійцами. Въ документахъ слѣдствія есть письмо Корнилова къ женѣ, написанное передъ побѣгомъ:—„Дорогая моя, пребываніе въ плѣну, когда родина такъ страдаетъ, для меня невозможно. Я больше не въ силахъ этого выносить. Быть можетъ, скоро увидимся, если же меня поймаютъ, тогда прощай, живымъ имъ въ руки я не дамся!“

Корниловъ пошелъ пѣшкомъ горами и лѣсами, направляясь въ Румынію. На пятый день странствованія Францъ Мрняка былъ захваченъ австрійскими жандармами, генералъ же ускользнулъ отъ облавы и 3 дней послѣ того скитался по трущобамъ Трансильванскихъ Карпатъ, пробираясь въ Румынію.

Трудный былъ и мучительный путь. Только два раза онъ набрелъ въ горахъ на румынскихъ пастуховъ и досталъ у нихъ немного сыру и мамалыги. Остальные дни пришлось идти въ дикихъ дебряхъ, по страшнымъ обрывамъ, надъ бездонными пропастями, перебираясь черезъ ледяные потоки. Обувь порвалась, одежда превратилась въ лохмотья, все тѣло мучительно болѣло, ноги, покрытыя ранами, оставляли кровавый слѣдъ.

Часто ночами, когда кругомъ шумѣлъ только дремучій лѣсъ, да гремѣли потоки, почти замерзая отъ холода, Корниловъ чувствовалъ подходящую смерть. Она близко склонялась къ нему, обѣщая соблазнительный покой, конецъ страданій, предѣлъ бѣдствіямъ. Но всходило солнце, странникъ набиралъ ягодъ, служившихъ ему единственной пищей и голодный, больной, снова шелъ навстрѣчу страдающей Россіи.

Въ ночь объявленія войны Румыніи Австріи генералъ Корниловъ ползкомъ проскользнулъ между австрійскими по-

ими, высмотрѣвъ за день ихъ расположе-ie и пробрался въ союзную страну.

Въ одномъ селеніи близъ границы ге-нералъ встрѣтилъ четырехъ русскихъ олдатъ, бѣжавшихъ изъ плѣна, и съ ни-ми добрался до города Турнъ-Северинъ.

Въ этомъ городѣ военнымъ агентомъ ашимъ былъ полк. С. М. Ратмановъ. Утромъ рано онъ шелъ мимо базара, къ ому подходитъ оборванный старикъ-ни-щій и говоритъ:

— Я генералъ Корниловъ. Дайте мнѣ ѣсть.

Полк. Ратмановъ привелъ его къ себѣ, накормилъ и уложилъ въ постель.

Два дня Корниловъ лежалъ, не вставая и собирая силы, и ничего не говорилъ.

Полк. Ратмановъ спросилъ его:

— Быть можетъ, вы недовольны?

Изъ глазъ Корнилова брызнули слезы:

— Получивъ отъ васъ, что вы мнѣ дали, какъ могу я быть недовольнымъ послѣ перенесеннаго мною?

Дальнѣйшее въ дѣятельности Корнилова —на свѣжей памяти всѣхъ русскихъ людей.

Ген. М. В. Алексѣевъ.

(3 ноября 1857—25 сент. 1918).

Небольшого роста худощавый старикъ съ ясными проницательными сокольими глазами. Чрезвычайно внимательно слу-шаетъ... Отвѣчая, говоритъ точно, пора-жая памятью сложныхъ подробностей. За-даетъ вопросы по существу съ прямотою. Рѣшаетъ быстро.

Таковъ былъ Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ. Своей теплою просвѣщенно-стью, трудничествомъ и особенной искрен-ностью всего обращенія онъ невольно привлекалъ къ себѣ съ перваго знаком-ства.

Онъ объявилъ запись въ Добровольче-скую армію 2 ноября 1917 г. и былъ пер-вымъ ея организаторомъ. Послѣ смерти Корнилова только крѣпкая духовная устой-чивость Алексѣева удержала армію отъ „распыленія“ и помогла ей дожить до успѣховъ второго Кубанскаго похода и возрожденія силъ.

Алексѣевъ работалъ неустанно. Съ шес-ти часовъ утра онъ уже былъ за работой и въ ней проводилъ весь день до поздняго вечера, пиша, принимая по дѣламъ, дѣлая распоряженія. Онъ былъ превосходно под-готовленъ для предстоявшей ему роли ор-ганизатора общаго хозяйства Россіи и за-щитника ея интересовъ на международ-номъ конгрессѣ. Но какъ разъ, когда онъ долженъ былъ приступить къ этому— смерть взяла его!

Чтобы дѣлать то, что дѣлалъ одинъ Алексѣевъ, пришлось создать цѣлый рядъ высшихъ должностей, но онъ былъ и есть истинно незамѣнимъ на своемъ посту по широкой просвѣщенности взгляда, умѣнью рѣшать быстро и вмѣстѣ осторожно слож-нѣйшіе вопросы и по искренней пріязни къ общественнымъ силамъ и почину. „Никакихъ отношеній съ нѣмцами!“—бы-ло рѣшеніемъ Алексѣева твердымъ, и окон-чательнымъ, которое дало Добровольческой арміи незыблемое международное положе-ніе. Любовь его къ Россіи была безмѣрна. Онъ разочаровался въ русскомъ солдатѣ и говорилъ о немъ съ жестокостью, ко-торая невольно поражала, но жилъ онъ только для Россіи, работая для нея сутки сплошь.

Передъ гробомъ его несли точный и глубоко всѣхъ сопровождавшихъ потря-

шій своей вѣрностью символъ его жизни —терновый вѣнецъ, перевитый георгіевскими лентами.

Да, это жизнь Алексѣева—эти терніи и эти желто-черныя ленты!

Какъ и Корниловъ, онъ умеръ наканунѣ своего торжества, имъ добросовѣстно и заботливо приготовленнаго! Тѣмъ теплѣе будетъ память о немъ на Руси: такъ много сдѣлать, такъ мало взять отъ заслуженнаго успѣха!

Корниловъ и Алексѣевъ! Алексѣевъ и Корниловъ! Эти два имени, двѣ яркихъ звѣзды, которыми началось утро новой Россіи, останутся въ потомствѣ, какъ два лучшихъ имени Великой Русской Смуты подобно тому, какъ Смутное время XVII столѣтія передало вѣкамъ тоже два имени: Минина и Пожарскаго.

Алексѣева въ арміи Добровольческой любили съ искренней теплотой и почтительностью. Его вниманіе ко всѣмъ нуждамъ офицерства не утомлялось никогда и это цѣнили и благодарно помнили всегда. Трогательно и вѣрно эта интимность общаго глубокаго чувства къ Алексѣеву подчеркнута была короткой надписью на вѣнкѣ отъ ученицъ, положенномъ на его гробъ:

„Еще не видѣли, но знали и любили".

Ген. А. И. Деникинъ.

Генералъ, о которомъ всѣ въ его арміи говорятъ хорошо и никто не говоритъ дурно. Указываютъ недостатки въ его окруженіи, находятъ, что онъ мало даетъ отъ себя тепла моральной жизни арміи, но лично о немъ всѣ отзывы ярко хвалебные — блескъ его военнаго таланта и крупный умъ признаются всѣми. Когда Деникинъ съ войсками, они совершенно увѣрены въ побѣдѣ.

Невысокаго роста, крѣпкій и коренастый, хохлацки спокойный и прямой въ обращеніи, съ живыми умными глазами, которые запоминаются невольно—таковъ внѣшній образъ Деникина по первому впечатлѣнію.

Въ послѣдней войнѣ его выдвинулъ „Брусиловскій ударъ" восною 1916 г., когда „желѣзные стрѣлки" его дивизіи, стоявшей на Волыни, прорвали фронтъ неприступно укрѣпленныхъ австрійскихъ позицій и черезъ нѣсколько дней послѣ прославленнаго дня 22 мая — заняли Луцкъ.

Нѣмцы взяли осенью реваншъ, разгромивъ Румынію и „фаланга" Макензена направилась было въ Молдавію и Бессарабію, но въ рѣшительный моментъ переброшенный съ Волыни 8-й корпусъ Деникина твердо остановилъ ея движеніе.

На офицерскомъ съѣздѣ въ Ставкѣ, въ маѣ 1917 г. ген. Деникинъ сказалъ превосходную, смѣлую и прямую рѣчь въ защиту офицеровъ, на которыхъ начался тогда злобный походъ,—и за право Россіи на армію „настоящую".

На совѣщаніи 16-го іюля въ Ставкѣ ген. Деникинъ по словамъ Керенскаго „выступилъ съ рѣчью такой по содержанію, какой ни при одномъ правительствѣ въ глаза главѣ правительства ни одинъ изъ генераловъ не рѣшился бы сказать!" Прямо, сильно и доказательно въ докладѣ Деникина говорилось, что временное правительство „разрушило, растлило армію и втоптало въ грязь наши боевыя знамена".

Во дни Корниловскаго выступленія Деникинъ послалъ временному правительству свою извѣстную телеграмму № 145, начинающуюся словами: „Я солдатъ и не люблю играть въ прятки"... За то же и нава-

нились на него большевики, какъ только Корниловъ былъ арестованъ! Только счастье и личная „звѣзда“ спасли Деникина и его штабъ при отъѣздѣ изъ Бердичево, гдѣ все было подстроено къ растерзанію его солдатскими массами, но массы эти—не осмѣлились...

Душа сильнаго и смѣлаго, горячо любящаго великую Россію русскаго человѣка звучитъ въ заключительныхъ фразахъ Ставропольской рѣчи Деникина, уже главнокомандующаго Добровольческой арміи:

„Настанетъ нѣкогда день, когда переполнится чаша русскаго долготерпѣнія, когда отъ края до края русской земли прогудитъ вѣчевой колоколъ,—звеня, негодуя и на бой призывая. Тогда всѣ арміи—и добровольческая, и сибирская, и фронтъ учредительнаго собранія сомкнутъ свои ряды.

„Большія и малыя рѣки сольются въ одномъ русскомъ морѣ; бурное, мощное, оно смоетъ всю ту нечисть, что сѣла на израненное и искалѣченное тѣло нашей Родины“.

Твердо, ясно и жизненно ген. Деникинъ понимаетъ и причину нынѣшней Великой Смуты русской: „безпаціональность“ вожаковъ русской грамотной массы—политическихъ нашихъ партій. На обѣдѣ союзникамъ 28 ноября въ Екатеринодарѣ онъ сказалъ:

„Я буду говорить не какъ Главнокомандующій русской Добровольческой Арміей, а какъ русскій с о л д а т ъ, такъ какъ, всей своей жизнью и дѣятельностью я получилъ право на это почетное званіе. Въ качествѣ начальника штаба Верховнаго Главнокомандующаго мнѣ приходилось часто бесѣдовать съ нашими доблестными союзниками, но никогда я не велъ бесѣдъ ни съ соц.-революціонерами ни, съ соціалъ-демократами, ни съ кадетами. ни съ шотландцами, ни съ ирландцами, ни съ жителями Прованса, а всегда говорилъ только съ англичанами и французами. И потому сегодня я слушалъ съ большимъ вниманіемъ то, что здѣсь говорилось, и это произвело на меня и радостное и грустное впечатлѣніе. Я обращаюсь къ здѣсь присутствующимъ представителямъ новыхъ государственныхъ образованій, вершителямъ большой и малой политики со словами: „нельзя ли забыть кривые пути нашей внутренней и внѣшней политики? Нельзя ли хоть это тяжкое время быть просто русскими людьми?“

Я надѣюсь, что всѣ вы поддержите мой тостъ: „Живетъ наша русская Русь, партійной намъ даромъ не надо!“

Не какъ солдатъ только, ген. Деникинъ сказалъ это, а какъ истинный политикъ, трезво сознающій главное въ политическомъ моментѣ—алчность къ власти и вмѣстѣ духовное безсиліе наличныхъ нашихъ партій вести страну.

Да поможетъ ему Богъ! Вѣрно различать главное на своемъ пути, значитъ имѣть и успѣхъ въ главномъ!! Силы ему принесетъ Россія.

Ген. С. Л. Марковъ.

Это былъ всеобщій любимецъ и гордость Добровольческой арміи.

Пылкій, безумно храбрый, прямой и открыто правдивый на языкъ, душею преданный великой Россіи и арміи ген. Марковъ былъ истымъ „рыцаремъ безъ страха и упрека“ этого похода. Много разъ въ походѣ его все опрокидывавшій порывъ увлекалъ войска въ дерзанія, повидимому, прямо безнадежныя и—выводилъ армію изъ грознаго положенія. Въ разговорахъ и особенно въ пылу боя онъ нерѣдко го-

ралъ окружавшимъ „Богъ знаетъ что!“ не неприкрытой прямотѣ выраженія, но ему прощалось все за то, что это всегда было сказано искренно и правдиво (и притомъ всегда очень красочно!) и говорилъ это—ген. Марковъ, доблестный боецъ многихъ боевъ, любовь и слава арміи.

Чего не любилъ ген. Марковъ—это обозныхъ героевъ и ночныхъ боевъ и переходовъ. Первые казались ему поголовно бѣглецами изъ строя, гдѣ ему такъ нужны были бойцы, а вторые шли у него обыкновенно вяло по началу и только бѣлый свѣтъ дня показывалъ ген. Маркова, какъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Одинъ изъ офицеровъ Офиц. полка разсказываетъ о ген. Марковѣ:

„Въ ст. Егорлыцкой, гдѣ мы стояли въ мартѣ мѣсяцѣ, ген. Марковъ часто устраивалъ собранія офицеровъ, на которыхъ освѣдомлялъ насъ о томъ, что творится на „бѣломъ свѣтѣ“ (во время похода мы были вѣдь отрѣзаны отъ всего міра, и только въ Егорлыцкой до насъ нерѣдко стали доходить ростовскія газеты), или говорилъ намъ о значеніи совершеннаго нами похода, укрѣпляя вѣру у малодушныхъ и т. д.

Рѣчь его, всегда яркая, образная, остроумная, проникнутая глубокой убѣжденностью, производили сильное впечатлѣніе. Ген Марковъ былъ „настоящій“ ораторъ... Рѣчь его захватывала, увлекала...

Политикѣ ген. Марковъ, по его словамъ, былъ чуждъ. „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги точать пирожникъ“—говорилъ онъ на одномъ собраніи. „А у насъ на Руси всегда было такъ. Если кто сдѣлался инженеромъ или докторомъ, такъ онъ непремѣнно будетъ заниматься политикой, а музыкантъ—судить о медицинѣ... Я въ политикѣ ничего не понимаю, политикой не занимаюсь. Я—солдатъ. Я готовился быть солдатомъ. Изучивъ военное дѣло, знаю его, люблю его... И до конца дней своихъ останусь солдатомъ. Но если вы хотите знать, какъ мнѣ лично представляется дальнѣйшій ходъ событій у насъ, то, я думаю, будетъ слѣдующее. Большевиковъ мы свергнемъ. Это будетъ скоро. А дальше?—дальше вѣроятно будетъ диктатура—на годъ, быть можетъ больше, быть можетъ меньше. Затѣмъ будетъ созвано учр. собраніе или земскій соборъ,—называйте какъ хотите. Этотъ-то земскій соборъ и установитъ намъ форму правленія. Мнѣ лично думается, что у насъ будетъ конституціонная монархія“...

На одномъ собраніи (въ зданіи станичнаго правленія) донецъ-прапорщикъ (очевидно, смотритель зданія) обратился къ ген. Маркову:

— Прикажете, ваше прев-во, подать колокольчикъ?

— Колокольчикъ? -засмѣялся генералъ Марковъ.—Нѣтъ, намъ не надо никакихъ колокольчиковъ. У насъ не митингъ. Мы—не „товарищи“. Колокольчикъ?!—Ха-ха-ха!

Нѣсколько офицеровъ, „ослабѣвшихъ духомъ“ послѣ похода, подали рапорта объ увольненіи изъ арміи.

— Ну, что жъ?—сказалъ ген. Марковъ,—уходите. Я васъ не держу. Такихъ мнѣ не надо... Уходите... Вольному воля, спасенному рай!.. И къ чортовой матери! Увольняются изъ арміи, слава Богу, не многіе. Но если я почувствую, что настроеніе моей бригады не соотвѣтствуетъ моему настроенію,—не медля ни минуты, я уйду отсюда, но уйду туда, гдѣ ведется борьба съ большевиками, и бороться съ ними я буду до конца своей жизни.

— Мы совершили великое дѣло,—говорилъ однажды ген. Марковъ: —Мы первые положили камень по возсозданію будущей великой, единой и недѣлимой Россіи. Наши имена исторія золотыми буквами запишетъ на свои страницы. Намъ будетъ поставленъ памятникъ, и думаю, что геніальный художникъ представитъ его такъ: на пьедесталѣ—хаосъ, олицетворяющій

...вою разрушенную и уничтоженную Россію, а надъ этимъ хаосомъ восходящее солнце, наша Добровольческая армія!

Ген. Марковъ преклонялся предъ ген. Деникинымъ.

— Это единственный генералъ,—говорилъ онъ,—предъ которымъ я преклоняюсь. Человѣкъ исключительной силы воли и желѣзнаго характера, человѣкъ съ кристально чистой душой, человѣкъ необыкновенной честности и убѣжденности въ своихъ взглядахъ... Высокомалантливый генералъ..

Послѣ нашего „Ледяного похода" 15—16 марта, ген. Л. Г. Корниловъ сказалъ ген. Маркову:

— Поистинѣ, это былъ Суворовскій переходъ.

— Нѣтъ, в. высокопр-во, не Суворовскій, а Корниловскій переходъ!—отвѣтилъ ген. Марковъ.

Часто во время похода, когда мы, всѣ усталые отъ безсонныхъ ночей, боевъ и долгаго (по 50—60 верстъ) переходовъ, немного „раскисали"—достаточно было проскакать мимо насъ ген. Маркову съ его задушевно-бодрымъ: „Здорово, родные!", или „Здорово молодцы-пулеметчики!",—какъ сейчасъ же мѣнялось настроеніе, поднимались силы—и мы нестройно, но отъ души, громко отвѣчали ему: „Здравія желаемъ в. прев-во!"...

Передъ боемъ подъ Сосыкой (куда мы дѣлали набѣгъ за снарядами) ген. Марковъ увидѣлъ поруч. Д., у котораго одна нога была въ рваномъ сапогѣ, а другая—въ валенкѣ. „Чтобы сегодня же вы обулись, какъ слѣдуетъ!"—шутя приказалъ ему ген. Марковъ. „Постараюсь, в. прев-во."—отвѣтилъ поруч. Д. И дѣйствительно послѣ боя онъ досталъ въ отбитомъ вагонѣ пару крѣпкихъ сапогъ.

— Подъ ст. Ильинской на заставѣ мой начальникъ пулемет. команды поставилъ насъ на неудобной позиціи. Я настаивалъ на необходимости перенести пулеметъ въ другое мѣсто, говорилъ о невыгодности позиціи нач-ку команды и нач-ку заставы. Но мнѣ приказано было оставить пулеметъ на мѣстѣ. Обходитъ позицію ген. Марковъ. „Кто здѣсь начальникъ пулемета?"—раздраженно спросилъ онъ. „Я в. пр-во!" отвѣтилъ я.—„Какъ вы смѣли поставить здѣсь пулеметъ?"—Я доложилъ ген. Маркову, что я видѣлъ неудобство позиціи и хотѣлъ поставить пулеметъ на другое мѣсто, но н-къ команды, и н-къ заставы приказали мнѣ остаться на мѣстѣ. „Позвать сюда н-ка заставы!"—приказалъ ген. Марковъ. Приходитъ шт.-кап. артиллеріи. „Вы расположили заставу и пулеметъ самымъ безграмотнымъ образомъ. Сейчасъ же передвинуться кпереди!"—и онъ указалъ мѣсто, куда перейти заставѣ. „Чортъ знаетъ—что такое, командиръ бригады долженъ слѣдить за расположеніемъ простой заставы"—продолжалъ онъ „пылить".

У ген. Маркова было видимое предчувствіе смерти. Въ Новочеркасскѣ передъ выступленіемъ въ послѣдній походъ, онъ говорилъ близкимъ офицерамъ:

— Не хочется идти... Иду, а не пошелъ бы!..

Во время самаго боя неразлучный сподвижникъ ген. Маркова, полк. Тимановскій, вдругъ съ удивленіемъ сказалъ ему:

— Да, что ты, Сережа, пулямъ кланяться сталъ... что-ли?!...

Нервная натура ген. Маркова и въ будущемъ конечно ощущала больше, чѣмъ другіе.

Б. Будиловичъ описываетъ послѣдніе часы ген. Маркова:

„Смерть Л. С. Маркова была такъ же красива и мужественна, какъ и его жизнь. Тотъ, кто при жизни не зналъ покоя, уносясь далеко отъ мелочнаго и личнаго въ одномъ порывѣ служенія родинѣ, остался вѣрнымъ себѣ и въ тяжкіе часы смертныхъ мукъ.

„12 іюня предводительствуемыя генер.

Марковымъ части 1-й пѣхотной дивизіи послѣ упорнаго боя овладѣли мостомъ и станціей „Шабліевка“. Задача, поставленная дивизіи, составлявшей лѣвый флангъ Добровольческой арміи, была блестяще выполнена. Врагъ бѣжалъ, но часть его артиллеріи еще продолжала стрѣлять. и однимъ изъ послѣднихъ снарядовъ былъ раненъ ген. Марковъ.

„Раны были чрезвычайно тяжелы и мучительны. Осколкомъ гранаты были изорваны плечи и отломана задняя часть черепа, причемъ задѣтъ мозгъ

„Но умирающій герой не терялъ самообладанія. Когда онъ очнулся, первыя его слова были: „Какъ дѣла? Какъ мостъ?“ Ни одного крика боли, ни одного стона не вырвалось изъ груди раненаго. И ни слова онъ не сказалъ о себѣ... Разставаясь съ тѣломъ, душа Сергѣя Леонидовича была всецѣло занята судьбой осиротѣлой семьи, соратниковъ-кубанцевъ, истерзанной и поруганной Россіи...

„Семьѣ своей С. Л. Марковъ завѣщалъ быть такой же крѣпкой и бодрой духомъ, каковъ былъ онъ при жизни.

„Кубанцевъ онъ благословилъ иконой со словами: „Вы умирали за меня,—т перь я умираю за васъ“.

„Наконецъ, о несчастной горячо люб мой родинѣ умирающій Марковъ сказал „Вѣрю, что Россія снова будетъ едино великой, могучей!“

„Таковы завѣты вождя, которымъ п праву гордилась Добровольческая арми Смыслъ этихъ завѣтовъ, которыми полн сердце всякаго добровольца, выражены в простой, но много говорящей надписи н вѣнкѣ, возложенномъ на гробъ С. Л. Мар кова отъ имени его вѣрныхъ друзей соратниковъ—генераловъ А. И. Деникин и И. П. Романовскаго: „И жизнь и смерт за счастье родины“.

Прошу всѣхъ присылать мнѣ объ этом блестяще талантливомъ человѣкѣ все, чт знавшіе его могутъ сообщить о немъ: в споминанія, случаи, мнѣнія покойнаго, за мѣчанія и яркія выраженія, фотографіи снимки, какъ изъ времени похода, такъ болѣе ранніе, и пр.

Должно сохранить потомству этотъ образ такой высокой доблести!

Похороны Корнилова

Когда утромъ 31 марта ген. Алексѣевъ встрѣтилъ на дорогѣ изъ Екатеринодара въ Елисаветинскую тѣло Корнилова, онъ тутъ же отдалъ всѣ распоряженія о немъ, чтобы оно было обряжено, какъ должно, приготовленъ для него былъ цинковый гробъ и т. д.

При нашемъ отходѣ изъ Елисаветинской тѣло везли въ головѣ отряда на артиллерійской повозкѣ, скрытое подъ внѣшностью простого ящика. Нѣсколько текинцевъ и близкихъ людей держались неподалеку отъ него.

Когда мы стояли у рѣчки передъ колонкой, чиня мостъ, что взяло у насъ четыре часа времени, адъютантъ Корнилова корн. х. Хаджіевъ предлагалъ тогда же въ полѣ похоронить тѣло: обстоятельства были очень благоприятны: —до колонки было шесть верстъ, мѣсто безлюдное, кругомъ пустая степь, темно и глухо,—никто не увидѣлъ бы, никто не узналъ бы. Но полк. Григорьевъ нач. конвоя Корнилова, сказалъ: —„Это поручено мнѣ. Я самъ скажу, гдѣ сдѣлать это.“

Въ колонкѣ ночью х. Хаджіевъ опять

предлагалъ похоронить тѣло до разсвѣта, но отвѣтъ былъ тотъ же.

Съ утра начался жестокій обстрѣлъ колоніи большевиками. Обозъ не могъ двинуться изъ нея. Вѣроятно это побудило полк. Григорьева похоронить тѣло Корнилова немедленно. Было около 12 час. дня, свѣтлаго, солнечнаго. Въ 500 шагахъ за огородами въ степи было указано мѣсто и текинцы принялись копать могилу. Первую лопату земли вынулъ х. Хаджіевъ. Могила находилось точно въ 66 шагахъ отъ большого дерева, стоящаго тутъ. Съ мѣста видны были хаты колоніи и даже какъ разъ тѣ самыя, гдѣ были арестованы агенты большевиковъ, корректировавшіе стрѣльбу ихъ артиллеріи. Группа текинцевъ, человѣкъ семь, въ ихъ папахахъ, конечно тоже была отлично видна изъ колоніи. Д. Сверчковъ, выйдя въ колонкѣ за околицу пройтись, видѣлъ издали трехъ текинцевъ, копавшихъ въ степи. Въ 30 шагахъ отъ Корнилова была вырыта могила для Нѣжинцева. Такъ какъ по текинскому обычаю близкіе не присутствуютъ, когда тѣло умершаго опускаютъ въ землю, х. Хаджіевъ ушелъ и похороны произошли безъ него. Какъ оказалось могилу даже не прикрыли хворостомъ и мусоромъ—она такъ и осталась открытой глазу каждаго свѣже разрытой землею. Тяжело представить себѣ все это. Мы уходили изъ колоніи, не зная ничего...

Лошадь Корнилова, красивый буланый конь, на которомъ мы видѣли Корнилова ежедневно, была продана одному изъ казаковъ-конвойцевъ. Его въ ближайшіе же дни увидѣли на ней верхомъ офицеры и едва не стащили его тутъ же съ сѣдла—они почувствовали это какъ кощунство... Они были правы. Неужели нельзя было сохранить—боевого коня Корнилова?!

Въ Екатеринодарѣ.

Въ номерѣ отъ 16 (3) апрѣля въ Екатеринодарскихъ „Извѣстіяхъ совѣтовъ“ было напечатано слѣдующее „Сообщеніе главнокомандующаго революц. войсками Сѣвернаго Кавказа тов. Автономова:“

„...Противникъ отступилъ 14 (1) апрѣля утромъ по направленію къ ст. Елизаветинской съ отрядомъ въ тысячу человѣкъ. Пройдя станицу, ушелъ въ аулы. Патроны и оружіе брошено по дорогѣ. Преслѣдованіе ведется.

„Въ штабъ былъ приведенъ священникъ изъ ст. Елизаветинской, который сообщилъ, что КОРНИЛОВЪ УБИТЪ и похороненъ на кладбищѣ Воскресенской церкви. Туда двинутъ Сорокинскій отрядъ для того, чтобы вынуть трупъ и доставить его въ Екатеринодаръ.

„Такимъ образомъ контръ-революція на Кубани ликвидирована“.

Цѣлый отрядъ за однимъ трупомъ! Ясно, какъ были напуганы нашей осадой главковерхи!

Черезъ день—18 (5) апрѣля явилось въ „Извѣстіяхъ“ другое сообщеніе подъ заголовкомъ: „Сожженіе трупа Корнилова“:

„16 (3) апрѣля въ 12 ч. дня отрядъ т. Сорокина доставилъ въ Екатеринодаръ изъ ст. Елизаветинской трупъ героя и вдохновителя контръ-революціи—ген. Корнилова. Часть лица и лѣвый високъ его лба были пробиты шрапнелью, пальцы изранены. Одѣтъ онъ въ сѣрую чистую рубашку.

„Участники Московскаго совѣщанія и др. товарищи, бывшіе подъ его начальствомъ во время того, какъ онъ состоялъ верховнымъ главнокомандующимъ, подтверждаютъ, что этотъ трупъ—трупъ Корнилова.

„Послѣ сфотографированія трупъ Корнилова былъ отправленъ за городъ гдѣ и былъ преданъ сожженію“.

Вл. П., ученикъ одного изъ Екатеринодарскихъ училищъ разсказываетъ:

„Я ѣхалъ трамваемъ по Красной, когда увидѣлъ толпу собирающуюся у дома № 53 (гостин. Губкина) по Гимназической

ул. на Соборной площади. Я подошелъ. На балконѣ гостиницы Золотаревъ (одинъ изъ Екатер. главковерховъ) кричитъ, что вотъ тѣло Корнилова—пусть рѣшатъ:—показывать его народу или нѣтъ? Трупъ лежалъ въ телегѣ, стоявшей въ проходѣ подъ воротами гостиницы. Толпа народа его окружала. Онъ былъ въ одной рубашкѣ, на лицѣ синія пятна. Студентъ какой-то сталъ говорить, что это не Корниловъ, и для доказательства вынулъ и показывалъ фотографическую карточку Корнилова. Кругомъ заговорили: „Да—это не Корниловъ! Не похожъ совсѣмъ!“ Золотаревъ крикнулъ на студента: „Вы мнѣ народъ бунтуете! Я васъ разстрѣлять прикажу... Э, да что тутъ... Взво-о-дъ!“ началъ онъ команду къ стрѣльбѣ залпомъ своему конвою... Толпа шарахнулась въ стороны и побѣжала. Потомъ опять всѣ подошли къ телѣгѣ. Тѣло веревкой подвѣсили на большое дерево передъ гостиницей... Я видѣлъ—оно упало... Его опять повѣсили. Толпа ругалась и бросала камнями въ трупъ. Побѣжали за драгилемъ, чтобы везти трупъ по городу... Я ушелъ.“

Нач. угол. полиціи г. Колпахчевъ мнѣ разсказалъ:

„Я самъ былъ на мѣстѣ и близко видѣлъ трупъ. Въ толпѣ требовали, чтобы показали народу его кровопійцу. Накинули на шею веревку и подняли на дерево. Трупъ былъ не Корнилова, удостовѣряю точно. Человѣкъ этотъ былъ болѣе чѣмъ средняго роста, шатенъ (Корниловъ былъ небольшого роста),—шатенъ—(Корниловъ былъ черный), Лицо трупа было русскаго типа, полное, свѣжее, бритое—замѣтны были даже слѣды пудры отъ недавняго бритья. Глаза нисколько не киргизскіе, какъ они были у Корнилова—съ легкой косиной. Не большіе усы. На груди большая развороченная рана. Золотаревъ съ конными бросился къ трупу, крича, что это—звѣрство, дѣло рабовъ! Его конные окружили и перерубили веревку шашкой. Трупъ упалъ и на него бросилась толпа, топча его, била плетьми. Потомъ она потащила его по Борзиковской улицѣ за городъ, гдѣ сожгла и вернулась къ „Чашкѣ чая“ (кофейная на Красной, главной улицѣ города). Тамъ къ ней вышелъ изъ „Чашки чая“ Сорокинъ и танцовалъ лезгинку“.

Все это произошло въ Екатеринодарѣ 3 (16-го) апрѣля сейчасъ послѣ полудня.

Уже одно то, что трупъ былъ привезенъ изъ Елизаветинской и оказался въ Екатеринодарѣ въ то время, когда тѣло Корнилова находилось еще въ колоніи, удостовѣряетъ, что 3 апрѣля надругательству толпы подверглось тѣло не Корнилова. Говорили, что это было тѣло кап. Леонова (?), что въ Елизаветинской оно было похоронено на днѣ могилы, а надъ нимъ похоронили еще тѣло. Это станичники приняли за попытку скрыть нижній трупъ, откуда вѣроятно и родилось подозрѣніе, что нижній трупъ—Корнилова.

3-е апрѣля въ колоніи.

Мы ушли изъ колоніи вечеромъ 2-го. Въ колоніи вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими осталась жена Екатеринодар. пр. пов. В. И. Рейнова съ дочерью въ домѣ колониста, котораго знала раньше. Вскорѣ послѣ нашего ухода колонія была занята Темрюкскимъ отрядомъ, особенно славившимся своею свирѣпостью. Одинъ изъ отряда призналъ въ г-жѣ Рейновой и ея дочери—жену и дочь Корнилова. Ихъ хотѣли тутъ же прикончить, но потомъ поручили дознаться, Корниловы ли онѣ, и рѣшить судьбу ихъ выбранному для того особому „революціонному трибуналу“, и отрядъ ушелъ. Трибуналъ оказался настроеннымъ доброжелательно, но видимо не вѣрилъ прямому отрицанію г-жей Рейновой того, что она будто бы Корнилова. Онъ рѣшилъ провѣрить ее и притомъ въ условіяхъ внезапности. Около 11 часовъ утра г-жу Рейнову съ дочерью повели въ колонію.

— Насъ ведутъ разстрѣливать,—сказала г-жа Рейнова дочери.

— Я вамъ сказалъ, что нѣтъ,—сердито буркнулъ членъ трибунала, шедшій рядомъ. За околицей недалеко они увидѣли толпу. Когда они подошли, толпа разомъ разступилась и онѣ увидѣли лежащее на землѣ тѣло Корнилова. Оно было въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и это было дѣйствительно тѣло Корнилова, котораго г-жа Рейнова видѣла не однажды. Лицо было спокойное, какъ живое, не обезображено тлѣніемъ.

— Вы не знаете, кто это?—спросилъ предсѣдатель комитета, пристально смотря въ лицо г-жи Рейновой.

— Не знаю!—спокойно отвѣтила она.

Ихъ отвели назадъ и черезъ день привезли „въ штабъ“ въ Екатеринодаръ, гдѣ скоро выпустили.

Тѣло Корнилова было отрыто немедленно же по приходѣ большевиковъ въ колонку. Придя, они тотчасъ же бросились по хатамъ, гдѣ стоялъ штабъ и стали искать, не оставилъ ли штабъ чего нибудь. Могилу раскопали и нашли въ ней тѣло генерала, по погонамъ—полнаго. Стали доискиваться, кто могъ быть полнымъ генераломъ въ Добровольческой арміи? Три казака признали Корнилова.

— Я знаю его. Я былъ при немъ вѣстовымъ, когда онъ командовалъ 48 дивизіей,—сказалъ одинъ изъ нихъ.

Въ то самое время, около полудня 3 апрѣля, когда въ колоніи г-жу Рейнову привели къ подлинному тѣлу Корнилова, только что вырытому,—отрядъ Сорокина везъ „тѣло Корнилова“ изъ Елизаветинской въ Екатеринодаръ. Это второе тѣло, выданное потомъ Золотаревымъ толпѣ и сожженное, очевидно не могло быть и не было тѣломъ Корнилова...

Судьба нашихъ раненыхъ, довѣренныхъ большевикамъ.

Только 15 іюля въ ст. Кореневской я узналъ точныя свѣденія о судьбѣ раненыхъ, оставленныхъ нами въ станицахъ Елисаветинской, Дядьковской и Ильинской—отъ д-ра В. Я. Иванова, котораго я случайно встрѣтилъ въ Кореневской, куда онъ перебрался изъ Дядьковской вмѣстѣ со своими ранеными, освободившись изъ большевицкаго плѣна.

Въ Елисаветинской было нами оставлено 64 тяжело раненыхъ, съ двумя врачами, Зембахомъ и Конгиссеромъ, и 3 сестрами милосердія. 14 раненыхъ потребовали на другой же день перевода своего въ Екатеринодаръ и были перевезены туда, въ городъ. Это ихъ спасло. 50 оставшихся въ Елисаветинской были перерѣзаны отрядомъ большевиковъ, „который три дня гнался за корниловцами“, не догналъ (къ своему удовольствію!) и отвелъ душу подлымъ убійствомъ беззащитныхъ! Докторамъ предложено было поступить въ большевистскіе лазареты. Конгиссеръ согласился, а Зембахъ отказался и попалъ въ тюрьму, гдѣ былъ случайно найденъ д-ромъ Мейеровичемъ. Его удалось освободить и онъ уѣхалъ въ Германію вмѣстѣ съ отрядомъ германскихъ военноплѣнныхъ, возвращенныхъ въ обмѣнъ. Сестры милосердія погибли повидимому всѣ три, по крайней мѣрѣ о двухъ имѣются точныя извѣстія: Вѣра Пархоменко увезена была отрядомъ большевиковъ и разстрѣляна ими около 9-го апр. въ Батуринской, а

Семенова разстрѣляна тогда же въ Тимашовкѣ.

Въ Дядьковской оставлено было 119 чел. вмѣстѣ съ стар. вр. В. Я. Ивановымъ, стар. сестрой милосердія З. Ф. Поповой и нѣсколькими сестрами милосердія. Въ первый же день двое были прибиты прикладами такъ, что оба умерли—одинъ въ тотъ же день разбитый прикладомъ за то, что на вопросъ: „Кто ты?“ отвѣтилъ: „Полковникъ!“—прочіе называли себя рядовыми, другой—черезъ пять дней. Отъ ранъ умерло 16 раненыхъ; 58 раненыхъ привезены были д-ромъ Ивановымъ въ Кореневскую, остальные 43 выздоровѣли, были судимы въ Екатеринодарѣ и въ своихъ станицахъ за контрреволюціонерство и освобождены. Въ этомъ д-ру Иванову очень много помогъ д-ръ Богуславскій, бывшій народнымъ комиссаромъ въ станицѣ Кореневской, при первомъ нашемъ проходѣ черезъ нее бѣжавшій передъ нами и ставшій въ Екатеринодарѣ комиссаромъ по народному здравоохраненію, д-ръ Мейеровичъ, и мѣстный прис. пов. Балкевичъ. Д-ръ Богуславскій доставлялъ обильно лазарету все необходимое по части лекарствъ и леченія раненыхъ и относился къ лазарету вообще съ большею внимательностью. Невольно вспоминаешь, пиша это, какъ именно мнѣ и д-ру Иванову пришлось разгромить квартиру этого-же Богуславскаго въ Кореневской, чтобы помѣстить въ ней раненыхъ—перетаскивать шкафы столы и всякую мебель вонъ на терассу посуду изъ буфетовъ, одѣяла и все годное быть покрышкой изъ ящиковъ и т. п.! В Дядьковской былъ оставленъ нами помиловавный „заложникъ“ Лимановскій, обѣщавшій всемѣрно отстаивать жизнь и права нашихъ раненыхъ, и онъ честно исполнилъ это обѣщаніе.

Со стороны большевицкой массы отношеніе къ раненымъ было обычно разбойническое: и мѣстные и цроходящіе полки постоянно пытались разгромить лазаретъ и перебить раненыхъ. Удерживали ихъ казаки-станичники чаще всего такимъ доводомъ: „Они наши, и если мы увидимъ что они плохи для насъ, то сами съ ними расправимся, а вы—оставьте!“.

Въ Ильинской оставлены были 28 чел. Изъ нихъ 4 чел. живы, одинъ умеръ остальные были убиты.

Вотъ трагическіе итоги этой не нужной пробы, не нужной, потому что сократила она число повозокъ въ нашемъ обозѣ на длину его всего на 60-70 подводъ, что не имѣло значенія для арміи и ея дѣйствій а кровь пролита была—братьевъпо оружію.

Всѣхъ раненыхъ оставлено было: 64+110+28=211.

Изъ нихъ умерли: 16+1=17.

Убиты: 50+2+23=75.

Остались живы—136, т. е. приблизительно двѣ трети.

О доблести.

Доблесть въ арміи Корниловскаго похода была необычайна. И она все крѣпла въ носителяхъ ея съ каждымъ боемъ, пусть число ихъ съ каждымъ же боемъ и уменьшалось. Духъ желѣзнаго вождя увлекалъ ихъ все выше и выше на пути доблести. Ею-то и совершались чудеса, истинныя чудеса этой единственной въ исторіи войнъ и міра арміи. П. Зотовъ разсказываетъ въ „Дон. Краѣ“ (№ 52) поученіе офицерамъ, уклонившимся отъ исполненія своего гражданскаго долга не вступившимъ въ Добровольческую армію: „раненый въ обѣ ноги съ раздробл

ніемъ костей реалистъ екатеринодарскаго реальнаго училища (фамиліи, къ сожалѣнію, не знаю), не желая уменьшать числа бойцовъ цѣпи, самъ поползъ къ полотну желѣзной дороги, куда приползъ черезъ нѣсколько часовъ съ винтовкой и найденной по дорогѣ цинковой коробкой съ 300 боевыми патронами. У полотна онъ остался не подобраннымъ сутки,—и вотъ когда я 24 марта въ 2 ч. ночи проходилъ съ ротой по полотну, то услышалъ скромную просьбу подобрать раненаго, если это будетъ возможнымъ,—и когда его, истекающаго кровью, укладывали на бурку, онъ просилъ не забыть его винтовку и цинковую коробку съ патронами.—Другой случай: подпоручикъ (студентъ) Германъ Дмитріевичъ Михайловъ послѣ двухъ разновременно полученныхъ и неизлѣченныхъ ранъ шелъ въ новый бой; онъ по дорогѣ обратился съ такой просьбой ко мнѣ и другимъ офицерамъ: „если меня серьезно ранятъ, прошу не перевязывать и не выносить изъ боя, такъ какъ я самъ застрѣлюсь, ибо не желаю увеличивать большой транспортъ раненыхъ". Такое рѣшеніе приняли и другіе офицеры. На другой день, 1 апрѣля, Михайловъ былъ тяжело раненъ въ животъ и незамѣтно для всѣхъ, въ то время, когда къ нему былъ посланъ санитаръ для перевязки, самъ покончилъ съ собою.

— „Слава Богу, я счастливъ—я убитъ!" съ этими словами оставилъ міръ подп. Петръ Мих. Васильевъ, смертельно раненый въ томъ же бою какъ и Г. Д. Михайловъ—при взятіи станицы Андреевской изъ рукъ сильно преобладавшихъ силъ большевиковъ.

Бой и въ бою—побѣда! Вотъ что было общимъ завѣтомъ въ этой героической арміи.

Офицерскій полкъ арміи не зналъ ни одного отступленія за всѣ бои Корниловскаго похода.

Вырывая изъ рукъ большевиковъ бродъ черезъ р. Лабу подъ Некрасовской, три юнкера студ. батальона ген. Боровскаго перешли по горло въ водѣ рѣку и съ крикомъ „ура!" выскочили изъ воды, обративъ въ бѣгство десятки большевиковъ, въ паникѣ бросившихъ три пулемета.

По уходѣ Добровольческой арміи изъ Ростова на Кубань, въ Новочеркасскѣ въ больницѣ О-ва Донскихъ Врачей было оставлено нѣсколько тяжело раненыхъ добровольцевъ и партизанъ, неспособныхъ по состоянію своего здоровья идти съ арміей.

Послѣ ухода послѣднихъ партизанъ изъ Новочеркасска 12-го февраля въ седьмомъ часу вечера въ городъ вступили казаки Голубова, а вслѣдъ за ними красногвардейцы и матросы. 13-го февраля они ворвались въ больницу, грозя перебить всѣхъ раненыхъ. На слѣдующій день въ 11 час. утра они снова пришли въ больницу и приказали врачамъ отобрать добровольцевъ и партизанъ и приказать имъ одѣться. Многіе тяжело раненые и умирающіе не въ состояніи были встать... они были вынесены на носилкахъ... не было позволено даже прикрыть ихъ одѣялами. Раненые держали себя чрезвычайно мужественно: одинъ изъ нихъ мичманъ, съ раздробленной ногой, спокойно курилъ папиросу и на лицѣ его не было замѣтно никакого признака волненія; нога у него была раздроблена въ трехъ мѣстахъ и малѣйшее прикосновеніе къ ногѣ, малѣйшее движеніе причиняло ему невѣроятную боль и вотъ когда красногвардейцы грубо бросили носилки съ героемъ-мичманомъ на землю и тогда онъ не издалъ ни одного стона, и не произнесъ ни единаго звука жалобы... Молодой прапорщикъ л.-гв. Измайловскаго полка, почти мальчикъ, не далъ снять съ себя погоны, не взирая на всѣ попытки красногвардейцевъ, которые угрожали ему въ наказаніе особенно мучительной смертью... Маленькій 14-лѣтній кадетъ 2

Московскаго корпуса гордо заявилъ красногвардейцамъ, что онъ принадлежалъ и принадлежитъ къ Добровольческой арміи и былъ раненъ въ бою съ большевиками... Всѣ они были увезены за городъ и тамъ разстрѣляны; тѣла многихъ изъ нихъ были найдены и погребены въ братской могилѣ.

Имена этихъ героевъ-мучениковъ слѣдующія: Черемшанскій Евг. Ан. мичманъ Гвардейскаго экипажа, Бѣлосинскій Мих. Ив., подпоручикъ, Марсовъ Вас. Пет. юнкеръ Казанскаго училища, Видовъ Констант. Ив. юнкеръ Константиновскаго артиллерійскаго училища, Матвѣевъ Георг. Арт. прапорщикъ л.-гв. Измайловскаго полка, Поповъ Адр. Вас. гардемаринъ, Соловьевъ Пав. Андр. кадетъ 2-го Московск. корпуса, Антоновъ Пав. Андр. кадетъ Новочеркасскаго кадетскаго корпуса, Агаповъ Влад. Вас. прапорщикъ, Кузьмичевъ Ник. Серг. партизанъ, Бублеевъ Тер. Конон. партизанъ.

Уроки...

— Я не спрашиваю людей, идущихъ со мною работать, какой ты партіи? Я спрашиваю ихъ—любите ли вы Россію?

ген. М. В. Алексѣевъ.

———

„Если хочешь изучить что либо, начни обучать этому другого“.

ген. Л. Г. Корниловъ.

„Учитесь любить жизнь и не теряйте ея красоты. Жизнь хороша и красива, только тогда, когда вы не дрожите передъ нею и презираете смерть“.

ген. А. А. Боровскій.

Прапорщицы.

Я получилъ изъ ст. Пашковской письмо М. Чернопятовой—несправедливое къ моей книгѣ, но продиктованное, видимо, искреннимъ чувствомъ:

„Съ какимъ пренебреженіемъ вы пишете въ вашей книгѣ „Походъ Корнилова“ о „прапорщицахъ“, якобы за весь походъ не бывшихъ въ строю! Какъ безумно больно за этихъ честныхъ забытыхъ, погибшихъ смертью храбрыхъ рѣдкихъ дѣвушекъ!

„Мнѣ хочется познакомить васъ немного ближе съ ними и хочется, чтобы вы поняли.

„Въ армію Корнилова пріѣхало 10 чел. Изъ нихъ убитыхъ четыре. Въ строю подъ Екатеринодаромъ убиты баронесса Боде и Бархашъ. Подъ Кореновской (15—18 іюля) оставлена и растерзана большевиками Пылаева. Такъ же честно погибла и Тихомирова. Раненыхъ: два раза Семенова, одинъ разъ Мерсье, Николаева Реформацкая.

„Читая вашу книгу обидно за себя, за порывъ погибнуть, ибо если и оцѣнили бы насъ—лишь только тѣ, которыя гибли рядомъ. Вѣчная память имъ!

М. Чернопятова.

М. Чернопятова хорошо сдѣлала выдвинувъ своимъ письмомъ роль „прапорщицъ“ въ строю. Личный укоръ мнѣ неправиленъ, ибо я говорилъ о прапорщицахъ **обозныхъ**, которыя въ строю дѣйствительно не бывали.

Бархашъ—истинно героическая дѣвушка. Она убита подъ Эйнемомъ. Въ арміи Корнилова она не была. О строевыхъ прапорщицахъ общій отзывъ участниковъ боевъ прекрасный. Однако нервы ихъ не всегда выдерживали. Офицеръ Офиц. полка пишетъ:

„По выходѣ изъ Ростова къ нашей пулеметной командѣ были прикомандированы 10—12 женщинъ-ударницъ подъ командой ст. ун. офицера. Дисциплина у нихъ была отличная, тянулись и пр... Однако при первой тревогѣ по командѣ: „Снять пулеметы!“ ст. ун. офицерша скомандовала такъ: „Дѣвочки, дѣвочки, тащите пулеметы!“ чѣмъ очень всѣхъ развеселила. Впрочемъ скоро ихъ расформировали и отчислили изъ команды.

„Прапорщикъ Юл. Влад. Пылаева съ Ростова была въ пулеметной командѣ 3-ьей роты Оф. полка. Въ частной жизни естественно много мѣшала пулеметчикамъ. По приказу Корнилова была прикомандирована къ лазарету, но черезъ недѣлю опять сбѣжала къ намъ. Въ бою держала себя хорошо, шла въ бой охотно, но все-таки по лѣ боя передъ сномъ нервы не выдерживали и г-жа прапорщикъ горько плакала въ подушку. Во второмъ Кубанскомъ походѣ подъ второй Кореневской, раненая въ ногу, она была звѣрски убита „товарищами“.

Дополненія, воспоминанія, отрывки и поправки.

Печатаю здѣсь все опоздавшее или по другой причинѣ не попавшее въ текстъ книги при ея печатаніи.

Ново-Дмитріевская—17 марта.

Стоимъ въ ст. Ново-Дмитріевской въ школѣ, въ резервѣ, кажется послѣднемъ, у Корнилова. Сушимся и грѣемся послѣ „ледяного похода“ 15 марта и все никакъ не можемъ отойти. Обстановки не знаемъ—не до того—усталость адская. Вечеромъ стрѣльба—пули летятъ по всѣмъ направленіямъ. Прибѣжавшій изъ штаба ординарецъ мнѣ разсказывалъ, что какой-то полковникъ „завѣдующій паникой“ увѣрялъ будто мы окружены со всѣхъ сторонъ. Верховный, какъ всегда, спокоенъ. Внезапно намъ приказано поддержать фронтъ лазаревцевъ и корниловцевъ. Идемъ по снѣгу или грязи. Мѣстами по колѣно и выше,—чортъ знаетъ что за погода! Говорятъ, выступили и мѣстные, но намъ надо спѣшить. Подходимъ къ казаревцамъ. Они у моста. Большевики наступаютъ, но помощи имъ не надо. Правѣе корниловцы, у которыхъ на право нѣтъ никого. Идемъ на право. Ночь темная, но по снѣгу видно хорошо. Перелѣзши множество всякихъ заборовъ и плетней, окунувшись нѣсколько разъ по поясъ въ воду и грязь, наконецъ приходимъ къ цѣли—на позицію. Позиція занимается 2 офицерами Корниловскаго полка. Колонна противника видна за рѣчкой шагахъ въ 200. Но рѣка глубока и быстра.

— Гдѣ же остальные? Мы пришли къ вамъ на поддержку.

— Говорите тише! Наши въ хатѣ пьютъ чай. Сейчасъ позову.

Тихо, какъ тѣни, поползли мы къ плетню и заняли позицію. Корниловцы также повылѣзли. Посмотрѣлъ въ бинокль. Ясно видны люди—пулеметная и другая двуколка. Всего человѣкъ 150—200. Насъ оказалось 15 человѣкъ.

Я принялъ общее командованіе и приказалъ приготовиться для залпа. „Рота (для большей внушительности) пли!“ Залповъ 5, бѣглый огонь, опять залпы!! На томъ берегу каша изъ труповъ и раненыхъ. Живыхъ ушло не больше двухъ десятковъ и пулеметъ бросили, хотя намъ изъ-за рѣки нельзя было преслѣдовать. Оказалось, впослѣдствіи, что большевики

были почти всѣ пьяны и лѣзли, куда попало Своего командующаго они, отступивъ, повѣсили. На слѣдующій день ихъ тоже здорово били."

Ес. *Валеріанъ Алешинъ* бывшій командиръ 1 взв. 1 сот. 1 Парт. полка.

Бой подъ Ново-Дмитріевской. 15 марта.

При аттакѣ на станицу часть Корниловскаго полка подъ командой ген. Казановича была двинута на большевиковъ, засѣвшихъ въ лѣску налѣво отъ дороги за окопами. Перестрѣлка была горячая и упорная... Только уже около 11 ч. ночи большевики отступили, потерявъ видимо надежды.

Подъ Ново-Дмитріевской со стороны большевиковъ участвовалъ 498 Варнавинскій полкъ,—его сильно побили.

Въ Ново-Дмитріевской. 21—22 марта.

„Большевики стрѣляютъ и стрѣляютъ. То здѣсь, то тамъ садится очередь „черныхъ чертей"—одинъ за другимъ 5—6 снарядовъ! Гдѣ упалъ одинъ, тамъ—знаешь впередъ!—кругомъ сядетъ еще пятокъ этихъ пріятностей. Особое чувство, когда нужно именно въ это-то мѣсто и идти! Словно окунаешься головой въ каменную стѣну весь съ плечами! Но... идешь не показывая и вида! Сегодня шелъ въ станицѣ вдоль забора. Граната сѣла въ тридцати шагахъ у другой стороны улицы. Тамъ шелъ человѣче какой-то. Граната упала съ нимъ рядомъ. Черный столбъ взрыва закрылъ его отъ меня. „Готовъ!"—думаю, но смотрю... выходитъ дальше изъ этого столба—цѣлехонекъ! Даже не встряхивается! А граната упала не больше какъ въ двухъ шагахъ, отъ него,—взрывъ пошелъ весь вверхъ. Это обычно при глубокой грязи, какая теперь въ Ново-Дмитріевской. Вернувшись домой узнаю: нашъ врачъ А. выходилъ изъ хаты, граната ударила въ самыя ступени крыльца, опрокинула его, залила всего грязью, но—не ссадинки!"

—·—

„При переходѣ черезъ гать передъ Ново-Леушковской 26 февр. дѣло съ гатью сначала шло плохо, пока за нее не взялись сами Корниловъ и Марковъ. Корниловъ приказалъ разбирать строенія для починки моста и возить солому, а Марковъ сталъ у перѣзда и съ нагайкой въ рукѣ „проталкивалъ" сбившійся обозъ. Вообще на всѣхъ переправахъ и тѣсинахъ мы привыкли видѣть ген. Маркова,—безъ него дѣло шло вяло!"

—·—

„Сама Березанка была занята безъ боя, но передъ нею была небольшая перестрѣлка. Офиц. полкъ наступалъ перебѣжками, пока большевики не отошли съ гребня возвышенностей,—отличная позиція! Не задержались они и на переправѣ, хотя отдѣльныя кучки и обстрѣливали ее при входѣ въ станицу мы видѣли 3—4 трупа „товарищей" съ винтовками въ рукахъ. Въ рѣчушкѣ были затоплены и блестѣли изъ подъ воды не то снаряды, не то гильзы отъ нихъ."

—·—

Послѣ второго занятія Выселокъ ротамъ Офицер. полка былъ переданъ приказъ Корнилова: „Пить, ѣсть, ничего не платить!" Корниловъ былъ за что-то золъ на жителей. Въ хатахъ большевиками было оставлено нѣсколько тяжело раненыхъ.

—·—

Наканунѣ штурма Кореневской, (4 марта) жители ея прислали къ Корнилову депутацію сказать, что они не враги ему и встрѣтятъ его съ хлѣбомъ-солью. Но черезъ часъ явился новый посланный—сообщить, что въ станицу прибыло 8000 большевиковъ съ артиллеріей.

Полк. Т. П. Краснянскій.

Конечно полк. Тихонъ Петровичъ Краснянскій не можетъ быть поставленъ, какъ военная величина, рядомъ съ Корниловымъ и Марковымъ, но все-таки по моему исторія Корниловскаго похода не должна проходить его молчаніемъ.

Еще совсѣмъ мальчишкой я помню Тихона Петровича, молодого офицера 10 Донского каз. полка. Онъ служилъ въ сотнѣ моего отца. Считался великолѣпнымъ развѣдчикомъ. Постоянно тренировался и достигъ въ этомъ отношеніи совершенства. Тяжелые переходы, холодъ, жара все было ему ни почемъ. Въ японскую войну его замѣтили какъ лихого кавалерійскаго офицера. Въ нынѣшнюю австро-германскую войну я видѣлъ его сперва въ 10 и 27 Донск. каз. полкахъ, потомъ к-ромъ 10 же Донск. каз. полка. Донскіе казаки знали полк. Краснянскаго и шли за нимъ. Его исключительная храбрость личная, и знаніе военнаго кавалерійскаго дѣла, тоже исключительное, создали ему имя. Начальники его также цѣнили и ему всегда поставались самыя трудныя и отвѣтственныя задачи, которыя онъ исполнялъ съ честью. Въ этой Великой войнѣ хорошихъ кавалерійскихъ начальниковъ было весьма и весьма немного—простора для дѣйствій типа Зейдлица не было—старые уставы устарѣли, а новыхъ не было. Но Тихонъ Петровичъ былъ именно хорошимъ начальникомъ-кавалеристомъ. Когда нужно безумная аттака впередъ, когда нужно наступленіе въ пѣшемъ строю, но... наступленіе... У него былъ порывъ впередъ всегда. Его неутомимость позволяла ему быть въ разныхъ мѣстахъ поля боя.—тамъ подбодрить,—тамъ остановить... Онъ самъ былъ развѣдчикомъ и командиромъ. Нѣсколько разъ былъ раненъ.... Затѣмъ я видѣлъ его членомъ Войсковыхъ круговъ... Затѣмъ окружнымъ атаманомъ Донецкаго круга въ ст. Каменской. При приближеніи большевиковъ онъ не могъ уйти и попалъ въ ихъ лапы. Конечно, былъ арестованъ, и съ другими офицерами его куда-то повезли по желѣзной дорогѣ. Несмотря на бдительность часовыхъ ему удалось какимъ-то чудомъ бѣжать. И вотъ онъ въ Новочеркасскѣ. Это было послѣ выстрѣла Каледина. Онъ началъ собирать партизанскій отрядъ, который предполагался изъ трехъ родовъ оружія, но прошло какихъ-нибудь 5 дней съ начала записи въ его отрядъ, который образовывался на средства Добровольческой арміи, какъ пришло 9 февраля и мы, его партизаны,—утромъ 9-го же, наскоро расхвативъ какія попало винтовки, пошли въ бой и вышли изъ Ростова. Понятно, ни о какихъ трехъ родахъ оружія не могло быть и рѣчи, хотя популярность имени Краснянскаго на Дону многихъ къ нему привлекала и я знаю,—продержись въ Ростовѣ мы еще дня 2-3, нашъ отрядъ увеличился бы вдвое. А то мы выступили въ составѣ человѣкъ 60—70 пѣхоты, предполагавшаяся же конница оказалась въ числѣ нѣсколькихъ всадниковъ, смогшихъ обслуживать отрядъ только, какъ ординарцы. Кипучая энергія и неутомимость Тихона Петровича однако съумѣла съорганизовать ихъ довольно стройный отрядъ, который знали въ арміи Вначалѣ когда мы были только партизанами на насъ косились и не довѣряли. Потомъ же мы стали „краснянцами“ и когда шли краснянцы, Корниловъ, не разъ бывавшій вмѣстѣ съ нами, былъ спокоенъ за этотъ участокъ боя. Наша боевая пѣсня была также извѣстна, и припѣвъ ея: „Смѣло мы въ бой пойдемъ за Русь святую и какъ одинъ умремъ за дорогую“. Серьезныхъ боевъ намъ не пришлось вести до Выселокъ. 2 марта мы пришли въ хут. Журавскій и начали отдыхать въ ожиданіи, когда наклюнется боишко, а Тихонъ Петровичъ, расположивъ свой отрядъ, сѣлъ на обывательскую подводу и куда-то укатилъ. Потомъ мы

узнали, что онъ ѣздилъ осматривать позиціи у Выселокъ, хотя ничего еще не было никому извѣстно о предполагавшемся на завтра боѣ. Заѣхавъ слишкомъ далеко, онъ чуть не попалъ въ плѣнъ, наскочивъ въ упоръ на разъѣздъ большевиковъ. Но эти трусы не смогли его взять и... сами понесли потери отъ одной его винтовки.

Въ ночь со 2 на 3 марта намъ приказано было взять Выселки и мы выступили. Немного подвелъ здѣсь насъ Лазаревъ, опоздалъ и пришлось намъ и чернецовцамъ его дожидаться, а то бы подошли къ Выселкамъ ночью и забрали бы ихъ спящими. Было еще не совсѣмъ свѣтло, когда мы выступали изъ Журавки, картъ же не было, и мы легко могли бы заблудиться, еслибъ не чутье Тихона Петровича, осмотрѣвшаго еще вчера эту дорогу. Большевики насъ замѣтили издали и пришлось наступать, какъ слѣдуетъ. Мы шли въ лобъ. Въ упоръ жарили пулеметы. Въ особенности одинъ хорошій у нихъ былъ пулеметчикъ, стрѣлявшій до послѣдняго—его прикололи. Идемъ по офицерски—винтовки на ремнѣ за плечами, во весь ростъ,—равняемся и все такое. Начинаются потери. Тихонъ Петровичъ, конечно, впереди. Сколько мы его ни просили лечь или стать на колѣно—не слушаетъ. Съ близкой дистанціи по не отчаянный огонь. Я хотѣлъ было уже лой его заставить лечь, какъ онъ под гаетъ ко мнѣ и кричитъ: „Валя! Смот влѣво — конница!“ Дѣйствительно лѣвомъ флангѣ показываются непр тельскіе всадники. Я приказалъ нѣко кимъ офицерамъ своего отдѣленія пе мѣнить фронтъ, для чего нужно было ребѣжать полуоборотъ впередъ и взя Тихонъ Петровичъ почему-то побѣжа вмѣстѣ съ ними и тутъ ему прострѣли грудь. Местью наполнились наши серд и силой почти приходилось удержива стрѣлковъ отъ преждевременной атта Но въ концѣ концовъ отомстили таки. п били ихъ много—взяли 2 пулемета проч. Но и мы понесли потери. Такъ из моего отдѣленія (16 чел.) выбыло 3 уб тыхъ и 4 раненыхъ тяжело, легкихъ ра и царапинъ не считая. Послѣ боя мы во нулись въ Журавку и первымъ дѣло пошли искать своихъ раненыхъ. Въ ша лѣ на полу нашли мы своего командир Онъ умиралъ, дѣло ясное. Кто-то сообщи ему о нашихъ потеряхъ и, Боже, как онъ застоналъ! Нравственная боль заг шила даже адскую физическую. Въ Кор невской его похоронили.

В. Алексѣевъ.

Дѣло подъ Расшеватской.

Подп. Науменко напечаталъ въ „Кубанскомъ Краѣ“ отъ 1 ноября фельетонъ „Дѣло подъ Расшеватской“, въ которомъ оспариваетъ мое описаніе этого „дѣла“.

О фельетонѣ этомъ вотъ что сказали мнѣ участники „дѣла“:

— По словамъ подп. Науменко это было обычнымъ дѣломъ, а не авантюрой. Нѣтъ! Совсѣмъ не дѣло конницы занимать ночью станицу аттакой, не зная, что въ станицѣ дѣлается.

Подп. Науменко утверждаетъ, что оф сотня не исполняла на Ловлинскихъ ху рахъ никакой задачи. Неправда. Вой стар. Золотаревскій, командиръ сот намъ лично объявилъ задачу: охраня гать у Ловлинскихъ хуторовъ, какъ пор ченіе очень важное, ибо противникъ мо занять хутора и разрушивъ гать, ведущ къ Успенской, преспокойно обстрѣлива Успенскую:—безъ большихъ потерь нам при этомъ стало бы невозможнымъ выбя

Все это начисто выдумано. Ничего этого не было передъ нами—никакого обоза, ни частей его!

У насъ разсказано совершенно вѣрно. Насъ сдернули съ заставы и мы поскакали безъ дороги къ Дмитріевской. Перли по пашнямъ. У станицы разсыпали цѣпь. Наша сотня была на правомъ флангѣ. Изъ станицы вышла кавалерія противника. Мы оглянулись влѣво на части Покровскаго, а онъ тремя колоннами скачетъ отъ насъ куда то накось назадъ! Мы оставались, оторванные, безъ всякаго извѣстія. къ чему все это?! Мы повернули за нимъ. Никакого обоза тутъ не было и мы его не видѣли, а черезъ нѣсколько времени съ боковой дороги къ намъ при везли захваченныя двѣ повозки. Только они и были.

ихъ изъ хуторовъ. Если бы пунктъ былъ е важный, туда не поставили бы 2 сотни ъ 2 пулеметами, а послали бы развѣ динъ эскадронъ.

Подп. Науменко потому и увидѣлъ „нѣсколько сотенъ подводъ обоза, шедшихъ ъ Дмитріевскую", что ему нужно было ля штаба оправдать срывъ нашей заставы ъ мѣста. На дѣлѣ же никакихъ сотенъ, аже десятковъ подводъ не было! Было сего двѣ подводы, а еще точнѣе: одна подвода со снарядами и одна рессорная повозка съ патронами! Всѣ мы ихъ видѣли!

— И снарядовъ было не 74, а 84!—Я амъ считалъ потомъ въ Успенской,— мѣшивается другой участникъ „блестящаго занятія Расшеватской".

— Припасовъ какихъ-то было чуть-чуть а повозкѣ со снарядами, но вовсе не „нѣсколько подводъ", иначе мы не просидѣли ы ночь въ Расшеватской безъ ѣды, какъ видѣли! Никакого разрыва обоза на три части у Дмитріевской, причемъ, часть тянулась будто бы въ Дмитріевскую а ово тъ ушелъ въ Расшеватскую—не было.

Пошли къ Расшеватской. У нея ген. Покровскій спѣшилъ отрядъ и лично объявилъ намъ, что въ станицѣ осталось всего 200 пьяныхъ на церковной площади и только!

По словамъ подп. Науменко при подходѣ къ станицѣ по сотнямъ было выпущено нѣсколько артиллерійскихъ снарядовъ". Неправда. Мы все время расчитывали на „расплохъ", обманывая себя его видимостью! Противникъ все время не показывалъ себя, а Покровскій не съумѣлъ увидѣть его.

Подп. Науменко говоритъ, что „высланные развѣдчики донесли, что до церковной площади с арой церкви противника нѣтъ, а на площади имѣется его конница и пѣхота"! Это неправда. Именно никакой развѣдки небыло—въ этомъ все и дѣло было!

Идти съ пулеметами ночью на обумъ безъ развѣдки въ станицу, гдѣ улицы кривы и узки, значило просто потерять пулеметы. Это и было сказано ген. Пок-

ровскому. Онъ со своимъ отрядомъ все-таки поскакалъ въ станицу. Улица ея дѣлаетъ колѣно недалеко отъ околицы—тутъ болото какое-то есть и на немъ гребля—вотъ тутъ-то по сотнямъ и сыпнули картечью справа изъ лѣска. Казаки проскакали дальше на площадь. Слышимъ... выстрѣлы, „ура!" Потомъ все замолкло.

Подождали. Тихо. Никакихъ вѣстей. Надо идти провѣдать... Двинулись мы. На греблѣ насъ тоже вдругъ стегнули картечью! Мы повернули назадъ опять на околицу. Одинъ эсаулъ изъ нашихъ оказался изъ Расшеватской. Онъ взялся провести насъ задами ближе къ площади. Мы слѣва обошли станицу и въѣхали на церковную площадь. Покровскаго тамъ не было. Мы вернулись назадъ на околицу и, объѣхавъ станицу еще дальше, у мельницы видимъ какую то кучку конныхъ въ 15—18 чел. Кто они—наши или нѣтъ? Въ темнотѣ сближаемся, заговариваемъ, оказались—наши! Они насъ и провели къ Покровскому, который ночевалъ неподалеку. На утро было все, какъ у васъ разсказано; только Покровскій не особое с[...]ращеніе сдѣлалъ къ отряду, что онъ ѣде[...] съ докладомъ, а сказалъ это громко сред[...] офицеровъ, которые тутъ были. Слыша[...] это я самъ и многіе рядомъ.

— И ускакалъ галопомъ?!

— Карьеромъ,—на нашихъ глазахъ!!

Если подп. Науменко стоитъ на исти[...] своего повѣствованія о „дѣлѣ подъ Расш[...]ватской", то пусть онъ укажетъ мнѣ одно[...] своего посредника въ Екатеринодарѣ, [...] укажу ему своего, они выберутъ третья[...]—и имъ я назову свидѣтелей-участнико[...] „занятія Расшеватской", подтверждающих[...] полную точность моего разсказа о нем[...] и рѣшеніе этихъ посредниковъ я обязую[...] напечатать въ слѣдующемъ изданіи книг[...] безъ всякихъ измѣненій.

Мой адресъ:—Ростовъ на Дону книжны[...] магазинъ „Новаго Времени" Алексѣ[...] Алексѣевичу Суворину.

Въ арміи новой Россіи доблесть долж[...] быть прямая, какъ и правда!

Коментаріи не требуются.

С. С. Щетининъ по поводу отзыва моег[...] о немъ въ этой книгѣ прислалъ ко мн[...] двухъ своихъ представителей, пор. Р. [...] шт.-р. Ф. Содержаніе моего разговора с[...] ними видно изъ письма моего къ С. [...] Щетинину отъ 1 октября.

Милостивый Государь,

Сергѣй Сергѣевичъ!

Ваши представители пор. Родіоновъ и шт.-[...] Ферморъ сообщили мнѣ, что вы находит[...] оскорбительнымъ для себя выраженіе о вас[...] въ книгѣ моей „Походъ Корнилова"—„С. С. Щ[...]тининъ—темная неизвѣстность". Я не соеди[...]нялъ съ этимъ выраженіемъ никакого оскор[...]бительнаго для вас значенія, но такъ как[...] по мнѣнію третьихъ лицъ оно, дѣйствительн[...] можетъ быть принято и въ оскорбительном[...]

ия васъ смыслѣ, то я охотно приношу вамъ звиненіе за допущеніе въ моей книгѣ выра-ненія, зыбкаго по своему значенію въ отно-шеніи къ вашей личной чести.

Надѣюсь однако и вы съ своей стороны дите мнѣ удовлетворительныя объясненія ричины, почему вы, взявъ на себя въ янва-ѣ с. г. дѣло такой огромной общественно-олитической важности, какъ организація до-овой охраны г. Ростова, десять дней по нему ездѣйствовали, вызвавъ прямое осужденіе ген. Ковнилова—такъ какъ иначе я должен буду взять обратно свое извиненіе. Буду ожи-дать вашего сообщенія въ теченіе четырехъ дней—24 часа обычные и три дня на разстоя-ніе до Ростова, куда я ѣду сегодня и гдѣ мой постоянный адресъ: Казанская ул. д. 55, кв. 1.

Алексѣй Суворинъ.

1 октября 1918 г.
Екатеринодаръ.

Отвѣта на это письмо отъ г. Щетинина не послѣдовало.

Походныя пѣсни.

Походная пѣсня „Студенческаго баталіона" Партизанскаго полка.

Вспоили насъ и вскормили
Отчизны родныя поля
И мы беззавѣтно любили
Тебя, Святая Русь, земля!

Припѣвъ: Теперь же грозный часъ
борьбы насталъ, насталъ,
Коварный врагъ на насъ на-
палъ, напалъ, напалъ,
И каждому кто Руси сынъ, кто
Руси сынъ
На бой кровавый путь одинъ,
одинъ, одинъ...

Студенты Россіи великой
Мы помнимъ завѣты отцовъ,
Погибшихъ за край нашъ родимый
Достойною смертью бойцовъ.

Припѣвъ: Теперь же грозный и т. д.

Мы были мечтою счастливы,
Мечтою тебѣ посвятить
Души и умы всѣ порывы
И кровью тебя оросить.

Припѣвъ: Теперь же грозный и т. д.

Пусть каждый и вѣритъ и знаетъ,
Блеснулъ изъ за тучи лучи,
И радостный день засіяетъ,
И въ ножны мы вложимъ мечи.

Припѣвъ: Теперь же грозный и т. д.

Впередъ, впередъ, смѣлѣе!
Пріюты наукъ опустѣли,
Студенты готовы въ походъ,
Такъ за отчизну къ завѣтной цѣли
Пусть каждый съ вѣрою идетъ!

Припѣвъ: Теперь же грозный часъ
борьбы насталъ, насталъ,
Коварный врагъ на насъ напалъ,
напалъ, напалъ,
И каждому, кто Руси сынъ, кто
Руси сынъ,
На бой кровавый путь одинъ,
одинъ, одинъ!..

Эта же пѣсня съ замѣною во второмъ куплетѣ слово „студенты" словами „сыны-ми" пѣлась въ походѣ и всѣми частями арміи.

„Журавель".

Бѣлый крестикъ на груди,
То Корниловъ впереди!

Припѣвъ: Журавель, мой журавель,
Журавушка молодой.

Кто въ аттакѣ знаетъ толкъ,
То Корниловскій нашъ полкъ! Припѣвъ.

Претъ въ аттаку, какъ машина,
Чернецовская дружина. Припѣвъ.

Въ тонкихъ винахъ знаетъ толкъ
Партизанскій первый полкъ. Припѣвъ.

Какъ съ бугровъ врага сбивать,
Съ добровольцевъ примѣръ брать!
Припѣвъ.
Изъ полковъ всѣхъ самый тонный
Офицерскій второй конный. Припѣвъ.

А какой полкъ самый главный?
То Корниловскій ударный. Припѣвъ.

Былъ живъ Марковъ генералъ,
И... ихъ „товарищъ" удиралъ! Припѣвъ.

А теперь отецъ Деникинъ,
Красныхъ всѣхъ садитъ на пики.
Припѣвъ.
Добровольцамъ все равно:
Большевикъ или—ничего! Припѣвъ.

„Ледяной походъ".

Станица Калужская. Изъ оффиціальнаго рапорта:

„Выступивъ изъ аула Шенджи 15 Марта санитарный транспортъ оказался въ самомъ затруднительномъ положеніи. Повозки вязли въ грязи, ломались, хомуты рвались, лошади падали, транспортъ растягивался на большое пространство, образовались перерывы протяженіемъ въ версту и болѣе. Подтянуться обозъ не имѣлъ возможности, такъ какъ остановокъ санитарный транспортъ не имѣлъ. Вслѣдствіе поломки повозокъ и падежа лошадей приходилось перегружать раненыхъ, что еще болѣе затягивало и разбивало транспортъ. Повозки съ ранеными приходили въ Калужскую въ самое разнообразное время. Квартирьеры отъ частей истребованы не были и отъ госпиталя были посланы по собственной иниціативѣ. Квартирьеру отведены были квартиры по Пензенской улицѣ, которыя оказались занятыми частями отряда Покровскаго, вслѣдствіе чего пришлось размѣстить больныхъ въ самыхъ разнообразныхъ районахъ протяженіемъ не менѣе 10 верстъ. Такое размѣщеніе больныхъ ставитъ въ совершенно невыносимыя условія какъ администрацію такъ медицинскій персоналъ госпиталя. Оказать медицинское пособіе больнымъ, дать уходъ, раздать пищу—совершенно невозможно. Больные размѣщены мѣстами по 2-4 въ домѣ. Многіе дома безъ сестеръ милосердія, санитаровъ и фельдшеровъ. Развезти въ кухняхъ пищу невозможно въ виду состоянія дорогъ. При настоящемъ состояніи обоза и лошадей поднять наличное количество больныхъ нельзя, необходимо сформировать новый обозъ въ слѣдующихъ остановкахъ, какъ можно полнѣе концентрировать больныхъ, чтобы дать возможность накормить ихъ и дать имъ, хотя бы болѣе или менѣе сносный медицинскій уходъ, видѣть въ лицо и выслушать жалобы всѣхъ больныхъ."

ПОПРАВКА.

Къ стр. 52. Въ бою подъ Усть-Лабой развѣдчики въ числѣ 5 чел. разныхъ частей (связь отъ частей въ штабѣ арміи) произвели только развѣдку и, будучи обстрѣляны, вызвали пѣхоту. Мостъ былъ взятъ полуротой Корниловскаго полка. Вскорѣ же пришелъ батальонъ Корниловскаго полка во главѣ съ командиромъ и штабомъ полка.

Къ стр. 10. Прошу исправить неправильную фразу: „А. М. Калединъ... застрѣлился, когда войсковое правительство подало въ отставку." 29 января А. М. Калединъ сложилъ, себя полномочія и предложилъ сдѣлать тоже и войсковому правительству, что оно и исполнило. Выйдя изъ зала засѣданія, Калединъ застрѣлился.

ПОХОДЪ КОРНИЛОВА.

Первый Кубанскій походъ Добровольческой Арміи.

ПУТЬ АРМІИ и ЕЯ БОИ.

(Ростовъ—9 Февраля, Мечетинская—26 Апрѣля).

Числа мѣсяцевъ показаны для движенія „главныхъ силъ“ арміи: ея штаба, обоза и лазарета. Авангардныя и арьергардныя части выступали и занимали новыя позиціи нерѣдко днемъ раньше или позже.

9 Февраля—Отходъ изъ Ростова—около 7 ч. вечера.

„ — Аксай—Ольгинская.

„ — Хомутовская.

„ — Утромъ при выходѣ—бой.—Кагальницкая.

„ — Мечетинская.

„ — Егорлыкская.

„ — ЛЕЖАНКА (бой).

„ — Плоская.

„ — Незамаевская.

„ — Веселая. Около 10 ч. вечера выступленіе въ Ново-Леушковскую.

„ — Переходъ черезъ ж. дорогу утромъ—обстрѣлъ.—Старо-Леушковская.

„ — Ирклiевская.

1 Марта— Березанская (бой).

„ — Журавскій хуторъ.—Выселки-первые (бой).

„ — Выселки-вторые (бой).

„ — КОРЕНОВСКАЯ (бой).

„ — Въ ночь на 6-ое выступленіе на Усть Лабинскую.

„ —УСТЬ-ЛАБИНСКАЯ (бой). Въ ночь на 7-ое — переходъ черезъ Кубань.

„ — Рано утромъ — Некрасевская (бой).

8 Марта— Утромъ—переходъ черезъ р. Лабу. — Плавни.—Горящіе хутора.—Хут. Киселевскій (бой).

„ — Филипповская (бой).

„ — Рязанская.—Хабукай (бой).

„ — Несшукай.—Понежукай.

„ — Гатлукай. Вочепшій. Шенджи.

„ — СОЕДИНЕНІЕ СЪ КУБАНСКОЙ АРМІЕЙ въ Шенджи.

„ — „ЛЕДЯНОЙ ПОХОДЪ“. Обозъ — въ Калужскую, боевыя части—въ Ново-Дмитріевскую (бой).

„ — Наступленіе большевиковъ на Ново-Дмитріевскую (бой).

„ — Подъ Ново-Дмитріевской (бой).

„ — Въ ночь на 23-е Григорьевская и Смолепская (бой).

„ — Георгіе-Афипская (бой).

„ — Пенахесъ.

„ — ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ КУБАНЬ. — Елизаветинская (бой).

27, 28, 29, 30, 31 Марта—ОСАДА ЕКАТЕРИНОДАРА (бой).

31 Марта— **СМЕРТЬ КОРНИЛОВА.**

1 Апрѣля — Андреевская (бой).—Воронцовская. — Къ ночи—нѣм. колонія Гначбау.

2 „ — Гначбау (бой). ПОХОРОНЫ КОРНИЛОВА.

3 „ — Утромъ въ Медвѣдовской—захватъ броневого поѣзда (бой). Днемъ— Дядьковская.

5 „ — Журавскій хуторъ — къ вечеру. Ночью — переходъ черезъ ж. д. линію. Утромъ 6-го Бейсугская, днемъ— Владимировскіе хутора (бой), ночью—переходъ черезъ ж. д. линію на Бекешевскомъ переѣздѣ и захватъ товарнаго поѣзда. Утромъ 7-го--Хоперскій хуторъ. Вечеромъ—въ Ильинскую 8-го утромъ—Ильинская. Переходъ въ 70 часовъ.

9, 10, 11 Апрѣля—Ильинская—обстрѣлъ рѣлъ и бои.

12, 13, 14, 15 Апрѣля—Успенская (обстрѣлъ и бои: Расшеватская, Новолокинскій хут. и др.), утромъ 15-го—на Плоскую.

16 Апрѣля — Въ ночь переходъ через ж. д. линію между Малороссійской и Мир[ской],--Горькобалковская (бой). Вечеромъ-Плоская

18, 19, 20, 21 Апрѣля—Лежанка (обстрѣл[ы] бои: Лопанка — 19-го Егорлыкская—20).

22 Апрѣля — Страстная суббота—въ пу[ти], Егорлыкская [н]очи.

23 „ — Егорлыкская (бой), Гуляй-Борисовка (бой).

25 „ — Мечетинская, Незамаевская, Екатериновская (бои).

26 „ — ШТАБЪ ВЪ МЕЧЕТИНСКОЙ. Лазаретъ—въ Манычскую. Веселая, Екатериновская (бои).

27 „ — Сосыка, Крыловская и Ново-Михайловская (бои).

28 „ — Крыловская и Ново-Михайловская (бои).

29 „ — Екатериновская, Ново-Ле[ушковская], Гуляй-Борисовка.

30 „ — Егорлыкская, Гуляй-Борисовка, Мечетинская.

1—2 Мая — Разъѣздъ Прощальный (бой).

ПРИХОДСКАЯ БИБЛІОТЕКА Русской Православной Церкви Воскресенія Христова въ МАРСЕЛЬ Bibliothèque Russe - MARSEILLE

Ростовъ н-Д., Типо-Литографія А. И. Теръ-Абраміанъ.

КАРТА ПОХОДА ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМІИ.